А. А. ИСАЕВЪ.

Графъ Л. Н. Толстой, какъ мыслитель.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Книжный Магазинъ А. Ф. Цинзерлинга,
бывшій Мелье и К°.
20, Невскій проспектъ, 20.
1911.

ТИПО-ЛИТОГРАФІЯ
ШРЕДЕРА
С.ПЕТЕРБУРГЪ
Гороховая

За много лѣтъ, въ моемъ дневникѣ накопилось не мало замѣтокъ о Толстомъ. Я извлекъ ихъ изъ разнообразныхъ матеріаловъ, среди которыхъ онѣ были разсѣяны, развилъ отрывочныя мысли, привелъ въ систему, дополнилъ разборомъ нѣкоторыхъ новѣйшихъ публицистическихъ произведеній знаменитаго романиста и рѣшилъ представить на судъ читателей.

Все это составляетъ *второй отдѣлъ* и *заключеніе* моего труда. Критикѣ предпослано ученіе Толстого, дабы, при чтеніи этой книги, не оказывалось надобности обращаться къ его сочиненіямъ.

Главамъ обоихъ отдѣловъ даны одни и тѣ же наименованія: каждой главѣ перваго отдѣла, содержащей воззрѣнія Толстого, соотвѣтствуетъ, подъ тѣмъ же нумеромъ, глава второго отдѣла съ оцѣнкой этихъ воззрѣній.

А. Исаевъ.

Берлинъ,
августъ 1910.

Оглавленіе.

	Стран.
Отдѣлъ первый. Ученіе Толстого	1—78
I. О христіанствѣ и церкви	1—8
II. О ничтожествѣ личнаго блага.	8—10
III. О рабствѣ, деньгахъ, раздѣленіи труда и о жестокости во взаимныхъ отношеніяхъ людей	10—19
IV. О вредномъ вліяніи науки и искусства	19—26
V. О вредномъ вліяніи науки и искусства (Продолженіе) .	27—30
VI. О недостижимости счастья при условіяхъ современной жизни	30—31
VII. О безплодности мѣропріятій, которыми надѣются улучшить общественный строй	31—36
VIII. Объ опасностяхъ, которыми угрожаетъ Россіи усвоеніе началъ западноевропейской государственности. . . .	36—38
IX. О необходимости коренного измѣненія нашей личной жизни	39—42
X. О всеобщемъ благоволеніи, какъ основѣ истинной жизни.	42—46
XI. О воздержаніи отъ мясной пищи, вина, табаку, объ отношеніяхъ между полами и ручномъ трудѣ	46—52
XII. О распредѣленіи времени между занятіями	52—57
XIII. О недѣланіи	57—59
XIV. О спокойномъ отношеніи къ смерти и страданіямъ, какъ наградѣ людямъ, ставшимъ на путь истинной жизни. .	59—64
XV. О томъ, какъ измѣнить общественный строй; объ уничтоженіи частной земельной собственности и упраздненіи войска	64—71
XVI. О превосходствѣ восточныхъ народовъ передъ западными.	71—73
XVII. О необоснованности мысли, что обширныя государства необходимы для блага людей.	74—75
XVIII. О томъ, какъ сложится жизнь нашихъ потомковъ . . .	75—78

Стран.

Отдѣлъ второй. Разборъ ученія Толстого . . . . . 79—225

I. О христіанствѣ и церкви . . . . . 79—86
II. О ничтожествѣ личнаго блага. . . . . 87—89
III. О рабствѣ, деньгахъ, раздѣленіи труда и о жестокости во взаимныхъ отношеніяхъ людей . . . . . 89—101
IV. О вредномъ вліяніи науки и искусства . . . . . 101—115
V. О вредномъ вліяніи науки и искусства (Продолженіе) . 115—125
VI. О недостижимости счастья при условіяхъ современной жизни . . . . . 125—130
VII. О безплодности мѣропріятій, которыми надѣются улучшить общественный строй . . . . . 130—137
VIII. Объ опасностяхъ, которыми угрожаетъ Россіи усвоеніе началъ западноевропейской государственности . . . . 138—142
IX. О необходимости коренного измѣненія нашей личной жизни . . . . . 142—147
X. О всеобщемъ благоволеніи, какъ основѣ личной жизни . 147—154
XI. О воздержаніи отъ мясной пищи, вина, табаку, объ отношеніяхъ между поламп и ручномъ трудѣ . . . . 154—166
XII. О распредѣленіи времени между занятіями . . . . . 166—180
XIII. О недѣланіи . . . . . 180—186
XIV. О спокойномъ отношеніи къ смерти и страданіямъ, какъ наградѣ людямъ, ставшимъ на путь истинной жизни. . 186—19?
XV. О томъ, какъ измѣнить общественный строй; объ уничтоженіи частной земельной собственности и упраздненіи войска . . . . . 199—208
XVI. О превосходствѣ восточныхъ народовъ передъ западными. 208—211
XVII. О необоснованности мысли, что обширныя государства необходимы для блага людей . . . . . 211—213
XVIII. О томъ, какъ сложится жизнь нашихъ потомковъ . . . 213—225

Заключеніе.

I. На чемъ покоится слава Толстого . . . . . 226—228
II. Противорѣчія у Толстого; его склонность къ эксцентричности; его нетерпимость. . . . . 228—233
III. Его отношеніе къ индивидуальности людей . . . . . 233—240
IV. Его альтруизмъ . . . . . 240—244

Примѣчанія . . . . . 245—249

Отдѣлъ первый.

Ученіе Толстого.

I.

Церковь оттолкнула отъ себя Толстого и странностью догматовъ и одобреніемъ казней, гоненій, войнъ и тѣмъ. что разныя исповѣданія отрицаютъ другъ друга. Особенно же была подорвана вѣра въ церковь ея равнодушіемъ къ сущности ученія Христа и пристрастіемъ къ тому, что отнюдь не можетъ быть признано важнымъ. Толстой не могъ примириться съ мыслью, что церковь легко оправдываетъ всякое зло, что завѣты Христа о смиреніи, неосужденіи, прощеніи обидъ, самоотверженіи и любви возвеличиваются церковью на словахъ, на дѣлѣ же одобряются поступки, несовмѣстимые съ этимъ ученіемъ.

Толстой читалъ и перечитывалъ Нагорную проповѣдь и всегда приходилъ въ восторгъ при чтеніи стиховъ о подставленіи щеки, объ отдачѣ рубахи, примиреніи со всѣми, о любви ко врагамъ. Эти завѣты долго представлялись ему требованіями страданій, противъ которыхъ возмущается человѣческая природа. Уяснивъ себѣ, что мысль о непротивленіи злому была центромъ ученія Христа, Толстой понялъ, что Христосъ вовсе не велитъ подставлять щеку и отдавать послѣдній кафтанъ, не требуетъ, чтобы человѣкъ страдалъ, а велитъ только не противиться злому; при этомъ, говоритъ Онъ, придется, быть можетъ, и страдать. Ученикомъ Христа не можетъ быть тотъ, кто тяготится нести всѣ послѣдствія, которыя вытекаютъ изъ исполненія заповѣди о непротивленіи злу.

Не противиться злому—значитъ не дѣлать насилія, т. е. поступка, противоположнаго любви. Если тебя обидятъ, то перенеси обиду и не твори насилія надъ ближнимъ. Завѣтъ о непротивленіи злому, когда считаютъ его не отдѣльнымъ изреченіемъ,

а закономъ, который долженъ быть исполненъ, связываетъ всѣ части ученія Христа въ одно цѣлое.

И въ прошломъ, и въ современной жизни мы видимъ исполненіе законовъ, прямо противоположныхъ; потакая только животнымъ наклонностямъ, они не могутъ быть одобрены совѣстью и разумомъ. «Я чувствовалъ, говоритъ Толстой, что, прими я законъ Христа,— я останусь одинъ и мнѣ можетъ быть плохо, мнѣ придется быть гонимымъ и плачущимъ, то самое, что сказалъ Христосъ. Прими я законъ человѣческій—меня всѣ одобрятъ, я буду спокоенъ, обезпеченъ и къ моимъ услугамъ всѣ изощренія ума, чтобы успокоить мою совѣсть. Я буду смѣяться и веселиться, то самое, что сказалъ Христосъ» [1]).

Ссылками на Евангеліе Толстой доказываетъ неправильность толкованія многихъ изреченій Христа. Мы не стараемся понять Его ученіе и хорошо знаемъ, почему не дѣлаемъ этого. Ученіе Христа отрицаетъ тѣ пустые идолы, которые мы, назвавъ ихъ церковью, государствомъ, культурой, наукой, искусствомъ, стараемся выгородить изъ ряда человѣческихъ заблужденій. Если мы, кстати и не кстати, ссылаемся на ученіе Христа, то прежде всего обязаны понять Его именно такъ, какъ понималъ самъ Учитель. А Христосъ видѣлъ въ своемъ ученіи не отдаленный идеалъ, исполненіе котораго невозможно, а дѣло, близкое людямъ, которое спасетъ человѣчество. Не слѣдуетъ считать такое ученіе мечтой: стоитъ только понять законъ Христа во всемъ его значеніи, со всѣми послѣдствіями, и станетъ ясно, что не ученіе Христа несвойственно человѣческой природѣ, а несвойственно природѣ людей ученіе о противленіи злу, которое служитъ источникомъ нашихъ несчастій.

Не гнѣваться, не разводиться съ женою, не клясться, не отвѣчать насиліемъ на зло и не дѣлать различія между соотечественниками и людьми другихъ народовъ—вотъ 5 заповѣдей, которыя Толстой находитъ въ ученіи Христа. Проникнувъ въ смыслъ этихъ завѣтовъ, Толстой спросилъ себя: что было бы, если бы христіанскій міръ принялъ эти заповѣди и не только читалъ ихъ въ своихъ молитвахъ для умилостивленія Бога, но и исполнялъ ихъ для счастья людей? «И я представилъ себѣ, говоритъ онъ, все христіанское общество, живущее и воспитывающее молодыя поколѣнія въ этихъ заповѣдяхъ. Я представилъ себѣ, что всѣмъ намъ и нашимъ дѣтямъ съ дѣтства словомъ и примѣромъ внушается не то, что внушается теперь, что человѣкъ долженъ со-

блюдать свое достоинство, отстаивать передъ другими свои права (чего нельзя иначе сдѣлать, какъ унижая и оскорбляя другихъ), а внушается то, что ни одинъ человѣкъ не имѣетъ никакихъ правъ и не можетъ быть ниже или выше другого; что ниже и позорнѣе всѣхъ только тотъ, который хочетъ стать выше другихъ, что нѣтъ болѣе уппзительнаго для человѣка состоянія, какъ состояніе гнѣва противъ другого человѣка... Вмѣсто всего устройства нашей жизни отъ витрины магазиновъ до театровъ, романовъ и женскихъ нарядовъ, вызывающихъ плотскую похоть, я представилъ себѣ, что всѣмъ намъ и нашимъ дѣтямъ внушается словомъ и дѣломъ, что увеселеніе себя похотливыми книгами, театрами и балами есть самое подлое увеселеніе, что всякое дѣйствіе, имѣющее цѣлью украшеніе тѣла или выставленіе его, есть самый низкій и отвратительный поступокъ. Вмѣсто устройства нашей жизни, при которомъ считается необходимымъ и хорошимъ, чтобы молодой человѣкъ распутничалъ до женитьбы, вмѣсто того, чтобы жизнь, разлучающую супруговъ, считать самой естественной, вмѣсто узаконенія сословія женщинъ, служащихъ разврату, вмѣсто допусканія и благословенія развода... я представилъ себѣ, что намъ дѣломъ и словомъ внушается, что одинокое безбрачное состояніе человѣка, созрѣвшаго для половыхъ сношеній и не отрекшагося отъ нихъ, есть уродство и позоръ, что покиданіе человѣкомъ той, съ которой онъ сошелся, неремѣна ея для другой... есть жестокій и безчеловѣчный поступокъ. Вмѣсто того, чтобы вся жизнь наша была установлена на насиліи, чтобы каждая радость наша добывалась и ограждалась насиліемъ; вмѣсто того, чтобы каждый изъ насъ былъ наказываемымъ или наказывающимъ съ дѣтства и до глубокой старости,—я представилъ себѣ, что всѣмъ намъ внушается словомъ и дѣломъ... что насиліе есть не только позорный поступокъ, но поступокъ, лишающій человѣка истиннаго счастья, что... высшее уваженіе заслуживаетъ не тотъ, кто отнимаетъ или удерживаетъ свое отъ другихъ, и кому служатъ другіе, а тотъ, кто больше отдаетъ свое и больше служитъ другимъ. Вмѣсто того, чтобы считать прекраснымъ и законнымъ то, чтобы всякій присягалъ... я представилъ себѣ, что всѣмъ внушается то, что разумная воля человѣка есть та высшая святыня, которую человѣкъ никому не можетъ отдать, и что обѣщаться съ клятвой кому-нибудь въ чемъ-нибудь есть отреченіе отъ своего разумнаго существа, есть поруганіе самой высшей святыни. Я представилъ себѣ, что вмѣсто тѣхъ народныхъ ненавистей, которыя подъ ви-

домъ любви къ отечеству внушаются намъ, вмѣсто тѣхъ восхваленій убійства—войнъ, которыя съ дѣтства представляются намъ, какъ самые доблестные поступки, я представилъ себѣ, что намъ внушается ужасъ и презрѣніе ко всѣмъ тѣмъ дѣятельностямъ—государственнымъ, дипломатическимъ, военнымъ, которыя служатъ раздѣленію людей, что намъ внушается то, что признаніе какихъ бы то ни было государствъ, особенныхъ законовъ, границъ, земель—есть признакъ самаго дикаго невѣжества, что воевать, т. е. убивать чужихъ, незнакомыхъ людей безъ всякаго повода, есть самое ужасное злодѣйство, до котораго можетъ дойти только заблудшій и развращенный человѣкъ, упавшій до степени животнаго. Я представилъ себѣ, что всѣ люди повѣрили въ это, и спросилъ себя: что бы тогда было?» [2]). «При исполненіи этихъ заповѣдей жизнь людей будетъ то, чего ищетъ и желаетъ всякое сердце человѣческое. Всѣ люди будутъ братья и всякій будетъ всегда въ мирѣ съ другими, наслаждаясь всѣми благами міра тотъ срокъ жизни, который удѣленъ ему Богомъ» [3]).

Человѣческой природѣ свойственно дѣлать то, что лучше. Если людямъ показано, что служитъ ихъ истинному благу, то почему же они не исполняютъ заповѣдей Христа?

Этому препятствуетъ всего болѣе такъ называемая догматическая христіанская вѣра. По ея ученію, Богъ сотворилъ человѣка блаженнымъ, безсмертнымъ и безгрѣшнымъ. Соблазненный въ раю, человѣкъ палъ и отъ него стали рождаться люди падшіе, грѣшные и смертные. Сынъ Божій былъ посланъ на землю, чтобы спасти людей отъ этого, несвойственнаго имъ, временнаго состоянія, снять съ нихъ проклятіе, наложенное за грѣхъ Адама, поднять ихъ до прежней высоты, снова даровать имъ безболѣзненность, безсмертіе, безгрѣшность и праздность. Увѣровавъ во Христа, человѣкъ опять сталъ такимъ, какимъ былъ въ раю. Церковь торжественно удостовѣряетъ, что, послѣ Христа, вѣрою въ него, человѣчество освобождается отъ грѣха. Человѣку уже не нужно разумомъ освѣщать жизнь и избирать то, что для него лучше. Ему нужно только вѣрить, что Христосъ искупилъ его. Слѣдуя этому ученію, люди должны вѣрить, что ихъ разумъ безсиленъ и что они безгрѣшны, т. е. не могутъ ошибаться. Вся любовь къ добру и истинѣ, которая заложена въ душѣ человѣка, всѣ его усилія освѣтить жизнь разумомъ являются только предосудительною гордостью.

Итакъ, ученіе Христа неисполнимо; земная жизнь есть зло: а

потому, говоритъ церковь, всего лучше презирать ее, жить, какъ живется, молиться и вѣрить въ жизнь будущую, блаженную и вѣчную.

По мѣрѣ изученія евангелій, смыслъ ученія Христа все болѣе выяснялся предъ Толстымъ. Ему казалось неизбѣжнымъ предпочесть одно изъ двухъ: или ученіе Христа, разумное, ясное, дающее спасеніе, или же прямо противоположное ученіе церкви. Онъ старался смягчить свое разногласіе съ церковью, но это не удалось ему. Когда работа надъ евангеліями была окончена, то отъ ученія церкви у него не осталось ничего. Онъ убѣдился, что церковное ученіе, хотя и называетъ себя христіанскимъ, есть та самая тьма, противъ которой боролся Христосъ и велѣлъ бороться своимъ ученикамъ. Нравственная сторона въ ученіи Христа оставлена церковью безъ вниманія; ученіе же метафизическое съ многочисленными обрядами, все болѣе отклоняясь отъ своего основного смысла, доходитъ до того, до чего дошло теперь: оно объясняетъ тайны жизни небесной, недоступныя человѣческому разуму, поддерживаетъ очень сложные обряды богослуженія, но не даетъ никакого религіознаго руководства для земной жизни. Со временъ Константина христіанская церковь не требовала никакихъ добрыхъ поступковъ отъ своихъ членовъ; она даже не заявляла требованій воздержанія отъ чего бы то ни было; она признала и освятила все, что было въ языческомъ мірѣ: и разводъ, и рабство, и суды, и войны, и казни. Уступивъ міру, церковь пошла за нимъ. Кончилось тѣмъ, что христіанскій міръ началъ жить хуже язычниковъ, а церковь стала не только оправдывать эту жизнь, но и утверждать, что въ этомъ и состоитъ ученіе Христа. Въ результатѣ случилось то, что всѣ живыя силы европейскаго міра отпали отъ церкви; онѣ построили свою жизнь независимо отъ церкви. Всѣ крупныя перемѣны въ общественномъ строѣ совершились внѣ ея вліянія. Помимо церкви были уничтожены рабство, религіозныя казни, свѣтская власть папъ. Государственныя учрежденія прямо таки забываютъ о существованіи церкви; является смѣшною самая мысль о томъ, чтобы церковь могла быть основой суда или собственности. «Жизнь не имѣетъ другого отношенія къ церкви, кромѣ презрѣнія, пока церковь не вмѣшивается въ дѣла жизни, и ничего, кромѣ ненависти, какъ только церковь пытается напомнить ей свои прежнія права». «У церкви ничего не осталось, кромѣ храмовъ, иконъ, парчи и словъ» [1]).

Въ старину церковь проводила разумное ученіе Христа въ жизнь міра; каждое явленіе міра питалось имъ и росло. Но церковь сдѣлала свое дѣло и отсохла. Задача состоитъ теперь въ томъ, чтобы сознательно принять тѣ истины христіанскаго ученія, которыя прежде безсознательно вливались въ человѣчество черезъ церковь. «Люди должны вновь поднять тотъ свѣтъ, которымъ они жили, но который скрытъ былъ отъ нихъ, и высоко поставить его передъ собой и людьми, и сознательно жить этимъ свѣтомъ... Не дѣлайте только того, что дѣлаетъ теперь весь нашъ европейскій міръ: жить, и не считать разумной свою жизнь, дѣлать и не считать разумными свои дѣла, не вѣрить въ свой разумъ, жить несогласно съ нимъ» [5]).

Итакъ, заключаетъ Толстой, Христосъ показалъ, что любовь людей между собой не есть цѣль, къ которой они должны стремиться, «но есть ихъ естественное состояніе, то, въ которомъ родятся дѣти, по словамъ Его, и то, въ которомъ живутъ всегда всѣ люди до тѣхъ поръ, пока состояніе это не нарушается обманомъ, заблужденіемъ, соблазнами» [6]).

Рѣшивъ, что необходимо исполнять заповѣди Христа, Толстой понялъ, что нельзя гордиться своимъ гнѣвомъ, разжигать его, а слѣдуетъ признавать виновнымъ одного себя и искать примиренія съ тѣми, кто вызвалъ гнѣвъ. Съ перемѣной міровоззрѣнія, говоритъ онъ, все то, что считалось прежде хорошимъ и высокимъ «почести, слава, образованіе, богатство, сложность и утонченность жизни, обстановки, пищи, одежды, внѣшнихъ пріемовъ— все это стало для меня дурнымъ и низкимъ; мужичество, неизвѣстность, бѣдность, грубость, простота обстановки, пищи, одежды, пріемовъ—все это стало для меня хорошимъ и высокимъ» [7]).

Толстой рѣшилъ, что всякое оставленіе мужчины или женщины, сошедшихся въ первый разъ, и есть тотъ самый разводъ, который Христосъ запрещаетъ людямъ: оставленные супругами, мужья и жены вносятъ развратъ въ міръ. Самое строгое единобрачіе составляетъ естественный законъ человѣчества. Нѣтъ основанія различать между соединеніемъ людей, которое называется бракомъ, и тѣми, которымъ не даютъ этого названія. «То, что прежде мнѣ казалось самымъ хорошимъ, говоритъ Толстой,— утонченная, изящная жизнь, страстная и поэтическая любовь, восхваляемая всѣми поэтами и художниками,—все это представилось мнѣ дурнымъ и отвратительнымъ. Наоборотъ, хорошимъ представилось мнѣ: трудовая, скудная, грубая жизнь, умѣряющая похоть;

высокимъ и важнымъ представилось мнѣ не столько человѣческое учрежденіе брака... сколько самое соединеніе мужчины и женщины, которое, разъ совершившись, не можетъ быть нарушено, безъ нарушенія воли Бога» [8]).

Понявъ, насколько соблазнъ клятвы губитъ благо людей, Толстой рѣшилъ, что слѣдуетъ держаться только простого утвержденія и отрицанія: да и нѣтъ; всякое же обѣщаніе сверхъ этого есть зло. «Все то, говоритъ онъ, что прежде казалось мнѣ хорошимъ и высокимъ — обязательство вѣрности правительству, подтверждаемое присягой, вымоганіе этой присяги отъ людей и всѣ поступки, противные совѣсти, совершаемые во имя этой присяги,— все это представилось теперь мнѣ и дурнымъ и низкимъ» [9]).

Усвоивъ заповѣдь Христа о непротивленіи злу, Толстой понялъ, сколько зла происходитъ оттого, что люди не только не отдаютъ своего труда другимъ, но сами лишаютъ себя работы и насиліемъ отбираютъ произведенія чужого труда. Новая вѣра измѣнила оцѣнку Толстого. «Все то, говоритъ онъ, что прежде казалось мнѣ хорошимъ и высокимъ — богатство, собственность всякаго рода, честь, сознаніе собственнаго достоинства, права — все это стало теперь дурно и низко; все же, что казалось мнѣ дурнымъ и низкимъ — работа на другихъ, бѣдность, униженіе, отреченіе отъ всякой собственности и всякихъ правъ—стало хорошо и высоко въ моихъ глазахъ» [10]).

Заповѣдь о нераздѣленіи между своими и чужими народами внушила Толстому убѣжденіе, что единство человѣка со всѣми народами не должно быть нарушаемо чертою границы и распоряженіями правительства о принадлежности человѣка къ тому или иному государству. И это заставило его измѣнить оцѣнку многихъ сторонъ жизни. «То, говоритъ онъ, что мнѣ представлялось хорошимъ и высокимъ — любовь къ отечеству, къ своему народу, къ своему государству, служеніе имъ въ ущербъ блага другихъ людей, военные подвиги людей—все это мнѣ показалось отвратительнымъ и жалкимъ. То, что мнѣ представлялось дурнымъ и позорнымъ: отреченіе отъ отечества, космополитизмъ—показалось мнѣ, напротивъ, хорошимъ и высокимъ» [11]).

«Непріятели и такъ называемые злодѣи и разбойники всѣ— люди, точно такіе же сыны человѣческіе, какъ я, говоритъ Толстой, такъ же любятъ добро и ненавидятъ зло, такъ же живутъ наканунѣ смерти и такъ же, какъ я, ищутъ спасеніе и найдутъ его только въ ученіи Христа» [12]).

Итакъ, христіанинъ долженъ смотрѣть на требованія правительства, какъ на требованія людей, которые не знаютъ истины. Онъ долженъ воздерживаться отъ заблужденія, въ которомъ находятся люди, готовые причинять ему зло. Если послѣдователь Христа подвергается насилію, заключенію въ темницу, казни, то получаетъ возможность свидѣтельствовать не только словами, но и дѣломъ. А въ этомъ и состоитъ самая важная сторона жизни христіанина.

II.

Все это служитъ Толстому основаніемъ для оцѣнки частной и общественной жизни.

Всѣ, за немногими изъятіями, ведутъ личную жизнь, заботясь почти исключительно объ интересахъ своихъ и близкихъ людей. Люди, какъ будто, считаютъ личную жизнь не погибельной, а чѣмъ-то хорошимъ. Но стоитъ подумать о смерти, и мы поймемъ, что личная жизнь каждаго человѣка, отдѣльно взятаго, не имѣетъ смысла; она является злою насмѣшкой надъ сердцемъ и разумомъ. Люди не видятъ, что ничто, нуль, на что бы ни былъ помноженъ, остается тѣмъ же нулемъ, равнымъ всякому другому. Они не видятъ, что существованіе животной личности каждаго бѣдственно въ одной и той же мѣрѣ. Ни одна жизнь, какъ плотское существованіе, не можетъ быть счастливѣе другой. «Имъ кажется, что существованія людей бываютъ болѣе или менѣе хорошія, счастливыя; существованіе бѣднаго работника или больного человѣка, говорятъ они, дурное, несчастливое; существованіе богача или здороваго человѣка хорошее, счастливое; и они всѣ силы разума своего напрягаютъ на то, чтобы избѣжать дурного, несчастливаго, бѣднаго и болѣзненнаго существованія и устроить себѣ хорошее, богатое и здоровое, счастливое. Вырабатываются поколѣніями пріемы устройства и поддержанія этихъ разныхъ, самыхъ счастливыхъ жизней, и программы этихъ воображаемыхъ лучшихъ, какъ они называютъ свое животное существованіе, жизней передаются по наслѣдству... И поддерживая другъ дру́га въ этомъ обманѣ, люди часто до того искренно убѣждаются въ томъ, что въ этомъ безумномъ толченіи воды, безсмысленность котораго очевидна для нихъ самихъ, и состоитъ жизнь,— такъ убѣждаются въ этомъ, что съ презрѣніемъ отворачиваются отъ призыва къ настоящей жизни, который они непереставая слышатъ» [13]).

Жизнь не имѣетъ смысла, ибо на каждомъ шагу человѣка подстерегаетъ смерть. «Смерть задавленныхъ башней, сгорѣвшихъ въ циркѣ ужасаетъ васъ, но, вѣдь, ваша смерть, столь же ужасная и столь же неизбѣжная, стоитъ также передъ вами. И вы напрасно стараетесь забыть ее. Когда она придетъ неожиданная, она будетъ еще ужаснѣе... Развѣ не безсмысленно трудиться надъ тѣмъ, что, сколько бы ты ни старался, никогда не будетъ закончено. Всегда смерть придетъ раньше, чѣмъ будетъ окончена башня твоего мірского счастья. И если ты впередъ знаешь, что, сколько ни борись со смертью, не ты, а она поборетъ тебя, такъ не лучше ли ужъ не бороться съ нею и не класть свою душу въ то, что погибаетъ навѣрно, а поискать такого дѣла, которое не разрушилось бы неизбѣжною смертью?.. Вы знаете очень хорошо, что жизнь ваша кончится смертью, а вы заботитесь о томъ, чтобы обезпечить свою жизнь имѣніемъ. Жизнь не можетъ обезпечиться имѣніемъ. Поймите, что это смѣшной обманъ, которымъ вы сами себя обманываете... Смерть, смерть, смерть каждую секунду ждетъ васъ. Жизнь ваша совершается въ виду смерти. Если вы трудитесь лично для себя въ будущемъ, то вы сами знаете, что въ будущемъ для васъ одно—смерть. И эта смерть разрушаетъ все то, для чего вы трудились. Стало быть, жизнь для себя не можетъ имѣть никакого смысла. Если есть жизнь разумная, то она должна быть какая-нибудь другая, т. е. такая, цѣль которой не въ жизни для себя въ будущемъ. Чтобы жить разумно, надо жить такъ, чтобы смерть не могла разрушить жизни... Со дня рожденія положеніе человѣка таково, что его ждетъ неизбѣжная погибель, т. е. безсмысленная жизнь и безсмысленная смерть, если онъ не найдетъ этого, чего то одного, которое нужно для истинной жизни. Это то одно, дающее истинную жизнь, Христосъ открываетъ людямъ»[14]).

Блага личности быть не можетъ, хотя вначалѣ собственное благо представляется человѣку единственною цѣлью жизни. Если бы было въ жизни нѣчто, похожее на благо, то жизнь, въ которой одной возможно благо—жизнь личности, каждымъ движеніемъ, каждымъ дыханіемъ неудержимо влечется къ страданіямъ, къ злу, къ смерти, къ уничтоженію. И это такъ очевидно и такъ ясно, что всякій мыслящій человѣкъ, и молодой и старый, и образованный и необразованный, всякій видитъ это. Разсужденіе это такъ просто и естественно, что представляется всякому человѣку и съ древнѣйшихъ временъ было извѣстно человѣчеству. Какъ ни

осмысливай личную жизнь, она есть призракъ, если не основывается на отреченіи отъ себя для служенія человѣчеству; этотъ призракъ разлетается при первомъ прикосновеніи разума. Въ томъ, что моя личная жизнь погибаетъ, а жизнь всего міра, по волѣ Отца, не погибаетъ, и что только сліяніе съ нею даетъ мнѣ спасеніе—въ этомъ я не могу усумниться. Больше ли у меня будетъ непріятностей, раньше ли я умру, исполняя волю Христа, мнѣ не страшно. Это страшно тому, кто не видитъ, какъ безсмысленна и погибельна его одинокая жизнь. «Но я знаю, говоритъ Толстой, что жизнь моя для личнаго одинокаго счастья есть величайшая глупость, и что послѣ этой глупой жизни я непремѣнно только глупо умру»[15]).

Земная личная жизнь безсмысленна, а вѣрованіе въ будущую личную жизнь должно быть признано низменнымъ и грубымъ представленіемъ, которое основано на смѣшеніи сна со смертью. Оно свойственно дикарямъ; но еврейское ученіе, не говоря уже о христіанскомъ, неизмѣримо выше его. Одна мысль, что за добрыя дѣла я буду награжденъ блаженствомъ, а за дурныя—вѣчными муками, лишаетъ ученіе Христа его главной основы.

III.

Толстой старается показать въ своихъ многочисленныхъ сочиненіяхъ, какъ нелѣпъ весь нашъ бытъ, какъ ужасенъ гнетъ, который является удѣломъ большинства, и какъ безсмысленны и унизительны наслажденія, которыми тѣшитъ себя обезпеченное меньшинство.

Рабство нашего времени не только не уступаетъ рабству прошедшихъ вѣковъ, но, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, обрушивается на милліоны людей еще гораздо большею тяжестью. Толстой напоминаетъ о чудовищно долгомъ рабочемъ днѣ, объ увѣчьяхъ, которыя причиняютъ работникамъ машины, о краткой средней жизни неимущихъ классовъ сравнительно съ жизнью людей состоятельныхъ, о ядахъ, которыми заражаются работники въ зеркальныхъ, спичечныхъ, табачныхъ фабрикахъ. Общество равнодушно ко всѣмъ этимъ возмутительнымъ явленіямъ. «Узнавъ, напримѣръ, про 37 часовую работу грузчиковъ и про ихъ дурное помѣщеніе, мы тотчасъ же пошлемъ туда получающаго хорошее жалованье инспектора, запретимъ работу свыше 12 часовъ, предоставляя лишеннымъ одной трети заработка рабочимъ кормиться,

какъ они хотятъ, обяжемъ еще желѣзную дорогу устроить удобное и просторное помѣщеніе для рабочихъ и тогда уже съ совершенно спокойной совѣстью будемъ получать и отсылать товары по этой дорогѣ и получать жалованье, дивиденды, доходы съ домовъ, земли и т. п. Узнавъ же про то, что на шелковой фабрикѣ, живущія вдали отъ семьи, среди соблазновъ, женщины и дѣвушки губятъ себя и своихъ дѣтей, что большая половина прачекъ, гладящихъ наши крахмальныя рубашки, и наборщиковъ, печатающихъ развлекающія насъ книжки, газеты, заболѣваютъ чахоткою, мы только пожмемъ плечами и скажемъ, что очень жалѣемъ о томъ, что это такъ, но что сдѣлать противъ этого мы ничего не можемъ, и будемъ со спокойной совѣстью продолжать покупать шелковыя матеріи, носить крахмальныя рубашки и читать поутру газеты. Мы очень озабочены отдыхомъ купеческихъ приказчиковъ, еще больше переутомленіемъ нашихъ дѣтей въ гимназіяхъ, строго запрещаемъ ломовымъ извозчикамъ накладывать на своихъ лошадей тяжелые воза, даже устраиваемъ рѣзанье скотины на бойняхъ такъ, чтобы животныя страдали какъ можно меньше. Что же за удивительное затменіе находитъ на насъ, какъ только дѣло касается тѣхъ милліоновъ рабочихъ, которые со всѣхъ сторонъ медленно и часто мучительно убиваются на тѣхъ работахъ, которыми мы пользуемся для своихъ удобствъ и удовольствій»? [16]).

Что же выгнало рабочихъ изъ деревень? Было бы недомыслiемъ, говоритъ Толстой, отвѣчать на это, какъ дѣлаетъ наука,— что работники двинулись въ города, такъ какъ не владѣютъ орудіями производства. Орудія производства тѣхъ рабочихъ, которые живутъ на желѣзной дорогѣ, не захвачены капиталистами: у этихъ людей есть и земля, и лошади, и сохи, и все, что нужно для обработки земли. У женщинъ, которыя работаютъ на фабрикахъ, вовсе не отняты орудія производства: напротивъ, онѣ, большею частью, уходятъ противъ желанія старшихъ членовъ семьи изъ домовъ, гдѣ нужна ихъ работа, гдѣ у нихъ есть орудія труда. Таково положеніе милліоновъ рабочихъ въ Россіи и другихъ государствахъ. Нельзя считать захватъ орудій производства капиталистами причиною бѣдственнаго положенія большинства. Бѣдственность заключается не въ большемъ или меньшемъ числѣ часовъ работы, не въ низкой платѣ, не въ томъ, что желѣзная дорога или фабрика принадлежитъ не имъ: ихъ положеніе тягостно потому, что они принуждены работать въ условіяхъ город-

ской казарменной жизни, которая неестественна, полна соблазновъ, вредна, а часто и пагубна. Работа тяжела тѣмъ болѣе, что она—чужая и подневольная.

Три рода узаконеній—о землѣ, податяхъ и собственности—поддерживаютъ рабство нашего времени: есть узаконеніе о томъ, что всякое количество земли можетъ быть предметомъ частной собственности; есть законъ, что всякій долженъ безпрекословно платить подати, которыхъ требуютъ отъ него; есть, наконецъ, и третій законъ,—что всякое количество предметовъ, пріобрѣтенныхъ какимъ бы то ни было способомъ, составляетъ неотъемлемую собственность людей, которые владѣютъ ими. Эти узаконенія породили рабство и поддерживаютъ его.

Право частной собственности на землю было установлено не для того, чтобы поощрять земледѣльцевъ. Завоеватели захватывали землю и раздавали тѣмъ, кто служилъ имъ. Подати, въ противность утвержденію науки, не затрачиваются для блага всѣхъ: $^{49}/_{50}$ налоговъ въ Россіи употребляются на дѣла, ненужныя народу и даже вредныя; таковы расходы на вооруженіе войска, стратегическія дороги, крѣпости, тюрьмы, на жалованье военнымъ и гражданскимъ чиновникамъ, которые поддерживаютъ возможность отбирать деньги у народа. Право собственности позволяетъ человѣку присвоивать произведенія чужого труда. Такъ, владѣніе фабрикой, пріобрѣтенной рядомъ обмановъ надъ работниками, признается священнымъ правомъ собственности; считаютъ фабрику произведеніемъ труда ея владѣльца; считаютъ собственностью фабриканта самую жизнь работниковъ, которые гибнутъ на этой фабрикѣ, если только онъ, пользуясь ихъ нуждою, связалъ ихъ, такъ называемыми, законными способами.

Въ разсужденіяхъ о деньгахъ Толстой говоритъ еще болѣе подробно о рабствѣ нашего времени. Ему не нравятся опредѣленія денегъ, которыя уже давно упрочились въ наукѣ; онъ считаетъ несущественными тѣ функціи, которыя исполняютъ деньги, согласно съ общепринятыми взглядами. По его мнѣнію, деньги служатъ главнымъ средствомъ для порабощенія большинства меньшинствомъ [17]).

Простымъ людямъ кажется несомнѣннымъ, что порабощеніе людей, у которыхъ нѣтъ земли и капитала, происходитъ отъ денегъ, а наука отрицаетъ это и считаетъ деньги только средствомъ обмѣна. Деньги являются безобиднымъ средствомъ обмѣна, но только не тогда, когда пушки готовы разстрѣливать жителей.

Какъ скоро деньги взимаются насильно, то всегда и вездѣ повторяется одно и то же: люди, имѣющіе власть творить насиліе надъ другими, требуютъ такого количества денегъ, что насилуемые вынуждены стать рабами насильниковъ. Деньги, говорятъ намъ, нужны людямъ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Почему же тамъ, гдѣ нѣтъ насильственнаго требованія податей, никогда не было и не могло быть денегъ въ ихъ нынѣшнемъ значеніи? Почему у народовъ, которые не платятъ налоговъ, совершается прямой обмѣнъ однихъ предметовъ на другіе или же употребляются случайные знаки цѣнностей—бараны, мѣха, шкуры, раковины? Деньги получаютъ ходъ между людьми только тогда, когда ихъ насильно требуютъ со всѣхъ. Утверждать, что деньги не производятъ порабощенія, такъ же вѣрно, какъ было бы вѣрно положеніе, что крѣпостное право не создаетъ рабства. «Если бы эта воображаемая наука—политическая экономія—не занималась... апологіей насилія, она не могла бы не видѣть того страннаго явленія, что распредѣленіе богатствъ и лишеніе однихъ людей земли и капитала, и порабощеніе однихъ людей другими—все это въ зависимости отъ денегъ, и что только посредствомъ денегъ теперь одни люди пользуются трудомъ другихъ, т. е. порабощаютъ другихъ» [18]).

Во всѣхъ человѣческихъ обществахъ, гдѣ были деньги, сильный и вооруженный угнеталъ слабаго и безоружнаго; тамъ, гдѣ было насиліе, деньги, какого бы то ни было рода—скотъ, мѣха, шкуры, металлы—неизбѣжно должны были получить значеніе предметовъ, которыми откупаются отъ насилія. Въ обществѣ, которое подверглось насилію, деньги становятся главнымъ средствомъ производить насиліе: онѣ сохраняютъ для насилуемыхъ характеръ орудій обмѣна лишь настолько, какъ то выгодно для насильника. Въ такомъ обществѣ значеніе денегъ, какъ мѣрила цѣнностей, тотчасъ же подчиняется произволу насильника. Деньги нужны насильнику не для обмѣна и не для установленія мѣры цѣнностей, а только для того, чтобы съ большимъ удобствомъ производить насиліе: деньгами всего легче держать въ порабощеніи наибольшее число людей.

Насильникъ находитъ наиболѣе удобнымъ предъявлять въ деньгахъ всѣ свои требованія на чужой трудъ. Для того же, у кого отбираютъ произведенія труда, деньги не могутъ быть нужны: онѣ не нужны для обмѣна, ибо такой человѣкъ обмѣняется съ другими и безъ денегъ, какъ обмѣнивались всѣ народы, неимѣв-

шіе правительства; онѣ не нужны и для опредѣленія мѣры цѣнностей, такъ какъ это опредѣленіе дѣлается помимо воли насилуемаго; онѣ не нужны для сбереженія, ибо тотъ, у кого отбираютъ произведенія его труда, не можетъ сберегать; наконецъ, онѣ не нужны и для платежей, такъ какъ можно производить платежи товарами.

Въ основѣ порабощенія, говоритъ Толстой, всегда лежитъ то, что одни люди угрожаютъ другимъ лишеніемъ жизни. Древнѣйшій способъ состоялъ въ томъ, что вооруженные люди приказывали безоружнымъ работать на себя. Сущность второго способа сводится къ тому, что сильный отбираетъ у населенія запасы и, охраняя ихъ мечемъ, заставляетъ слабыхъ поступать на работу за кормъ. Этотъ способъ очень выгоденъ; пользуясь имъ, насильникъ уже не имѣетъ надобности силою принуждать людей исполнять свою волю: толпы рабочихъ продаются ему, и отъ насилія ускользаютъ лишь немногіе. Второй способъ выгоденъ для насилуемыхъ тѣмъ, что они не подвергаются самымъ тяжкимъ формамъ принужденія; при счастливомъ сочетаніи условій, насилуемые могутъ перейдти въ ряды насильниковъ. Существо третьяго способа выражается въ установленіи дани. Сильный говоритъ слабымъ: я могу сдѣлать съ каждымъ изъ васъ отдѣльно все, что хочу, могу убить, отнять землю, отобрать скотъ, жилище, одежду. Но мнѣ это неудобно и непріятно, и я предоставляю вамъ распоряжаться вашею работой и произведеніями труда такъ, какъ хотите; только припасите мнѣ столько то денежныхъ знаковъ. Я распредѣляю ихъ по головамъ или по участкамъ земли, на которыхъ вы сидите. При этомъ способѣ можно легко отобрать большее количество труда, нежели при первыхъ двухъ.

Всѣ эти способы порабощенія существуютъ и до сихъ поръ. Мы склонны думать, что первая форма, т. е. обращеніе въ личное рабство, уже миновала. Не слѣдуетъ, однако, забывать о постоянномъ войскѣ: милліоны солдатъ могутъ быть приравнены рабамъ; эти люди принуждены исполнять волю начальства подъ угрозой истязанія и смерти. Разница лишь въ томъ, что называютъ подчиненіе этихъ людей не рабствомъ, а дисциплиной, и къ тому же рабы были таковыми всю жизнь, а солдаты остаются рабами временно, въ теченіе такъ называем й службы. Существуетъ и второй способъ порабощенія: онъ принимаетъ форму отнятія земли; вслѣдствіе этого въ каждой странѣ милліоны людей становятся безземельными. Порабощеніе податью (третій спо-

собъ) достигло пышнаго расцвѣта. Люди, замѣчаетъ Толстой, не даютъ себѣ яснаго отчета относительно тѣхъ именно способовъ порабощенія, которые господствуютъ въ данное время. Величайшіе умы древности проходили мимо личнаго рабства, на которомъ держался весь хозяйственный строй; до послѣдняго времени не понимали, что изъ земельной собственности вытекаетъ рабство, а теперь никто не хочетъ видѣть, что порабощеніе держится на податяхъ.

Рабство съ тремя основными пріемами личнаго насилія—солдатчиной, данью за землю и податями, которыми облагается населеніе—существуетъ такъ же, какъ и прежде. Солдатчина поддерживаетъ второй и третій способы порабощенія. А податное—главное—насиліе нашего времени получило удивительное оправданіе: лишаютъ людей ихъ имущества, свободы и блага, будто бы, во имя доставленія имъ блага.

Пока есть насиліе, возведенное въ законъ, до тѣхъ поръ есть и рабство. Нѣтъ существенной разницы между формами, которыя принимаетъ насиліе. Наѣзжаютъ ли князья съ дружинами, избиваютъ жителей и выжигаютъ селенія, взимаютъ ли рабовладѣльцы за землю работу или деньги съ рабовъ и, въ случаѣ неуплаты, призываютъ вооруженную силу, облагаютъ ли одни люди другихъ данями и съ оружіемъ разъѣзжаютъ по селамъ, собираетъ ли министерство внутреннихъ дѣлъ деньги черезъ губернаторовъ и становыхъ и, при отказѣ платить, высылаетъ военныя команды—пока будетъ насиліе, поддерживаемое штыками, богатство не будетъ равномѣрно распредѣляться между людьми, а все будетъ уходить къ насильникамъ.

Деньги, настойчиво утверждаетъ Толстой, не могутъ представлять трудъ до тѣхъ поръ, пока есть рабовладѣльцы и рабы. Такъ, бабы изготовили полотна, сбыли его и получили деньги; крѣпостные наткали для барина, а баринъ продалъ полотно и выручилъ деньги. И тѣ, и другія деньги одинаковы; но однѣ являются произведеніемъ труда, а другія—плодомъ насилія. Такое свойство денегъ побуждаетъ его считать ихъ негодными даже для благотворительности. «Я захотѣлъ, говоритъ онъ, помогать несчастнымъ только потому, что у меня были деньги; я раздѣлялъ общее суевѣріе о томъ, что деньги представители труда или, вообще, что то законное и хорошее. Но, начавъ давать эти деньги, я увидѣлъ, что даю собранные мною векселя на бѣдныхъ людей, дѣлаю то, что дѣлали многіе помѣщики, заставляя своихъ крѣпост-

ныхъ служить другимъ. Я увидѣлъ, что всякое употребленіе денегъ: покупка ли чего, передача ихъ задаромъ другому, есть подача ко взысканію векселя на бѣдныхъ или передача его другому для подачи ко взысканію на бѣдныхъ же. И потому мнѣ стала ясна та нелѣпость, которую я хотѣлъ дѣлать—помогать бѣднымъ посредствомъ взысканія съ бѣдныхъ. Я увидалъ, что деньги сами по себѣ не только не добро, но очевидное зло» [19]).

Толстой рѣзко нападаетъ и на раздѣленіе труда того типа, которое господствуетъ въ современномъ обществѣ [20]). Стоитъ только, говоритъ онъ, относиться къ человѣческому обществу, какъ предмету наблюденія, и можно утѣшать себя мыслью, что моя дѣятельность, какова бы она ни была, необходима въ организмѣ человѣчества. А послѣ такого признанія уже нѣтъ надобности задаваться вопросомъ, справедливъ ли порядокъ, при которомъ я пользуюсь трудами другихъ и дѣлаю только то, что мнѣ пріятно. Эта теорія привлекательна: она позволяетъ человѣку не прислушиваться къ голосу совѣсти, жить животною жизнью и чувствовать подъ собой твердую опору, одобряемую наукой. Приходится сказать, слѣдуя наукѣ, что люди не отвѣтственны за общественныя бѣдствія и что долженъ быть именно тотъ порядокъ, въ которомъ мы живемъ.

Намъ говорятъ, что, разъ есть ткачи, необходимо и раздѣленіе труда. Это было бы вѣрно, если бы населенія ткачей создавались сами собою; но, вѣдь, мы дѣлаемъ ихъ. Первоначально люди кормятся земледѣліемъ. Но, вотъ, одинъ изъ нихъ устроилъ кузнечный горнъ и починилъ свой плугъ. Его сосѣди просятъ починить плуги и за починку обѣщаютъ работу или деньги. Таково происхожденіе кузнеца. Другой хорошо выучилъ своихъ дѣтей; къ нему приводятъ дѣтей сосѣди, просятъ учить, и онъ становится учителемъ. Кузнецъ и учитель остаются при этихъ занятіяхъ только до тѣхъ поръ, пока ихъ просятъ. Если бы оказалось, что ихъ работа не нужна, то они немедленно бросили бы свое ремесло и снова взялись бы за земледѣліе. Такое раздѣленіе труда правильно. Но если кузнецы имѣютъ возможность принудить другихъ людей работать на себя и продолжаютъ дѣлать подковы, которыхъ не нужно, а учителя учатъ, когда некого учить, то является уже не раздѣленіе, а захватъ чужого труда. Люди дѣлаютъ то, на что другіе и не думаютъ заявлять притязаній, и требуютъ, чтобы ихъ кормили за это.

Раздѣленіе труда существовало всегда; но оно правильно

только тогда, когда спеціальная дѣятельность человѣка такъ нужна людямъ, что они, прося его послужить имъ, сами охотно предлагаютъ кормить его за то, что онъ будетъ для нихъ дѣлать. Если же человѣкъ съ дѣтства и до 30 лѣтъ можетъ прожить на счетъ другихъ и обѣщаетъ, когда выучится (Толстой имѣетъ въ виду тѣ виды занятій, для которыхъ нужна продолжительная подготовка), сдѣлать что-то очень полезное, о чемъ его никто не проситъ, то будетъ уже не раздѣленіе труда, а захватъ чужого труда.

Вотъ почему, говоритъ Толстой, личное рабство, извѣстное прошлому, менѣе тяжело, чѣмъ невозможность пользоваться землею. Хозяинъ личнаго раба можетъ быть жестокъ, но обыкновенно, въ виду своихъ выгодъ, не заставляетъ его работать черезъ силу, не мучитъ и не моритъ голодомъ. А человѣкъ, лишенный земли, всегда долженъ работать черезъ силу, мучиться, голодать, не можетъ быть свободенъ отъ произвола людей; вынужденный силою или хитростью бороться съ людьми, отнимать отъ нихъ то, что они пріобрѣли отъ земли и трудовъ другихъ людей, онъ не можетъ жить нравственной жизнью [21]).

Таковъ бытъ бѣдныхъ людей. Яркими красками рисуетъ Толстой изнѣженную, полную роскоши, безсодержательную жизнь состоятельныхъ классовъ. Негодною жизнью живутъ даже тѣ члены этихъ классовъ, которыхъ считаютъ добрыми, великодушными и хвалятъ за ихъ человѣчныя чувства [22]).

Все это побуждаетъ Толстого сдѣлать выводъ, что теперь обнаруживается особенная жестокость во взаимныхъ отношеніяхъ людей. Всѣ религіозныя ученія постепенно извращались. Въ нихъ было внесено много грубаго и нелѣпаго. Было замѣнено или даже скрыто то, что наиболѣе существенно въ каждой истинной религіи—признаніе равенства людей. Но никогда, ни въ какія времена религіознаго упадка это основное начало не забывалось до такой степени, какъ теперь. Ожесточенности способствуетъ не только полное отсутствіе религіи, но и утонченная сложность жизни: она скрываетъ отъ людей послѣдствія ихъ поступковъ. Аттила, Чингисханъ и ихъ дружинники были свирѣпы, но все же имъ были непріятны процессъ убиванія людей, вопли родныхъ и наличность труповъ. Жестокость умѣрялась тѣмъ, что непосредственно обнаруживались ея послѣдствія. Мы же убиваемъ людей чрезъ посредство многочисленныхъ звеньевъ; послѣдствія нашего жестокосердія тщательно скрываются отъ насъ; нѣтъ

силъ, которыя сдерживали бы его, а потому, непрерывно возрастая, оно дошло до предѣловъ, которыхъ еще никогда не достигало [23]).

Безъ сомнѣнія, въ 19 столѣтіи одержано больше побѣдъ надъ силами природы, чѣмъ въ предыдущіе вѣка; но нѣтъ сомнѣнія и въ томъ, что нельзя найдти въ прошломъ примѣра такой безнравственной жизни, какъ жизнь современнаго христіанскаго человѣчества. Матеріальные успѣхи людей покупаются такимъ пренебреженіемъ къ самымъ начальнымъ требованіямъ нравственности, какого не знало человѣчество даже во времена Нерона или Тамерлана.

Легко завоевать природу; легко настроить желѣзныхъ дорогъ, пароходовъ и музеевъ, если не жалѣть человѣческихъ жизней. Египетскіе цари величались своими пирамидами; но, вѣдь, милліоны жизней рабовъ были загублены при этихъ постройкахъ. И когда мы восхищаемся нашими дворцами, броненосцами, океанскими телеграфами, то забываемъ, чѣмъ платимъ за это. Было бы основаніе гордиться ими только въ томъ случаѣ, если бы это дѣлалось свободными людьми, а не рабами.

Христіанскіе народы хвастаются, что завоевали индѣйцевъ, индусовъ, африканцевъ. Это могло произойдти только отъ того, что въ духовномъ отношеніи первые несравненно ниже населенія покоренныхъ странъ. Не только у индусовъ и китайцевъ, но даже у зулусовъ есть обязательныя религіозныя правила, которыя предписываютъ одни поступки и запрещаютъ другіе. У христіанскихъ же народовъ нѣтъ такихъ правилъ. Римъ завоевалъ весь міръ только тогда, когда сталъ свободенъ отъ всякой религіи. Раздоры не прекращаются между христіанскими народами; но, въ сущности, всѣ они образуютъ одну разбойничью шайку: она занимается воровствомъ, грабежемъ, убійствомъ отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ массъ. Все это дѣлается не только безъ угрызенія совѣсти, но съ большимъ самодовольствомъ. Одни изъ христіанъ ни во что не вѣруютъ и величаются этимъ; другіе притворяются, будто вѣруютъ въ то, что они, изъ личныхъ выгодъ, подъ видомъ вѣры, внушаютъ народу; третьи же, т. е. огромное большинство, принимаютъ за вѣру внушеніе, подъ которымъ находятся, и рабски подчиняются всему, чего требуютъ внушители, властвующіе надъ ними и лишенные всякой вѣры. Язычники, соединенные между собою самымъ грубымъ религіознымъ ученіемъ, гораздо ближе къ истинѣ, чѣмъ мнимохристіанскіе народы нашего вре-

мени. Они гордятся своими усовершенствованіями, нужными для тѣлесной жизни, и праздными мудрованіями. Коснѣя въ невѣжествѣ и безнравственности, они увѣрены, что каждый шагъ впередъ по пути невѣжества и безнравственности поднимаетъ ихъ на все бо́льшую высоту просвѣщенія и прогресса.

IV.

Современная наука—вотъ главная виновница этихъ безотрадныхъ явленій. Она—наука ложная; она почти всегда безполезна, часто вредна. Истинная наука обнимаетъ только тѣ знанія, которыя научаютъ человѣка, какъ наилучшимъ образомъ прожить короткій срокъ, опредѣленный ему судьбой. Для этого ему нужно знать то, что въ разныя времена думали и высказывали самые мудрые люди. Можно найдти таковыхъ въ древности, и въ средніе вѣка, и въ новое время; они были въ мірѣ христіанскомъ, магометанскомъ и буддійскомъ. Эта наука касается разныхъ сторонъ жизни; она учитъ, какъ относиться къ людямъ, среди которыхъ живешь, какъ кормиться, какъ жениться, какъ воспитывать дѣтей, какъ учиться, какъ молиться. У людей, занятыхъ истинною наукой, всегда найдется очень много нужнаго дѣла. Она будетъ уяснять каждому, что ему дѣлать, дабы не было людей голодныхъ или лишенныхъ возможности пользоваться землей, на которой они родились, дабы не было женщинъ, которыя отдаютъ себя на поруганіе, не было соблазновъ пьянства, алкоголя, опіума, табаку. Великую задачу составитъ изысканіе тѣхъ средствъ, которыя устранили бы войны, религіозные обманы, казни.

И вотъ, вмѣсто такой науки, истинной, процвѣтаетъ ложная. Науки естественныя образуютъ первый отдѣлъ. Онѣ не заслуживаютъ названія «наукъ» по двумъ причинамъ. Во-первыхъ, онѣ не указываютъ людямъ, что дѣлать, дабы ихъ жизнь была хороша. Во-вторыхъ, за исключеніемъ математики, онѣ не удовлетворяютъ и требованій любознательности. Онѣ строятъ всѣ свои изслѣдованія на невѣрномъ положеніи, будто все, что представляется человѣку извѣстнымъ образомъ, существуетъ именно такъ, какъ представляется. Но невѣрно произвольное положеніе, что міръ дѣйствительно таковъ, какимъ познаютъ его внѣшнія чувства человѣка, одного изъ безчисленныхъ существъ. Это положеніе не вѣрно, ибо для всякаго существа, одареннаго другими внѣшними чувствами, напримѣръ, для рака или микроскопическаго насѣко-

маго, міръ будетъ совсѣмъ иной. Если даже допустить, что міръ таковъ, какъ является предъ человѣкомъ, и тогда его познаніе не можетъ удовлетворить требованія разумной любознательности. Всѣ явленія этого міра представляются человѣку не иначе, какъ въ безконечномъ времени и безпредѣльномъ пространствѣ; какъ причины, такъ и слѣдствія каждаго явленія теряются въ безконечномъ прошедшемъ и будущемъ, а потому и не могутъ быть постигнуты.

Эти науки вредны, ибо отвлекаютъ вниманіе отъ предметовъ, дѣйствительно важныхъ, къ предметамъ ничтожнымъ. Для людей, свободныхъ отъ необходимаго труда, изслѣдованія естественныхъ наукъ могутъ быть забавны; но, составляя только праздную игру ума, они не могутъ имѣть никакого значенія для серьезно мыслящаго человѣка.

Прикладныя науки образуютъ второй отдѣлъ. Онѣ потому не могутъ быть признаны науками, что приносятъ людямъ пользу въ однихъ случаяхъ и вредъ въ другихъ. Теперь, при капиталистическомъ строѣ, успѣхи прикладныхъ наукъ только увеличиваютъ власть богатыхъ надъ рабочими и усиливаютъ злодѣйство войнъ.

Знанія объ общественной жизни (исторія, соціологія, политическая экономія, правовѣдѣніе) не только не стараются служить благу людей, но стремятся къ противоположной цѣли. Изучая современный общественный порядокъ, онѣ приписываютъ его существованіе неизмѣннымъ законамъ, которые не зависятъ отъ воли людей, и считаютъ безполезными всѣ попытки измѣнить эти законы. Науки этого отдѣла служатъ интересамъ господствующихъ классовъ, которые всемѣрно заботятся о томъ, чтобы сохранить свое положеніе. Эти науки пользуются разными лжетолкованіями, обманами, мошенничествами, дабы удержать большинство людей въ рабствѣ у меньшинства. Эти лже-науки лишаютъ подвластныхъ возможности освободиться отъ порабощенія.

Особенно часто нападаетъ Толстой на политическую экономію [25]). Она открываетъ, такъ называемые, законы, которые лежатъ въ основѣ раздѣленія труда между людьми и пользованія его произведеніями. Всѣ признаютъ одно положеніе этой науки: отношенія между людьми обусловливаются не тѣмъ, что люди считаютъ хорошимъ и дурнымъ, а тѣмъ, что выгодно людямъ, которые находятся въ благопріятныхъ условіяхъ. Признается за истину, что если въ обществѣ развелось много воровъ и разбой-

никовъ, которые отнимаютъ у трудящихся произведенія ихъ работы, то причиной служитъ не наклонность разбойниковъ и воровъ къ дурнымъ поступкамъ, а непзмѣнные экономическіе законы; они могутъ измѣниться только путемъ медленной эволюціи. По ученію науки, воры или укрыватели могутъ и впредь спокойно пользоваться наворованнымъ или награбленнымъ. Такое ученіе и служитъ причиной затменія, въ которомъ находятся добрые люди нашего общества: они искренно желаютъ блага животнымъ и въ то же время спокойно поѣдаютъ жизни своихъ собратій. А милліоны людей изъ народа, которые ищутъ просвѣщенія, поддаются обману: они забиваютъ себѣ голову ненужными знаніями и теряютъ уваженіе къ самому важному—ученію о нравственной жизни, которое, хотя и въ извращенномъ видѣ, почерпали изъ религіозныхъ вѣрованій. Какъ только люди изъ народа вступаютъ на этотъ путь, съ ними дѣлается то, чего хотятъ господствующіе классы: они совсѣмъ утрачиваютъ понятіе объ истинной наукѣ и становятся покорными орудіями сильныхъ міра для поддержанія въ рабствѣ своихъ собратій.

Все это станетъ понятно, говоритъ Толстой, когда вдумаешься въ условія, при которыхъ возникали и развивались знанія, называемыя наукой. Если бы то, что признается наукой, было создано работой мысли всего человѣчества, то не могло бы быть вреда. Но разъ наука есть произведеніе людей, живущихъ праздной и развратной жизнью, то можетъ быть только ложной и вредной. Среди людей, связанныхъ общею жизнью, знанія будутъ иныя, нежели тѣ, которыя развились среди классовъ, живущихъ на счетъ труда другихъ. Нѣтъ основанія предполагать, чтобы люди, живущіе однородной, внѣкастовой жизнью, занялись вопросами о происхожденіи организмовъ, о величинѣ и составѣ звѣздъ, о радіи, о дѣятельности Александра Македонскаго, объ излеченіи болѣзней, происходящихъ отъ излишествъ. Эти люди занимались бы истинною наукой и никогда не имѣли бы досуга для того, чтобы удѣлять время граммофонамъ, аэропланамъ, подводнымъ лодкамъ и взрывчатымъ веществамъ.

Не менѣе отрицательно относится Толстой и къ современному искусству [26]). Наше утонченное искусство выросло только на угнетеніи народныхъ массъ. Если бы рабы капитала стали свободны, то произведенія искусства не доходили бы до ихъ нынѣшней утонченности, ибо не нашлось бы публики, способной цѣнить ихъ. Разнымъ видамъ искусства обучаются сотни тысячъ

людей: они тупѣютъ и утрачиваютъ воспріимчивость къ важнымъ явленіямъ жизни. Художники, дабы окружить себя роскошью, нуждаются въ огромномъ количествѣ подсобнаго труда. Господствующее искусство нравится высшимъ классамъ, но непонятно народу. Ему навязываютъ его со всѣхъ сторонъ и оно начинаетъ нравиться ему; но это доказываетъ, что народъ портится, что вкусъ его извращается. То, что доставляетъ наслажденіе высшимъ классамъ, непонятно простымъ людямъ или вызываетъ въ нихъ обратное чувство—недоумѣніе, презрѣніе, даже негодованіе: таковы чувства сословной чести, патріотизма, влюбленности. То, что составляетъ цвѣтъ нынѣшняго искусства въ концертахъ, картинныхъ галлереяхъ, книгахъ, не доставляетъ народу удовольствія, пока онъ работаетъ и не развратился. Искусство высшихъ классовъ никогда не можетъ сдѣлаться искусствомъ всего народа.

«Становясь все болѣе и болѣе исключительнымъ, искусство, говоритъ Толстой, становилось вмѣстѣ съ тѣмъ все болѣе и болѣе сложнымъ, вычурнымъ и неяснымъ» [27]). Толстой подкрѣпляетъ свою мысль выписками изъ произведеній Бодлэра, Верлэна, Малларме и ссылками на картины Мане, Моне и другихъ. Эти перемѣны въ искусствѣ объясняются тѣмъ, что общество считаетъ его не серьезнымъ дѣломъ, а забавой. При повтореніяхъ, всякая забава прискучиваетъ, а потому и стараются пріискивать все новыя формы. Люди, выросшіе въ первой половинѣ 19 вѣка, цѣнители Гёте, Гюго, Диккенса, Бетховена, Рафаеля, не понимаютъ прелести новаго искусства и нерѣдко считаютъ его произведенія безвкусными, даже безумными. Но эта точка зрѣнія неправильна: многіе люди, среди нихъ весь рабочій народъ, не понимаютъ образцовъ искусства, которыми мы восхищаемся—Гёте, Бетховена и другихъ. Если мы говоримъ, что рабочіе люди не понимаютъ ихъ, такъ какъ мало развиты, то, пожалуй, мы, образованные люди, мало развиты, дабы понимать новѣйшее искусство. Если же я говорю, что въ новѣйшемъ искусствѣ и понимать нечего, что оно дурно, то рабочій человѣкъ въ правѣ дѣлать такой же отзывъ о произведеніяхъ искусства, которыя я высоко цѣню. Нерѣдко утверждаютъ, что если произведеніе искусства непонятно и его нельзя разъяснить, то слѣдуетъ чаще смотрѣть на него или слушать, и оно станетъ понятно; словомъ, нужно пріучать людей къ такимъ произведеніямъ искусства. Несомнѣнно, можно пріучить людей и къ дурному искусству, какъ

пріучаютъ къ водкѣ, табаку, разврату. Великіе предметы искусства доступны и понятны всѣмъ; простымъ и неиспорченнымъ рабочимъ людямъ понятно истинно художественное произведеніе, но оно часто бываетъ непонятно людямъ много ученымъ, если они развращены и лишены религіи.

Толстой относится отрицательно къ художественной критикѣ и считаетъ ее однимъ изъ условій, способствующихъ производству поддѣльнаго искусства. Нельзя толковать произведенія художника. Если бы можно было словами растолковать то, что хотѣлъ сказать художникъ, то онъ и сказалъ бы словами. Художественные критики, толкуя словами произведенія искусства, доказываютъ только свою неспособность заражаться искусствомъ. Эти люди содѣйствуютъ своими писаніями извращенію вкуса публики, которая читаетъ ихъ и вѣритъ имъ.

Истинно только то произведеніе искусства, которое передаетъ чувства новыя, не испытанныя людьми. Такія чувства могутъ возникать лишь на основахъ религіознаго сознанія. Природа поставила предѣлъ наслажденіямъ человѣка; они избиты, и изъ нихъ не могутъ истекать новыя чувства. Содержаніе искусства стало еще бѣднѣе потому, что ограничивается передачей ничтожныхъ чувствъ, которыя переживаютъ люди властвующіе, богатые, не знакомые съ трудомъ для поддержанія жизни. Чувство рабочаго человѣка отличается гораздо большимъ богатствомъ. Мы находимъ въ жизни трудовыхъ людей безконечно разнообразныя формы: эти люди переживаютъ опасности на морѣ и подъ землей, въ путешествіяхъ; они испытываютъ многое въ общеніи съ хозяевами, начальниками, товарищами, съ людьми другихъ исповѣданій и народностей, въ своихъ отношеніяхъ къ домашнимъ животнымъ; работы въ лѣсахъ, степи, садахъ, огородахъ вызываютъ большое разнообразіе чувствъ. Людямъ же нашего времени и круга знакомы только три несложныхъ чувства: гордость, половая похоть и тоска жизни. Эти чувства составляютъ почти исключительное содержаніе искусства богатыхъ классовъ.

Отвергая всѣ опредѣленія искусства, которыя приводятъ его въ связь съ красотой, Толстой упрекаетъ эстетику за старанія подогнать теорію ко вкусамъ господствующихъ классовъ. Какъ бы ни были нелѣпы и безумны вкусы высшихъ классовъ, въ искусствѣ вырабатывается теорія, которая одобряетъ ихъ. Такимъ образомъ, теорія искусства, основанная на красотѣ, изложенная въ курсахъ эстетики и исповѣдуемая публикой, есть признаніе

хорошимъ того, что нравится людямъ извѣстнаго круга. Если признать цѣлью красоту или наслажденіе, которое получается отъ искусства, то опредѣленіе искусства становится невозможнымъ. Вопросъ переносится въ область, чуждую искусству—въ область разнообразныхъ разсужденій (метафизическихъ, физіологическихъ, психологическихъ, историческихъ) о томъ, почему данное произведеніе нравится однимъ и не нравится другимъ.

Человѣкъ передаетъ другимъ словами свои мысли, а искусствомъ—свои чувства. И то, и другое является средствомъ общенія между людьми. Воспринимая слухомъ или зрѣніемъ чувства, выраженныя другимъ, становишься способенъ испытать то, что испыталъ человѣкъ, который выразилъ ихъ. Искусство не есть наслажденіе; оно необходимо для жизни; оно должно содѣйствовать отдѣльнымъ лицамъ и человѣчеству въ ихъ движеніи ко благу. Вслѣдствіе способности заражаться чувствами другихъ, человѣкъ можетъ переживать и то, что испытываютъ современники, и то, что перечувствовали люди давно протекшихъ временъ.

Оцѣнка искусства зависитъ отъ пониманія смысла жизни; религіозное сознаніе служитъ высшимъ цѣнителемъ. Въ европейскомъ обществѣ было общее всѣмъ религіозное сознаніе до тѣхъ поръ, пока господствующіе классы не стали сомнѣваться въ истинности пониманія жизни, какъ оно выражено католицизмомъ. Они отпали отъ религіи и вернулись къ грубому пониманію искусства первобытныхъ грековъ. Понятіе о красотѣ было выдвинуто на первое мѣсто, сплошь и рядомъ она противоположна добру, такъ какъ добро, въ большинствѣ случаевъ, совпадаетъ съ побѣдой надъ пристрастіемъ, а красота является основаніемъ пристрастія.

Толстой раздѣляетъ искусство на хорошее и дурное. Первое можетъ быть разбито на два разряда. 1) То, которое выражаетъ чувства, вытекающія изъ религіознаго сознанія. Теперь срединнымъ пунктомъ этого сознанія служитъ убѣжденіе, что любовь должна соединять всѣхъ людей, какъ братьевъ. Истинно христіанское искусство и есть то, которое поддерживаетъ чувство единства между людьми. 2) Искусство, которое выражаетъ простыя житейскія чувства—бодрость, умиленіе, веселье, радость. Къ хорошему искусству нельзя относить то, что выражаетъ чувства, способныя разъединять людей. Толстой находитъ немного произведеній хорошаго словеснаго искусства. Онъ относитъ въ первый разрядъ (выраженіе любви къ Богу и ближнему) Отверженныхъ Гюго, Разбойниковъ Шиллера, Записки изъ Мертваго

Дома. Во второмъ отдѣлѣ имъ помѣщены нѣкоторыя произведенія Пушкина, Гоголя, Диккенса, Мопассана. Но и эти творенія Толстой упрекаетъ за то, что они изобилуютъ подробностями относительно времени, мѣста, разныхъ условій жизни, а подробности загромождаютъ главныя мысли. Таковы невыгодныя особенности этихъ произведеній въ отличіе отъ простыхъ, напримѣръ, отъ библейской исторіи Іосифа, которая понятна всѣмъ и внѣнаціональна.

Къ дурному искусству Толстой относитъ все, что вызываетъ исключительныя чувства и состоянія: прелесть жизни богатыхъ и праздныхъ людей, чувства сословной чести, тоски, пессимизма, развращенности. Символическія художественныя произведенія также дурны въ тѣхъ случаяхъ, когда значеніе символовъ понятно только тѣсному кругу. Но всего хуже искусство, которое изображаетъ сладострастіе. Слѣдуетъ отрицать и презирать его.

Отличеніе истинно художественнаго созданія отъ фальшиваго затрудняется тѣмъ, что внѣшнія достоинства работы часто бываютъ въ послѣднемъ лучше, нежели въ первомъ. Рабочій человѣкъ, если его вкусъ не извращенъ городской жизнью, легко выбираетъ изъ тысячи предметовъ именно тотъ, который нуженъ ему. Большинство же людей нашего общества не могутъ отличить произведеніе искусства отъ самыхъ грубыхъ поддѣлокъ. Большею частію, эти люди предпочитаютъ ложныя произведенія и проходятъ безъ вниманія мимо предметовъ истиннаго искусства.

Толстой отвергаетъ установившееся мнѣніе о правдѣ въ искусствѣ [28]). Правды нѣтъ, говоритъ онъ, когда описываешь то, что есть; правда только тамъ, гдѣ изображается то, что должно быть. Именно это и образуетъ правду Царствія Божія. Безчисленныя книги, въ которыхъ говорится о томъ, что было или могло быть, очень далеки отъ правды, если авторы не знаютъ, что хорошо, что дурно, и не указываютъ того единаго пути, который ведетъ къ Царствію Божію. Сказки, притчи, басни, легенды, описывающія то, чего никогда не бывало и не могло быть, являются правдой, ибо показываютъ, въ чемъ воля Божія всегда была, есть и будетъ.

Изображаютъ въ безчисленныхъ книгахъ, какъ человѣкъ живетъ для своихъ страстей, мучится, мучитъ другихъ, терпитъ нужду, выбивается изъ бѣдности и соединяется съ предметомъ своей любви, въ концѣ концовъ дѣлается богатъ и счастливъ. Такія книги, хотя бы въ нихъ не было ничего невѣроятнаго, являются

ложью, потому что человѣкъ, живущій для себя и своихъ страстей, не можетъ быть счастливъ. Сказки же, гдѣ описываются разныя чудеса, гдѣ звѣри разговариваютъ по-людски, ковры-самолеты переносятъ людей, будутъ правдой, поскольку въ нихъ есть правда Царствія Божія.

Преобладаніе дурного искусства оказываетъ пагубное вліяніе на общественную среду [23]). 1) Безплодно растрачиваются милліоны человѣческихъ жизней отъ ранняго дѣтства. Мы встрѣчаемъ на каждомъ шагу достойныхъ глубокаго сожалѣнія десятилѣтнихъ дѣтей, которыя занимаются акробатическими представленіями, или даютъ концерты, или учатъ исключенія по латинской грамматикѣ. Эти люди уродуются тѣлесно и развращаются духовно. Они становятся потѣшателями богатыхъ классовъ, теряютъ чувство личнаго достоинства и поставляютъ въ огромномъ количествѣ произведенія поддѣльнаго искусства. 2) Изготовленіе предметовъ искусства и забавы въ очень большомъ изобиліи позволяетъ богатымъ людямъ вести неестественный образъ жизни: они проводятъ время вдали отъ природы, и въ нихъ вымираютъ начала гуманности. Если бы у нихъ отнять то, что даетъ имъ, такъ называемое, искусство, то они погибли бы отъ сознанія безсмысленности и ненужности своей жизни. 3) Преобладаніе развращающаго искусства порождаетъ путаницу въ представленіи простыхъ людей и дѣтей относительно того, за что именно человѣкъ заслуживаетъ почитанія. Они понимаютъ, что слѣдуетъ уважать героевъ силы и завоевателей (ибо они могутъ заставить уважать себя), а также людей святой жизни, которые должны служить примѣромъ поведенія для всѣхъ. Но и простые люди и дѣти недоумѣваютъ, какъ могутъ быть предметами почитанія и получать высокое вознагражденіе писатели, музыканты, живописцы, тѣмъ болѣе, если они не отличаются добрыми нравственными качествами. 4) Люди высшихъ классовъ, все чаще находя въ дурномъ искусствѣ несоотвѣтствіе между добромъ и красотой, совсѣмъ отбрасываютъ нравственныя начала и строютъ свою жизнь на грубомъ эгоизмѣ: только искусство высшихъ классовъ выдвигаетъ идеалъ сверхчеловѣка. 5) Дурное искусство заражаетъ людей дурными страстями: суевѣріемъ ложнаго патріотизма, сладострастіемъ. Вредъ отъ дурного искусства такъ великъ, что слѣдуетъ присоединиться ко мнѣнію Платона: лучше не имѣть никакого искусства, чѣмъ искусство, способное развращать.

V.

Наука и искусство имѣютъ дурное вліяніе и потому, что нарушаютъ естественный характеръ раздѣленія труда.

Современная наука раздаетъ людямъ дипломы на праздность; она самовластно опредѣляетъ, что слѣдуетъ признавать органической дѣятельностью человѣка въ общественномъ строѣ. Но каждый, справившись со своимъ разумомъ и совѣстью, можетъ вѣрнѣе рѣшить вопросъ, что ему дѣлать. Люди до сихъ поръ боролись со зломъ и, послѣ огромныхъ усилій, освободили себя отъ вліянія многихъ обмановъ. А теперь на нашемъ пути стоитъ новый, злѣйшій обманъ—обманъ научный [30]).

Наука и искусство выговорили себѣ право на праздность и пользованіе чужими трудами. Они выставили ложный принципъ раздѣленія труда и сдѣлали своею цѣлью не пользу народа, а таинственную пользу науки и искусства. Мы такъ привыкли къ выхоленнымъ представителямъ умственнаго труда, что считаемъ ненормальнымъ видѣть ученаго или художника за пахотой или другими сельскохозяйственными работами: намъ кажется, что при этомъ погибнетъ вся его мудрость. Но мы не находимъ страннымъ, что ученые и художники принимаютъ участіе въ разныхъ ничтожныхъ развлеченіяхъ.

Приписываютъ раздѣленію труда необычайные успѣхи науки. Пусть такъ; но эти успѣхи не улучшили, а скорѣе ухудшили положеніе большинства людей. Вмѣсто ходьбы, рабочій можетъ проѣхаться по желѣзной дорогѣ; но желѣзная дорога сожгла его лѣсъ и увезла хлѣбъ изъ его ближайшаго сосѣдства. Машины позволяютъ ему купить непрочнаго ситца по дешевой цѣнѣ; зато двигатели, машины, желѣзныя дороги сдѣлали его рабомъ капиталиста и фабриканта. Есть телефоны, телескопы, романы, оперы, картинныя галлереи; но все это недоступно рабочему и не? улучшило его положенія.

Можно было бы считать ученыхъ и художниковъ полезными для народа, если бы они служили ему такъ, какъ служатъ правительствамъ и капиталистамъ. Но, вѣдь, этого нѣтъ. Ученые производятъ изслѣдованія о протоплазмахъ, изучаютъ звѣзды; но наука не занималась вопросомъ о томъ, какимъ тономъ выгоднѣе рубить, какая пила самая спорая, какъ лучше мѣсить хлѣбъ, какъ топить и строить печи. Наука выдумала телеграфы

и телефоны, пересчитала милліоны букашекъ, но, со временъ библейскихъ, новыя животныя не приручены: лось, олень, куропатка остаются дикими. Прялка, бабій ткацкій станокъ, соха, грабли, цѣпъ не измѣнились отъ временъ Рюрика. Такой же оцѣнки заслуживаетъ и искусство. Собраны картинныя галлереи; до тонкости изучены разныя школы искусства; составлено множество симфоній и оперъ; но не прибавлено ничего къ народнымъ былинамъ, сказкамъ, пѣснямъ, къ народной музыкѣ. Въ Москвѣ создаютъ картины и книги для народа, въ Тулѣ—гармоники, но мы, люди искусства, не принимали въ этомъ участія.

Техникъ, врачъ, учитель, художникъ, сочинитель должны бы служить народу, а приносятъ ему только вредъ. Технику и механику нужно работать съ капиталомъ; они привыкли проживать больше денегъ, чѣмъ можетъ дать имъ народъ въ вознагражденіе за ихъ трудъ. Они умѣютъ вычислить, при помощи высшей математики, дугу моста, силу и передачу двигателя, но становятся втупикъ предъ простыми запросами народнаго труда: какая телѣга наиболѣе цѣлесообразна, какъ сдѣлать проѣзднымъ ручей. Безполезна для народа и дѣятельность врача. Его воображаемая наука поставлена такъ, что онъ умѣетъ лечить только людей, которые ничего не дѣлаютъ: ему нужно множество дорогихъ приспособленій, инструментовъ и лекарствъ. Онъ старается держаться паціентовъ, которые не только могутъ купить лекарства, но даже, по его совѣту, немедленно переѣхать съ сѣвера на югъ или на какія-либо минеральныя воды. Леченье же простыхъ людей не увѣнчивается успѣхомъ, такъ какъ медицинскія приспособленія дороги, а народъ не имѣетъ средствъ.

Лежатъ непочатыми области техники и медицины. Еще не поставлены вопросы о томъ, каково наиболѣе цѣлесообразное распредѣленіе времени труда, какъ питаться, одѣваться, обуваться, противодѣйствовать сырости, кормить дѣтей при условіяхъ, среди которыхъ живетъ рабочій народъ. Техникъ и врачъ станутъ полезны народу только тогда, когда не будутъ считать законнымъ брать за свой трудъ скромную тысячу или даже 500 рублей, а, живя въ обстановкѣ трудящихся, будутъ прилагать свои знанія къ вопросамъ механики, техники, гигіены и леченія рабочаго народа.

Живописецъ, сочинитель, музыкантъ также не приносятъ пользы народу: имъ нужны путешествія, обширныя студіи, оркестры, кабинеты, библіотеки, посѣщенія театровъ. Толстого

возмущаетъ то, что искусство предъявляетъ запросъ на огромное количество труда. Онъ передаетъ, въ видѣ примѣра. впечатлѣніе, полученное имъ отъ постановки оперы; онъ негодуетъ на грубую брань, которою разражается дирижеръ по адресу хористовъ, музыкантовъ, танцовщицъ. Нерѣдко слышишь ругательства на работахъ въ деревнѣ и городѣ. Но тяжелое впечатлѣніе смягчается тѣмъ, что люди заняты дѣломъ важнымъ. Здѣсь же происходитъ нѣчто, совсѣмъ ничтожное. Толстой недоумѣваетъ, на кого разсчитаны эти заурядныя оперы: людямъ образованнымъ это уже надоѣло: настоящему рабочему человѣку это непонятно. Это можетъ нравиться только молодымъ лакеямъ и мастеровымъ, которые успѣли развратиться, набравшись господскаго духа.

А между тѣмъ, люди, посвятившіе себя искусству, могли бы служить народу. Въ каждой избѣ есть образа, картины; каждый мужикъ и баба поютъ; у многихъ есть гармоники: всѣ разсказываютъ исторіи и стихи; многіе читаютъ. Но живописецъ съ негодованіемъ отвергнетъ предложеніе писать безъ студіи, безъ костюмовъ и рисовать пятикопѣечныя картинки, а сочинитель не согласится бросить свои поэмы и романы и сочинять пѣсенники, исторіи, сказки, понятные неграмотнымъ людямъ.

Науки и искусства не способствовали движенію людей впередъ. Такъ называемое раздѣленіе труда, которое стало въ наше время условіемъ дѣятельности науки и искусства, является главной причиной медленнаго преуспѣянія человѣчества.

Такъ случилось именно потому, что люди науки и искусства занимаютъ привилегированное положеніе. Наука и искусство не составляютъ разумной дѣятельности всего человѣчества, которое выдѣляло бы для этого свои лучшія силы. Оберегая монополію этихъ занятій, маленькіе кружки извратили самое понятіе науки и искусства и потеряли смыслъ своего призванія. Они заняты только тѣмъ, что спасаютъ отъ скуки дармоѣдовъ.

Дѣятельность ученыхъ и художниковъ можетъ быть плодотворна лишь тогда, когда они стоятъ на уровнѣ высшаго міросозерцанія своего времени. Важно, чтобы они не знали правъ, а помнили только о своихъ обязанностяхъ [31]). Если люди призваны служить другимъ духовной работой, то, видя въ этой работѣ однѣ обязанности, будутъ исполнять ихъ съ самоотверженіемъ, не будутъ бояться трудовъ и лишеній. Дабы утѣшить людей, мыслитель и художникъ должны страдать вмѣстѣ съ ними. Онъ страдаетъ еще и потому, что всегда переживаетъ тревогу и вол-

неніе: онъ могъ сказать то, что дало бы людямъ благо, избавило бы ихъ отъ страданія, а сказалъ не такъ, изобразилъ не такъ, какъ надо. Страданіе и самоотверженіе всегда будутъ удѣломъ мыслителя и художника. Есть два несомнѣнныхъ признака истинной науки и истиннаго искусства: внутренній—тотъ, что служитель науки и искусства будетъ исполнять обязанности своего призванія не изъ за выгодъ, а съ самоотверженіемъ, а внѣшній—тотъ, что его произведеніе будетъ понятно всѣмъ людямъ, благо которыхъ онъ имѣетъ въ виду.

Въ старину была настоящая наука. Изъ голоса совѣсти, разума, изъ соображеній о томъ, что говорили прежде жившіе и современные люди, великіе народные учители выводили свои ученія, простыя, общепонятныя, удобоисполнимыя. Но вотъ на сцену является новая каста людей. Она говоритъ: оставимъ всѣ эти пустяки. Дабы узнать истинное назначеніе и благо отдѣльнаго лица и всего человѣчества, не нужно слушаться голоса своей совѣсти и разума, нужно отбросить вѣру въ то, что говорили великіе учители человѣчества. Слѣдуетъ сначала изучать движеніе амебъ и клѣточекъ въ глистахъ. Наблюдая это движеніе или читая о томъ, что видѣли другіе, нужно приписывать этимъ клѣточкамъ человѣческіе чувства и разсчеты о томъ, чего онѣ желаютъ, куда стремятся, что соображаютъ, къ чему привыкли. По аналогіи слѣдуетъ заключать изъ этихъ наблюденій о томъ, что вы такое, какое ваше назначеніе, въ чемъ состоитъ благо ваше и другихъ, подобныхъ вамъ клѣточекъ. Чтобы понять себя, вы должны изучать не только глисту, которую видите, но и микроскопическія существа, которыхъ почти не видите.

VI.

Современная жизнь такова, что человѣкъ не можетъ быть счастливъ. Мы часто вспоминаемъ, говоритъ Толстой, о мученіяхъ, которымъ подвергались послѣдователи Христа. Но этихъ страданій безконечно меньше, нежели мученій во имя міра. Толстой припоминаетъ, что его личныя страданія во имя міра были очень велики; ихъ достало бы на много мучениковъ во имя Христа. Онъ считаетъ своими страданіями распутную жизнь во время студенчества, дуэли, въ которыхъ пришлось участвовать, военную службу, болѣзни, которыя онъ навлекъ на себя такимъ образомъ жизни.

Условія счастья должны быть сведены къ пяти группамъ.

1) Близкое общеніе съ природой, землей, растеніями, животными. Многіе, живущіе по ученію міра, особенно женщины состоятельныхъ классовъ, лишены этого: они видятъ солнце, поля, лѣса, главнымъ образомъ, изъ вагоновъ и колясокъ. 2) Любимый и свободный трудъ; часть времени должна быть посвящена труду физическому, который даетъ хорошій аппетитъ и сонъ. Чѣмъ бо́льшихъ успѣховъ, согласно съ ученіемъ міра, достигаютъ люди современнаго общества, тѣмъ болѣе они лишены этого. 3) Добрая семья. Современная семья ненормальна. Согласно съ господствующими обычаями, воспитаніе дѣтей поручается чужимъ людямъ. Нѣжная привязанность между родителями и дѣтьми наблюдается очень рѣдко. Сплошь и рядомъ дѣти хотятъ поскорѣе получить наслѣдство, а потому мечтаютъ о смерти родителей. 4) Возможность свободнаго любовнаго общенія съ разнообразными людьми. Простому человѣку доступны сношенія съ милліонами людей на протяженіи всей страны. Чѣмъ выше поднимается человѣкъ по ступенямъ общественной лѣстницы, тѣмъ тѣснѣе становится кругъ, въ которомъ онъ вращается. Для людей, поставленныхъ особенно высоко, этотъ кругъ ограничивается немногими десятками семей. 5) Хорошее здоровье и безболѣзненная смерть. Чѣмъ скромнѣе общественное положеніе людей, тѣмъ дольше сохраняютъ они здоровье, и тѣмъ чаще случаи безболѣзненной смерти. Среди состоятельныхъ классовъ почти всѣ старѣютъ очень рано, затѣмъ влачатъ жалкое существованіе, кое-какъ поддерживаютъ его лекарствами и гибнутъ преждевременно.

Кто слѣдуетъ за Христомъ, тотъ, по словамъ Его, долженъ быть готовъ умереть каждую минуту. Люди, которые живутъ по ученію міра, также лишены возможности обезпечить себя: ихъ не могутъ охранить ни войска, ни крѣпости, ни леченіе. Все это—мнимыя средства защиты. Богачъ надѣется упрочить свое существованіе посредствомъ денегъ; но деньги привлекаютъ разбойника, который убиваетъ богача. Леченіе убиваетъ медленно, или, по крайней мѣрѣ, не даетъ возможности пользоваться жизнью [32]).

VII.

Толстой относится съ полнымъ отрицаніемъ почти ко всѣмъ мѣрамъ, которыми разныя партіи стараются измѣнить къ луч-

шему общественную жизнь. Положеніе рабочихъ, предсказываетъ наука, измѣнится къ лучшему, когда они, соединяясь въ союзы, кооперативныя общества, устраивая стачки, участвуя въ законодательствѣ, добьются сначала сокращенія рабочаго дня и повышенія платы, а позднѣе достигнутъ и того, что къ нимъ перейдутъ всѣ орудія производства.

Толстой смотритъ иначе. Сокращеніе рабочаго дня и повышеніе платы не имѣютъ серьезнаго значенія. Это не укрѣпляетъ здоровья работниковъ, не улучшаетъ ихъ нравственности, не увеличиваетъ ихъ свободы. По сравненію съ земледѣльцами, здоровье фабричныхъ работниковъ, все-таки, ослабѣваетъ, средняя продолжительность жизни понижается. Толстой допускаетъ, что, съ перемѣной въ положеніи рабочихъ, ихъ здоровье и нравственность нѣсколько улучшатся. Онъ допускаетъ даже, что за послѣднее время фабричные работники поставлены мѣстами въ лучшія внѣшнія условія, нежели населеніе деревень. Но это происходитъ отъ того, что, подъ вліяніемъ науки, правительство и общество дѣлаютъ все, дабы ухудшить положеніе поселянъ и измѣнить къ лучшему бытъ фабричнаго пролетаріата.

Планъ соціалистовъ, говоритъ Толстой, не имѣетъ большой цѣны. Экономическая наука проникнута предразсудкомъ, что всѣ сельскіе работники неизбѣжно пройдутъ чрезъ городское фабричное состояніе, хотя трудъ земледѣльца болѣе здоровъ, болѣе важенъ и привлекателенъ. Причиной несправедливаго утвержденія, будто благо человѣчества должно состоять въ подневольномъ фабричномъ трудѣ, служитъ то, что люди, которые устанавливаютъ положенія науки, принадлежатъ къ состоятельнымъ классамъ. Они привыкли къ обстановкѣ, въ которой живутъ, и не допускаютъ и мысли, чтобы общество могло существовать внѣ этихъ условій. Людямъ имущихъ слоевъ нравится обильное производство разнообразныхъ предметовъ, которые служатъ для ихъ удобства или удовольствія. Эти предметы изготовляются на фабрикахъ: а потому состоятельные люди, разсуждая объ улучшеніи быта рабочихъ, признаютъ только такія перемѣны, при которыхъ сохранятся фабричное производство и удобства жизни, ставшія привычными для обезпеченныхъ классовъ.

И соціалисты заражены этимъ предразсудкомъ. Они убѣждены, что на фабрикахъ, которыя поступятъ въ собственность работниковъ, будетъ продолжаться такое же производство, какъ теперь, что раздѣленіе труда не будетъ отличаться отъ современнаго.

Они допускаютъ только ту разницу, что всѣ будутъ пользоваться удобствами, которыя доступны теперь меньшинству. Они умалчиваютъ о работахъ грязныхъ и отталкивающихъ или же предполагаютъ, что всѣ такія работы будутъ составлять пріятное занятіе. По ихъ теоріи, рабочіе будутъ хорошо питаться, хорошо одѣваться, пользоваться разными увеселеніями; очень многіе будутъ предпочитать жизнь въ городѣ, среди камня и дымовыхъ трубъ, и однообразную машинную работу жизни деревенской, на просторѣ, въ разностороннемъ, здоровомъ и свободномъ земледѣльческомъ трудѣ.

Это предположеніе заслуживаетъ такъ же мало вѣры, какъ предположеніе богослововъ о раѣ, которымъ послѣ смерти рабочіе будутъ пользоваться за то, что мучительно работали въ этомъ мірѣ.

Идеалъ, къ которому, по ученію людей науки, ведетъ экономическая эволюція, содержитъ внутреннее противорѣчіе. Онъ состоитъ въ томъ, что рабочіе, сдѣлавшись хозяевами всѣхъ орудій производства, будутъ имѣть въ своемъ распоряженіи удобства и удовольствія, которыя выпадаютъ теперь на долю состоятельныхъ людей. Дабы всѣ пользовались одними и тѣми же предметами, надо точно распредѣлить производство желаемыхъ продуктовъ и, стало быть, выяснить, сколько времени долженъ трудиться каждый работникъ.

Можно вычислить, и то лишь приблизительно, потребности людей въ обществѣ, которое сковано капитализмомъ, соперничествомъ и нуждою. Но нельзя опредѣлить, какіе нужны предметы и сколько нужно для удовлетворенія потребностей того общества, гдѣ орудія производства принадлежатъ всѣмъ, т. е. тамъ, гдѣ люди свободны. Потребности такого общества не могутъ быть точно опредѣлены потому, что онѣ всегда будутъ многократно больше возможности удовлетворить ихъ. Каждый пожелаетъ имѣть все, чѣмъ пользуются теперь самые богатые.

Возникаетъ и такой вопросъ: какъ убѣдить людей производить предметы, которые, по мнѣнію однихъ, будутъ нужны, а на взглядъ другихъ — ненужны или даже вредны? Если выяснится, что, для удовлетворенія потребностей общества, каждому нужно будетъ работать хотя бы 6 часовъ въ сутки, то кто заставитъ человѣка, при условіи полной свободы, трудиться эти 6 часовъ, когда онъ знаетъ, что часть его рабочаго времени идетъ на про-

изводство предметовъ, которые онъ считаетъ ненужными и даже вредными?

Допустимъ, однако, что найдутъ средства получить согласіе всѣхъ на производство извѣстныхъ предметовъ. Какъ опредѣлить въ этомъ случаѣ, куда должны быть преимущественно направлены усилія людей? Прежде ли строить Сибирскую дорогу или шоссе по уѣздамъ? заняться ли раньше проведеніемъ электрическаго освѣщенія или же орошеніемъ полей?

При свободѣ рабочихъ нельзя разрѣшить и такой вопросъ: кто будетъ посвящать себя той или другой работѣ? Очевидно, каждому будетъ пріятнѣе заниматься науками или рисованіемъ, чѣмъ состоять кочегаромъ или очистителемъ выгребныхъ ямъ.

Нелегко будетъ рѣшить вопросъ и о степени раздѣленія труда, которое можетъ быть установлено въ соціалистическомъ обществѣ. Теперь, подъ вліяніемъ нужды, рабочіе соглашаются трудиться всю жизнь подъ землею или же изготовлять $^1/_{100}$ предмета. Но разъ рабочіе владѣютъ орудіями производства и не терпятъ нужды, то могутъ только въ силу принужденія согласиться на одуряющія условія раздѣленія труда. Очень детальное раздѣленіе работъ не будетъ возможно въ свободномъ обществѣ, такъ какъ каждый видитъ благо въ расширеніи и разнообразіи своей дѣятельности. Вслѣдствіе этого въ большой степени сократится производство вещей, которыя находятся въ нашемъ распоряженіи. Мысль, что, по осуществленіи соціалистическаго идеала, всѣ люди, ставъ свободными, будутъ пользоваться всѣмъ, доступнымъ теперь для состоятельныхъ классовъ, заключаетъ въ себѣ внутреннее противорѣчіе [33]).

Толстой думаетъ, что, по уничтоженіи правительства и частнаго капитала, всѣ заводы со своими машинами, которые возникли при власти правительства и капитала, не останутся такими, какъ теперь. Рабочіе не захотятъ поддерживать то, что могло возникнуть при этой власти; они не пойдутъ работать на заводы и фабрики, которые были созданы при ихъ порабощеніи, если бы даже эти заведенія могли быть выгодны и пріятны для нихъ. Большинство разумныхъ людей предпочтутъ сами чистить себѣ платье и сапоги, носить воду и заправлять лампу, чѣмъ, хотя по одному часу въ день, исполнять на фабрикѣ обязательную работу для изготовленія всѣхъ машинъ, которыя выполняютъ домашнія дѣла. Коль скоро не будетъ насилія, то едва ли останется что-нибудь отъ прекрасныхъ машинъ, которыя чистятъ сапоги, выти-

рають посуду, прорѣзывають тунели, сдавливають сталь. Освобожденные рабочіе, несомнѣнно, дадутъ разрушиться всему тому, что основано на ихъ рабствѣ, и начнутъ заводить другія машины и приспособленія, съ иными цѣлями и въ другихъ размѣрахъ. Распредѣленіе продуктовъ будетъ также совсѣмъ иное [34]).

Толстой увѣренъ, что разнообразныя попытки отмѣнить законы, на которыхъ основывается рабство нашего времени, не приведутъ ни къ чему, ибо на ихъ мѣсто явятся другія узаконенія, которыя установятъ новыя формы рабства. Такъ, напримѣръ, тѣ проекты, которые отмѣняютъ подати на бѣдныхъ и переводятъ ихъ на богатыхъ, неизбѣжно должны удерживать узаконенія о собственности на землю и орудія производства, ибо сюда и переносится вся тяжесть налоговъ. Джорджъ и его сторонники отмѣняютъ законы о частной земельной собственности, но вводятъ узаконеніе объ обязательной земельной рентѣ; а рента этого рода, несомнѣнно, установляетъ новую форму рабства: при неурожаѣ или какомъ-либо иномъ несчастьѣ, человѣкъ, вынуждаемый къ уплатѣ ренты или единаго налога, долженъ будетъ занять деньги у того, у кого онѣ есть; вслѣдствіе этого онъ опять попадетъ въ рабство. Соціалисты отмѣняютъ законъ о собственности на землю и орудія производства, но удерживаютъ законы о податяхъ. Кромѣ того, имъ нельзя обойдтись безъ узаконеній объ обязательной работѣ. Такимъ образомъ, рабство, прошедши полный кругъ скрытыхъ формъ, возвратится позднѣе къ своей первичной формѣ, станетъ прямымъ принужденіемъ къ труду.

Ученіе экономической науки, нападая на богатые классы, считается либеральнымъ, даже радикальнымъ; въ дѣйствительности же оно грубо и жестоко. Оно стремится, во что бы то ни стало, сохранить господствующее нынѣ раздѣленіе труда, производство безчисленныхъ предметовъ, которые нужны состоятельнымъ людямъ. Принято называть культурой такое положеніе дѣлъ. Но подобная культура существуетъ только потому, что множество людей принуждается къ работѣ. Если, говоритъ Толстой, 99% людей обязаны заниматься фабричной работой, то пусть лучше пропадутъ и телефоны, и выставки, и желѣзныя дороги, и всѣ фабричные ситцы и сукна. «Истинно просвѣщенные люди всегда лучше согласятся вернуться къ ѣздѣ верхомъ и на вьюкахъ и даже къ копанью земли кольями и руками, чѣмъ ѣздить по желѣзнымъ дорогамъ, регулярно давящимъ столько то людей въ годъ только потому, что владѣтели дорогъ находятъ болѣе выгоднымъ

платить семьямъ убитыхъ вознагражденіе, чѣмъ провести дороги такъ, чтобы онѣ не могли давить людей... но полезная культура не уничтожится. Людямъ ни въ какомъ случаѣ не придется вернуться къ копанію земли кольями и освѣщенію себя лучинами. Не даромъ человѣчество, при своемъ рабскомъ устройствѣ, сдѣлало такіе большіе успѣхи въ техникѣ. Если только люди поймутъ, что нельзя пользоваться для своихъ удовольствій жизнью своихъ братьевъ, они сумѣютъ примѣнить всѣ успѣхи техники такъ, чтобы не губить жизни своихъ братьевъ» [35]).

VIII.

Революція 1905 года побудила Толстого оцѣнить перемѣны, которымъ предстояло совершиться въ русской общественной жизни.

Русское общество, говоритъ Толстой, пришло къ заключенію, что нельзя повиноваться существующимъ властямъ, что нужно кореннымъ образомъ измѣнить строй жизни. Перемѣна могла бы сказаться прежде всего въ томъ, что Россія перешла бы отъ самодержавія къ власти монархической-ограниченной, т. е. усвоила бы порядокъ, который господствуетъ на Западѣ. Такой переходъ нежелателенъ. Конечно, представительное правленіе въ Западной Европѣ и Америкѣ, какъ конституціонно-монархическое, такъ и республиканское, уничтожило нѣкоторыя внѣшнія злоупотребленія. Власть уже не можетъ быть въ рукахъ такихъ изверговъ, какъ часто случалось въ старину. Исчезли стѣсненія печати, религіозныя гоненія и насилія, наказанія по произволу, безъ суда. Народъ облагается податями съ вѣдома народныхъ представителей; быстро развились разныя техническія усовершенствованія, которыя доставляютъ большія удобства богатымъ гражданамъ и увеличиваютъ военную силу государства. Однако, жизнь большинства не стала на Западѣ болѣе обезпеченной, свободной, разумной и нравственной.

При правленіи деспотическомъ ограничено число людей, которые подвергаются развращенію власти и живутъ чужими трудами; этотъ кругъ состоитъ изъ близкихъ друзей властителя, прислужниковъ, льстецовъ. Дворъ властелина составляетъ единственный фокусъ, откуда зараза развратной жизни лучами распространяется во всѣ стороны. Когда власть ограничена, т. е. когда въ ней участвуютъ многіе, число такихъ фокусовъ уъели-

чивается: каждый участникъ власти имѣетъ своихъ друзей, помощниковъ, прислужниковъ и льстецовъ; а при всеобщемъ избирательномъ правѣ центры заразы умножаются еще больше: каждый избиратель становится предметомъ лести и подкупа. Словомъ, при правленіи представительномъ, появляется очень много людей, которые живутъ праздно, трудами рабочаго народа.

Въ этихъ государствахъ все болѣе возрастаетъ число людей, которыхъ отрываютъ отъ изготовленія предметовъ, удовлетворяющихъ самыя важныя потребности, и пріурочиваютъ къ производству предметовъ роскоши. Вслѣдствіе этого все болѣе обременяется та часть населенія, которая должна поддерживать роскошную жизнь богатыхъ тунеядцевъ.

Среди народовъ Запада непрерывно идетъ ожесточенная борьба. Но, кромѣ того, они поставлены въ необходимость обманомъ и насиліемъ отнимать для своего пропитанія продукты труда восточныхъ народовъ. Они достигаютъ этого посредствомъ выработанныхъ пріемовъ, которые принято называть цивилизаціей. Это будетъ возможно до тѣхъ поръ, пока восточные народы не научатся такому же образу дѣйствій.

Ставъ на этотъ путь, Россія придетъ къ тому же, что совершилось въ государствахъ Запада: народъ лишится земли; подати, государственные долги, расходы на вооруженіе будутъ все болѣе увеличиваться; безсмысленныя войны будутъ возникать все чаще и чаще. Мало того, русскіе, какъ и западные народы, лишатся своего главнаго блага—привычной, любимой земледѣльческой жизни,—и впадутъ въ зависимость отъ труда населенія другихъ странъ.

Наконецъ, рабство въ Россіи еще болѣе обострится, по сравненію съ настоящимъ. Дагомеецъ, находящійся подъ самымъ деспотическимъ правленіемъ, можетъ быть вполнѣ свободенъ, хотя ему часто грозитъ опасность подвергнуться жестокимъ насиліямъ, которыя устанавливалъ не онъ. Членъ же конституціоннаго государства—всегда рабъ. Воображая, что онъ принималъ участіе или можетъ участвовать въ правительствѣ, онъ признаетъ законнымъ всякое насиліе, совершаемое надъ нимъ, повинуется всякому распоряженію власти. Граждане въ конституціонныхъ государствахъ воображаютъ себя свободными и, вслѣдствіе этого, утрачиваютъ самое понятіе о томъ, что такое истинная свобода. Увѣренные, что освобождаются, они все болѣе становятся рабами своихъ правительствъ. Успѣхъ соціалистическихъ ученій, которыя

закабаляютъ народъ, доказываетъ возрастаніе порабощенности на Западѣ.

Въ подкрѣпленіе своей мысли, Толстой перечисляетъ разные законы, которые стѣсняютъ свободу гражданъ. Законы опредѣляютъ, когда человѣкъ долженъ присягать, когда ему жениться, когда разводиться съ женой, какихъ дѣтей считать законными и какихъ незаконными, когда прививать предохранительныя болѣзни дѣтямъ, сколько часовъ работать въ день и проч. и проч. Къ тому же человѣкъ обязанъ отдавать большую часть своего труда для какихъ то неизвѣстныхъ ему дѣлъ, уплачивать за долги, которые сдѣлалъ кто-то при его дѣдахъ и прадѣдахъ, долженъ платить за землю, на которой работаетъ и т. д. Главное же, онъ долженъ проводить нѣсколько лѣтъ въ военной службѣ, т. е. мириться съ самой тяжелой формой рабства. Стоитъ Россіи уподобиться западнымъ государствамъ, и свобода русскихъ людей будетъ еще болѣе стѣснена, чѣмъ теперь. А потому русскіе сдѣлаютъ хорошо, если не станутъ подражать народамъ Запада [36]).

Революція безцѣльна, такъ какъ современное правительство обладаетъ огромною силой. Большое народное возстаніе не можетъ увѣнчаться успѣхомъ. Правительство располагаетъ разнообразными средствами во всѣхъ отрасляхъ управленія: тайная полиція, шпіонство, подкупы печати, желѣзныя дороги, телеграфы, телефоны, крѣпости, тюрьмы, огромныя богатства, воспитаніе молодыхъ поколѣній, а, главное, войско—все въ рукахъ правительства. Все устроено такъ, что самые бездарные правители могутъ легко подавлять попытки открытаго возстанія.

Самое надежное средство одолѣть правительство состоитъ въ томъ, чтобы войско, понявъ вредъ, который оно причиняетъ, перестало повиноваться властямъ. Но правительство установило такую организацію, что нѣтъ возможности вырвать войско изъ его рукъ. Кто успѣлъ подвергнуться гипнотизирующей воинской дисциплинѣ, тотъ, несмотря ни на какія политическія убѣжденія, будетъ повиноваться командѣ, какъ скоро находится въ строю. А 20-лѣтніе мальчики, призываемые на службу, не могутъ отказаться отъ нея тѣмъ болѣе, что ихъ воспитываютъ въ ложномъ духѣ, церковномъ и патріотическомъ. Поступивъ на службу, эти юноши, каковы бы ни были ихъ убѣжденія, передѣлываются за одинъ годъ въ покорныя орудія власти. Такъ, современный общественный строй не можетъ быть измѣненъ путемъ насилія [37]).

IX.

Его можно перестроить только послѣ коренного измѣненія нашей личной жизни.

Съ древнѣйшихъ временъ учители человѣчества указывали истинныя блага, къ которымъ люди должны стремиться. Ученія браминовъ, Будды, Зороастра, Конфуція, Христа подвергались искаженіямъ; именно это и доказываетъ ихъ значительность. Эти ученія поражали своимъ величіемъ: люди простые и грубые обыкновенно придавали имъ характеръ чего-то сверхъестественнаго; основатели ученій считались богами. Человѣчество жило и теперь живетъ по книгамъ этихъ вѣроученій; въ нихъ заключена вся человѣческая мудрость, все, что сдѣлало людей такими, какъ они есть.

Ложное ученіе утверждаетъ человѣка въ мысли, что его жизнь длится только отъ рожденія до смерти. Но жизнь начинается лишь съ проявленіемъ разумнаго сознанія, которое открываетъ человѣку одновременно его жизнь въ настоящемъ и прошедшемъ, жизнь другихъ людей и все, что неизбѣжно вытекаетъ изъ ихъ взаимныхъ отношеній. Разумное сознаніе отрицаетъ благо личной жизни. Оно же вызываетъ въ человѣкѣ противорѣчіе, которое, повидимому, останавливаетъ его жизнь. «Спрашивая себя о происхожденіи своего разумнаго сознанія, человѣкъ никогда не представляетъ себѣ, чтобы онъ, какъ разумное существо, былъ сынъ своего отца, матери и внукъ своихъ дѣдовъ и бабокъ, родившихся въ такомъ-то году, а онъ сознаетъ себя всегда не то, что сыномъ, но слитымъ въ одно съ сознаніемъ самыхъ чуждыхъ ему по времени и мѣсту разумныхъ существъ, жившихъ иногда за тысячи лѣтъ и на другомъ концѣ свѣта. Въ разумномъ сознаніи своемъ человѣкъ не видитъ даже никакого происхожденія себя, а сознаетъ свое внѣвременное и внѣпространственное сліяніе съ другими разумными сознаніями, такъ что они входятъ въ него и онъ въ нихъ. Это-то пробудившееся въ человѣкѣ разумное сознаніе и останавливаетъ какъ будто то подобіе жизни, которое заблудшіе люди считаютъ жизнью: заблудшимъ людямъ кажется, что жизнь ихъ останавливается именно тогда, когда она пробуждается» [38]).

Отрицаніе блага личности является для разумнаго существа столь же естественнымъ свойствомъ его жизни, какъ для птицы—

летать на крыльяхъ, а не бѣгать ногами. Истинная жизнь человѣка проявляется въ томъ, какъ относится его разумное сознаніе къ его животной личности; истинная жизнь начинается только тогда, когда появляется отрицаніе блага животной личности.

Причиной ложнаго знанія является неправильная перспектива, въ которой предметы представляются человѣку. Ему кажется, что всего легче познать мертвое вещество, затѣмъ—животныхъ и, наконецъ, другихъ людей. Ему кажется всего болѣе труднымъ уяснить себѣ собственное разумное сознаніе. Въ дѣйствительности же, все совершается какъ разъ наоборотъ. Съ наибольшею несомнѣнностью человѣкъ можетъ знать благо, къ которому стремится, и разумъ, который указываетъ ему это благо. Онъ знаетъ и животную природу своей личности. На этомъ и оканчивается его истинное знаніе. Невозможность истиннаго знанія другихъ людей происходитъ уже оттого, что человѣкъ видитъ ихъ сотни и тысячи и знаетъ, что есть, были и будутъ люди, которыхъ онъ не видалъ и никогда не увидитъ. Животныхъ, и притомъ самыхъ разнообразныхъ, онъ видитъ огромное количество; чѣмъ оно больше, тѣмъ менѣе возможно познать ихъ. Растенія стоятъ отъ человѣка еще дальше, а всего дальше—мертвое вещество. Человѣкъ всего меньше понимаетъ именно это послѣднее. Наше знаніе міра вытекаетъ изъ сознанія нашего стремленія къ благу. Если мы знаемъ жизнь животныхъ, то лишь потому, что видимъ въ нихъ стремленіе къ благу. Намъ непонятно благо вещества; мы знаемъ его только потому, что видимъ въ немъ необходимость подчиненія закону разума, который имъ управляетъ.

Мы не можемъ понимать жизнь человѣческую иначе, какъ подчиненіе животной личности закону разума. Если движенія человѣка сильны и быстры, но совершаются въ бреду, сумасшествіи, пьянствѣ или даже въ порывѣ страсти, то мы не считаемъ его живымъ, а признаемъ въ немъ только возможность жизни. Если же человѣкъ слабъ и неподвиженъ, но его животная личность подчинена разуму, то мы признаемъ его живымъ. По ходячему представленію, жизнь человѣка есть періодъ времени отъ рожденія и до смерти его животнаго. Но этотъ періодъ обнимаетъ существованіе человѣка только, какъ животной личности. Жизнь же человѣческая лишь проявляется въ животномъ существованіи, какъ жизнь органическая только проявляется въ веществѣ. Въ животной личности человѣка не можетъ быть жизни, а потому отреченіе отъ блага этой личности есть законъ человѣческой

жизни. Если оно не происходитъ свободно, не выражается въ подчиненіи разумному сознанію, то совершается подъ вліяніемъ внѣшнихъ силъ, при плотской смерти, когда, вслѣдствіе тяжести страданій, человѣкъ желаетъ одного: избавиться отъ мучительнаго сознанія погибающей личности и перейдти въ другой видъ существованія.

Когда въ человѣкѣ проснулось разумное сознаніе, но еще не подчинило себѣ животной личности, то онъ (если не убиваетъ себя) стремится достигнуть невозможнаго блага — блага только себѣ. Ему представляется, что всѣ существа какъ бы должны жить и дѣйствовать для того, чтобы было хорошо только ему одному, чтобы одни наслажденія были его удѣломъ. Но человѣкъ видитъ невозможность этого, ибо всѣ другія существа любятъ также только самихъ себя. Это желаніе исполнимо только при условіи, что всѣ существа живутъ только для блага другихъ и любятъ другихъ больше, чѣмъ себя.

Разумный человѣкъ понимаетъ, что если бы стремленіе къ своему благу замѣнилось стремленіемъ ко благу другихъ существъ, то жизнь, вмѣсто прежняго неразумія и бѣдственности, стала бы разумною и благою. Безконечное просвѣтленіе и единеніе всѣхъ существъ міра представляется такому человѣку цѣлью жизни. Онъ видитъ, что все большее и большее отреченіе отъ своей личности и перенесеніе цѣли дѣятельности изъ себя въ другія существа составляетъ все движеніе человѣчества впередъ. «Человѣкъ не можетъ не видѣть, что люди, поѣдавшіе другъ друга, перестаютъ поѣдать; убивавшіе плѣнныхъ и своихъ дѣтей—перестаютъ убивать; военные, гордившіеся убійствомъ—перестаютъ этимъ гордиться; учреждавшіе рабство — уничтожаютъ его, что люди, убивавшіе животныхъ—начинаютъ приручать ихъ и меньше убивать, начинаютъ питаться, вмѣсто тѣла животныхъ, ихъ яйцами и молокомъ... Человѣкъ видитъ, что лучшіе люди человѣчества осуждаютъ поиски за наслажденіями, призываютъ людей къ воздержности... Человѣкъ видитъ, что то самое, что онъ допустилъ только по требованіямъ разума, то самое и совершается дѣйствительно въ мірѣ и подтверждается прошедшею жизнью человѣка» [39]).

Люди изнѣженные, праздные готовы доказывать, что личность имѣетъ свои неотъемлемыя права. Такіе люди почти всю жизнь думали о пустякахъ; ихъ извращенный разумъ занятъ несвойственнымъ дѣломъ — раздумываніемъ надъ потребностями лично-

сти и средствами къ ихъ удовлетворенію. А человѣкъ простой, работавшій тѣломъ всю жизнь, не извратилъ своего разума; онъ не станетъ доказывать, что человѣку нужно ѣсть, ибо, какъ и всѣ, онъ знаетъ, что этого нельзя ни доказать, ни опровергнуть. А потому наука объ обществѣ, дѣлая основой своего ученія изслѣдованіе потребностей человѣка, становится на колеблющуюся почву: или у человѣка нѣтъ никакихъ потребностей, или, буквально, ихъ безчисленное множество. Стоитъ только направить свое сознаніе на одну потребность, и она займетъ всю жизнь и заставитъ страдать все существо человѣка.

Требованія животной личности всегда удовлетворимы. Если человѣкъ живетъ разумной жизнью, то покрытіе самыхъ важныхъ потребностей обезпечено ему такъ же, какъ птицѣ и цвѣтку. А мыслящій человѣкъ не можетъ вѣрить, что возможно уменьшить бѣдственность своего существованія обезпеченіемъ своей личности. «Жизнь, какъ личное существованіе, отжита человѣчествомъ; и вернуться къ ней нельзя; и забыть то, что личное существованіе человѣка не имѣетъ смысла, невозможно. Что бы мы ни писали, ни говорили, ни открывали, какъ бы ни усовершенствовали нашу личную жизнь, отрицаніе возможности блага личности остается непоколебимой истиной для всякаго разумнаго человѣка нашего времени» [40]).

X.

Повидимому, трудно исполнять эти завѣты. Христосъ говоритъ: кто хочетъ слѣдовать за мной, пусть тотъ оставитъ домъ, поля, братьевъ и идетъ за мной, и онъ получитъ въ этомъ мірѣ во сто разъ больше домовъ, полей, братьевъ и, сверхъ того, жизнь вѣчную. И никто не идетъ. «А въ ученіи міра сказано: брось домъ, поля, братьевъ, уйди изъ деревни въ гнилой городъ, живи всю жизнь баньщикомъ голымъ, въ пару намыливая чужія спины, или гостинодворцемъ, всю жизнь считая чужія копѣйки въ подвалѣ, или прокуроромъ, всю жизнь проводя въ судѣ и надъ бумагами, занимаясь тѣмъ, чтобы ухудшить участь несчастныхъ, или министромъ, всю жизнь впопыхахъ подписывая ненужныя бумаги, или полководцемъ, всю жизнь убивая людей— живи этой безобразной жизнью, кончающейся всегда мучительной смертью, и ты ничего не получишь въ мірѣ этомъ и не получишь никакой вѣчной жизни. И всѣ пошли» [41]).

Можно бы повѣрить, что трудно и страшно исполнять ученіе Христа, если бы ученіе міра было легко, безопасно и пріятно. Но послѣднее связано съ гораздо большими трудностями и опасностями. Когда-то были мученики Христа. За 1800 лѣтъ ихъ насчитываютъ 380.000, а мучениковъ міра несравненно больше: на войнахъ одного 19 вѣка перебито много милліоновъ людей. Мы трудимся изъ поколѣнія въ поколѣніе надъ тѣмъ, чтобы обезпечить свою жизнь; мы представляемъ себѣ счастье въ наибольшей власти и наибольшей собственности. Мы привыкли къ этому, и ученіе Христа, что счастье человѣка не можетъ зависѣть отъ власти и имѣнія, что богатый не можетъ быть счастливъ, представляется намъ призывомъ къ жертвѣ во имя будущихъ благъ. Но Христосъ не требуетъ отъ насъ жертвы: напротивъ, Онъ учитъ насъ дѣлать то, что лучше для насъ въ этой жизни. Онъ учитъ людей воздержанію отъ обезпеченія себя насиліемъ и отъ собственности. Одно изъ условій счастья то, чтобы быть бѣднымъ, ибо все, чѣмъ мы стараемся обезпечить свою жизнь, не можетъ сохранить насъ ни на одну минуту. Чтобы сомнительно обезпечить нашу жизнь въ сомнительномъ будущемъ, мы губимъ нашу вѣрную жизнь въ вѣрномъ настоящемъ. «Бѣденъ — это значитъ: онъ будетъ не въ городѣ, а въ деревнѣ, не будетъ сидѣть дома, а будетъ работать въ лѣсу, въ полѣ, будетъ видѣть свѣтъ солнца, землю, небо, животныхъ; не будетъ придумывать, что ему съѣсть, чтобы возбудить аппетитъ... а будетъ три раза въ день голоденъ, не будетъ ворочаться на мягкихъ подушкахъ и придумывать, чѣмъ спастись отъ безсонницы, а будетъ спать: будетъ имѣть дѣтей, будетъ жить съ ними, будетъ въ свободномъ общеніи со всѣми людьми, а главное не будетъ дѣлать ничего такого, чего ему не хочется дѣлать; не будетъ бояться того, что съ нимъ будетъ. Болѣть, страдать, умирать... онъ будетъ, какъ и всѣ, но жить онъ будетъ, несомнѣнно, счастливѣе. Быть бѣднымъ, быть нищимъ, быть бродягой это то самое, чему училъ Христосъ, то самое, безъ чего нельзя войдти въ Царство Бога, безъ чего нельзя быть счастливымъ здѣсь на землѣ» [42]).

Люди могутъ жить истинною жизнью только при томъ условіи, что ихъ душу наполняетъ настоящая любовь. Любить—значитъ дѣлать добро. Я люблю своего ребенка, свою жену, свое отечество, т. е. желаю имъ больше блага, чѣмъ другимъ дѣтямъ, женамъ и отечествамъ. Возникаетъ вопросъ: во имя какой любви жертвовать другою любовью, т. е. кого любить больше и кому

дѣлать больше добра, женѣ, дѣтямъ или друзьямъ? Какъ служить любимому отечеству, не нарушая любви къ женѣ, дѣтямъ и друзьямъ? насколько могу я жертвовать моею личностью, нужною для служенія другимъ? насколько нужно мнѣ заботиться о себѣ, чтобы я могъ, любя другихъ, служить имъ?

Если бы люди были богами, то могли бы любить избранныхъ; только тогда предпочтеніе однихъ другимъ могло бы быть истинною любовью. Но люди не боги. Человѣкъ знаетъ, что люди живутъ во взаимной борьбѣ; онъ долженъ знать, что всякое плотское благо получается однимъ существомъ только въ ущербъ другому. Требованія любви предъявляются человѣку непрестанно, всѣ вмѣстѣ и безъ всякаго порядка. Пришелъ голодный старикъ, котораго я немножко люблю, и проситъ ѣсть, а я берегу пищу дѣтямъ на ужинъ. Какъ сравнить мнѣ требованіе любви къ старику, менѣе сильное, но въ настоящемъ, съ требованіями болѣе сильной любви, но въ будущемъ? Если человѣкъ можетъ отказывать требованіямъ самой малой любви въ настоящемъ во имя требованій самой большой любви въ будущемъ, то ясно, что онъ всегда выберетъ то проявленіе любви, которое пріятно для него, т. е. будетъ дѣйствовать не во имя любви, а во имя своей личности [43]). Если человѣкъ рѣшаетъ, что ему лучше воздержаться отъ требованій самой малой любви въ настоящемъ ради другого, будущаго проявленія большой любви, то обманываетъ себя или другихъ и не любитъ никого, кромѣ самого себя. «Любви въ будущемъ не бываетъ; любовь есть только дѣятельность въ настоящемъ. Человѣкъ же, не проявляющій любви въ настоящемъ, не имѣетъ любви» [44]).

То, что люди, не понимающіе жизни, называютъ любовью, является только предпочтеніемъ однихъ условій блага своей личности другимъ. Когда человѣкъ говоритъ, что любитъ свою жену, или ребенка, или друга, то говоритъ только то, что присутствіе въ его жизни жены, ребенка, друга увеличиваетъ его личное благо. Эти чувства предпочтенія безконечно разнообразны; изъ нихъ слагается животная жизнь людей. Не слѣдуетъ называть ихъ любовью, такъ какъ изъ нихъ не развивается дѣятельности, направленной на достиженіе истиннаго блага. Это чувство—пристрастіе; оно не приноситъ добра людямъ и даже производитъ еще большее зло.

Истинная любовь къ своимъ или чужимъ можетъ вырости только на почвѣ общаго благоволенія. Если въ основѣ любви

не лежитъ отреченіе отъ личности, благоволеніе ко всѣмъ людямъ, то слагается только животная жизнь. Она подвержена еще большимъ бѣдствіямъ, еще большему неразумію, чѣмъ жизнь безъ этой, мнимой, любви. Чувство пристрастія, называемое любовью, не устраняетъ борьбы за существованіе, не освобождаетъ человѣка отъ погони за наслажденіями, но еще больше затемняетъ жизнь, ожесточаетъ борьбу, усиливаетъ жадность къ наслажденіямъ для себя и другихъ.

Дѣятельность любви, всегда удовлетворяющая самого человѣка и другихъ, возможна только тогда, когда, отвергнувъ благо личной жизни и заботы объ этомъ ложномъ благѣ, я освободилъ въ себѣ свойственное человѣку благоволеніе ко всѣмъ людямъ. Положить душу свою за други своя — вотъ въ чемъ состоитъ истинная любовь. Міръ только и стоитъ такою любовью. Мать, кормящая ребенка, прямо отдаетъ свое тѣло въ пищу дѣтямъ, которыя безъ этого не были бы живы. И всякій работникъ для блага ближнихъ, изнашивая свое тѣло въ трудѣ и приближаясь къ смерти, также отдаетъ себя въ пищу другому. Истинная любовь проявляется въ душѣ человѣка, какъ чуть замѣтный, нѣжный ростокъ, среди похожихъ на него ростковъ грубыхъ, сорныхъ травъ, —разныхъ похотей, которыя мы называемъ любовью.

Въ обращеніи къ кружку молодежи Толстой изобразилъ условія, которыя дѣлаютъ жизнь людей несчастной и озлобленной. Такъ бываетъ во всѣхъ случаяхъ, когда человѣкъ хочетъ добыть наиболѣе радостей для своего «я». Чего хочется одному, того хочется и всѣмъ другимъ: а потому люди не перестаютъ бороться и злиться другъ на друга. Нужно дѣлать то, чего хочетъ духъ, живущій въ насъ такъ же, какъ и во всѣхъ людяхъ. Онъ хочетъ блага себѣ, духу. А такъ какъ духъ во всѣхъ людяхъ одинъ и тотъ же, то хочетъ блага всѣмъ людямъ. Не всегда можно добыть то, что нужно тѣлу: чтобы добывать, нужно бороться съ другими. Но человѣкъ всегда можетъ угодить душѣ: душа нуждается только въ любви, а для любви не нужно ни съ кѣмъ бороться.

Мы говоримъ, что жить будетъ лучше, когда сложится хорошій строй жизни. Но это невозможно, пока люди плохи. Наше спасеніе—только въ признаніи, что истинная жизнь не опредѣляется условіями нашего тѣлеснаго существованія, что она — въ Духѣ Божіемъ, который живетъ въ насъ.

А потому всѣ усплія, которыя затрачивались до сихъ поръ

на улучшеніе нашей тѣлесной жизни, какъ частной, такъ и общественной, должны быть прилагаемы къ единственно нужному дѣлу, къ тому, чтобы каждый воспитывалъ и утверждалъ въ себѣ любовь ко всѣмъ людямъ, особенно же къ тѣмъ, которые ненавидятъ насъ.

То, что дѣлается теперь, должно быть признано послѣдними судорогами умирающей, злобной, нелюбовной жизни. Апостолъ Іоаннъ, достигнувъ глубокой старости, только и говорилъ: «дѣти, любите другъ друга!». Такъ выразилась старость отдѣльнаго человѣка; такъ должна выразиться жизнь всего человѣчества, дошедшая до извѣстнаго предѣла. И при небольшомъ напряженіи мысли очевидно, что не стоитъ любить себя, умирающаго. Любя себя, я чувствую, что этотъ предметъ недостоинъ любви; но не любить я не могу. Какъ же быть? Сначала кажется, что меня удовлетворяетъ любовь къ близкимъ, къ друзьямъ. Но затѣмъ я вижу, что эти люди несовершенны, измѣняются, а, главное, умираютъ. А потому надо любить всѣхъ не для себя, а для любви. Любовь даетъ благо человѣку не въ своихъ послѣдствіяхъ, а независимо отъ поступковъ другихъ и отъ того, что, вообще, совершается во внѣшнемъ мірѣ. Любовь даетъ благо тѣмъ, что соединяетъ человѣка съ Богомъ; при этомъ, человѣкъ не только не желаетъ для себя ничего, но готовъ отдать другимъ все, что имѣетъ, и самую жизнь. А потому положимъ нашу жизнь на усиленіе любви въ самомъ себѣ и предоставимъ міру идти, какъ онъ хочетъ, т. е. какъ суждено ему свыше [45]).

XI.

Воспитывая любовь въ своей душѣ и стремясь подняться на высоту добродѣтельной жизни, человѣкъ долженъ помнить о необходимости послѣдовательно пріобрѣтать добрыя качества. И въ христіанствѣ, и въ язычествѣ движеніе къ совершенству не можетъ происходить иначе, какъ отъ низшихъ степеней добродѣтели къ высшимъ.

Если человѣкъ вѣритъ, что можетъ спастись помимо исполненія завѣтовъ Христа, которые касаются нравственности, то не станетъ стремиться къ достиженію совершенства съ тою энергіей, съ какою стремятся люди, не знающіе иныхъ средствъ, кромѣ личныхъ усилій. Такъ и случилось съ тѣми, которые внѣшнимъ образомъ исповѣдываютъ христіанство. Они отбросили языческую

постепенность въ стремленіи къ добродѣтели, не приняли христіанской послѣдовательности и остались безъ всякаго руководства. Большинство внѣшнихъ людей убѣждено, что изнѣженность, вкусная пища, разнообразныя наслажденія не мѣшаютъ доброй жизни. Но такъ какъ у нихъ не слагается доброй жизни, то они предаются пессимизму и жалуются на трагическое положеніе человѣка.

Жизнь тѣмъ добрѣе, чѣмъ меньше попеченій и заботъ о себѣ, чѣмъ меньше требованіе чужого труда для себя и чѣмъ больше любви къ другимъ, заботы о нихъ и трудовъ на пользу ближнихъ. Необходимо, чтобы это было не на словахъ только, а на дѣлѣ.

Мы такъ привыкли обманывать себя, что не удивляемся, когда говорятъ о добродѣтеляхъ людей, живущихъ распущенно и въ большой нѣгѣ. Дабы хотя немного подвинуться на пути къ добродѣтели, такой человѣкъ долженъ былъ бы упростить свою жизнь, отказаться отъ изнѣженности. Онъ могъ бы, съ выгодой для своего здоровья и нравственности, спать на полу, какъ Маркъ Аврелій. Тогда не были бы нужны всѣ работы для изготовленія матрацовъ, пружинъ, пуховыхъ подушекъ; не былъ бы нуженъ ежедневный трудъ прачки, слабаго существа, которое моетъ бѣлье. Онъ могъ бы лечь раньше и встать раньше; это сократило бы труды, которые обезпечиваютъ ему вечернее освѣщеніе. Онъ могъ бы оставаться днемъ и ночью въ одной и той же рубашкѣ, умываться водой у колодца, словомъ, жить такъ, какъ живутъ люди, которые работаютъ на него. Это сдѣлало бы ненужнымъ трудъ, который доставляетъ ему теперь одежду, утонченную пищу, увеселенія.

Первое условіе доброй жизни есть воздержаніе, а основное условіе воздержной жизни — постъ. Можно, не постясь, желать быть добрымъ; но, въ дѣйствительности, нельзя быть добрымъ безъ поста. Толстой рекомендуетъ, прежде всего, воздержаніе отъ мясной пищи. Онъ изображаетъ тяжелое впечатлѣніе, которое получилъ на бойнѣ; такое же впечатлѣніе производитъ она и на другихъ. Убійство животныхъ безнравственно. Но въ поступкахъ людей обнаруживается прискорбное противорѣчіе. Люди знаютъ, что животныхъ убиваютъ на бойнѣ, боятся видѣть это и даже думать объ этомъ и, тѣмъ не менѣе, употребляютъ мясо, которое вовсе не нужно для поддержанія здоровья, а только способно воспитывать въ людяхъ звѣрскія чувства и развивать похоти [45]).

Еще больше настаиваетъ Толстой на томъ, чтобы люди не одурманивались, воздерживались отъ употребленія спиртныхъ напитковъ и табаку. Онъ проводитъ мысль, что люди употребляютъ эти возбуждающія средства не отъ скуки, не для веселья, а для скрытія отъ себя указаній совѣсти.

Люди прибѣгаютъ къ одурманивающимъ средствамъ или для того, чтобы не было совѣстно, когда сдѣлано что-нибудь безнравственное, или для того, чтобы привести себя въ состояніе, когда можно совершить дурной поступокъ, къ которому влечетъ человѣка его животная природа. Трезвому совѣстно украсть или убить, пьяному же не совѣстно. И вотъ человѣкъ одурманивается, дабы сдѣлать то, что запрещаетъ совѣсть. Всѣмъ извѣстно, что не мало людей спивается съ круга вслѣдствіе преступленій, за которыя ихъ мучаетъ совѣсть. Люди, живущіе безнравственно, особенно склонны къ одурманивающимъ веществамъ: таковы шайки воровъ, разбойниковъ, проститутки.

Словомъ, употребленіе этихъ веществъ въ большихъ или малыхъ размѣрахъ, періодически или постоянно, въ высшемъ или низшемъ кругу вызываются одной и той-же причиной — потребностью не видѣть разлада жизни съ требованіями сознанія.

Особенно вредно употребленіе табаку. Онъ опасенъ тѣмъ, что болѣе доступенъ, нежели вино, и всегда можетъ быть у человѣка подъ руками. Между образомъ жизни людей и ихъ пристрастіемъ къ куренію наблюдается опредѣленная связь. Мальчики начинаютъ курить почти всегда въ то время, когда теряютъ дѣтскую невинность. Люди перестаютъ курить, какъ скоро становятся въ болѣе нравственныя условія жизни, и снова начинаютъ курить, какъ только попадаютъ въ развращенную среду; курятъ почти всѣ игроки; изъ женщинъ всего меньше курятъ тѣ, которыя ведутъ правильный образъ жизни. Табакъ заглушаетъ голосъ совѣсти: предаваясь своей страсти, курильщикъ пренебрегаетъ начальными требованіями общежитія и не затрудняется напустить дыма въ комнатѣ, гдѣ находятся некурящія женщины и дѣти.

Ужасно, что люди курятъ не отъ скуки, а для заглушенія голоса совѣсти. Каждый можетъ вспомнить свое душевное состояніе въ любой періодъ жизни. Каждый найдетъ, что передъ нимъ стояли извѣстные нравственные вопросы; отъ ихъ разрѣшенія зависѣло все благо жизни, а для разрѣшенія нуженъ былъ напряженный трудъ. Какъ только эти вопросы начинаютъ мучить

человѣка, онъ прибѣгаетъ къ одурманивающимъ средствамъ и спасается отъ безпокойства, которое причиняютъ тревожныя думы. Одурманивающійся часто стоитъ неподвижно на разъ усвоенномъ неясномъ міросозерцаніи, полномъ противорѣчій. Во всякій періодъ наступающаго просвѣтленія онъ упирается въ ту самую стѣну, въ которую упирался 10—20 лѣтъ назадъ. Ему нечѣмъ пробить эту стѣну, ибо онъ сознательно притупляетъ остріе мысли, которое одно могло бы пробить ее [47]).

Ужасны послѣдствія потребленія опіума, гашиша, алкоголя для отъявленныхъ пьяницъ. Но еще болѣе ужасны для всего общества послѣдствія умѣреннаго употребленія водки, вина, пива и табаку, которому предается большинство людей, особенно, такъ называемыхъ, образованныхъ классовъ. Вѣдь, руководящая дѣятельность общества — политическая, служебная, научная, литературная, художественная — производится, большею частью, людьми пьяными. Кто, какъ большинство изъ людей состоятельныхъ классовъ, употребляетъ спиртные напитки при каждомъ принятіи пищи, тотъ не можетъ быть вполнѣ трезвымъ на другой день, въ періодъ времени, когда работаетъ. Большая часть того, что творится въ нашемъ мірѣ людьми управляющими и поучающими, а также управляемыми и поучаемыми, совершается въ нетрезвомъ состояніи. Воинская повинность служитъ для Толстого однимъ изъ примѣровъ, которые подкрѣпляютъ это положеніе. Всѣ европейскіе народы заняты тѣмъ, чтобы придумывать наиболѣе вѣрныя средства убивать людей и обучать убійству гражданъ, достигшихъ зрѣлаго возраста. Всѣ знаютъ, что неоткуда ждать нападенія варваровъ, что приготовленія къ убійству направлены христіанскими народами другъ противъ друга. Всѣ знаютъ, что это тяжело, неудобно, безнравственно и безбожно, и всѣ готовятся ко взаимному убійству. Это могутъ дѣлать только пьяные, которые не вытрезвляются никогда.

Отношенія между полами должны быть построены совсѣмъ иначе, нежели въ современномъ обществѣ [48]). Половая любовь должна быть развѣнчана. Не слѣдуетъ смотрѣть на нее, какъ на состояніе поэтическое и возвышенное; нужно признавать ее чувствомъ унизительнымъ и животнымъ. Необходимо воспитывать дѣтей такъ, чтобы они не были изнѣжены, чтобы чувственность не пробуждалась въ нихъ слишкомъ рано. Нужно, чтобы мужчины и женщины не задавались, какъ важною цѣлью, отысканіемъ любви въ бракѣ и, тѣмъ болѣе, внѣ брака. Толстой совѣ-

туетъ людямъ оставаться въ полномъ цѣломудріи и даже воздерживаться отъ вступленія въ бракъ. «Идеалъ христіанина есть любовь къ Богу и ближнему, есть отреченіе отъ себя для служенія Богу и ближнему; плотская же любовь, бракъ, есть служеніе себѣ, и потому есть во всякомъ случаѣ препятствіе служенію Богу и людямъ, и потому, съ христіанской точки зрѣнія — паденіе, грѣхъ. Вступленіе въ бракъ не можетъ содѣйствовать служенію Богу и людямъ даже въ томъ смыслѣ, если бы вступающіе въ бракъ имѣли цѣлью продолженіе рода человѣческаго. Такимъ людямъ, вмѣсто того, чтобы вступать въ бракъ для произведенія дѣтскихъ жизней, гораздо проще поддерживать и спасать тѣ милліоны дѣтскихъ жизней, которыя гибнутъ вокругъ насъ отъ недостатка, не говоря уже духовной, но матеріальной пищи. Только въ томъ случаѣ могъ бы христіанинъ безъ сознанія грѣха вступить въ бракъ, если бы онъ видѣлъ и зналъ, что всѣ существующія жизни дѣтей обезпечены» [49]).

Если же люди не устояли въ борьбѣ со своими влеченіями и вступили въ бракъ, то для нихъ является новая, болѣе ограниченная сфера служенія Богу и людямъ. Необходимо строго исполнять обѣщаніе вѣрности, данное при вступленіи въ бракъ; общественному мнѣнію слѣдуетъ наказывать нарушеніе этого обѣщанія, по крайней мѣрѣ, такъ же строго, какъ наказываются нарушенія денежныхъ обязательствъ и обманы въ торговлѣ. До брака человѣкъ могъ непосредственно служить Богу и людямъ въ самыхъ разнообразныхъ формахъ; вступленіе же въ бракъ требуетъ отъ него воспитанія потомства, будущихъ служителей Богу и людямъ. Мужчина и женщина, живущіе въ бракѣ, должны прилагать всѣ старанія, дабы освобождать себя отъ соблазна, очищать себя и прекращать грѣхъ, замѣняя плотскую любовь отношеніями сестры и брата.

Совѣты, которые Толстой подаетъ женщинамъ, являются дальнѣйшимъ развитіемъ этихъ мыслей. Стремясь пріурочить ихъ, по возможности, только къ семьѣ, онъ рѣзко порицаетъ женщинъ, которыя тяготятся дѣтьми и стараются не имѣть ихъ вовсе, или же имѣть въ наименьшемъ числѣ. Какъ мужчинѣ данъ законъ труда, такъ женщинѣ данъ законъ рожденія дѣтей. Понимаютъ истинный смыслъ жизни только тѣ женщины и матери, которыя сознательно подчиняютъ себя этому закону. Такія матери сами выкармливаютъ дѣтей, моютъ ихъ, учатъ, спятъ съ ними и полагаютъ въ этомъ главную задачу жизни. Такая мать не ищетъ для

дѣтей внѣшняго обезпеченія въ видѣ денегъ мужа или дипломовъ дѣтей, но воспитываетъ въ нихъ способность самоотверженнаго исполненія воли Божіей.

Мужчина, проводящій большую часть жизни въ физическомъ и умственномъ трудѣ, а женщина—въ свойственномъ исключительно ей рожденіи дѣтей, ихъ кормленіи и возращеніи, чувствуютъ, что исполняютъ свой долгъ. Они въ равной мѣрѣ будутъ возбуждать уваженіе и любовь другихъ людей, ибо дѣлаютъ то, что предназначено имъ по ихъ природѣ.

Трудъ мужчины плодотворенъ только тогда, когда направленъ къ уменьшенію страданій людей отъ нужды, невѣжества и ложнаго общественнаго устройства. А идеальной женщиной слѣдуетъ признать ту, которая усвоила высшее міровоззрѣніе своего времени и, отдавшись своему женскому призванію, родитъ, выкормитъ и воспитаетъ наибольшее число дѣтей, способныхъ работать для людей, согласно съ міросозерцаніемъ матери.

Бездѣтныя же вдовы и женщины, которыя не вышли замужъ, сдѣлаютъ хорошо, если будутъ участвовать во многообразномъ мужскомъ трудѣ. Слѣдуетъ посовѣтовать это и всѣмъ женщинамъ, когда онѣ кончили производить дѣтей; ихъ содѣйствіе мужчинамъ будетъ драгоцѣнно. Но всегда жалко видѣть молодую женщину, занятую мужскимъ трудомъ; можно сравнить ее съ богатымъ черноземомъ, который засыпанъ щебнемъ и служитъ только мѣстомъ прогулки.

Жизнь людей не можетъ быть нравственной, пока ручной трудъ не пользуется общимъ уваженіемъ и не имѣетъ преобладанія надъ всѣми другими видами занятій [51]). Въ нашемъ обществѣ наблюдается стремленіе освободиться отъ ручного труда, навязать его классамъ невѣжественнымъ и неимущимъ.

Это безнравственно. Главное условіе счастья—то, что человѣкъ имѣетъ основаніе считать свое дѣло не только не безполезнымъ и не вреднымъ, но добромъ для другихъ. Именно это и заставляетъ искренняго человѣка предпочитать ручной трудъ научной и артистической работѣ. Для пользованія трудами писателей, музыкантовъ, живописцевъ нужна работа множества людей—печатниковъ, музыкантовъ, производителей красокъ и холста; но польза многихъ изъ этихъ работъ очень сомнительна. Простой же ручной трудъ даетъ немедленно удовлетвореніе тѣмъ, для кого производится. Очевидна польза, принесенная вспаханьемъ поля за больного хозяина, перевязкою раны, посадкою дерева, кормле-

ніемъ теленка, чисткою колодца. Призваніе людей науки и искусства заслуживаетъ уваженія только тогда, когда они занимаются своимъ дѣломъ съ самоотверженіемъ; но ручной трудъ есть долгъ и счастье для всѣхъ. Кто освобождаетъ себя отъ него подъ предлогомъ особеннаго влеченія къ наукѣ и искусству, устраиваетъ себѣ жизнь дармоѣда, тотъ можетъ создавать произведенія только ложной науки и ложнаго искусства.

XII.

Задаваясь вопросомъ, что дѣлать, Толстой начертываетъ такой планъ [52]).

Не слѣдуетъ бояться истины, куда бы она ни привела. Мы, такъ называемые, образованные люди зашли очень далеко по ложной дорогѣ. Чтобы опомниться и признать ложь, въ которой живемъ, нужна большая рѣшительность или большія страданія. Но разъ признана ложность пути, на которомъ стоитъ человѣкъ, то становятся понятными запутанныя и безсмысленныя явленія жизни

Затѣмъ нужно покаяться, т. е. измѣнить оцѣнку своего положенія и своей дѣятельности: вмѣсто ея полезности и серьезности—признать ея вредъ и пустячность; вмѣсто своего образованія признать свое невѣжество, вмѣсто доброты—свою безнравственность. Покаяться—значитъ соскоблить съ себя гордость нашимъ образованіемъ и утонченностью, признать себя человѣкомъ ненужнымъ, который желаетъ исправиться. Покаяніе не только не страшно, но радостно и плодотворно. Стоитъ только признать истину цѣликомъ и покаяться, и тотчасъ станетъ понятно, что въ дѣлѣ жизни никто не имѣетъ правъ и преимуществъ, а обязанностямъ нѣтъ конца. Участіе въ борьбѣ съ природой за свою жизнь и жизнь другихъ людей составляетъ важнѣйшую обязанность человѣка. Кормиться, одѣваться, отопляться, обстраиваться и въ этомъ самомъ служить людямъ—таково мое главное дѣло.

Человѣкъ можетъ полагать свое призваніе въ разнообразныхъ отрасляхъ дѣятельности: въ томъ, чтобы управлять людьми, защищать соотечественниковъ, совершать богослуженіе, поучать другихъ, придумывать средства для увеличенія пріятности жизни, открывать законы міра, воплощать вѣчныя истины въ образахъ и т. д. Но первой и несомнѣнной обязанностью разумнаго человѣка всегда будетъ участіе въ борьбѣ съ природой для поддер-

жанія своей жизни и жизни другихъ людей. Для того, чтобы защищать людей, поучать ихъ, дѣлать ихъ жизнь болѣе пріятною, надо сохранять жизнь. Если же я не участвую въ борьбѣ съ природою, то поглощаю чужіе труды и уничтожаю чужія жизни.

Обязанность человѣка бороться съ природой есть основной законъ. Онъ вѣченъ. Разъ люди отступаютъ отъ него, то неизбѣжно навлекаютъ на себя бѣдствія. Основная обязанность состоитъ въ томъ, чтобы производить всю тяжелую черную работу, которая необходима для избавленія человѣка отъ голода и холода; человѣкъ обязанъ добывать хлѣбъ, питье, одежду, жилье, топливо.

Отчего, спрашиваетъ Толстой, происходятъ бѣдствія людей? Если исключить прямое насиліе, то они происходятъ отъ голода, лишеній всякаго рода, тяжелой работы, а наряду съ этимъ—отъ излишества, праздности и вызываемыхъ ими пороковъ. Предъ человѣкомъ и возникаетъ священная обязанность: содѣйствовать уничтоженію неравенства, бѣдствій отъ нужды для однихъ и бѣдствій отъ соблазновъ для другихъ. Цѣль достигается всего лучше, если каждый удаляетъ отъ себя излишество и праздность и работаетъ своими руками.

Если человѣкъ, живя одинъ, забудетъ объ обязанности бороться съ природой, то его тѣло погибнетъ почти немедленно. Если же человѣкъ освободитъ себя отъ этой обязанности, заставляя другихъ исполнять ее, то также послѣдуетъ наказаніе: уничтожится его жизнь, поскольку она имѣетъ разумный смыслъ.

Нужно ли организовать ручной трудъ, устроить сообщество въ деревнѣ для приложенія силъ къ землѣ? Это ненужно: если человѣкъ работаетъ не въ видахъ пріобрѣтенія возможности быть праздным и пользоваться чужимъ трудомъ (такова дѣятельность людей, наживающихъ деньги), если онъ стремится удовлетворить потребности, то его, само собою, влечетъ изъ города въ деревню, къ землѣ, туда, гдѣ этотъ трудъ является самымъ плодотворнымъ и радостнымъ. Не нужно составлять какое-либо сообщество: кто трудится, тотъ, естественно, примыкаетъ къ сообществу людей трудящихся, которое уже существуетъ.

Въ предисловіи къ книжкѣ Бондарева Толстой развиваетъ эти мысли болѣе подробно. Онъ отправляется отъ завѣта Священнаго Писанія: «въ потѣ лица твоего снеси хлѣбъ твой, дондеже возвратишися въ землю, отъ нея же взятъ». Если религіозная проповѣдь приведетъ людей къ признанію священнаго первороднаго

закона труда, то всѣ будутъ работать и ѣсть хлѣбъ, добытый собственными руками. Хлѣбъ и другіе предметы первой необходимости выйдутъ изъ круга купли-продажи. Не будетъ людей, гибнущихъ отъ нужды. Если, вслѣдствіе несчастныхъ случайностей, человѣкъ не заработаетъ достаточнаго корма для себя и своей семьи, то другой, которому благопріятныя условія позволили пріобрѣсти лишнее, дастъ неимущему. Онъ дастъ уже потому, что ему некуда будетъ дѣвать хлѣбъ, который не составляетъ предмета продажи Исчезнетъ соблазнъ, который, проистекая изъ необходимости, вынуждаетъ многихъ добывать хлѣбъ хитростью или насиліемъ. Исчезнетъ то настроеніе человѣческой мысли, въ силу котораго всѣ усилія ума направлены не на облегченіе труда работающихъ, а на украшеніе праздности людей праздныхъ.

Дабы еще лучше оттѣнить правильность этого взгляда, Толстой предлагаетъ читателю остановить на нѣкоторое время дѣятельность ума и спросить только сердце. «Кто бы ты ни былъ, какъ бы ни былъ одаренъ, какъ бы ты ни былъ добръ къ людямъ, окружающимъ тебя, въ какихъ бы ты ни былъ условіяхъ, можешь ли ты быть спокоенъ за своимъ чаемъ, обѣдомъ, за своимъ государственнымъ, художественнымъ, ученымъ, врачебнымъ, учительскимъ дѣломъ, когда ты слышишь или видишь у своего крыльца голоднаго, холоднаго, больного, измученнаго человѣка? Нѣтъ, а вѣдь они всегда тутъ, не у крыльца, такъ за 10 саженъ, за 10 верстъ. Они есть и ты знаешь это» [53]).

По мнѣнію Толстого, такое положеніе дѣлъ отравляетъ радости людей состоятельныхъ классовъ. Онъ совѣтуетъ имъ стать рядомъ съ тѣми, которые кормятъ голодныхъ, одѣваютъ холодныхъ, совѣтуетъ взяться слабыми, неумѣлыми руками за хлѣбный трудъ, за борьбу съ природой. Каждый, кто сдѣлаетъ этотъ переходъ, почувствуетъ твердую почву подъ ногами и познаетъ неотравленныя радости. Тѣ же простые и сильные люди, которые неустанно борются съ природой, встрѣтятъ благодарностью и уваженіемъ человѣка. рѣзко измѣнившаго свою жизнь; они будутъ признательны, что онъ опомнился, хочетъ помогать имъ своими неумѣлыми руками.

Занятіе любою грубою работой вполнѣ примиряется съ умственной дѣятельностью. Если изъ 24 часовъ удѣлить ежедневно нѣсколько часовъ на занятіе наукой или искусствомъ, то успѣешь создать очень много въ области духовнаго труда. Физическая работа сдѣлаетъ человѣка нашего круга сильнѣе, бодрѣе, веселѣе и

добрѣе. Она покажетъ, что не нужны разныя мудрости, которыя служатъ для поддержанія тѣлесной жизни, когда она изъята изъ естественныхъ условій труда: не будутъ нужны разныя тонкія приспособленія, дабы приготовлять пищу, питье, помѣщеніе; не нужны будутъ лекарства, массажъ, гимнастика. Окажутся излишними разныя ухищренія человѣческаго ума, дабы поддержать духовную жизнь человѣка внѣ его труда для другихъ людей: таковы газеты, театры, концерты, визиты, балы, карты, романы. Все, что мы называемъ культурой—наши науки и искусства, усовершенствованіе пріятностей жизни—является попыткой обмануть нравственныя требованія человѣка; все, что называемъ гигіеной и медициной, составляетъ попытки обмануть естественныя требованія физической природы человѣка.

Необходимо усвоить простой и правдивый взглядъ, съ которымъ выростаютъ и живутъ рабочіе люди, что человѣкъ прежде всего—машина. Она заряжается ѣдой для того, чтобы работать, а потому стыдно ѣсть и не трудиться. Такое состояніе противоестественно и безбожно; оно должно быть приравнено содомскому грѣху.

Толстой сводитъ къ четыремъ разрядамъ всѣ виды человѣческой дѣятельности: 1) дѣятельность мышечной силы—тяжелый трудъ рукъ, ногъ, спины; 2) дѣятельность пальцевъ и кисти рукъ—мастерство; 3) дѣятельность ума и воображенія; 4) общеніе съ другими людьми. Вся совокупность благъ, которыми пользуется человѣкъ, является результатомъ труда всѣхъ этихъ разрядовъ: хлѣбъ, скотина, постройки, колодцы составляютъ плодъ тяжелаго труда; ремесленный трудъ даетъ человѣку одежду, обувь, утварь и т. п., трудъ третьяго рода надѣляетъ людей произведеніями науки и искусства.

Слѣдуетъ разбить рабочее время сутокъ на 4 отдѣла и чередовать занятія такъ, чтобы каждая упряжка была посвящена одному изъ четырехъ родовъ труда.

Удовлетвореніе всѣхъ потребностей человѣка требуетъ того самаго чередованія разныхъ работъ, которое дѣлаетъ трудъ не тягостью, а радостью. Раздѣленіе труда неестественно и тягостно, а чередованіе труда—радостно. Если баринъ разжаловалъ конторщика въ мужики или министра сослали на поселеніе, то ихъ наказали, сдѣлали имъ дурное. Въ сущности, ихъ облагодѣтельствовали, такъ какъ замѣнили ихъ спеціальную работу радостнымъ чередованіемъ труда.

Для людей, которые смотрятъ на трудъ, какъ на сущность и радость жизни, основой существованія будетъ всегда борьба съ природой, трудъ земледѣльческій, ремесленный, умственный и установленіе общенія между людьми. Пусть не говорятъ намъ, что раздѣленіе труда выгодно. Это вѣрно, если все дѣло въ томъ, чтобы надѣлать какъ можно больше ситцевъ и булавокъ. Но дѣло, вѣдь, въ благѣ людей, а благо въ жизни. Для всѣхъ людей выгоднѣе то самое, чего я для себя желаю—наибольшаго блага и удовлетворенія всѣхъ потребностей тѣлесныхъ и душевныхъ, совѣсти и разума, которые вложены въ меня.

Толстой увѣренъ, что люди лишь постепенно начнутъ слѣдовать его совѣтамъ. Что же случится, спрашиваетъ онъ, если я, другой, третій, нѣсколько десятковъ людей не будутъ пренебрегать физическимъ трудомъ, а будутъ считать его необходимымъ для своего счастья и спокойствія совѣсти? Послѣдствіемъ будетъ то, что эти люди, не приходя ни съ кѣмъ въ столкновеніе, безъ насилія правительственнаго и революціоннаго, разрѣшатъ для себя страшный вопросъ, который стоитъ передъ всѣмъ міромъ. Глядя на нихъ, другіе увидятъ, что благо, котораго они ищутъ вездѣ, здѣсь же, подъ руками, что надо сближаться съ людьми и любить ихъ. Разъ жизнь человѣка наполнена трудомъ, то отдыхъ доставляетъ ему наслажденіе, а потому ему не нужно комнатъ, мебели, разнообразныхъ красивыхъ одеждъ, дорогой пищи, средствъ передвиженія и разсѣянія. Главное же—то, что человѣкъ, считающій трудъ радостью своей жизни, не будетъ искать облегченія, которое можетъ доставить ему работа другихъ. Для человѣка, который полагаетъ смыслъ жизни въ трудѣ, а не въ его результатахъ, не въ пріобрѣтеніи собственности, не можетъ быть и вопроса объ орудіяхъ труда. Онъ будетъ предпочитать орудія, наиболѣе совершенныя; если же ихъ не окажется, то станетъ работать и простѣйшими орудіями. Если не окажется парового или коннаго плуга, то будетъ пахать сохой; не имѣя сохи, онъ начнетъ копать скребкой. Но, при всѣхъ условіяхъ, онъ будетъ радоваться, что проводитъ жизнь въ полезномъ трудѣ.

Глядя на этихъ двухъ-трехъ сумасшедшихъ, люди поймутъ, что должны дѣлать всѣ, дабы развязать страшный узелъ, въ который затянуло ихъ суевѣріе собственности. Одинъ-два человѣка потянутъ. Къ нимъ будутъ присоединяться лучшіе люди до тѣхъ поръ, пока не двинется дѣло. Сперва къ числу людей, работающихъ сознательно для исполненія закона Бога, примкнутъ тѣ, которые

относятся къ этому полусознательно и принимаютъ многое на вѣру. Затѣмъ будетъ все больше приставать такихъ, которые подчиняются авторитету передовыхъ людей. Постепенно примкнетъ огромное большинство, и люди найдутъ счастье.

Толстой увѣренъ, что это наступитъ въ недалекомъ будущемъ: члены высшаго круга, а за ними и огромное большинство, излечатся отъ ложнаго стыда, которымъ теперь, почти сплошь, заражены люди, и станутъ на путь истинно человѣческой жизни. Увѣренность Толстого поддерживается воспоминаніемъ о томъ, какъ измѣнилось въ Россіи общественное мнѣніе со времени отмѣны крѣпостного права. Тогда богатые люди стыдились выѣзжать иначе, какъ на четверкѣ съ двумя лакеями, и не имѣть лакея и горничной, чтобы одѣвать, обувать, умывать господъ. А теперь стало стыдно пользоваться помощью прислуги при одѣваніи и умываніи, стало стыдно ѣздить съ лакеями.

XIII.

Человѣкъ можетъ облегчить свой путь къ направленію къ истинно человѣческой жизни посредствомъ недѣланія [54]).

Толстой вмѣшался въ обмѣнъ мнѣній между Зола и Дюма. Первый произнесъ въ собраніи парижскихъ студентовъ рѣчь о значеніи труда, который является наиболѣе надежнымъ средствомъ прожить жизнь честно, почти спокойно и пріобрѣсти счастье, какое только возможно на землѣ. По мнѣнію Зола, работающій всегда добръ; вѣра, способная спасти людей, есть вѣра въ совершенное усиліе. Дюма же, обсуждая этотъ вопросъ, не придаетъ труду рѣшающаго значенія. Наиболѣе важно, по его мнѣнію, то, что міръ вступаетъ въ періодъ, когда осуществятся слова: «любите другъ друга!» Многіе будутъ охвачены бѣшенствомъ взаимной любви. Люди будутъ неудержимо желать, чтобы скорѣе наступило это время.

Толстой высказывается противъ Зола. Онъ находитъ, что напряженный трудъ не только не служитъ средствомъ нравственнаго улучшенія человѣка, но часто мѣшаетъ его усовершенствованію. Такой трудъ производитъ на людей дѣйствіе чего-то одуряющаго. Тѣ, которые рекомендуютъ его, въ сущности не вѣрятъ, чтобы онъ былъ средствомъ спасенія человѣчества; такими совѣтами стараются только отвлечь вниманіе людей отъ истиннаго назначенія человѣческой жизни.

Толстой вспоминаетъ о китайскомъ мыслителѣ Лаодзе. По его ученію, бѣдствія людей происходятъ въ меньшей степени отъ невыполненія того, что нужно, нежели отъ совершенія того, чего не слѣдовало бы дѣлать. Люди избавились бы отъ бѣдствій личныхъ и, особенно, общественныхъ, которыя, главнымъ образомъ, имѣетъ въ виду Лаодзе, если бы соблюдали недѣланіе. Толстой раздѣляетъ этотъ взглядъ. Не слѣдуетъ поощрять, говоритъ онъ, биржевого игрока, банкира, фабриканта, подъ руководствомъ котораго тысячи людей губятъ жизнь надъ производствомъ зеркалъ, табаку, водки; не слѣдуетъ поощрять ихъ, хотя бы они работали очень усердно. Нужно сказать то же о людяхъ, которые трудятся для науки. Время и трудъ многихъ писателей не только пропали даромъ, но даже причинили вредъ. Онъ былъ двоякій: во-первыхъ, для приготовленія этихъ писаній тысячи другихъ людей производили бумагу, шрифтъ, набирали, печатали, кормили и одѣвали тружениковъ науки; во вторыхъ, эти сочинители продолжаютъ со спокойной совѣстью свое, никому не нужное, дѣло; а если бы они играли въ карты или горѣлки, то чувствовали бы свою вину передъ обществомъ.

Трудолюбіе не есть добродѣтель: трудъ составляетъ потребность; если человѣкъ не можетъ удовлетворить ее, то испытываетъ страданіе. А въ нашемъ, ложно организованномъ, обществѣ трудъ уподобляется куренію и пьянству, ибо помогаетъ людямъ забывать о порочности жизни. Если бы у людей нашего времени не было отговорки, ссылки на постоянный трудъ, который поглощаетъ ихъ всецѣло, то они не могли бы жить такъ, какъ живутъ.

Толстой настолько сочувствуетъ Дюма, что считаетъ его слова пророчествомъ: эти слова противоположны всеобщему настроенію людей, среди которыхъ раздаются; люди, слышавшіе ихъ, соглашаются съ ними, хотя и не знаютъ, почему; и наконецъ, подобно пророчеству, предсказаніе Дюма способствуетъ осуществленію того, что предсказываетъ. Можно оспаривать, говоритъ Толстой, близость переворота, котораго ожидаетъ Дюма; можно сомнѣваться въ возможности безумнаго увлеченія людей любовью другъ къ другу. Но не можетъ быть спора о томъ, что, случись это, человѣчество избавилось бы отъ большей части бѣдствій, которыя удручаютъ его.

Великія перемѣны въ жизни одного человѣка или всего человѣчества начинаются и совершаются только въ мысли. Пока

не произошло переворота въ мысляхъ, до тѣхъ поръ жизнь не становится иною, какъ бы ни были значительны внѣшнія перемѣны. Дабы могла произойдти перемѣна въ мысли, человѣкъ долженъ остановиться и обратить вниманіе на то, что нужно понять ему. Въ наше время для измѣненія жизни не нужно предпринимать ничего: нужно только остановиться, не дѣлать того, что дѣлаютъ люди, сосредоточиться и подумать. Въ старину, когда еще не вполнѣ выяснилась бѣдственность языческой жизни, люди могли безсознательно поддерживать рабство, казни, войны, могли разумными доводами защищать свое положеніе. Теперь же это невозможно: люди нашего времени могутъ вести языческую жизнь, но не могутъ оправдывать ее. Стоитъ только остановиться въ своей дѣятельности, примѣнить требованія разума и сердца къ окружающимъ условіямъ своей жизни, и будетъ ясно, что наши поступки образуютъ вопіющее противорѣчіе съ совѣстью и разумомъ. Нынѣшнее устройство жизни поддерживается непрестанной суетой людей; она не даетъ имъ опомниться. Людямъ некогда очнуться, оглянуться на себя и на міръ и спросить себя: что я дѣлаю, зачѣмъ? Сила, которая произвела меня на свѣтъ съ моимъ разумомъ и способностью любить, произвела не для того, чтобы я вообразилъ, будто, для достиженія наибольшаго блага своей личности, я могу распоряжаться, какъ хочу, своею и другими жизнями.

Дабы осуществилось Царствіе Божіе, люди должны любить другъ друга безъ различія лицъ, семейныхъ отношеній и народностей. Дабы измѣнилось ихъ пониманіе жизни, необходимо, чтобы они опомнились. А для этого они должны, хотя на время, остановиться въ своей горячечной дѣятельности.

XIV.

Спокойное отношеніе къ смерти и возможность легко переносить страданія, которыя выпадаютъ на долю человѣка—вотъ великія блага, ожидающія людей, готовыхъ жить по закону Бога [55]).

Если бы люди съ ложнымъ представленіемъ о жизни мыслили правильно, то не боялись бы смерти. Нѣтъ ничего страшнаго въ томъ, сказалъ бы человѣкъ, что я умру. Въ моемъ тѣлесномъ существованіи происходятъ разнообразныя перемѣны; я не боялся и не боюсь ихъ. Въ смерти нѣтъ ничего, противнаго моему

разуму и опыту. Жизнь есть случайная игра силъ въ веществѣ. Сознаніе человѣка есть искра, которая вспыхиваетъ въ веществѣ, при извѣстномъ его состояніи; эта искра, вспыхнувъ, разгорается, постепенно гаснетъ и, наконецъ, совсѣмъ потухаетъ. То, что называютъ жизнью, есть только извѣстное состояніе безконечно мѣняющагося мертваго вещества.

Согласно съ другимъ взглядомъ на жизнь, она есть только то, что я сознаю въ себѣ. Сознаю же я свою жизнь не такъ, что я былъ или буду, но такъ, что я существую, никогда нигдѣ не начинаюсь и никогда нигдѣ не кончаюсь. Моя жизнь проявляется во времени и пространствѣ: но это только ея проявленіе. Я сознаю ее внѣ времени и пространства. При такомъ взглядѣ, призрачно не сознаніе жизни, а все временное и пространственное. Прекращеніе тѣлеснаго существованія не можетъ нарушить моей истинной жизни, а потому, при этомъ взглядѣ, смерти не существуетъ.

Ни какъ животное, ни какъ разумное существо, человѣкъ не можетъ бояться смерти: животное, не имѣя сознанія жизни, не видитъ смерти, а разумное существо, имѣя сознаніе жизни, видитъ въ тѣлесной смерти только естественное, никогда не прекращающееся движеніе вещества.

Человѣкъ боится не смерти, которой онъ не знаетъ, а жизни, которую одну знаетъ его животное и разумное существо. Страхъ смерти есть страхъ ложной жизни. Люди ужасаются мысли о смерти не потому, что боятся окончанія своей жизни, но потому, что тѣлесная смерть ясно показываетъ имъ необходимость истинной жизни, которой они не слѣдуютъ. Они не любятъ думать о смерти; воспоминаніе о ней равносильно для нихъ признанію, что они живутъ не такъ, какъ требуетъ разумъ.

Страхъ смерти поддерживается въ людяхъ тѣмъ, что они боятся потерять свое особенное «я», которое, какъ они чувствуютъ, составляетъ ихъ жизнь. Но сознаніе, держащее все тѣло вмѣстѣ, періодически обрывается: такъ бываетъ во время сна; сознаніе измѣняется, кромѣ того, вмѣстѣ съ перемѣнами въ тѣлѣ. Теперь въ веществѣ моего тѣла нѣтъ ничего общаго съ тѣмъ, что было десять лѣтъ назадъ; точно также не было во мнѣ одного и того же сознанія.

Что же такое это нѣчто, связывающее воедино всѣ послѣдовательныя во времени сознанія? Это—именно, то «я», которое любитъ одно и не любитъ другого.

Принято называть характеромъ это особенное свойство человѣка. Подъ нимъ разумѣютъ то, что образуется у каждаго, вслѣдствіе условій мѣста и времени. Но это несправедливо: это свойство происходитъ не отъ пространственныхъ и временныхъ условій. Напротивъ, они дѣйствуютъ или не дѣйствуютъ на человѣка только потому, что человѣкъ имѣетъ опредѣленное свойство любить одно и не любить другого. Въ силу этого люди, рожденные и воспитанные въ совершенно одинаковыхъ условіяхъ, часто представляются рѣзко противоположными по своему внутреннему «я».

Мое особенное отношеніе къ міру установилось не въ этой жизни и установилось не съ моимъ тѣломъ. А потому можетъ уничтожиться мое особенное отношеніе къ міру, составляющее мое «я», изъ котораго создалось для меня все, что есть. Если бы его не было, то я не зналъ бы ряда своихъ послѣдовательныхъ сознаній, не зналъ бы своей и никакой жизни.

Человѣкъ долженъ брать всю жизнь, а не ея маленькую часть, проявляющуюся въ пространствѣ и времени. Смерть представляется только тому, кто, не признавъ своей жизни въ установленіи разумнаго отношенія къ міру и проявленіи все большей и большей любви, остался на той степени любви къ одному и нелюбви къ другому, съ которыми вступилъ въ земное существованіе. Такой человѣкъ видитъ предъ собою смерть постоянно; его положеніе становится съ каждымъ днемъ и часомъ все хуже и хуже, и ничто не можетъ улучшить его. Для человѣка же, знающаго себя не по отраженію въ пространственномъ и временномъ сознаніи, а по своему возросшему любовному отношенію къ міру, уничтоженіе тѣла есть только признакъ большей степени свѣта.

Когда человѣкъ умеръ, то остается воспоминаніе о немъ, не его рукъ, лица, глазъ, а воспоминаніе его духовнаго облика. Оно тѣмъ ярче, чѣмъ болѣе согласна была жизнь моего друга и брата съ закономъ разума, чѣмъ больше она проявлялась въ любви. Человѣкъ умеръ; но его отношеніе къ міру продолжаетъ дѣйствовать на людей даже гораздо сильнѣе, чѣмъ при жизни; это дѣйствіе все увеличивается и растетъ, какъ все разумное и живое; оно не прекращается никогда. Мой братъ умеръ вчера или тысячу лѣтъ назадъ, и сила его жизни, которая дѣйствовала при его тѣлесномъ существованіи, продолжаетъ еще сильнѣе дѣйствовать во мнѣ и въ тысячахъ и милліонахъ людей. Этому

не мѣшаетъ то, что видимый мнѣ центръ силы исчезъ изъ моихъ глазъ. Если я ищу разумнаго пониманія жизни, то удовольствуюсь знаніемъ, что все, чѣмъ живу, сложилось изъ жизни людей, жившихъ прежде меня и давно умершихъ, и что, поэтому, каждый, кто исполнилъ законъ жизни, подчинилъ свою животную личность разуму и проявилъ силу любви, жилъ и живетъ въ другихъ людяхъ, но прекращеніи своего тѣлеснаго существованія. Сознавая это, я становлюсь свободенъ отъ мученій, которыя заставляетъ испытывать нелѣпое и ужасное суевѣріе смерти.

Человѣкъ познаетъ, что не умретъ, только тогда, когда познаетъ, что не рождался, а всегда былъ, есть и будетъ. Онъ повѣритъ въ свое безсмертіе только тогда, когда признаетъ, что его жизнь не есть волна, а вѣчное движеніе, которое въ земномъ существованіи проявляется только волной.

Наблюденіе надъ собой и другими людьми показываетъ, что отношеніе къ міру, степень любви въ каждомъ изъ насъ не начались съ этою жизнью, а внесены нами въ жизнь изъ прошедшаго, скрытаго отъ насъ плотскимъ рожденіемъ. Мы видимъ также, что все теченіе нашей жизни есть только непрестанное усиленіе нашей любви. Оно не прекращается никогда, но только заслоняется отъ насъ тѣлесною смертью.

Наблюдая тѣлесное существованіе другихъ людей, я вижу, что одна жизнь какъ будто длиннѣе, другая—короче; одна проявляется раньше и дольше остается видимой, другая проявляется позже и скоро опять скрывается отъ меня.

Зачѣмъ же одни проходятъ быстро, а другіе медленно? Намъ кажется, что иной умираетъ въ полномъ расивѣтѣ душевной работы, которая могла бы быть хорошо додѣлана здѣсь. Но это только кажется: человѣкъ умираетъ именно тогда, когда это необходимо для его блага; онъ растетъ и мужаетъ только въ томъ случаѣ, если это нужно для его блага. Человѣкъ умираетъ вовсе не отъ болѣзни легкихъ, рака или выстрѣла, а отъ того, что въ этомъ мірѣ благо его истинной жизни уже не можетъ увеличиться. Мой разумъ свидѣтельствуетъ неопровержимо, что эта жизнь началась не съ рожденіемъ, а была и существуетъ всегда. Онъ показываетъ, что благо этой жизни, возрастая, увеличиваясь, достигаетъ предѣловъ, которые уже не могутъ содержать его, и тогда человѣкъ переходитъ въ другое существованіе.

Страданія, говоритъ Толстой, уничтожаютъ, повидимому, ра-

зумный смыслъ жизни. Человѣкъ занятъ добрымъ дѣломъ, полезнымъ для ближнихъ, и вдругъ его поражаетъ болѣзнь, обрываетъ работу и мучитъ безъ всякаго смысла. Заржавленный винтъ выскакиваетъ изъ рельсовъ, наступаетъ крушеніе поѣзда, и на глазахъ доброй женщины погибаютъ ея дѣти. То мѣсто, на которомъ стоитъ Лиссабонъ, проваливается отъ землетрясенія, и люди, ничѣмъ не повинные, зарываются живыми въ землю.

Разсудочное объясненіе этихъ ужасныхъ случайностей не можетъ удовлетворить людей. Нѣтъ закона, по которому одинъ подвергается случайностямъ, а другой остается неприкосновеннымъ.

Если бы люди, понимающіе свою жизнь, какъ личное существованіе, дѣлали только тѣ выводы, которые вытекаютъ изъ ихъ міросозерцанія, то не остались бы жить ни одной минуты. Никто изъ нихъ не остался бы жить изъ одного страха мучительныхъ и необъяснимыхъ страданій, которыя всегда угрожаютъ намъ. Однако, люди продолжаютъ жизнь, хотя и жалуются на страданія. Не пригодно и то объясненіе, что эта жизнь даетъ больше наслажденій, чѣмъ страданій; напротивъ, и философское размышленіе о жизни и даже простое наблюденіе убѣждаютъ насъ, что земная жизнь есть цѣпь страданій, далеко не искупаемыхъ наслажденіями.

Это странное противорѣчіе можетъ быть объяснено только однимъ: въ глубинѣ души всѣ люди знаютъ, что страданія необходимы для блага ихъ жизни; поэтому они продолжаютъ жить, предвидя страданія или даже подвергаясь имъ.

Какъ разумное существо, человѣкъ долженъ усвоить одно отношеніе къ страданію: сознавать грѣхъ, который произвелъ страданіе, каяться въ немъ и приближаться къ истинѣ. Причина страданія есть нарушеніе закона разумной жизни. Страданія животнаго вызываютъ дѣйствія, направленныя на боль; они уменьшаютъ мучительность страданія. Страданія разумнаго существа вызываютъ дѣятельность, направленную на заблужденія; она освобождаетъ страданіе отъ его мучительности.

Для человѣка, который понимаетъ свою жизнь, какъ животное существованіе, связь между страданіемъ и заблужденіемъ замѣтна только въ нѣкоторыхъ случаяхъ; въ предсмертныхъ страданіяхъ она совершенно ускользаетъ отъ его умственнаго взора.

Человѣкъ можетъ выбрать одно изъ двухъ: или не признавать связи между испытываемыми страданіями и своею жизнью, нести большую часть своихъ страданій, какъ мученія, которыя

не имѣютъ смысла. или же признать, что собственныя заблужденія и поступки, совершенные вслѣдствіе ихъ, и грѣхи, какіе бы они ни были, являются причиною всѣхъ страданій. Тогда приходится видѣть въ страданіи искупленіе отъ грѣховъ моихъ и другихъ людей, какихъ бы то ни было.

Жизнь человѣка состоитъ только въ сознаніи грѣха черезъ страданіе и въ освобожденіи себя отъ заблужденій. Я знаю, что пришелъ въ эту жизнь съ извѣстнымъ знаніемъ истины и что страданій моихъ и другихъ людей было тѣмъ больше, чѣмъ больше было во мнѣ заблужденій; по мѣрѣ того, какъ я освобождался отъ нихъ, было меньше страданій моихъ и другихъ людей, и я достигалъ все бо́льшаго блага. Чѣмъ меньше любви, тѣмъ болѣе мучительными кажутся человѣку страданія: чѣмъ больше любви, тѣмъ менѣе они мучительны. А жизнь разумная, которая проявляется только въ любви, исключаетъ возможность всякаго страданія.

Тѣлесныя боли, дѣйствительно, часто бываютъ велики; но онѣ ужасны только для людей, положившихъ свою жизнь въ плотскомъ существованіи. Да какъ же имъ не быть ужасными, когда человѣку данъ разумъ, дабы уничтожать мучительность страданія, а человѣкъ пользуется этой силой, чтобы увеличить ее.

Всѣ люди и животныя страдали и не переставали страдать. Раны, увѣчья, голодъ, холодъ, болѣзни, всякія несчастныя случайности, роды — все это необходимыя условія существованія. Дѣятельность истинно разумной жизни должна быть направлена на то, чтобы уменьшать эти страданія. Непосредственное любовное служеніе страдающимъ и уничтоженіе общихъ причинъ страданія—вотъ единственная радостная работа жизни.

Страданіе есть сознаніе противорѣчія между грѣховностью всего міра и обязанностью не для кого нибудь, а для меня самого, осуществить всю истину въ жизни своей и всего міра. Если не разумъ, то страданіе, какъ слѣдствіе заблужденія относительно смысла своей жизни, волей-неволей приводитъ человѣка на единственно истинный путь: на немъ нѣтъ зла, а только одно возрастающее благо.

XV.

Какъ же измѣнить общественный строй?

Власть, говоритъ Толстой, могущественна; но за послѣднее время стали понимать, что она, уже по самому существу, угро-

жаетъ людямъ лишеніемъ собственности, свободы и жизни, и что, обыкновенно, государствомъ управляютъ худшіе. Они не только не могутъ своею властью содѣйствовать благу людей, а, напротивъ, являются одной изъ главныхъ причинъ общественныхъ бѣдствій [56]).

Власть должна быть уничтожена; но это не можетъ совершиться насильственно, такъ какъ сила, которая уничтожитъ власть, останется властью. Это можетъ совершиться только путемъ сознанія людей, что не слѣдуетъ ни повиноваться ей, ни участвовать въ ней.

Теперь, подчиняясь правительству, люди разсчитываютъ отвоевать отъ него больше свободы и правъ для народа. Но чѣмъ шире будетъ свобода народа, тѣмъ меньше будетъ у правительства власти и выгодъ, которыя она доставляетъ. Поэтому правительство охотно допускаетъ либеральную болтовню и даже проводитъ нѣкоторыя ничтожныя либеральныя мѣры. Но оно силою подавляетъ всякія попытки, которыя угрожаютъ его существованію или хотя бы выгодамъ. А потому, всѣ старанія служить народу чрезъ парламенты или чрезъ администрацію только усиливаютъ власть правящихъ классовъ.

Тѣ же искренніе люди, которые хотятъ служить народу революціонно-соціалистической дѣятельностью, грѣшатъ двояко. Цѣль, къ которой они стремятся—матеріальное благосостояніе людей—не удовлетворяетъ никого. Негодны и средства. Они безнравственны, такъ какъ заключаютъ въ себѣ обманъ, насиліе, убійство; и при томъ же они не приводятъ къ цѣли: правительства нашего времени сильны и осторожны; никакія хитрости, обманы и жестокости не могутъ свергнуть ихъ, ни, даже, пошатнуть.

Всего болѣе важно измѣнить свойства людей: тогда улучшится и форма жизни. Но одно обстоятельство вводитъ людей въ заблужденіе: измѣненіе личныхъ свойствъ должно начинаться съ самого себя; оно требуетъ много борьбы и труда; измѣненіе же формъ жизни дѣлается легко, безъ внутренней работы надъ собою и имѣетъ видъ важной, значительной дѣятельности. Вотъ почему люди заботятся особенно усердно о созданіи новаго строя жизни.

Благоустроенное общество, далекое отъ всякаго насилія, осуществится только тогда, когда руководители массъ поймутъ, что идеалъ отдаляется отрицаніемъ религіи и направленіемъ дѣятельности народа на служеніе правительству, революціи, соціализму.

Огромныя и прекрасныя духовныя силы затрачиваются теперь на служеніе государству, которое отжило свое время, на защиту его отъ революціи, на попытку произвести революцію и на неосуществимыя мечтанія соціализма.

Дабы освободиться отъ всѣхъ бѣдствій, которыя приноситъ съ собою власть. люди должны только не повиноваться ей [57]). Народы порабощены лишь потому, что примѣняли насиліе противъ насилій или же участвовали въ насиліи ради личныхъ выгодъ. Люди, которые не противятся насилію и не принимаютъ въ немъ участія, не могутъ быть порабощены. Они могутъ быть ограблены, лишены возможности двигаться, изранены, убиты, но не могутъ быть порабощены, т. е. принуждены поступать противно своей разумной волѣ. Такъ бываетъ и съ отдѣльными лицами, и съ цѣлыми народами. Если бы 200 милліоновъ индусовъ не повиновались власти, не шли въ солдаты, не платили податей на дѣла насилія, не подчинялись вводимымъ среди нихъ англійскимъ законамъ, то англичане не могли бы поработить Индію. То же примѣнимо ко всѣмъ покореннымъ народамъ и рабочимъ, которые находятся подъ властью капитала. Капиталисты не господствовали бы надъ ними, если бы сами работники не содѣйствовали своему порабощенію.

Человѣкъ не отказывается отъ повиновенія власти, чтобы не подвергнуться преслѣдованію; но онъ знаетъ, что, повинуясь власти, будетъ подвергаться на войнѣ и въ междуусобіяхъ гораздо худшимъ бѣдствіямъ всякаго рода.

На огромное большинство людей дѣйствуетъ также гипнозъ государственной власти. Легко упрочиваясь потому, что человѣчество лишилось религіознаго сознанія, онъ состоитъ въ самообольщеніи, будто люди, которые порабощаютъ—не просто заблудшіе и порочные люди, а представители высшаго существа—государства, безъ котораго, повидимому, жизнь невозможна.

Толстой развиваетъ эти мысли примѣнительно къ нѣкоторымъ сторонамъ общественнаго строя.

Невѣрно положеніе соціалистовъ, будто земля является такимъ же орудіемъ труда, какъ фабрики и заводы. Не слѣдуетъ совѣтовать рабочимъ, страдающимъ только отъ недостатка земли, чтобы они совсѣмъ забросили ее, овладѣли фабриками, которыя производятъ пушки, зеркала, ленты, и уже потомъ, когда хорошо изучатъ эти отрасли производства, но сдѣлаются неспособными къ земледѣлію, завладѣли и землею [58]).

Рабочимъ, которые уже оставили землю и живутъ фабричнымъ трудомъ, нужны не союзы, товарищества, стачки, а средства, позволяющія освободиться отъ фабричнаго рабства и поселиться на землѣ. Частная земельная собственность является главной причиной бѣдственнаго положенія Западной Европы. Стоитъ только понять преступность и грѣховность этого дѣла, и станетъ ясно, что никакія политическія реформы не дадутъ народу свободы и блага, пока не будетъ прекращено постоянное злодѣяніе, совершаемое земельными собственниками. Человѣкъ, владѣющій землею, на которой я долженъ жить, можетъ распоряжаться мною такъ же свободно, какъ если бы ему принадлежало мое тѣло. Еще въ далекой древности пророки и мудрецы отмѣчали зло и несправедливость частной земельной собственности. Позднѣе все чаще указывали на это зло передовые мыслители Европы, особенно дѣятели французской революціи. Послѣднее время, вслѣдствіе прироста населенія и захвата большихъ площадей свободной земли богатыми людьми, вслѣдствіе общаго образованія и смягченія нравовъ, эта несправедливость стала до такой степени очевидной, что ее чувствуютъ самые заурядные люди. Въ Западной Европѣ и Америкѣ политическіе дѣятели занимаются, для блага народа, самыми разнообразными вопросами. Однако, въ глубинѣ души, они не могутъ не чувствовать, что вертятся въ заколдованномъ кругѣ, изъ котораго нѣтъ выхода, что ихъ дѣятельность въ сферѣ борьбы промышленной и военной можетъ привести только ко всеобщему истощенію народовъ.

И русскіе люди, какъ правительственные, такъ и антиправительственные, стараясь насадить въ Россіи европейскія учрежденія, забываютъ о самомъ главномъ: русскому народу нужна свобода земли отъ частной собственности и установленіе для всѣхъ одного и того же права на землю. Настаивая на этомъ, они будутъ требовать только возвращенія несомнѣннаго права, которое имѣетъ каждое животное: жить на землѣ, кормиться отъ нея и не испрашивать на то согласія другихъ людей. Для большинства же русскихъ рабочихъ вопросъ состоитъ въ томъ, чтобы улучшить положеніе, не бросая земли и не поддаваясь соблазну фабричной жизни. А для этого нужно предоставить рабочимъ земли, которыя захвачены крупными владѣльцами.

Какъ же будетъ уничтожена частная земельная собственность? Всѣ правительства состоятъ изъ людей, живущихъ чужимъ трудомъ. Земельная собственность легче, нежели что-либо дру-

гое, даетъ возможность такой жизни. Правители и большіе землевладѣльцы не допускаютъ уничтоженія земельной собственности, а люди разныхъ званій, которые служатъ у богатыхъ, чувствуя, что съ земельной собственностью связано ихъ выгодное положеніе, или защищаютъ ее, или, по крайней мѣрѣ, не нападаютъ на нее.

Сила всегда была и будетъ на сторонѣ тѣхъ, которымъ принадлежитъ власть, а потому невозможно отнять землю у помѣщиковъ. При попыткахъ рабочихъ воспользоваться этими землями, высылаются войска; они прогоняютъ и убиваютъ рабочихъ и возвращаютъ владѣльцамъ захваченныя земли.

Поступая въ солдаты и повинуясь военному начальству, работники даютъ помѣщикамъ возможность владѣть землями, которыя должны принадлежать всему народу. Они обезпечиваютъ эту возможность еще и тѣмъ, что работаютъ на помѣщичьихъ земляхъ и нанимаютъ ихъ. Стоитъ работникамъ воздерживаться отъ этого, и владѣніе землею станетъ для помѣщиковъ безполезнымъ, даже невозможнымъ, и земля перейдетъ въ общую собственность. Какъ бы ни старались помѣщики замѣнить рабочихъ машинами и, вмѣсто хлѣбопашества, заводить садоводство и лѣса, имъ, все-таки, нельзя обойдтись безъ рабочихъ, а потому они, одинъ за другимъ, волей-неволей откажутся отъ своихъ земель.

Итакъ, средство освободить рабочихъ состоитъ только въ томъ, чтобы понять преступность владѣнія землей и не участвовать въ немъ: не служить солдатами, отнимающими землю у трудового люда, ни работниками, которые обрабатываютъ землю помѣщиковъ, ни съемщиками этихъ участковъ.

Возможность такого образа дѣйствій доказывается тѣмъ, что милліоны людей, не нуждаясь въ помѣщичьихъ земляхъ, занимаются ремесленной работой дома или же разными промыслами вдали отъ семьи. Не нуждаются въ земляхъ и тѣ милліоны крестьянъ, которые покидаютъ старинную осѣдлость и идутъ на новыя мѣста, гдѣ получаютъ достаточный надѣлъ; въ большинствѣ случаевъ они не бѣдствуютъ, даже богатѣютъ. Обходятся безъ работы на помѣщиковъ и тѣ хозяйственные крестьяне, которые владѣютъ малыми участками, ведутъ воздержную жизнь и хорошо обрабатываютъ свою землю. Живутъ такъ и многіе сектанты.

Стало быть, рабочимъ не слѣдуетъ бороться съ правящими классами: нужно заботиться объ измѣненіи не внѣшнихъ условій,

а только самого себя. Но рабочіе руководствуются тѣми же правилами и законами, которыхъ держатся ихъ притѣснители. Правители и богатые классы властвуютъ надъ трудящимся людомъ только потому, что рабочіе желаютъ имѣть въ своемъ распоряженіи тѣ же способы, дабы властвовать надъ собратьями. Строго говоря, работники и не могутъ возставать противъ своихъ угнетателей, такъ какъ держатся того же пониманія жизни. Работнику тяжело отъ гнета, но онъ знаетъ, что поступилъ бы не иначе, а, можетъ быть, поступаетъ точно такъ же относительно собратій.

Предположимъ, что работники, свергнувъ правительство, завладѣли орудіями труда и землею: и тогда у людей, которые руководствуются только заботой о личномъ благосостояніи, найдутся тысячи способовъ извратить строй жизни.

«Развязать грѣхъ частнаго землевладѣнія не могутъ ни политическія реформы, ни соціалистическіе проекты въ будущемъ, ни революціи въ настоящемъ, ни, еще менѣе, филантропическія пожертвованія или правительственныя учрежденія для покупки и раздачи земель крестьянамъ. Такія палліативныя мѣры только отвлекаютъ вниманіе отъ сущности вопроса и этимъ самымъ задерживаютъ разрѣшеніе его. Не нужно никакихъ жертвъ, никакой заботы о народѣ, нужно только сознаніе своего грѣха всѣми людьми, совершающими его или участвующими въ немъ, и желаніе избавленія отъ него» [59]).

Лучшіе люди народа убѣждены, что земля не можетъ быть собственностью только нѣкоторыхъ людей; нужно, чтобы эта истина вошла въ общее сознаніе. Необходимо, чтобы мысль о незаконности права частной собственности на землю имѣла такую же судьбу, какъ мысль о крѣпостномъ правѣ, когда дворянамъ стало совѣстно владѣть крѣпостными, а правительству стало совѣстно поддерживать несправедливый и жестокій порядокъ. Передъ освобожденіемъ крестьянъ у помѣщиковъ вспыхнуло религіозное чувство. Они признавали себя виноватыми; они искали средства избавиться отъ грѣха, который тяготилъ ихъ; они готовы были идти на убытки и даже раззореніе. Освобожденіе крестьянъ въ Россіи было совершено не Александромъ II, а такими людьми, какъ Новиковъ, Радищевъ, Декабристы, которые готовы были страдать за то, что считали правымъ.

Рѣшить земельный вопросъ тѣмъ болѣе не трудно, что способъ рѣшенія, выработанный Джорджемъ, отличается большимъ

совершенствомъ. При существующемъ государственномъ строѣ и обязательныхъ податяхъ, нельзя придумать лучшее рѣшеніе.

Толстой развиваетъ мысль о томъ, какъ, безъ мѣръ насилія, войны отойдутъ въ область преданій [60]).

Онъ разсказываетъ объ одномъ бельгійцѣ, который заявилъ начальству, что не будетъ служить въ національной гвардіи, такъ какъ не хочетъ убивать; молодой человѣкъ выразилъ готовность скорѣе понести тяжелое изказаніе, нежели измѣнить своему рѣшенію. Толстой ожидаетъ, что многочисленные отказы, которые послѣдуютъ за этимъ случаемъ, сдѣлаютъ для правительства невозможнымъ содержать войско. Къ этому факту Толстой пріобщаетъ разсказъ о двухъ русскихъ новобранцахъ, которые были строго наказаны за то, что, бывъ призваны къ отбываніе воинской повинности, упорно отказывались присягать и участвовать въ строевой службѣ.

Теперь, говоритъ Толстой, уклоняются только очень немногіе. Идутъ на службу почти всѣ, такъ какъ боятся наказанія; а въ основѣ этого страха лежитъ одинъ гипнозъ.

Отказываясь отъ военной службы, человѣкъ рискуетъ меньше, нежели при поступленіи на службу. Его можетъ ожидать тюрьма или ссылка; но это часто служитъ выгоднымъ страхованіемъ отъ опасностей солдатчины. Отбывая повинность, человѣкъ рискуетъ тѣмъ, что будетъ участвовать въ войнѣ, гдѣ можетъ быть убитъ или изувѣченъ. Есть и тотъ рискъ, что человѣкъ, хотя не будетъ убитъ на войнѣ, заболѣетъ и умретъ отъ неблагопріятныхъ условій службы. Можетъ случиться и такъ, что, оскорбленный начальствомъ, молодой человѣкъ не выдержитъ, сгрубитъ, нарушитъ дисциплину и подвергнется наказанію, худшему нежели то, которое угрожаетъ ему, въ случаѣ отказа отъ службы. Наиболѣе выгоденъ тотъ исходъ, что, вмѣсто тюрьмы или ссылки, которой подвергаютъ за отказъ, человѣкъ проведетъ 3 или 5 лѣтъ въ приготовленіяхъ къ убійству, въ распутной средѣ, въ такой же неволѣ, какъ тюремная, но только въ унизительной покорности развратнымъ людямъ. При томъ же, отказываясь отъ военной службы, каждый, все-таки, можетъ разсчитывать, что ему не придется нести никакой отвѣтственности, что его отказъ будетъ послѣднимъ обличеніемъ правительственнаго обмана. Онъ можетъ разсчитывать, что уже не найдется одураченныхъ людей, готовыхъ содѣйствовать наказанію человѣка, который не хочетъ участвовать въ ихъ угнетеніи.

Войска не нужны. Страхъ передъ дикими или желтыми людьми, которыхъ мы старательно раздражаемъ и обучаемъ военному дѣлу, является только пустой отговоркой. Для воображаемой защиты отъ этихъ племенъ довольно и 1% войскъ, которыя теперь содержитъ Европа.

Въ связи съ этими мыслями Толстой возстаетъ противъ международныхъ конгрессовъ, собираемыхъ правительствами для разработки вопроса объ уменьшеніи численности войскъ. Всѣ эти конгрессы безплодны. Такъ какъ правительства опираются на силу оружія и не перестаютъ стремиться къ пріобрѣтенію новыхъ владѣній, то всѣ заботы о сокращеніи войска являются пустыми разговорами. Даже заботы международныхъ конференцій о томъ, чтобы не употреблять оружія, которое причиняетъ раненымъ особенно тяжелыя страданія, не представляютъ ничего серьезнаго: раны очень болѣзненны, какимъ бы оружіемъ онѣ ни были нанесены.

Численность войска можетъ уменьшиться, а затѣмъ войско можетъ и совсѣмъ исчезнуть; но это совершится противъ воли, а никакъ не по волѣ правительствъ. Это наступитъ тогда, когда люди перестанутъ довѣрять правительству и будутъ искать спасенія отъ удручающихъ ихъ бѣдствій не въ утонченныхъ комбинаціяхъ дипломатовъ, а въ исполненіи того, что обязательно для каждаго, написано во всѣхъ религіозныхъ ученіяхъ и въ сердцѣ каждаго, когда люди будутъ стараться не дѣлать другому того, чего не хочешь, чтобы тебѣ дѣлали. Войска уменьшатся, а потомъ и уничтожатся, но лишь подъ тѣмъ условіемъ, что общественное мнѣніе будетъ клеймить позоромъ людей, которые продаютъ свою свободу изъ-за страха или выгоды и становятся въ ряды убійцъ, называемыхъ воинами. Это время уже не далеко.

XVI.

Толстой проводитъ рѣзкую разницу между западными и восточными народами: послѣдніе обладаютъ гораздо большими данными, нежели первые, для усвоенія началъ истинной жизни. Въ Письмѣ къ китайцу Толстой ставитъ этотъ народъ очень высоко [61]). Спокойствіе и терпѣніе китайцевъ, говоритъ онъ, побудили европейцевъ обнаружить большую наглость; такъ всегда бываетъ съ грубыми, эгоистическими людьми, каковыми, именно, и были европейцы, напавшіе на Китай. Его населеніе подверглось тяжелымъ испытаніямъ, но до сихъ поръ не измѣнило своего отно-

шенія къ насилію. Они могли видѣть поразительное подтвержденіе истинности этого закона послѣ уступки Портъ-Артура Россіи. Величайшія усилія, дабы оружіемъ защитить Портъ-Артуръ отъ японцевъ и русскихъ, не привели бы къ тѣмъ гибельнымъ послѣдствіямъ, которыя принесла этимъ странамъ уступка Портъ-Артура. Оба государства потеряли матеріально и нравственно. Китайскому народу, въ виду его ума, выдержанности, трудолюбія, а, главное, многочисленности, было бы не трудно прогнать силою всѣхъ европейскихъ грабителей. Но было бы ужасно, если бы китайцы, потерявъ терпѣніе, вооружились по образцу европейцевъ: въ этомъ случаѣ Китай пересталъ бы быть оплотомъ истинной, практической народной мудрости; она состоитъ въ томъ, чтобы жить мирною земледѣльческой жизнью. Всѣмъ разумнымъ людямъ свойственно жить именно такъ; народы, оставившіе эту жизнь, должны сознательно вернуться къ ней рано или поздно.

Государства Западной Европы, съ виду, могущественны; но положеніе ихъ народовъ, сравнительно съ китайцами, самое бѣдственное. Ихъ главное несчастье состоитъ въ томъ, что они не могутъ кормиться собственнымъ хлѣбомъ и поставлены въ необходимость насиліемъ и хитростью добывать средства пропитанія у другихъ народовъ, живущихъ разумной земледѣльческой жизнью, какъ мы то находимъ въ Китаѣ, Индіи, Россіи. «Подражать западнымъ народамъ, испугавшись ихъ наглости и силы, это все равно, что разумному неиспорченному трудолюбивому человѣку подражать промотавшемуся, отвыкшему отъ труда, нападающему на насъ, наглому грабителю, т. е. ... чтобы съ успѣхомъ противодѣйствовать безнравственному злодѣю, сдѣлаться самому такимъ же безнравственнымъ злодѣемъ» [52]).

Толстой высказываетъ пожеланіе, чтобы китайцы не признавали себя принадлежащими къ какому-либо государству и не считали себя отвѣтственными за дѣла, которыя совершаетъ китайское правительство. Всѣ захваты и грабежи европейцевъ въ Китаѣ являются слѣдствіемъ только того, что существуетъ государственная власть, подданными которой признаютъ себя китайцы. Не будь китайскаго правительства,—и у чужестранцевъ не было бы повода совершать злодѣйства подъ личиною международныхъ отношеній. Если бы китайцы не повиновались своему начальству, то не содѣйствовали бы чужимъ властямъ въ насиліи надъ своимъ отечествомъ. Дабы избавиться отъ бѣдствій, которыя обрушились на это государство, китайцамъ не слѣдовало бы посту-

пать на военную службу и участвовать въ какихъ-либо отрасляхъ государственной дѣятельности.

Среди европейскихъ народовъ положеніе русскихъ особенно выгодно [63]). 1) Выяснилось изъ исторіи Запада, что мнимое ограниченіе власти есть только перемѣна властителей, увеличеніе ихъ числа; это ведетъ только къ развращенію и озлобленію людей. Выяснилось и то, что возрастаніе числа участниковъ власти отвлекло множество людей отъ свойственнаго всѣмъ земледѣльческаго труда и привело на фабрику, къ производству разныхъ ненужныхъ и вредныхъ предметовъ. 2) Выгодно и то, что русскій народъ приведенъ къ необходимости измѣнить свое отношеніе къ власти, когда большинство еще живетъ земледѣльческою жизнью и любитъ ее; большая часть русскихъ людей, которые оторвались отъ земледѣлія, готовы вернуться къ нему при первой возможности. А земледѣліе, будучи занятіемъ самымъ нравственнымъ, здоровымъ и нужнымъ, даетъ людямъ истинную независимость; люди всѣхъ другихъ званій и состояній являются только слугами или паразитами земледѣльцевъ. 3) Благопріятнымъ условіемъ является и то, что русскій народъ религіозенъ. Въ отличіе отъ западныхъ народовъ, которые или совсѣмъ потеряли религію или относятся къ ней внѣшнимъ образомъ, русскіе сохранили ближайшую связь съ Евангеліемъ; для огромнаго большинства русскихъ людей христіанское ученіе не перестаетъ быть главнымъ руководствомъ. Это доказывается большой вѣротерпимостью русскихъ, мягкимъ отношеніемъ къ преступникамъ, милосердіемъ и даже уваженіемъ къ нищенству; это доказывается также готовностью на тяжелыя жертвы во имя религіозной истины; самосожигатели служатъ примѣромъ. Не слѣдуетъ упускать изъ вида и отношеніе русскаго народа ко власти. Онъ всегда смотрѣлъ на власть не какъ на благо, а какъ на зло, котораго нужно сторониться. Большинство русскихъ людей переносило всякія тѣлесныя бѣдствія, происходящія отъ насилія, лишь бы не принимать на себя отвѣтственности за участіе въ немъ. Въ своемъ большинствѣ русскій народъ подчинялся и подчиняется власти не потому, что не можетъ свергнуть ее, и не участвуетъ въ ней не потому, что не можетъ добиться участія, а потому, что всегда предпочиталъ и предпочитаетъ подчиненіе насилію, борьбѣ съ нимъ и участію въ немъ. Это установило въ Россіи деспотическое правленіе, т. е. простое господство сильнаго и желающаго бороться надъ слабымъ и не желающимъ бороться.

XVII.

Итакъ, современное государство должно быть разрушено. Люди спасутся отъ бѣдствій, если возстановятъ въ себѣ сознаніе зависимости отъ Бога и вытекающее отсюда разумное и любовное отношеніе къ ближнимъ.

Часто возражаютъ на это, что невозможно жить безъ государства, такъ какъ только государственныя учрежденія удерживаютъ народъ отъ преступленій [64]). Это невѣрно. Большинство людей живетъ доброю жизнью не потому, что есть полиція и войско, а потому, что есть общее нравственное сознаніе; оно поддерживается воспитаніемъ, обычаями, общественнымъ мнѣніемъ. Дѣятельность правительства не уничтожаетъ преступленій, а, напротивъ, понижаетъ уровень общественной нравственности. Во-первыхъ, государство издаетъ множество несправедливыхъ законовъ— о рекрутской повинности, о частной земельной собственности и другихъ. Во-вторыхъ, правительство, какъ мы знаемъ о временахъ Грознаго, Бирона, подвергало людей такимъ мучительнымъ казнямъ и утонченнымъ пыткамъ, до какихъ не могли додуматься самые отъявленные злодѣи изъ народа.

Отстаивая необходимость государства, обыкновенно задаются вопросомъ, что будетъ съ Франціей, Россіей, Германіей, если люди перестанутъ повиноваться правительству. Стоитъ только людямъ, говоритъ Толстой, не повиноваться властямъ, въ видѣ единой Франціи, единой Британіи, — и сами собой исчезнутъ эти ужасные кумиры, которые теперь губятъ душевное и тѣлесное благо милліоновъ. Умиротвореніе людей можетъ быть достигнуто не увеличеніемъ и усиленіемъ государствъ, а уничтоженіемъ государствъ съ ихъ насильственной властью.

Человѣку нужно освободиться отъ суевѣрія, которое теперь властвуетъ надъ нимъ. Такъ, семьѣ, которая живетъ въ Тульской губерніи, строго говоря, нѣтъ никакого дѣла до русскаго государства съ Петербургомъ, Кавказомъ, манчжурскими захватами и дипломатическими хитростями. Семьѣ въ Познани нѣтъ дѣла до Пруссіи съ Берлиномъ и африканскими колоніями. Ирландцу нѣтъ дѣла до Британіи съ Лондономъ, съ египетскими и бурскими дѣлами. Принадлежа къ государству, человѣкъ не можетъ быть свободенъ; чѣмъ болѣе обширно государство, тѣмъ болѣе насилія. Западные народы напрасно ищутъ выхода изъ своего положенія въ имперіализмѣ, милитаризмѣ, соціализмѣ, захватахъ

чужихъ земель, въ борьбѣ всякаго рода. Русскіе прежде другихъ народовъ почувствовали главныя причины бѣдствій современнаго человѣчества. А потому именно среди русскихъ начнется тотъ великій переворотъ, который спасетъ людей.

XVIII.

Какъ же сложится жизнь народовъ, когда они перестанутъ повиноваться власти?

Мы не знаемъ и не должны думать, что это доступно чьему либо предвѣдѣнію. Мы не можемъ знать, въ какія условія станутъ народы, отказавшіеся повиноваться власти, но знаемъ, что каждый долженъ дѣлать, дабы народы жили въ наилучшихъ условіяхъ.

Людямъ всего болѣе естественно жить небольшими земледѣльческими общинами. Какъ же быть, возражаютъ на это, тѣмъ, кто оставилъ земледѣліе и прикрѣпился къ городамъ и промышленной жизни? Если бы, говорятъ намъ, эти люди вернулись къ земледѣлію, то уничтожилась бы цивилизація. Толстой не считаетъ заслуживающими сохраненія тѣ условія жизни, которыя люди Запада называютъ цивилизаціей. Большею частью это—лишь уродливыя произведенія самодурства высшихъ классовъ, каковы были произведенія египетскихъ и римскихъ деспотовъ и русскихъ баръ: пирамиды, храмы, сералп, дворцы, крѣпостные оркестры, театры, пруды, кружева, словомъ, большая часть того, что устраивали рабы для своихъ господъ.

Русскимъ людямъ не слѣдуетъ жить чужими мыслями и понятіями; нужно вырабатывать новыя формы жизни изъ своего прошедшаго, изъ своихъ духовныхъ основъ.

При упраздненіи правительства русскимъ людямъ нѣтъ надобности придумывать новыя формы общежитія, которыя должны были бы замѣнить прежнія. Эти формы извѣстны Россіи. Таковыми служатъ: общинное владѣніе землей, устройство промышленныхъ предпріятій на артельныхъ началахъ и мірское управленіе, при равенствѣ всѣхъ членовъ міра. Когда люди перестанутъ повиноваться правительствамъ, то обратятся къ земледѣльческой жизни. Она естественно приведетъ къ общинному устройству небольшихъ группъ, которыя находятся въ одинаковыхъ сельскохозяйственныхъ условіяхъ. Не будетъ препятствія къ тому, чтобы мелкія общины поддерживали между собою самыя тѣсныя

сношенія вслѣдствіе единства экономическихъ, племенныхъ и религіозныхъ условій.

Великій переворотъ приближается. Толстой считаетъ его внѣшними признаками напряженную борьбу сословій у всѣхъ народовъ, холодную жестокость богачей, озлобленіе и отчаяніе бѣдныхъ, безумное и безсмысленное, непрерывно растущее вооруженіе государствъ другъ противъ друга, распространеніе соціализма, неосуществимаго, крайне деспотическаго и легкомысленнаго, ненужность и глупость праздныхъ разсужденій, называемыхъ наукой, признаніе законности подавленія слабыхъ сильными и полное отсутствіе разумныхъ руководящихъ началъ жизни.

Перевороту, говоритъ Толстой, не могутъ способствовать ни правительства, ни ученые люди, потерявшіе религію, ни массы, которыя находятся подъ гипнозомъ. Но въ каждомъ обществѣ есть религіозные люди, хотя бы и не многочисленные, которые разорвутъ этотъ заколдованный кругъ. Имъ не могутъ быть страшны никакія угрозы и страданія: обличать ложь, исповѣдывать истину, жить сообразно съ тѣмъ единымъ смысломъ, который они признаютъ въ жизни, такъ же естественно для этихъ людей, какъ естественно мірскому человѣку трудиться и терпѣть лишенія, дабы пріобрѣсти богатство или угодить властелину, отъ котораго онъ ожидаетъ выгодъ.

Итакъ, переворотъ близокъ. Человѣкъ готовъ вѣрить въ возможность самыхъ невѣроятныхъ явленій—въ возможность летать, въ спиритистическія сношенія, въ осуществимость соціалистическаго общества, но не хочетъ вѣрить, чтобы могло измѣниться міровоззрѣніе, которымъ люди живутъ въ данную минуту. Но это невѣрно. Русскій народъ считалъ два года назадъ совершенно недопустимымъ не только неповиновеніе существующей власти, но даже ея осужденіе; а теперь онъ рѣзко осуждаетъ ее, не повинуется ей и готовъ поставить новую власть на мѣсто старой. Почему же не предположить, что въ сознаніи русскаго народа готовится еще иная, свойственная ему, перемѣна отношенія къ власти. Эта перемѣна состоитъ въ нравственномъ и религіозномъ освобожденіи отъ нея.

Почему вмѣсто людей, неудержимо отдающихся похоти и размножающихся, какъ кролики, устраивающихъ въ городахъ заводы съ приготовленіемъ химической пищи, живущихъ безъ растеній и животныхъ, почему не представить себѣ людей цѣло-

мудренныхъ, которые борются со своими страстями, живутъ въ любовномъ общеніи съ сосѣдями, среди плодородныхъ полей, лѣсовъ, садовъ, съ прирученными, сытыми друзьями-животными? Почему не представить себѣ ихъ съ тѣмъ отличіемъ отъ теперешняго состоянія, что они не признаютъ земельной собственности отдѣльныхъ лицъ, а самихъ себя — принадлежащими къ какому-либо государству, не платятъ податей, не готовятся къ войнѣ, а напротивъ, все больше развиваютъ мирное общеніе съ самыми отдаленными народами? «И для того, чтобы представить себѣ жизнь людей такою, не нужно ничего выдумывать и въ представленіи своемъ измѣнять или прибавлять къ жизни тѣхъ земледѣльческихъ людей, которыхъ мы всѣ знаемъ въ Китаѣ, Россіи, Индіи, Канадѣ, Алжирѣ, Египтѣ, Австраліи» [65]). Люди будутъ точно такіе же, какъ теперь, со своими страстями и слабостями, будутъ грѣшить, но все это составитъ только исключеніе. Ихъ жизнь будетъ совсѣмъ другою уже по одному тому, что они не будутъ воспитаны злодѣяніями правительства, которыя выдаются за добрыя дѣла. Своими страданіями люди будутъ доведены до того, что вспомнятъ, что они сыны и слуги Бога и должны повиноваться только Ему и своей совѣсти.

Толстой рисуетъ, между прочимъ, перемѣны, которыя совершатся въ области искусства. Уже и теперь, говоритъ онъ, возрастающее единеніе между людьми заявляетъ о себѣ существенными перемѣнами въ искусствѣ. Въ литературѣ и живописи все чаще появляются произведенія высшаго религіознаго искусства, проникнутыя истинно христіанскимъ духомъ; умножаются народныя изданія, народные концерты и театры. Искусство высшихъ классовъ нашего времени пришло къ тупику. Искусство будущаго не разовьется изъ него, а возникнетъ на новыхъ началахъ. Спеціальныхъ художественныхъ школъ не будетъ; но техника не только не ослабѣетъ, а безконечно повысится, если бы даже и въ народныхъ школахъ не преподавались рисованіе и музыка. Въ искусствѣ будетъ больше ясности, простоты и краткости. Техника поднимется, ибо всѣ геніальные художники, скрытые въ народѣ, сдѣлаются участниками искусства. Обезпеченность матеріальнаго положенія дѣйствуетъ губительно на художниковъ нашего времени: она избавляетъ ихъ отъ необходимости бороться съ природой для поддержанія жизни своей и другихъ людей, а потому чрезвычайно съуживаетъ ихъ опытность.

Художникъ будущаго пойметъ, что болѣе важно сочинить сказку, пѣсню, шутку, загадку, которыя надолго останутся въ памяти людей, нежели романъ, симфонію: произведенія послѣдняго рода служатъ интересамъ меньшинства, доставляютъ кратковременное удовольствіе и скоро забываются. Художнику грядущихъ временъ будутъ доступны самыя трудныя задачи, такъ какъ онъ будетъ творить только подъ вліяніемъ неудержимаго къ тому влеченія. Содержаніе произведеній искусства, глубоко прочувствованное художникомъ, будетъ понятно всѣмъ [66]).

Отдѣлъ второй.

Разборъ ученія Толстого.

I.

Толстой правъ, что призывы Христа къ нравственной жизни занимаютъ въ нашей религіи главное мѣсто: чѣмъ въ большей чистотѣ познается христіанское ученіе, тѣмъ ярче выдѣляется то, что должно руководить поведеніемъ людей.

Но Толстому не слѣдовало бы удивляться, что завѣты Христа, которыми должны руководствоваться люди въ отношеніяхъ къ себѣ и ближнимъ, затѣняются сложнымъ догматическимъ ученіемъ, въ большей своей части вовсе не связаннымъ съ началами морали. Нужна значительная высота духовнаго развитія, дабы человѣкъ не опуталъ существа религіи безчисленными обрядами, метафизическими толкованіями и схоластическими тонкостями. При очень высокомъ уровнѣ умственнаго развитія расчищается путь къ деизму, и человѣкъ можетъ обойдтись безъ всего того, на что такъ рѣзко нападаетъ Толстой. Но, отъ зарожденія христіанства и вплоть до настоящаго времени, люди, въ огромномъ большинствѣ, не могли не пріобщить къ вѣроученію многаго, что не имѣетъ большой цѣны для мыслящаго человѣка.

Не забудемъ, что, въ своемъ отношеніи къ Богу, средній человѣкъ твердо помнитъ объ обмѣнѣ взаимно соотвѣтствующихъ цѣнностей: онъ убѣжденъ, что десять поклоновъ, положенныхъ во имя Божіе, сдѣлаютъ Божество болѣе склоннымъ къ милости, нежели три поклона, двадцать возженныхъ свѣчей принесутъ лучшіе плоды, нежели одна, священная пѣснь способна больше расположить Божество, если пропѣта многолюднымъ хоромъ, а не двумя - тремя молящимися. Многочисленность обрядовъ во всѣхъ религіяхъ, отъ самыхъ грубыхъ до утонченныхъ, свидѣтельствуетъ краснорѣчиво, что, до сихъ поръ, человѣкъ не могъ

обойдтись безъ обрядовъ. Въ этомъ отношеніи христіанинъ былъ поставленъ такъ же, какъ послѣдователи первобытныхъ религій.

Но сюда присоединяется и любовь къ Богу; она побуждаетъ людей пріобщать къ истинно цѣннымъ завѣтамъ религіозныхъ ученій и много такого, что не имѣетъ существенной важности. Когда мы любимъ человѣка, то выражаемъ наше чувство въ самыхъ разнобразныхъ формахъ, — не только добрымъ словомъ, совѣтомъ, мягкимъ, предупредительнымъ обращеніемъ, но и другими, болѣе реальными знаками. Мы рады надѣлить его подарками, которые увеличиваютъ нарядность его одежды, рады украсить его жилище изящною мебелью или бездѣлушками; намъ пріятно снабдить его тѣмъ, что ему вкусно, что ласкаетъ его зрѣніе или слухъ. Въ общеніи людей нелегко встрѣтить случаи, когда взаимное расположеніе обходилось бы безъ такихъ вещественныхъ знаковъ пріязни. Можно ли удивляться, что любовь къ Богу, если даже она не продиктована эгоистическимъ чувствомъ, надеждой, что можно задобрить Его и получить разнообразныя блага въ земной или загробной жизни, если она чужда всякихъ корыстныхъ соображеній, побуждаетъ человѣка пріобщать къ религіи то, что вовсе не связано съ ея существомъ? Вдохновляемые этой любовью, люди приносятъ къ подножію Божества многочисленные и разнообразные дары: тысячи живописцевъ изображаютъ Христа, Божію Матерь, Апостоловъ; искуснѣйшіе ремесленники выковываютъ золотыя ризы, изготовляютъ свѣтильники; ювелиры украшаютъ ихъ драгоцѣнными каменьями; мастера строительнаго дѣла посвящаютъ всѣ свои силы на то, чтобы создать храмы, способные поражать великолѣпіемъ даже въ своихъ мелочахъ. Христосъ говорилъ, что слѣдуетъ поклоняться Богу въ духѣ и истинѣ, что, для общенія съ Богомъ, нѣтъ надобности въ Іерусалимскомъ храмѣ, да и въ храмахъ вообще. Этотъ завѣтъ приблизится къ осуществленію еще не скоро, лишь тогда, когда средній уровень духовнаго развитія людей будетъ гораздо выше, чѣмъ теперь.

Итакъ, обрядовая сторона религіи проистекаетъ изъ двухъ источниковъ. Стоило обрядамъ продержаться довольно долго, чтобы войдти въ привычку, которую большинство людей считаетъ для себя обязательной. Накопляясь изъ поколѣнія въ поколѣніе, обряды образовали сложную систему; она имѣла важное значеніе уже потому, что само время освящало ее. Мы знаемъ, какъ цѣпко держатся обычаи во всѣхъ областяхъ жизни. Намъ из-

вѣстны безчисленныя формы, которыя живутъ цѣлые вѣка послѣ того, какъ обезцвѣтилось ихъ содержаніе. Немудрено, если съ такою прочностью держатся и религіозные обряды.

Священство, какъ спеціальное занятіе, стоитъ въ самой тѣсной связи съ обрядовою стороной религіи. Когда обряды значительно усложнились, какъ скоро въ этой области окрѣпли многочисленные обычаи, то далеко не каждый можетъ услѣдить за ними и исполнять ихъ съ достаточнымъ искусствомъ. Нужно спеціальное воспитаніе, дабы быть въ постоянномъ общеніи съ Богомъ, близко знать полный сводъ словъ и пѣснопѣній, съ которыми обращаются къ Божеству и умилостивляютъ Его. Всѣ пріемы, которыми пользуется духовенство, какъ посредникъ между людьми и Божествомъ, проникнуты однимъ и тѣмъ же началомъ: они какъ бы утверждаютъ, что обряды, во всѣхъ своихъ частностяхъ, имѣютъ высокое значеніе, что каждая формула, завѣщанная преданіемъ, кто бы ни пользовался ею, способна умилостивить Божество. Наивные средніе люди прилѣпляются къ обрядамъ, придаютъ имъ первостепенное значеніе, завѣщаютъ дѣтямъ результаты наблюденнаго и передуманнаго и тѣмъ облегчаютъ работу духовенства. Всѣ эти наблюденія и весь этотъ опытъ надѣляютъ его обильнымъ матеріаломъ; духовенству остается только привести его въ систему. Тѣмъ самымъ оно является не только регуляторомъ обрядовъ, но и ихъ хранителемъ. Вслѣдствіе этого, обрядовой сторонѣ религіи обезпечивается еще бо́льшая прочность [67]).

Нельзя согласиться съ Толстымъ и въ томъ, что осложненіе религій многочисленными обрядами и метафизическими толкованіями заставляетъ совсѣмъ забывать о завѣтахъ вѣроученій, которые должны руководить поведеніемъ людей. Конечно, средній человѣкъ находится во власти обрядовъ и, вообще, того, что не можетъ быть признано существомъ религіи. И добрыя дѣла, которыя совершаетъ такой средній человѣкъ, чаще являются чѣмъ то механическимъ, нежели выраженіемъ истинной склонности служить людямъ. Но каждая религія всегда имѣла немало послѣдователей, которые высоко цѣнили ея нравственные завѣты и считали именно ихъ наиболѣе важною составной частью вѣроученія. Это наблюдается и въ настоящее время, а потому глубоко не вѣрно замѣчаніе Толстого, будто изъ христіанства вывѣтрилось все, наиболѣе существенное. Безчисленны свидѣтельства исторіи объ участіи, которое принимали въ дѣлахъ милосердія и Западная церковь, и Восточная. Не слѣдуетъ думать, что разнообраз-

ные акты благотворенія, которые совершались самою церковью или подъ ея руководствомъ, дѣлались только напоказъ, изъ тщеславія. Многое творилось въ глуши, вдали отъ сторонняго глаза и диктовалось чувствомъ любви къ ближнему. Нельзя называть иначе, какъ дѣлами истиннаго милосердія, тѣ усилія, съ которыми иноки монастыря, затерявшагося среди альпійскихъ снѣговъ, отыскивали голодныхъ, полузамерзшихъ путниковъ, давали имъ кровъ, пищу, одежду, снова ставили на ноги. Нельзя не признавать за проявленіе чистаго альтруизма то отношеніе къ странникамъ, которое господствовало въ Троицко-Сергіевскомъ монастырѣ, Кирилло-Бѣлозерскомъ, Волоколамскомъ и отчасти господствуетъ теперь въ многочисленныхъ обителяхъ, разсѣянныхъ по пустыннымъ уголкамъ Русской земли. Лучшіе представители церкви, какъ Восточной, такъ и Западной, какъ католической, такъ и протестантской, всегда напоминали людямъ о необходимости служенія ближнимъ. Толстому извѣстна эта литература, а потому и нѣтъ надобности прибѣгать къ ссылкамъ. Если даже изъ этого отдѣла церковной литературы отбросить многое, что не отвѣчаетъ на требованіе истиннаго дружелюбія, то останутся безчисленныя страницы, которыя не только призывали людей къ совершенію добрыхъ дѣлъ, но и давали такое направленіе ихъ волѣ [65]).

Напомню еще объ одной области, въ которой церковь имѣла вліяніе на проявленіе альтруистическаго чувства. Она не уничтожила казней и нерѣдко одобряла ихъ. Однако, установился обычай смягчать предъ большими праздниками наказанія преступниковъ. Эти акты милосердія чаще пріурочиваются къ гражданскимъ праздникамъ, нежели къ церковнымъ; но они вошли въ обычай подъ вліяніемъ церкви.

Толстой не убѣждаетъ меня, что у христіанина средней руки, который не возвышается надъ толпою, истинное и глубокое дружелюбіе не можетъ примиряться съ любовью къ многочисленнымъ метафизическимъ толкованіямъ религіи и съ желаніемъ неукоснительно исполнять ея обряды. Я живо представляю себѣ старинный, прославленный Сенъ-Бернардскій монастырь. Конечно, его братія твердо вѣрила во все то, что принято называть метафизической стороной христіанства; конечно, братія отправляла всѣ церковныя службы согласно съ уставомъ; очень вѣроятно, что, отъ времени до времени, въ стѣнахъ монастыря происходили оживленные споры относительно разныхъ метафизическихъ тон-

костей христіанства. Но изъ за всего этого иноки не забывали о людяхъ, о ихъ настоятельныхъ нуждахъ, о страданіяхъ, которыя выпадаютъ имъ на долю. И вотъ, послѣ снѣговой бури, когда было основаніе думать, что въ горахъ погибаютъ путники, застигнутые непогодой, иноки брали своихъ собакъ, отправлялись въ поиски, спасали погибавшихъ и, навѣрное, исполняли этотъ долгъ служенія ближнимъ съ полнымъ забвеніемъ всѣхъ тѣхъ вопросовъ религіи, которые связаны съ ея метафизикой и ея обрядами.

Нѣтъ основанія думать, что такъ случалось только въ сѣдую старину, что этотъ духъ уже давно угасъ въ христіанствѣ. Нѣтъ, такъ было, такъ есть и такъ будетъ. Достоевскій, болѣе глубокій знатокъ человѣческой души, чѣмъ Толстой, далъ намъ въ старцѣ Зосимѣ именно такого представителя христіанства. Зосима не щадитъ своего времени и силъ, когда нужно служить ближнимъ, когда нужно внести успокоеніе въ страждущую душу; даже полубольной, за немного дней до смерти, онъ ведетъ долгую бесѣду со странниками, которые ищутъ у него утѣшенія. Но тотъ же старецъ Зосима не равнодушенъ къ обрядовой сторонѣ религіи: онъ не упуститъ случая возжечь свѣчи и затеплить лампаду предъ иконами; онъ проводитъ цѣлые часы въ молитвѣ или за чтеніемъ священныхъ книгъ; онъ трижды осѣняетъ крестнымъ знаменіемъ тѣхъ, кто приходитъ къ нему съ покаянной; онъ снимаетъ со своей шеи образокъ и надѣваетъ на того, кто, повидимому, особенно тяжко скорбитъ.

Духовная атмосфера, въ которой мы живемъ, наводитъ на мысль, что вліяніе догматической вѣры будетъ ослабѣвать безостановочно. Но область, которую занимаетъ религіозная догма, будетъ заполнена съ дальнѣйшимъ развитіемъ началъ, присущихъ всѣмъ религіямъ.

Въ созданіи религій принимало участіе стремленіе человѣка къ знанію, желаніе постигнуть судьбы людей и уяснить явленія внѣшней природы. Удовлетвореніе мятущагося духа людей составляло нѣкогда задачу однѣхъ религій; постепенно оно переходитъ къ наукѣ. Жажда знанія не только сохранится, но даже усилится; она поведетъ къ дальнѣйшимъ успѣхамъ науки, къ еще большему ея популяризованію и доступности для всѣхъ. Наука можетъ извлекать пользу даже изъ самыхъ скромныхъ дарованій: а потому, образуя безчисленные и разнообразные союзы для раз-

витія знаній и ихъ распространенія, люди будущаго сумѣютъ черпать изъ этой области многое, что давала прежде догматическая вѣра.

Параллельно этому будетъ расширяться область искусства, не связаннаго непосредственно съ религіей. Я имѣю въ виду не столько приростъ творческихъ силъ во всѣхъ отрасляхъ искусства, сколько умноженіе числа людей, готовыхъ и способныхъ наслаждаться его созданіями. Средніе и даже высшіе слои населенія читали прежде только Библію; обучая ихъ, она отвѣчала на ихъ эстетическіе запросы своими поэтическими образами. Но постепенно свѣтская литература заняла мѣсто рядомъ съ нею, а затѣмъ и впереди. Въ дѣятельности духовенства проповѣдничество является важнѣйшею обязанностью; оно не только поучаетъ, но и удовлетворяетъ художественное чувство. До сихъ поръ эта дѣятельность опиралась только на книги, признанныя священными. Какъ бы ни было цѣнно многое, что содержатъ священныя книги христіанства и другихъ религій, нельзя отрицать, что и свѣтская литература разныхъ народовъ создала высокіе образцы; они, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ частяхъ своихъ, никогда не утратятъ значенія. Вѣроятно, проповѣдники будущаго, не пользуясь исключительно книгами, которыя признаются теперь священными, станутъ все чаще обращаться къ твореніямъ свѣтской литературы.—Другія отрасли искусства, особенно музыка, также будутъ наполнять жизнь людей больше, чѣмъ въ настоящее время.—Сюда присоединится и гораздо болѣе развитая любовь къ природѣ. О близости этой любви къ религіозному чувству говоритъ искусство, съ какимъ обыкновенно выбирали мѣста для монастырей. Выборъ живописныхъ уголковъ для основанія Кіево-Печерскаго монастыря, Кирилло-Бѣлозерскаго, Саввинскаго и многихъ другихъ не былъ простою случайностью: прекрасная мѣстность, неустанно напоминая о томъ, какого совершенства можетъ достигать твореніе, умиротворяетъ и возвышаетъ душу, отвлекаетъ ее отъ мірской суеты.

Этому движенію будутъ сопутствовать и непрерывные успѣхи альтруизма. Чѣмъ дольше живетъ человѣчество, тѣмъ болѣе крѣпнетъ убѣжденіе, что дружелюбіе не только охраняетъ тѣхъ, на кого направлено, но очищаетъ и расширяетъ существо самихъ дружелюбцевъ. Крайній эгоизмъ уродуетъ людей. Успѣхи науки и искусства служатъ ручательствомъ, что любовь къ ближнимъ будетъ занимать все больше мѣста въ человѣческой душѣ. Воз-

можность извлечь изъ вѣроученій и изъ лучшихъ образцовъ свѣтской науки и свѣтскаго искусства нѣкоторыя основныя правила морали позволитъ сдѣлать ихъ необходимою составною частью воспитанія. До сихъ поръ люди особенно охотно творили добро въ разсчетѣ на загробное блаженство; но все чаще представляется случай наблюдать, что человѣкъ, далекій отъ догматовъ религіи, обнаруживаетъ дѣятельную любовь къ ближнимъ.

Такимъ можно представить себѣ духовный міръ нашихъ потомковъ, свободныхъ отъ религіозной догмы. Но и тогда не исчезнетъ все то, что Толстой приписываетъ легковѣрію людей и злоупотребленіямъ церкви. Не слѣдуетъ думать, что почти всѣ станутъ чистыми деистами или матеріалистами. И среди людей высокаго умственнаго развитія найдутся такіе, которые будутъ держаться за метафизику религіи и охотно сохранять то, что относится къ ея обрядамъ. Многое въ обрядахъ христіанскихъ церквей—музыка, пѣніе, содержаніе и форма нѣкоторыхъ молитвъ, даже украшеніе храмовъ—отвѣчаетъ на художественные запросы человѣка. Эстетическія потребности, все болѣе расширяясь, будутъ препятствовать тому, чтобы совсѣмъ и безслѣдно исчезли обряды христіанскихъ религій. А обращеніе къ метафизикѣ отошло бы въ область преданій лишь подъ условіемъ, чтобы ко всѣмъ нерѣшеннымъ задачамъ человѣкъ могъ идти путемъ наблюденія и опыта. Самъ Толстой, негодующій на метафизику христіанства, служитъ примѣромъ того, какъ велика сила вѣры въ сверхчувственное. Прошло больше двухъ тысячъ лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ Платонъ утверждалъ, что душа человѣка существовала всегда, что она не имѣетъ начала, а потому и не имѣетъ конца. Ничто не доказало обоснованности этого предположенія; однако, Толстой усвоилъ его и дѣлаетъ отправной точкой для разныхъ построеній. А разъ Толстой сроднился съ этой вѣрой, то есть ли основаніе сомнѣваться въ дальнѣйшемъ и продолжительномъ существованіи многаго, что относится къ метафизической сторонѣ религіи?

Толстой упускаетъ изъ вида и то значеніе, которое въ теченіе многихъ вѣковъ имѣла церковь, какъ хранительница литературы, завѣщанной предками, и насадительница просвѣщенія. Если бы не церковь, то было бы потеряно почти все, что оставили человѣчеству и первые вѣка христіанства—священное писаніе и творенія отцовъ церкви,—и языческая философія. При крайней склонности къ отрицанію, можно, разумѣется, сказать, что не

было бы большой бѣды, если бы погибло почти все, сохраненное церковью. Но даже самый неисправимый скептикъ и софистъ признаетъ, что въ этомъ огромномъ наслѣдствѣ многое имѣетъ великую цѣну и служитъ основаніемъ для дальнѣйшихъ успѣховъ человѣчества.—Церковь насаждала просвѣщеніе въ широкомъ смыслѣ этого слова. Духовенство не только обучало грамотѣ и наукамъ, не только переводило священныя и свѣтскія книги съ древнихъ языковъ на новые, но и усваивало, какъ то было во многихъ монастыряхъ Запада и Россіи, усовершенствованные пріемы сельскаго хозяйства, которые могли служить примѣромъ для окрестнаго населенія.

Толстой забываетъ, почему нравы первыхъ христіанъ были чище, нежели въ позднѣйшіе вѣка. Общины христіанъ считались общинами святыхъ: изъ нихъ на всегда исключались прелюбодѣи, люди, совратившіеся въ язычество. Но съ самаго начала III вѣка все стало иначе: уже не исключали за эти грѣхи, а только требовали покаянія и снова принимали въ общину. Понятно, что, при такихъ условіяхъ, старѣйшіе союзы христіанъ могли быть только малочленны. Христіанство обезцвѣтилось потому, что природа средняго человѣка не могла принять высокіе завѣты Христа. «Церковь узаконила своими указами среднюю нравственность послѣ того, какъ средняя мораль создала авторитетъ церкви». Церковь была новымъ зданіемъ; «справедливость и доблесть гражданина блистали въ этомъ зданіи не ярче, чѣмъ онѣ, вообще, блистали на землѣ; но его согрѣвали два могучихъ огненныхъ потока—внушенная Христомъ увѣренность въ будущую жизнь и милосердіе» [69]).

Если оставить всякаго рода отвлеченныя соображенія и смотрѣть глазами историка, то нельзя не удивляться созданію, которое побороло всѣ чуждыя силы, напиравшія на христіанство, и сохранило доступъ къ высшимъ благамъ, завѣщаннымъ Христомъ. Если, при жизни Основателя христіанской вѣры, было возможно, оставаясь въ стѣнахъ синагоги и соблюдая прародительскій законъ, понять благую вѣсть и жить согласно съ новыми завѣтами, то, конечно, не представляется невозможнымъ слѣдовать евангельскимъ заповѣдямъ и подъ сѣнью каждой изъ христіанскихъ церквей, какъ онѣ завѣщаны намъ исторіей.

II.

Нельзя считать общимъ явленіемъ неудовлетворенность людей потому, что жизнь есть безостановочное приближеніе къ смерти. Приближаться къ смерти—еще не значитъ приближаться къ страданіямъ: люди нерѣдко умираютъ безболѣзненно. Таковы случаи внезапной смерти отъ самыхъ разнообразныхъ причинъ; такова, большею частью, смерть отъ старости, вслѣдствіе полнаго одряхлѣнія организма; нерѣдко люди умираютъ безъ страданій и послѣ разныхъ длительныхъ болѣзней, всего чаще, послѣ хроническихъ болѣзней легкихъ [70]).

Сознаніе, что смерть неизбѣжна, не ведетъ непремѣнно къ отрицанію возможности личнаго блага. Когда человѣкъ сѣлъ за обѣдъ и нашелъ его по вкусу, то состояніе удовольствія не парализуется тѣмъ, что онъ убѣжденъ въ необходимости умереть и даже въ возможности наступленія смерти черезъ нѣсколько часовъ послѣ обѣда. Когда человѣкъ проводитъ вечеръ въ остроумной и оживленной бесѣдѣ, то его настроеніе не омрачается мыслью, что, конечно, онъ можетъ умереть немедленно послѣ того, какъ разойдутся его собесѣдники. Когда доставляешь радость женѣ, дѣтямъ, друзьямъ, то испытываешь удовольствіе; оно не ослабляется увѣренностью, что жена, друзья, дѣти смертны. Путешествуя, нерѣдко дѣлаешь кратковременныя остановки; поселяясь въ гостиницѣ на два—три дня, спрашиваешь комнату, гдѣ было бы чисто, тепло, свѣтло, гдѣ насѣкомыя не нарушали бы покоя. Не хочешь идти въ какой-нибудь вертепъ и утѣшать себя сознаніемъ, что остановка продлится только немного дней. А разъ думаешь о томъ, чтобы устроить себя сколько-нибудь удобно на пару сутокъ, то какъ же не заботиться объ устройствѣ своей судьбы на всю жизнь, которая продлится, можетъ быть, 80 лѣтъ, и отъ склада которой будетъ въ значительной степени зависѣть судьба самыхъ близкихъ, т. е. дѣтей.

Невѣрна мысль Толстого, что, сколько бы ни трудился человѣкъ, смерть придетъ раньше, чѣмъ дѣло будетъ закончено. Когда человѣкъ умираетъ въ самой глубокой старости, то, еще задолго до уничтоженія жизни, постепенно угасаютъ всѣ желанія: а потому есть полное основаніе утверждать, что смерть приходитъ послѣ того, какъ человѣкъ достигъ всѣхъ цѣлей, которыхъ онъ могъ достигнуть по своимъ личнымъ свойствамъ и согласно съ обстановкой, ниспосланной ему судьбой. Но если человѣкъ уми-

раетъ гораздо раньше срока, когда его организмъ совсѣмъ ослабѣлъ, или даже умрастъ въ ранней молодости, то можно говорить о достиженіи разныхъ цѣлей, о рѣшеніи разныхъ задачъ, которыя были неразрывно связаны съ его жизнью. Человѣкъ полагаетъ главную цѣль своей жизни въ созданіи научныхъ или художественныхъ произведеній; онъ считаетъ наиболѣе важнымъ и цѣннымъ открытіе новыхъ странъ и изученіе невѣдомыхъ народовъ; всѣ его помыслы посвящены какому-нибудь техническому изобрѣтенію; онъ задался мыслью содѣйствовать проведенію въ жизнь закона, который важенъ для какой-либо стороны жизни многихъ милліоновъ людей; даже не думая о благѣ другихъ, онъ старается измѣнить къ лучшему санитарное состояніе большого города, который ввѣренъ его управленію. Въ этихъ, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, можно сплошь и рядомъ сказать о человѣкѣ, что онъ рѣшилъ цѣлый рядъ важныхъ жизненныхъ задачъ, тѣсно связанныхъ съ его индивидуальными особенностями, хотя смерть пришла къ нему въ 50, 40, даже 30 лѣтъ. Какъ бы ни была, съ извѣстной точки зрѣнія, пуста и легкомысленна жизнь Пушкина, онъ, проживъ только 37 лѣтъ, рѣшилъ первостепенныя задачи искусства въ художественныхъ образахъ, которые завѣщалъ потомкамъ. Рубенсъ и Рембрандтъ прожили болѣе 60 лѣтъ каждый, Диккенсъ болѣе 70, а Гюго — слишкомъ 80. Какова бы ни была ихъ личная жизнь, однако они, не переживъ и 40 лѣтъ, все же оставили бы потомкамъ первоклассныя произведенія искусства; эти творенія давали бы основаніе сказать, что смерть пришла къ нимъ не раньше, чѣмъ они рѣшили разныя задачи, въ которыхъ видѣли личное благо жизни.

Въ связи съ этимъ представляется забавною тирада Толстого о безсмысленности всей жизни. Если я признаю безсмысленною мою жизнь даже въ тѣхъ ея проявленіяхъ, которыя вовсе не даютъ права говорить о роскоши, прихотяхъ, ложныхъ потребностяхъ, то невольно начну отрицать смыслъ въ жизни всѣхъ людей. Если я считаю основныя потребности моей природы, скажемъ, животной личности, ничтожными, то какъ могу я считать важными такія же потребности другихъ? Отрицаніе смысла жизни неизбѣжно ведетъ человѣка къ тому, что онъ относится отрицательно къ жизни всѣхъ и радостно идетъ навстрѣчу смерти.

Путь странныхъ, бездоказательныхъ разсужденій приводитъ Толстого къ совершенно нелѣпому утвержденію, будто ни одно существованіе, какъ плотское, не можетъ быть счастливѣе дру-

гого. Такое заключеніе понятно въ устахъ того, кто скажетъ намъ, что жить, вообще, не стоитъ, что жизнь сама по себѣ пуста и ничтожна и никакая обстановка, даже та, которую принято считать наиболѣе благопріятною, не можетъ скрасить ее. Но Толстой, обронивъ эту нелѣпость, вовсе не считаетъ безразличными условія, среди которыхъ живутъ люди: не даромъ онъ начертываетъ планъ распредѣленія времени, говоритъ о четырехъ упряжкахъ въ работѣ, выражаетъ сожалѣніе и негодуетъ, что милліоны людей скучиваются въ городахъ, занимаются фабричнымъ трудомъ, отрываются отъ непрестаннаго общенія съ природой, не живутъ среди полей, лѣсовъ и луговъ. Безразличіе, выраженное Толстымъ въ этой характеристикѣ, оправдываетъ такой конечный выводъ: разъ одна форма плотскаго существованія не можетъ быть болѣе счастлива, чѣмъ другая, то предоставимъ людямъ жить такъ, какъ сложилась ихъ судьба; пусть богатые живутъ въ своихъ обширныхъ хоромахъ и пользуются всѣми усладами и роскошью жизни; пусть бѣдные надрываются въ непосильномъ трудѣ, голодаютъ и мерзнутъ въ своихъ убогихъ жилищахъ.

III.

Можно сочувствовать Толстому, когда онъ подвергаетъ критикѣ темныя стороны общественной жизни, говоритъ о тяжеломъ трудѣ огромнаго большинства, негодуетъ на равнодушіе имущихъ классовъ къ судьбамъ бѣднѣйшихъ. Правда, эта критика не только не содержитъ ничего новаго, но даже уступаетъ многому, что накопилось въ литературѣ отъ начала 19 вѣка. Критика хозяйственной жизни еще въ брошюрахъ первой французской революціи, у Фурье, Чартистовъ, Луи Блана, особенно же у Маркса и Энгельса далеко превосходитъ то, что даетъ Толстой [71]).

Пытаясь объяснить тяжкое положеніе большинства людей, Толстой забываетъ о важномъ значеніи частной собственности на орудія производства. Въ замѣчаніи, что захватъ орудій производства капиталистами не составляетъ главной причины бѣдственнаго положенія работниковъ, сказывается поверхностное отношеніе Толстого къ явленіямъ народнаго хозяйства. Конечно, многіе работники, притянутые фабриками или занятые при сооруженіи желѣзныхъ дорогъ, имѣютъ клочки земли, т. е. орудія производства въ тѣсномъ смыслѣ слова: это часто встрѣчается въ Россіи, а иногда наблюдается и на Западѣ. Но участки такъ ничтожны,

что на нихъ нельзя вести хозяйство, нельзя доставить семьѣ хотя бы скромное обезпеченіе. Такъ какъ всѣ эти «орудія производства» не имѣютъ самостоятельнаго значенія, то владѣлецъ ихъ вынужденъ оставить землю и искать работы на сторонѣ. Въ Россіи, гдѣ преобладаетъ крестьянское хозяйство, 9.225.673 душъ имѣютъ надѣлъ менѣе 3 десятинъ, а изъ нихъ 1.273.333 только по 1 десятинѣ на душу или и меньше [72]).

Съ этимъ связана и другая крупная ошибка Толстого,—будто вопросы о длинѣ рабочаго времени и высотѣ платы не представляютъ большой важности для работника, что наиболѣе роковымъ образомъ вліяетъ на него необходимость перейдти отъ земледѣльческаго труда, который позволяетъ человѣку быть въ непрестанномъ общеніи съ природой, къ городской казарменной жизни. И при фабричномъ трудѣ, предъявляющемъ спросъ на милліоны рабочихъ рукъ, работники могутъ находиться въ благопріятной обстановкѣ. Въ странахъ, гдѣ рабочая плата довольно высока, прежде всего, въ Соединенныхъ Штатахъ, мы наблюдаемъ это все чаще и чаще. Рабочій день на 2 и даже на 3 часа короче, нежели въ малокультурныхъ государствахъ Европы, особенно въ Россіи. Жилищами служатъ рабочимъ особые домики или части небольшихъ домовъ; сады и огороды, которые окружаютъ ихъ, позволяютъ ежедневно удѣлять часъ-другой землѣ. Сокращенный рабочій день оставляетъ работникамъ значительный досугъ, который можно проводить въ общеніи съ природой [73]).

Мнѣніе Толстого было бы вѣрно только въ томъ случаѣ, если бы фабричные работники не имѣли возможности стать въ условія, которыя благопріятны для ихъ здоровья и не противорѣчатъ требованіямъ нравственности. Но, съ повышеніемъ платы и сокращеніемъ рабочаго времени, санитарное положеніе работниковъ измѣняется къ лучшему, наклонность къ пьянству ослабѣваетъ, ссоры и драки становятся явленіями, все болѣе рѣдкими [74]). Годовое потребленіе безводнаго спирта составляетъ въ Соединенныхъ Штатахъ только 6 литровъ на жителя, тогда какъ въ Англіи—9,2 литра, въ Германіи—11,2, во Франціи—16,1.

Указавъ, что крестьяне были когда-то обезземелены и жестокими мѣрами пріурочены къ различнымъ видамъ труда, Толстой обрушивается на деньги и считаетъ ихъ главнымъ виновникомъ современнаго рабства. Всѣ его выпады противъ денегъ покоятся на простомъ недоразумѣніи; они рушатся сами собой, если поставить такой вопросъ: были ли человѣчеству извѣстны какія-

либо формы рабства раньше того времени, когда деньги получили всеобщее распространеніе? Мы и отвѣчаемъ, опираясь на безчисленныя свидѣтельства исторіи, что рабство было знакомо людямъ еще въ ту пору, когда господствовало натуральное хозяйство и даже не намѣчались начатки денежнаго обращенія. На зарѣ исторіи, въ древней индійской общинѣ и у современныхъ дикарей мы находимъ господъ и рабовъ. Войны были главнымъ условіемъ происхожденія рабства [75]).

Когда одни закабаляютъ другихъ въ рабство, то выражаютъ свое господство въ формѣ, которая соотвѣтствуетъ строю хозяйственной жизни даннаго времени. Завоеватель и господинъ хочетъ взять у покореннаго и раба какъ можно больше и, естественно, облекаетъ свои требованія въ форму, которая наиболѣе цѣлесообразна по условіямъ мѣста и времени. Пока деньги не вошли въ общее употребленіе, онъ беретъ женъ, дѣтей, скотъ и требуетъ отбыванія разныхъ повинностей. Когда же денежное хозяйство упрочилось, то всѣ требованія переводятся на деньги. Завоеватель и господинъ, отказавшись отъ поборовъ натурой и личныхъ услугъ и замѣняя ихъ деньгами, хочетъ обезпечить себѣ тѣ же удобства, которыя, въ мѣновомъ оборотѣ, деньги доставляютъ частнымъ хозяйствамъ.

Тотъ фактъ, что въ формѣ денегъ выражается подчиненность однихъ и господство другихъ, такъ же мало лишаетъ деньги ихъ значенія въ хозяйственномъ оборотѣ, какъ требованіе древнерусскихъ князей дани звѣриными шкурами лишало эти мѣха способности служить людямъ одеждой въ суровое время года. Велико ли насиліе, отъ котораго страдаетъ данная общественная среда, въ видѣ множества безземельныхъ, высокой наемной платы за землю, тяжелыхъ податей и разныхъ другихъ невзгодъ, или же нѣтъ, деньги, къ большой выгодѣ для людей, исполняютъ функціи, уже давно признанныя за ними наукой. И если представить, что въ странѣ, гдѣ большая часть населенія испытываетъ тяжелый гнетъ, и гдѣ уже давно совершился переходъ въ денежный періодъ хозяйства, денежный оборотъ смѣнился натуральной мѣной, то сами собою выяснятся неисчислимыя невыгоды такого переворота. Получились бы совсѣмъ другіе результаты, нежели тѣ, которые обѣщаетъ намъ воображеніе Толстого.

Деньги, говоритъ онъ, не нужны для того, у кого отбираютъ трудъ. Это было бы вѣрно лишь въ томъ случаѣ, если бы у человѣка отбирали весь трудъ, самъ носитель труда обращался въ

рабство и терялъ хозяйственную самостоятельность. Въ дѣйствительности же происходитъ не то: человѣкъ платитъ за землю, которая принадлежитъ другимъ, взноситъ государству подати и сохраняетъ свободу распоряженія частью продуктовъ своего труда. Велика эта часть или мала,—свобода распоряженія ею обезпечивается тѣмъ, что есть деньги, какъ орудіе обмѣна. По наивному замѣчанію Толстого, такому человѣку деньги не нужны для опредѣленія мѣры цѣнностей, ибо это совершается помимо его воли. Безъ сомнѣнія, отдѣльныя лица (относительно тѣхъ вещей, которыя не сосредоточены во власти синдикатовъ) не могутъ рѣшить, какова должна быть цѣна даннаго товара. Но совокупность производителей и отношеніе между ними и покупателями установляетъ цѣну; особенности благородныхъ металловъ таковы, что достигаются крупныя удобства выраженіемъ цѣны именно въ деньгахъ. Не трудно опровергнуть и то положеніе Толстого, что простымъ людямъ деньги не нужны для сбереженія, ибо, вслѣдствіе отобранія у нихъ всего достоянія, имъ нечего сберегать: сошлемся на сберегательныя кассы въ культурныхъ государствахъ. Въ началѣ 1908 года сберегательныя кассы Франціи имѣли на вкладахъ больше 5 милліардовъ франковъ. Изъ общаго числа вкладчиковъ—больше $12^1/_2$ милліоновъ — главное мѣсто занимали горожане и поселяне, которые не имѣютъ большихъ достатковъ. Характеристика Толстого умѣстна развѣ относительно того состоянія государственнаго быта (такъ бывало повременамъ въ Россіи 16 вѣка), когда, при появленіи сборщика податей, поселяне, увѣренные, что у нихъ будетъ отобрано почти все, покидали свои хижины и убѣгали въ лѣса. Напомнимъ, наконецъ, вопреки Толстому, что, и внѣ отношеній къ правительству, деньги нужны людямъ, какъ платежное средство. На раннихъ ступеняхъ хозяйственнаго быта не пользовались деньгами, какъ платежнымъ средствомъ; именно эта функція лишь постепенно пріобрѣтала все большее и большее значеніе. Но, разъ хозяйственная жизнь усложнилась и денежно-кредитный обмѣнъ получилъ всеобщее распространеніе, способность денегъ служить общимъ платежнымъ средствомъ доставляетъ людямъ крупныя выгоды.

Перечисливъ способы порабощенія, знакомые прошлому, Толстой приравниваетъ ихъ тѣмъ формамъ зависимости, среди которыхъ мы живемъ. Нельзя не замѣтить грубой натяжки въ отожествленіи рабства и всеобщей воинской повинности. Не нужно быть поклонникомъ войны, милитаристомъ, сторонникомъ все

бо́льшихъ и бо́льшихъ вооруженій, дабы признать огромную разницу между рабствомъ и воинской повинностью. Не то служитъ главнымъ различіемъ, что рабство въ точномъ смыслѣ длится всю жизнь, а военная служба закрѣпляетъ человѣка на 3—4 года. Основныя различія должны быть опредѣлены такъ. 1) Рабство распространяется только на низшіе, презираемые слои населенія, тогда какъ, при общей воинской повинности, члены всѣхъ классовъ должны отбывать ее. 2) При рабствѣ, человѣкъ становится вещью въ интересахъ своего господина: рабъ увеличиваетъ его богатство, удобства и радости его жизни; интересы рабовъ находятся въ полномъ пренебреженіи; они выдвигаются лишь настолько, насколько это охраняетъ выгоды господина. Гражданинъ, отбывая воинскую повинность въ теченіе трехъ лѣтъ, рискуетъ быть посланъ на войну, которая представляется ему совсѣмъ безсмысленною; но можетъ случиться и такъ, что, какъ воинъ, онъ будетъ вынужденъ защищать свой кровъ и всѣ условія быта другихъ членовъ своей же общественной среды.

Здѣсь же Толстой обрушивается на государство, объявляетъ его союзомъ насильниковъ. Крайняя рѣзкость Толстого ослабляетъ тѣ его доводы противъ государства, съ которыми слѣдуетъ согласиться. Конечно, отъ государства исходятъ безчисленныя насилія, глубоко возмутительныя съ точки зрѣнія каждой среды и любой эпохи. И, все-таки, нѣтъ основанія утверждать, что государство является только олицетвореніемъ насилія, гибельнаго для людей. Можно отлично провѣрить это чрезъ сравненіе государствъ, гдѣ органы правительства достигаютъ во всѣ концы территоріи и во всѣ сферы, которыхъ касается законъ со своими опредѣленіями, и государствъ съ правительствомъ, недостаточно сильнымъ. Сопоставленіе покажетъ намъ, что въ государствахъ перваго разряда человѣкъ испытываетъ гораздо меньше насилій. Къ первой группѣ относятся культурныя государства Западной Европы, Америки и наиболѣе развитыя изъ европейскихъ колоній. Въ этихъ странахъ многочисленные законы ограничиваютъ дѣятельность гражданина на разныхъ пунктахъ. Но есть широкая область, гдѣ человѣкъ вращается свободно, чувствуетъ, что его личность и собственность въ достаточной мѣрѣ обезпечены отъ всякихъ посягательствъ извнѣ. Малокультурныя страны представляютъ иную картину. Въ Персіи, напримѣръ, правительство склонно къ насилію; но правительственный механизмъ не охватываетъ своею дѣятельностью всѣхъ частей страны. А потому

въ областяхъ, отдаленныхъ отъ столицы, имущество и жизнь гражданъ совсѣмъ не обезпечены отъ насилій со стороны разбойничьихъ шаекъ. Мы наблюдаемъ то же и въ Россіи. Каждый день громко говорятъ о томъ, что органы русскаго правительства въ высшей мѣрѣ склонны къ произволу и насильничеству; а между тѣмъ на окраинахъ, хотя бы на Кавказѣ, гдѣ русскій правительственный механизмъ дѣйствуетъ слабѣе, нежели въ центральныхъ областяхъ, къ насилію со стороны закона и его исполнителей присоединяется и насиліе людей, у которыхъ преобладаютъ наклонности хищниковъ.

При томъ же отъ государственной власти исходитъ не мало дѣйствій, направленныхъ на уменьшеніе насилій. Если одновременно съ изданіемъ такого закона не назначаются особыя должностныя лица, обязанныя блюсти за его исполненіемъ, то насиліе не уменьшается; оно поддерживается общественными группами, которыя, большею частію, не проявляютъ склонности смягчить зло. Если законъ ограничиваетъ 11-ю часами высшіе предѣлы рабочаго дня въ промышленныхъ заведеніяхъ, то не будутъ преступать эту норму лишь тѣ, которыя находятся подъ правильнымъ надзоромъ фабричныхъ инспекторовъ. Тамъ же, гдѣ нѣтъ надзора, большая часть хозяевъ будетъ принимать мѣры, дабы удлиннить рабочій день. Возьмемъ другой примѣръ: частное общество построило желѣзную дорогу; если государство не будетъ оказывать вліянія на установленіе платы за перевозку людей и грузовъ, то хозяева дороги, къ ущербу для населенія, будутъ держать плату на очень высокомъ уровнѣ.

Не выдерживаетъ критики положеніе Толстого, что три основные пріема личнаго насилія существуютъ и теперь въ томъ же видѣ, какъ въ старину. Какъ неумѣстно сравнивать всеобщую воинскую повинность съ личнымъ рабствомъ, такъ нѣтъ основанія отожествлять современныя системы податей съ финансовымъ строемъ давно протекшихъ временъ. Налоги нашихъ дней преисполнены недостатковъ; однако, они обладаютъ существенными преимуществами сравнительно съ тѣмъ, что господствовало, напримѣръ, въ 18 вѣкѣ и даже первой половинѣ 19-аго. Дворянство было свободно отъ податей; теперь же оно платитъ ихъ наравнѣ съ другими классами. Косвенные налоги, крайне неуравнительные, занимаютъ въ податныхъ системахъ главное мѣсто; но повсюду наблюдается стремленіе развить подоходныя подати на прогрессивномъ основаніи. А потому представляется совершенно

несообразнымъ утвержденіе Толстого, будто наука, во имя доставленія людямъ блага, оправдываетъ лишеніе ихъ имущества и свободы. Податное бремя, которое лежитъ на гражданахъ всѣхъ культурныхъ государствъ, лишаетъ людей не имущества, а только извѣстной его части; оно не лишаетъ людей свободы, а только ограничиваетъ свободу распоряженія тою долей имущества, которая должна поступить въ государственную казну. Стоитъ, хотя бы бѣгло, ознакомиться съ финансовымъ строемъ Франціи 18 вѣка или даже хозяйствомъ германскихъ государствъ первой трети 19 столѣтія, чтобы не рѣшиться высказать положеніе, которое такъ смѣло пускаетъ въ оборотъ Толстой [76]).

Эти ошибки приводятъ Толстого къ смѣшнымъ преувеличеніямъ. Слово «насиліе» такъ устрашаетъ его, что онъ считаетъ тожественными всѣ формы государственнаго быта, ибо ни одно не обходится безъ принужденія. Для него нѣтъ разницы между общественнымъ бытомъ, когда князья съ дружинниками разоряютъ селенія, избиваютъ жителей и собираютъ дань, и тѣмъ положеніемъ дѣлъ, когда, какъ въ современной Россіи, должностныя лица взимаютъ подати съ населенія. Для всякаго непредубѣжденнаго человѣка, который не объятъ, какъ Толстой, суевѣрнымъ страхомъ передъ словомъ «насиліе», разница между этими условіями чрезвычайно велика: требовать дани, не задаваясь вопросомъ объ имущественныхъ силахъ людей, сжигать селенія, избивать мужчинъ, уводить въ плѣнъ женщинъ и дѣтей—одно, а продавать часть имущества, при неплатежѣ податей, у однихъ и отсрочивать недоимку бѣднѣйшимъ—совсѣмъ другое.

Разгромивъ государство, Толстой снова переходитъ къ вопросу о деньгахъ и уподобляетъ ихъ векселямъ на бѣдныхъ. Такое отожествленіе совсѣмъ непонятно. Дабы было выдержано сравненіе денегъ съ векселями, слѣдуетъ признать ихъ векселями и на бѣдныхъ и на богатыхъ, словомъ, на всѣхъ, у кого могутъ оказаться продукты, которые будутъ куплены за эти деньги. Если же называть деньги векселями на бѣдныхъ въ томъ смыслѣ, что бѣдные теряютъ продукты своего труда въ пользу людей, которые покупаютъ ихъ, то получается полная безсмыслица: неимущіе классы теряютъ значительную часть продуктовъ своего труда не тогда, когда эти продукты поступаютъ въ обмѣнъ и покупаются на деньги, а при самомъ производствѣ товаровъ и услугъ, до поступленія ихъ въ обмѣнъ, словомъ, раньше того

времени, когда бѣдные могли бы купить эти продукты на деньги, полученныя отъ Толстого.

Въ нападкахъ на раздѣленіе труда, Толстой обнаруживаетъ неясное представленіе о его развитіи въ исторіи хозяйства. Онъ отправляется отъ картины, которая соотвѣтствуетъ дѣйствительности въ сѣдую старину, но сразу теряетъ историческую нить. По его словамъ, выходитъ такъ, что, послѣ начатковъ раздѣленія труда въ первобытныхъ общинахъ, вслѣдъ за появленіемъ перваго кузнеца, перваго плотника, перваго каменьщика, перваго учителя, на сцену является какая то злая сила, которая удерживаетъ людей у этихъ занятій, хотя бы уменьшился спросъ на ихъ трудъ; она препятствуетъ имъ возвратиться къ воздѣлыванію земли, наилучшему, наиболѣе естественному изъ всѣхъ видовъ человѣческой работы.—Этотъ процессъ совершался иначе. Населеніе возрастало. Спросъ на трудъ ремесленниковъ увеличивался, и къ первому кузнецу, плотнику, каменьщику, примыкали второй, третій, десятый. Въ деревняхъ, гдѣ люди жили на положеніи рабовъ, а позднѣе крѣпостныхъ, помѣщикъ былъ руководящею силой, которая организовала трудъ ремесленниковъ, подобно тому, какъ отъ помѣщика исходили главныя нити для упорядоченія и сельскохозяйственнаго быта. Въ городахъ, гдѣ населеніе пользовалось личной свободой, устроеніе ремесленнаго труда выпало на долю хозяевъ, сперва мелкихъ, а потомъ и крупныхъ, которые стояли во главѣ своихъ подмастерій и учениковъ. Есть основаніе говорить, что помѣщикъ, господствуя надъ рабами и крѣпостными, жилъ захватомъ ихъ труда. Можно утверждать, что захватомъ труда жилъ цеховой мастеръ Среднихъ Вѣковъ, и, тѣмъ болѣе, живетъ крупный хозяинъ новаго времени. Но въ самомъ процессѣ раздѣленія труда отнюдь не слѣдуетъ видѣть такого захвата. Новые виды занятій образовывали самостоятельныя ремесла по мѣрѣ того, какъ возрасталъ запросъ на продукты этихъ работъ. Тонко развѣтвленное раздѣленіе труда не свободно отъ темныхъ сторонъ; но возникновеніе новыхъ видовъ дѣятельности всегда сопровождалось тою выгодой, что позволяло всѣмъ, пользующимся услугами даннаго ремесленнаго или фабричнаго предпріятія, затрачивать на его продукты меньше времени, нежели было бы необходимо, если бы каждый, кому нужны эти предметы, изготовлялъ ихъ у себя дома.

Толстой представляетъ въ упрощенномъ видѣ процессъ возврата къ землѣ и сельскому хозяйству тѣхъ ремесленниковъ, на

трудъ которыхъ первобытная община уже не предъявляетъ запроса. Въ густонаселенныхъ странахъ старой культуры такому переходу всего болѣе препятствуетъ высокая цѣна земли. Но, совершаясь въ новыхъ странахъ и теперь, онъ опровергаетъ предположеніе Толстого, будто современное общество неспособно бороться съ этою темной стороной общественной жизни. До послѣдняго времени въ Соединенныхъ Штатахъ часто наблюдали такое явленіе: когда чрезмѣрное производство приводитъ промышленность къ застою, къ паденію заработной платы и безработицѣ множества людей, то значительное ихъ число переходитъ въ ряды земледѣльцевъ: они покупаютъ у государства небольшіе участки и начинаютъ вести сельское хозяйство. Позднѣе, по оживленіи промышленности, многіе изъ нихъ оставляютъ свои фермы и снова берутся за привычный трудъ на фабрикахъ и заводахъ.

Невѣрная оцѣнка денегъ и раздѣленія труда приводитъ Толстого къ ошибочному выводу, будто право частной собственности на землю, служа источникомъ рабства для огромнаго числа людей, установляетъ гораздо болѣе тяжелую зависимость, нежели та, которая была слѣдствіемъ личнаго рабства. Безспорно, право частной собственности на землю составляетъ большую тяготу для милліоновъ людей. Это доказывается состояніемъ заработной платы въ Соединенныхъ Штатахъ, съ одной стороны, и въ Россіи — съ другой. Тамъ заработная плата стоитъ гораздо выше, чѣмъ въ Европѣ, такъ какъ до послѣдняго времени въ Сѣверной Америкѣ можно было дешево купить землю. Одною же изъ важныхъ причинъ низкой заработной платы въ Россіи служитъ то, что, не взирая на обиліе земли, крестьянину трудно создать хозяйство такихъ размѣровъ, которые дѣлаютъ человѣка самостоятельнымъ. Но невѣрно положеніе Толстого, что личное рабство легче, чѣмъ лишеніе возможности пользоваться землей. Первое всегда тяжко; оно всегда накладываетъ цѣпи на человѣка со всѣми его силами, способностями, влеченіями. А второе является тяжелымъ бременемъ только для части жителей каждой страны. Оно въ особенности тягостно для земледѣльцевъ въ густонаселенныхъ мѣстностяхъ, гдѣ почти вся земля принадлежитъ крупнымъ владѣльцамъ, готовымъ продавать или сдавать участки въ аренду только на обременительныхъ условіяхъ. Но затрудненіе доступа къ землѣ не удручаетъ тѣхъ милліоновъ, которые имѣютъ опредѣленное занятіе, не связанное съ земледѣльческимъ трудомъ, и достаточно

искусно работаютъ въ избранномъ дѣлѣ. Конечно, къ этимъ людямъ отнюдь не примѣнимы слова Толстого, что, не имѣя возможности жить нравственною жизнью, они должны силою или хитростью отбирать отъ другихъ то, что другіе пріобрѣли отъ земли или отъ трудовъ согражданъ.

Нельзя не согласиться съ Толстымъ, что во всѣхъ религіяхъ накопились безчисленныя искаженія; но не выдерживаетъ критики его замѣчаніе, что въ наше время совсѣмъ пренебрегаютъ ученіемъ о равенствѣ людей, и жестокость достигла предѣловъ, до которыхъ никогда не доходила. И для человѣка, очень далекаго отъ намѣренія прославлять современный порядокъ вещей, представляется не убѣдительнымъ замѣчаніе, будто свирѣпые завоеватели давно протекшихъ вѣковъ чувствовали по временамъ утомленіе отъ потоковъ пролитой крови, будто оно налагало нѣкоторую узду на ихъ звѣрскія наклонности. Будь такъ, то исторія не сохранила бы воспоминаній о многочисленныхъ походахъ одного и того же завоевателя, причемъ на обширномъ пространствѣ сотни селеній и городовъ истреблялись до основанія, а сотни тысячъ жителей предавались смерти. Въ современномъ обществѣ много жестокости; слабо развитое чувство дружелюбія, несомнѣнно, ведетъ къ гибели множества людей отъ тяжелыхъ условій труда и всей жизненной обстановки. Но условія, вслѣдствіе которыхъ огромныя массы страдаютъ отъ хроническаго голоданія и погибаютъ, такъ сказать, медленною смертью, существовали всегда и, притомъ, въ гораздо болѣе рѣзкой формѣ, нежели теперь. Цѣлыя поколѣнія рабовъ вымирали преждевременно, вслѣдствіе жестокаго обращенія со стороны господъ. Тяжкіе поборы доводили завоеванную страну до послѣдней степени обнищанія. Повальныя болѣзни свирѣпствовали въ размѣрахъ, которые теперь неизвѣстны. Тридцатилѣтняя война, опустошившая Германію уже въ новое время, нанесла ей такіе удары, что понадобилось больше 100 лѣтъ, дабы загладить ихъ слѣды [77]). Стоитъ, хотя бы бѣгло, просмотрѣть любое сочиненіе по исторіи средневѣковой Европы, чтобы не говорить, будто жестокость, которая является причиной хроническихъ страданій огромнаго большинства людей, не наблюдалась во всѣ времена; тѣмъ болѣе не слѣдуетъ забывать объ этомъ людямъ, которые возмущаются чрезмѣрнымъ развитіемъ жестокости въ наши дни. Въ прошломъ, къ затяжнымъ бѣдствіямъ, присоединялось и то выраженіе злой воли, что сразу множество людей лишались всего достоянія и

подвергались смерти. Нечего и говорить, что жестокость этого рода почти неизвѣстна современному цивилизованному обществу.

Напомнимъ и о томъ, что невзгоды, отъ которыхъ въ культурныхъ государствахъ хронически страдаетъ множество людей, обращаютъ на себя вниманіе и ведутъ къ попыткамъ смягчить зло. Какъ бы ни были неблагопріятны послѣдствія себялюбія и жестокости меньшинства, они не остаются незамѣченными; въ старину же о нихъ не говорилъ никто. Если, вслѣдствіе нужды, развивается голодъ, распространяются опасныя болѣзни, если милліоны людей не имѣютъ сколько-нибудь сноснаго жилища, если обстановка работы дурно дѣйствуетъ на здоровье, а самый трудъ слишкомъ продолжителенъ, то слышатся голоса, и нерѣдко весьма многочисленные, о необходимости измѣнить къ лучшему положеніе дѣлъ. Требуютъ организованія продовольственной помощи населенію, оздоровленія кварталовъ, гдѣ жилые дома очень дурны, устройства больницъ, пріютовъ, лечебницъ, созданія при работахъ обстановки, лучше приноровленной къ требованіямъ гигіены, сокращенія рабочаго дня. Правда, всѣ эти попытки и мѣры слабо смягчаютъ темныя стороны общественной жизни; несомнѣнно и то, что среди людей, которые выступаютъ съ такими попытками, очень многіе далеки отъ чувства дружелюбія. Но все же нѣтъ основанія отрицать значеніе этихъ дѣйствій; все же необходимо признать, что нѣкоторые изъ людей, проводящихъ ихъ въ жизнь, руководствуются чувствомъ любви къ ближнему.

Вотъ почему въ корнѣ невѣрно утвержденіе Толстого, будто человѣчество никогда не доходило до такой безнравственности и никогда не было столь большого недостатка въ силахъ, которыя способны сдерживать животныя влеченія людей. Пусть Толстой припомнитъ многочисленныя мѣста у древнихъ пророковъ,—Исаіи, Іереміи, Іезекіиля, гдѣ Богъ грозилъ гнѣвомъ именно израильскому народу за его безчисленныя беззаконія. Гнѣвъ Божій являлся карой не только за то, что народъ отклонился отъ почитанія Іеговы и сталъ служить языческимъ богамъ, но и за такіе порочные поступки, которыми особенно грубо нарушаются требованія любви къ ближнему: несправедливый судъ, кровныя обиды вдовымъ и сирымъ, любостяжаніе, распутство, роскошь, забвеніе нуждающихся—вотъ проявленія порочной жизни людей, которые жили 25 вѣковъ назадъ и вызывали обличенія древнихъ пророковъ. Такимъ образомъ, завѣты о необходимости нравствен-

ной жизни, преподанные всѣми религіями, и въ старину оказывали мало вліянія на большинство людей.

Ошибки Толстого проистекаютъ еще и изъ того, что онъ упускаетъ изъ вида сущность законовъ и обычаевъ. Старинные завѣты морали, связанные съ религіями, не исчезли безслѣдно: многое принято законодательствомъ и образовало устойчивыя нормы права. Еще больше найдется такихъ старинныхъ религіозныхъ завѣтовъ, которые окаменѣли въ обычаяхъ и сдѣлались обязательными для членовъ данной среды, иногда очень обширной. Возьмемъ одно изъ самыхъ общихъ предписаній — «не убій». Является ли убитымъ человѣкъ знатный и богатый или же живущій милостыней, убійцу во всѣхъ случаяхъ ждетъ одно и то же наказаніе.—Можно, конечно, негодовать, что мы не пережили періода войнъ и необходимости удерживать воинскую повинность; но самая организація этой повинности служитъ однимъ изъ доказательствъ того, что начала равенства выступаютъ въ современномъ обществѣ гораздо ярче, нежели въ старину.—Возьмемъ другой примѣръ. Въ производствахъ, которыя особенно угрожаютъ здоровью людей, гдѣ фосфоръ, ртуть, свинецъ служатъ матеріалами, примѣняютъ особыя, исключительныя мѣры предосторожности. Личные интересы власть имущихъ вовсе не страдаютъ отъ того, что на этихъ заведеніяхъ каждый годъ будетъ отравлено нѣсколько тысячъ работниковъ. Ограниченія вводятся, прежде всего, въ интересахъ тѣхъ, кто работаетъ. Въ этомъ частномъ случаѣ признается цѣнность каждой человѣческой личности, слышится отзвукъ стариннаго завѣта религіи: не причинять вреда ближнему.—Словомъ, многочисленныя велѣнія религіи, направленныя на то, чтобы уравнять людей, и обязательныя лишь постольку, поскольку человѣкъ держался религіи, нашли осадокъ въ законахъ культурныхъ государствъ и стали руководить поступками даже тѣхъ, кто не имѣетъ никакой религіи.

Эту мысль подтверждаютъ и разные обычаи тѣхъ общественныхъ группъ, которыя выросли на основахъ новѣйшей, очень сложной жизни и развились внѣ вліянія религіи. Таковы союзы рабочихъ Западной Европы. Они сурово преслѣдуютъ все, что, хотя въ отдаленной степени, напоминаетъ воровство и мошенничество. Относясь очень строго и къ простому обману, они требуютъ отъ членовъ правдивости и прямоты въ отношеніяхъ не только къ сочленамъ, но и къ стороннимъ лицамъ. Всѣ эти требованія установляются не во имя какихъ-либо

матеріальныхъ выгодъ, а для того, чтобы поднять достоинство человѣка.

А потому является безпочвеннымъ положеніе Толстого, будто христіанскіе народы стоятъ въ духовномъ отношеніи ниже племенъ, которыя они покорили въ разныхъ частяхъ земного шара. Какъ бы низко ни ставили мы бытъ современныхъ цивилизованныхъ народовъ, мы не имѣемъ данныхъ для утвержденія, что, въ смыслѣ любви къ ближнему и тяготѣнія къ равенству, онъ ниже, чѣмъ бытъ покоренныхъ племенъ. Мы наблюдаемъ у негровъ и краснокожихъ, завоеванныхъ европейцами, нескончаемыя истребительныя войны между племенами и безчисленные жестокіе обычаи въ предѣлахъ каждаго племени. Часто и охотно говорятъ о добрыхъ качествахъ индусовъ; но развѣ одинъ фактъ существованія кастъ не доказываетъ, что и въ Индіи смотрятъ очень легко на завѣты религіи, поскольку она призываетъ людей къ равенству и братству?

IV.

Нападки Толстого на современную науку не подкрѣплены вѣскими доказательствами.

Конечно, мы знаемъ міръ только такимъ, какимъ онъ представляется нашимъ внѣшнимъ чувствамъ; но и этого достаточно, дабы знанія, добытыя естественными науками, имѣли большую цѣну. Слѣдуетъ отнести цѣликомъ въ область неудачнаго острословія тотъ доводъ, что ракъ или микроскопическое насѣкомое, обладая другими внѣшними чувствами, нежели человѣкъ, должны имѣть иное представленіе о внѣшнемъ мірѣ: изучая внѣшній міръ, человѣкъ заботится не о томъ, чтобы сообщить какія-либо свѣдѣнія ракамъ и инфузоріямъ, а о томъ, чтобы удовлетворить свою любознательность и получить извѣстныя практическія выгоды. Безъ сомнѣнія, всѣ явленія міра представляются въ безконечномъ времени и безконечномъ пространствѣ; крайнія точки всего движенія, т. е. зарожденіе вселенной и ея конецъ, по всей вѣроятности, навсегда останутся тайнами. Но между этими точками лежитъ огромная область; умъ человѣка можетъ работать въ широкихъ предѣлахъ и надъ безчисленнымъ множествомъ явленій; онъ можетъ приходить къ цѣннымъ выводамъ. А если естественныя науки установили рядъ законовъ, которые держатся цѣлый рядъ вѣковъ и облегчаютъ человѣку познаніе вселенной, то, значитъ, онѣ могутъ удовлетворять разумную любознательность.

Упреки по адресу прикладныхъ наукъ не попадаютъ въ цѣль. Эти науки не усиливаютъ власти богатыхъ надъ рабочими. Не слѣдуетъ видѣть возрастаніе власти въ томъ, что имущества людей состоятельныхъ классовъ увеличиваются сравнительно быстрѣе, чѣмъ средства малоимущихъ. Возрастаніе власти не идетъ параллельно съ этимъ движеніемъ. Разъ повсюду и для всего населенія облегчается доступъ къ свободѣ и политическимъ правамъ, то необходимо заключить, что власть богатыхъ надъ бѣдными уменьшается. Произвольно и то утвержденіе, будто, по мѣрѣ развитія прикладныхъ наукъ, увеличивается жестокость войнъ. Это невѣрно уже потому, что войны стали не болѣе частыми, нежели раньше, а, напротивъ, менѣе частыми: на послѣднее 50-тилѣтіе причитается 8 большихъ и среднихъ войнъ; австро-прусская, франко-прусская, русско-турецкая, японо-китайская, испано-американская, греко-турецкая, англо-бурская, русско-японская; въ совокупности онѣ длились меньше 8 лѣтъ; новому времени неизвѣстны войны, которыя длились бы 100 лѣтъ (какъ англо-французская въ 14 и 15 столѣтіяхъ), 30 лѣтъ (какъ война въ Германіи 17 вѣка) и даже 7 лѣтъ (между Пруссіей съ одной стороны и Россіей и Австріей съ другой). Къ тому же прежде, при сравнительно простомъ вооруженіи, каждая война была связана со сплошнымъ опустошеніемъ обширныхъ областей и избіеніемъ множества мирныхъ жителей. Все это бываетъ въ новое время только рѣдкимъ, единичнымъ исключеніемъ. Конечно, новѣйшее оружіе, все болѣе совершенствуясь подъ вліяніемъ роста прикладныхъ знаній, причиняетъ болѣе сложныя и разнообразныя раны, нежели холодное, преобладавшее въ старину; но еще не доказано, чтобы человѣкъ, тѣло котораго прострѣлило нѣсколько пуль, испытывалъ болѣе мучительныя страданія, нежели проколотый копьемъ или изрубленный мечами.

Еще болѣе курьезны нападки Толстого на науки объ обществѣ. Онѣ прибѣгаютъ, по его мнѣнію, къ разнымъ обманамъ и ложнымъ толкованіямъ, дабы удержать большинство людей въ рабствѣ у меньшинства.– Если изъ новѣйшей литературы отбросить всѣ научныя изслѣдованія, гдѣ встрѣчаются, хотя бы слабыя, попытки оправдать существующій порядокъ вещей въ цѣломъ, то останутся цѣлыя библіотеки такихъ изысканій въ области наукъ о хозяйствѣ и правѣ, которыя, наряду съ изученіемъ и объясненіемъ того, что есть, даютъ разнообразные совѣты относительно способовъ измѣнить общественную жизнь къ лучшему.

Одни писатели начертываютъ перемѣны, которыя касаются отдѣльныхъ сторонъ общественной жизни, другіе же предлагаютъ мѣры для коренного измѣненія всего ея строя.

Особенно рѣзко нападаетъ Толстой на политическую экономію; но его упреки необоснованы. Въ лучшихъ произведеніяхъ этой науки мы не встрѣчаемъ оправданія золъ современной общественной жизни. Когда изображаются ея темныя стороны, то лучшіе экономисты или только истолковываютъ, почему хозяйственная жизнь слагается неблагопріятно для огромнаго большинства людей, или даже сопровождаютъ свои объясненія негодованіемъ по адресу меньшинства, которое съ большой жесткостью отстаиваетъ личные интересы. Когда наука говоритъ объ экономическихъ законахъ, которые объясняютъ состояніе народнаго хозяйства даннаго времени и измѣняются только посредствомъ медленной эволюціи, то лишь подводитъ итоги развитію хозяйственной жизни, какъ оно совершалось до сихъ поръ. Накопились неисчерпаемыя данныя, которыя позволяютъ подробно и за длинный рядъ вѣковъ прослѣдить экономическую жизнь во многихъ странахъ и у многихъ народовъ. Эти данныя свидѣтельствуютъ о медленномъ движеніи впередъ. А потому, если бы наука утверждала противное, то была бы уже не наукой, а празднымъ или и вреднымъ вымысломъ. Но утверждать, что эволюція совершается медленно, вовсе не значитъ отрицать ее. И люди, которые относятся къ общественной жизни съ искренней заботливостью и одушевлены желаніемъ способствовать перемѣнамъ къ лучшему, почерпаютъ въ той же наукѣ указанія на способы, могущіе принести неимущимъ классамъ существенныя выгоды. Сошлюсь, въ видѣ примѣра, на кооперативныя общества. Съ половины 19 вѣка стали возникать на Западѣ разные виды артелей. Тогда же и литература всѣхъ странъ поставила изученіе этого процесса въ ряды своихъ задачъ, разработала до самыхъ мелкихъ подробностей всѣ стороны этого движенія и подала практическимъ дѣятелямъ много цѣнныхъ совѣтовъ и указаній. А кто слѣдитъ за новѣйшей литературой, тому извѣстно, что многіе милліоны неимущихъ горожанъ и поселянъ получили замѣтную пользу отъ кооперації [78]).

Напрасны и тѣ упреки, съ которыми Толстой обращается къ исторіи. Они могли быть умѣстны 100 лѣтъ назадъ, когда вниманіе историковъ было приковано почти исключительно къ фактамъ исторіи политической и даже династической. Но теперь ха-

рактеръ исторіографіи уже не тотъ: не только выдающіеся, но даже посредственные историки стараются изучить всѣ стороны быта въ прошломъ и прослѣдить за развитіемъ общественной жизни у разныхъ народовъ. Историкамъ и въ голову не приходитъ отводить вопросу о войнахъ главное мѣсто.

Такимъ образомъ, лишено всякаго смысла утвержденіе Толстого, будто новѣйшая наука мѣшаетъ людямъ освободиться отъ порабощенія. Въ прошломъ, при младенческомъ состояніи науки, мы находимъ столь тяжелое рабство огромнаго числа людей, какое не извѣстно настоящему: въ первой половинѣ 19 вѣка русскій народъ былъ въ рабскомъ состояніи, а между тѣмъ наука въ Россіи того времени едва зарождалась. Не только среди американскихъ индѣйцевъ, порабощенныхъ испанцами, но и въ Испаніи, государствѣ-завоевателѣ, уровень знаній былъ 400 лѣтъ назадъ очень низокъ, но это не мѣшало индѣйцамъ переживать состояніе гораздо большаго рабства, нежели то, что выпадаетъ теперь на долю туземнаго населенія въ колоніяхъ европейскихъ державъ.

Конечно, многіе изъ бѣднѣйшихъ гражданъ, получивъ образованіе, усвоиваютъ вкусы и наклонности господствующихъ классовъ. Но наука здѣсь не причемъ: причиною служатъ эгоистическія влеченія, глубоко заложенныя въ душѣ человѣка. Однако, многочисленные факты опровергаютъ положеніе Толстого, будто образованіе, полученное бѣдными людьми, во всѣхъ случаяхъ помогаетъ имъ угнетать собратій. Припоминая событія, недавно пережитыя Россіей, мы видимъ, что высшія и, частію, среднія учебныя заведенія были замѣтными средоточіями революціоннаго движенія. Оно не дало и не могло дать положительныхъ результатовъ; но, несомнѣнно, учащіеся, которые участвовали въ движеніи, были проникнуты искреннимъ желаніемъ измѣнить положеніе неимущихъ къ лучшему, а отнюдь не служить покорнымъ орудіемъ въ рукахъ властныхъ общественныхъ группъ.

Необосновано предположеніе Толстого о томъ, чѣмъ были бы склонны заниматься люди, живущіе общею жизнью, незнакомые съ дѣленіемъ на классы, которое господствуетъ въ настоящее время. Нѣтъ данныхъ утверждать, что эти люди не могутъ интересоваться вопросами о происхожденіи организмовъ, о радіи, о дѣятельности Александра Македонскаго, объ излеченіи болѣзней, которыя часто вызываются излишествами. Вѣдь, многіе готовы считать Толстого учителемъ людей, которые войдутъ въ составъ

общества будущаго. А разъ онъ, учитель, интересуется вопросами этого рода, то почему бы не интересоваться ими и тѣмъ, которые готовы слѣдовать его ученію? Не забудемъ, что важенъ не вопросъ, надъ которымъ работаетъ человѣкъ, а точка зрѣнія, установленная имъ для изученія вопроса. Можно смотрѣть на Александра Македонскаго, какъ на великаго героя, который заслуживаетъ только безмѣрной хвалы. Но можно сосредоточить свое вниманіе на изученіи среды, которая облегчила ему завоеваніе обширныхъ царствъ. Можно, наконецъ, доказывать, что его значеніе сильно преувеличено. Человѣкъ будущаго охотно посвятитъ большую часть жизни на изученіе радія, если будетъ надѣяться, что радій обладаетъ средствами, которыя важны для людей. Странно, наконецъ, замѣчаніе, что у людей не найдется времени и не окажется охоты изучать болѣзни, которыя развиваются, главнымъ образомъ, вслѣдствіе невоздержной жизни. Онѣ (прежде всего сифилисъ) передаются по наслѣдству, принимаютъ у безвинно пострадавшихъ различныя формы, причиняютъ разнообразныя страданія, а потому и вполнѣ оправдываютъ людей, которые, будучи проникнуты любовью къ ближнимъ, трудятся надъ изысканіемъ средствъ, способныхъ искоренить эти недуги. Скажемъ то же и о болѣзняхъ, которыя связаны съ неумѣреннымъ употребленіемъ вина. Алкоголизмъ передается по наслѣдству и нерѣдко обнаруживается во второмъ, даже третьемъ поколѣніи. Стало быть, связь нѣкоторыхъ болѣзней съ невоздержностью не служитъ достаточнымъ основаніемъ для того, чтобы въ обществѣ, живущемъ на началахъ равенства и братства, не было охотниковъ бороться съ такими недугами. Если бы люди той общественной среды, которую Толстой считаетъ совершенною, оставили эти болѣзни безъ вниманія, то доказали бы, что въ ихъ душѣ братская любовь нерѣдко заслоняется черствостью педантовъ.

Выпады Толстого противъ образованія неумѣстны даже съ его точки зрѣнія. Дабы удовлетворить требованіямъ, которыя Толстой ставитъ истинной наукѣ, нельзя обойдтись безъ образованія, болѣе или менѣе систематическаго. Истинная наука, по его мнѣнію, должна, между прочимъ, научить людей тому, какъ заниматься сельскимъ хозяйствомъ, какъ устранить соблазны алкоголя, опіума, табаку и т. д. Изъ дошедшихъ до насъ сочиненій мудрецовъ древности нельзя научиться, напримѣръ, тому, какъ наилучшимъ образомъ воздѣлывать землю: во времена, отда-

ленныя отъ насъ. земледѣліе было первобытно; усовершенствованные способы обработки и удобренія стали извѣстны только недавно; нужно немало учиться, дабы усвоить ихъ. Равнымъ образомъ, мудрецы прошедшихъ временъ не даютъ указаній относительно того, чтобы не было соблазновъ употреблять разныя возбуждающія средства. Нравоученія относительно воздержанія, которыя мы находимъ еще у древнихъ, сами по себѣ хороши, но недостаточны для сложной жизни нашего времени. Такимъ образомъ, умѣстны нападки не на образованіе вообще, а только на разныя программы образованія и отдѣльные виды образовательныхъ учрежденій.

Разсужденія Толстого объ искусствѣ изобилуютъ странными мыслями. Угнетенность народныхъ массъ и зависимость людей отъ капитала не объясняютъ утонченности новѣйшаго искусства. Живописецъ, музыкантъ, писатель, актеръ, хотятъ овладѣть всѣми тонкостями техники потому, что стремятся достигнуть высокаго совершенства, одержать побѣду надъ сотоварищами и пріобрѣсти наибольшій заработокъ. Сплошь и рядомъ достигаютъ вершинъ искусства тѣ художники, которые пользуются полною обезпеченностью и не имѣютъ надобности жить трудами своихъ рукъ. И Гёте, и Пушкинъ, и Тургеневъ, и Толстой поднялись на большія высоты внѣ зависимости отъ капитала. Соціалистическому строю не будетъ извѣстна рѣзкая неравномѣрность въ вознагражденіи за трудъ, но и тамъ будетъ спросъ на произведенія утонченнаго искусства, а потому и найдутся мотивы, способные поддерживать художника въ его стремленіи къ наибольшему техническому совершенству. Въ обществѣ будущаго, помимо отдѣльныхъ лицъ со значительными заработками, пріобрѣтателями такихъ произведеній будутъ государство и общины, въ интересахъ всѣхъ гражданъ. При грубо выполненной работѣ, и картины, и статуи, и обстановка театральныхъ произведеній будутъ вызывать неудовольствіе со всѣхъ сторонъ. Между соискателями будетъ поддерживаться оживленное соревнованіе. Каждый будетъ разсчитывать на особенное поощреніе, если представитъ наиболѣе законченный предметъ искусства.

Толстой негодуетъ, что искусство предъявляетъ запросъ на огромное количество труда и коверкаетъ милліоны жизней. По его мнѣнію, въ этомъ виноваты, главнымъ образомъ, художники, которые не хотятъ сами дѣлать все свое дѣло и требуютъ много подсобнаго труда для «поддержанія роскошной жизни».—Толстой

преувеличиваетъ: большинство художниковъ всѣхъ отраслей и наименованій живетъ въ бѣдности; только немногіе успѣваютъ пріобрѣсти извѣстность и пользуются богатствомъ. Но, независимо отъ этого, упрекъ Толстого долженъ быть отнесенъ не къ одному искусству, а ко всему общественному строю, поскольку въ его основѣ лежитъ раздѣленіе труда. Дабы подготовиться къ любому занятію, человѣкъ долженъ посвящать ему много времени и при подготовкѣ, и позднѣе, при исполненіи. Каждое дѣло, образующее призваніе человѣка, ведетъ за собою извѣстную односторонность; она выражается въ томъ, что даже люди просвѣщенные и высоконравственные придаютъ многимъ частностямъ своего спеціальнаго занятія больше значенія, нежели онѣ того заслуживаютъ: не только танцовщикъ — каждому движенію ногами, пѣвецъ—каждому измѣненію голоса, но и человѣкъ науки—тѣмъ изысканіямъ, которыя дѣйствительно имѣютъ большую цѣну. врачъ—разнымъ пріемамъ леченія. Но спеціализація не мѣшаетъ тому, что человѣкъ сохраняетъ воспріимчивость и къ другимъ сторонамъ жизни. Это доказывается всего лучше любознательностью людей, которые заняты въ разныхъ отрасляхъ простого труда. Можно насчитать въ предѣлахъ Европы не мало милліоновъ работниковъ, у которыхъ ихъ грубыя занятія не заглушаютъ жажды самообразованія или охоты заниматься политикой. Это облегчается въ тѣхъ случаяхъ, когда внѣ часовъ, которые человѣкъ отдаетъ своему призванію, онъ имѣетъ еще извѣстный досугъ. Полная потеря воспріимчивости ко всему, что не составляетъ спеціальнаго занятія, больше грозитъ тѣмъ, кто посвящаетъ себя дѣлу по влеченію, нежели тѣмъ, которые извлекаютъ изъ своего призванія средства къ жизни. Вторые легче проникаются мыслью о притупляющемъ вліяніи одного занятія и чаще, даже при самыхъ скромныхъ умственныхъ силахъ, ищутъ выхода посредствомъ самообразованія. Первые же такъ увлекаются своимъ дѣломъ, что сильно преувеличиваютъ его важность и относятся съ большимъ пренебреженіемъ ко всему за предѣлами своего труда. Если ихъ занятіе мало возбуждаетъ умъ, какъ, напримѣръ, гимнастика, танцы, то можетъ наступить окончательное отупѣніе.

Но нѣтъ основанія жалѣть этихъ людей больше, нежели работниковъ, занятыхъ однообразнымъ трудомъ, который удовлетворяетъ очень важныя потребности (таковы, напримѣръ, работы на мукомольныхъ мельницахъ, у машинъ, дѣлающихъ одежду, обувь,

и многія другія). Нѣтъ основанія особенно жалѣть именно первыхъ уже потому, что, какова бы ни была степень важности занятія, спеціализація приравниваетъ любой видъ труда многимъ другимъ и дѣластъ ихъ источникомъ однороднаго вліянія на работающихъ.

Нѣтъ основанія предсказывать, что исчезнутъ тѣ виды труда, которые обнимаютъ разныя побочныя дѣйствія въ области искусства: плотниковъ, маляровъ, механиковъ при театральныхъ представленіяхъ. Еще можно было бы дѣлать такое предсказаніе, если бы нашихъ потомковъ ожидало полное исчезновеніе роскоши и воцареніе простоты во всѣхъ областяхъ жизни. Нельзя ожидать этого тѣмъ болѣе, что дальнѣйшій ростъ производительности труда сдѣлаетъ многіе предметы роскоши общедоступными. И если будутъ люди, готовые производить шелковыя ткани, кружева для бѣлья, разныя мелочи для украшенія одежды, зданій, утварн, то найдутся охотники участвовать въ театральныхъ хорахъ, кордебалетѣ, быть статистами и т. п.

Скажемъ, вопреки Толстому, что въ современномъ искусствѣ многое нравится не только высшимъ классамъ, но и широкому кругу, поскольку онъ усвоилъ хотя бы начатки общаго образованія. Сюда можно отнести многое изъ сочиненій Гёте, Шиллера, Диккенса, Гоголя, Островскаго, Тургенева и другихъ. Если бы господствующее искусство привлекало только тѣхъ простыхъ людей, которые испытали вредное вліяніе со стороны высшихъ классовъ, то пріобрѣтало бы поклонниковъ почти исключительно въ городскомъ населеніи; въ деревнѣ же, гдѣ зловредное вліяніе богатыхъ гораздо слабѣе, оно не имѣло бы успѣха. Но мы знаемъ, что населеніе деревень охотно пользуется читальнями и предъявляетъ спросъ на ту художественную литературу, которой не сочувствуетъ Толстой. И театральныя представленія, взятыя изъ той же литературы, увлекаютъ населеніе деревни. Чувства чести, патріотизма, влюбленности, которыя находятъ себѣ выраженіе въ этой литературѣ, понятны и простымъ людямъ, хотя выступаютъ у нихъ съ инымъ оттѣнкомъ, нежели у членовъ высшихъ классовъ. Простой человѣкъ, какъ и членъ высшаго круга, хочетъ пользоваться доброю славой и не относится равнодушно къ тому, что его считаютъ воромъ, обманщикомъ, пьяницей, лѣнтяемъ, даже трусомъ. Въ этихъ предѣлахъ ему доступна и обидчивость. И патріотизмъ въ своихъ простѣйшихъ элементахъ вполнѣ понятенъ ему: его больше радуетъ изобра-

женіе побѣждающаго русскаго солдата, нежели потерпѣвшаго пораженіе.

Невѣрно и то, что современныя картинныя галлереи непонятны рабочему народу, поскольку онъ не развратился. Многія произведенія великихъ старыхъ мастеровъ понятны каждому, равно какъ картины Шишкина или Рѣпина, Израеля или Ленбаха.

Помимо причинъ, указанныхъ Толстымъ, нелѣпое и уродливое въ современномъ искусствѣ должно быть объяснено возрастаніемъ числа слабонервныхъ людей. Человѣкъ съ больными нервами видитъ и слышитъ не такъ, какъ здоровый. Если онъ имѣетъ большое или хотя бы малое дарованіе, то, какому бы роду искусства ни посвятилъ себя, его слова, звуки, краски дадутъ намъ совсѣмъ иныя сочетанія, чѣмъ то, что создается людьми здоровыми. Встрѣтивъ такое произведеніе, человѣкъ здоровый найдетъ, что ландшафтъ написанъ или окрашенъ неправильно, мелодія — уродлива, стихъ — неуклюжъ и неблагозвученъ. Но безчисленные художники этого разбора находятъ множество зрителей, слушателей, читателей, столь же слабонервныхъ, какъ они, и встрѣчаютъ въ этой средѣ горячее сочувствіе. Кадры любителей такихъ произведеній искусства составляются изъ людей съ больными нервами. Къ нимъ пристаетъ немало и здоровыхъ людей изъ высшаго и средняго классовъ: эти здоровые, видя новое, спѣшатъ узнать его и торопятся хвалить, чтобы не отстать отъ моды. Біографіи нѣкоторыхъ художниковъ новаго времени объясняютъ ненормальности въ ихъ произведеніяхъ: кто знакомъ съ жизнью Бодлэра, Верлэна, тотъ пойметъ, что въ ихъ стихахъ нельзя искать той ясности и простоты, какія мы находимъ у Гёте или Пушкина.

Но если намъ, людямъ со здоровыми нервами, непонятны, а главное, непріятны многочисленные представители новѣйшаго искусства, то еще нѣтъ основанія заключать, что въ такой же мѣрѣ простымъ трудовымъ людямъ непонятны и неинтересны художники, которыми увлекались поколѣнія, воспитанныя въ первой половинѣ 19 вѣка: исходя изъ предположенія, что люди простого труда обладаютъ, большею частью, здоровыми нервами, мы должны заключить, что имъ доступно и пріятно многое, быть можетъ, большая часть въ произведеніяхъ Гёте, Пушкина, Бетховена, Моцарта... Замѣчу при этомъ, что отнюдь нельзя раздѣлить взглядъ Толстого, будто великія произведенія искусства доступны всѣмъ: лучшее въ Шекспирѣ и Шиллерѣ понятно только людямъ,

получившимъ нѣкоторое образованіе: тѣмъ съ большимъ правомъ можно сказать это о Фаустѣ, даже его первой части. Разъ жизнь далеко отклонилась отъ первобытнаго склада давно протекшихъ временъ, то нельзя требовать, чтобы лучшіе предметы искусства всегда отличались такой простотой, какъ повѣствованія Библіи или народныя сказки.

Толстой ошибается, что художественныя произведенія не могутъ быть разъясняемы: 1) Критикъ можетъ показать, чѣмъ отличается данное произведеніе отъ другихъ, однородныхъ: есть много картинъ, изображающихъ положеніе Христа во гробъ; сопоставленіе ихъ и уясненіе того, что заставляетъ предпочитать однѣ другимъ, является важной задачей художественной критики. 2) Чувство, запечатлѣнное произведеніемъ искусства, заражаетъ многихъ людей; но далеко не всѣ они способны ясно выразить чувства, которыя оно вызвало. Художественный критикъ работаетъ надъ этими задачами.—Мы считаемъ естественнымъ, что люди, которые наслаждались произведеніемъ искусства, передаютъ другъ другу вызванныя въ нихъ чувства и обмѣниваются всякаго рода мыслями, возникшими подъ вліяніемъ этого произведенія. Помѣстимъ художественныхъ критиковъ въ эту же группу и скажемъ, что они могутъ отличаться отъ своихъ собесѣдниковъ большею воспріимчивостью, большею способностью оцѣнивать техническую сторону дѣла, а также большимъ знакомствомъ съ другими произведеніями искусства данной отрасли. Такимъ образомъ, почти всегда оцѣнка со стороны художественнаго критика будетъ болѣе вѣскою, нежели оцѣнка другихъ людей, которые наслаждаются тѣмъ же созданіемъ. Художественная критика не утрачиваетъ значенія даже въ тѣхъ случаяхъ, когда произведеніе искусства доступно всѣмъ и, какъ таковое, оцѣнивается всѣмъ народомъ. И по поводу такого произведенія могутъ возникать безчисленные вопросы; однимъ изъ нихъ является, напримѣръ, вопросъ о томъ, почему данное произведеніе заражаетъ огромное число людей всѣхъ возрастовъ и разныхъ общественныхъ положеній тѣми чувствами, которыя пережилъ художникъ.

Нельзя требовать, какъ то дѣлаетъ Толстой, чтобы искусство передавало только новыя чувства: человѣчество живетъ очень давно, и трудно представить себѣ чувства, которыхъ еще не испытывали люди. Не такъ много основныхъ чувствъ, которыя возникаютъ въ человѣческой душѣ, но разнообразны условія, вызывающія въ людяхъ то или иное чувство, и часто мѣняется

обстановка, въ которой человѣкъ обнаруживаетъ свои добрыя или дурныя влеченія. Прошелъ длинный рядъ вѣковъ съ тѣхъ поръ, какъ написана простая, безыскусственная, но захватывающая душу поэма о страданіяхъ Іова. Если взять сотни и тысячи высокихъ художественныхъ произведеній, которыя изображаютъ горе людей, то найдешь въ нихъ элементы всего, что содержитъ это сказаніе древне еврейскаго творчества. Разница—не въ чувствахъ, которыя переживаетъ человѣкъ, испытавшій переходъ отъ великаго богатства къ крайней бѣдности, отъ здоровья къ тяжкой и отвратительной болѣзни, отъ непрестаннаго общенія съ многочисленными членами семьи и друзьями къ гнетущему одиночеству, отъ почета и ласки къ униженію: различны только условія, которыя причиняли это, и своеобразна обстановка, при которой человѣкъ переживаетъ горе. Жизнь Христа несложна; исторія Его страданій общеизвѣстна; а сколько первоклассныхъ художниковъ изображали Его страданія и даже только немногіе ихъ моменты, чтобы передать—по каждый по своему—одно и то же чувство, которое переживалъ Христосъ! Чувство, которое каждый истинный художникъ вызываетъ въ людяхъ, изображая послѣдніе дни жизни Христа, одно и то же: скорбь и негодованіе, что страданіямъ подвергнутъ Праведникъ. И хотя каждое послѣдующее созданіе оставляетъ впечатлѣніе, родственное тѣмъ, которое было вызвано предыдущими, но каждое имѣетъ смыслъ, поскольку оно есть истинное произведеніе искусства.

Я убѣжденъ, что нѣтъ предѣловъ, за которыми искусство, вызывая одни и тѣ же чувства, уже вызывавшіяся въ людяхъ сотнями и тысячами произведеній, было бы исчерпано и утратило бы свое значеніе. Обстановка, при которой возникаютъ наиболѣе простыя чувства (напримѣръ, скорбь матери надъ умершимъ сыномъ) мѣняется мало и медленно; но условія, которыя содѣйствуютъ проявленію другихъ чувствъ, претерпѣваютъ въ теченіе исторіи большія измѣненія. Изображая, какъ то было и до сихъ поръ, всѣ душевныя движенія человѣка – любовь, радость, страданіе, гнѣвъ, ненависть, корыстолюбіе, честолюбіе—художники будущаго, пожалуй, не превзойдутъ величайшихъ образцовъ, которые намъ завѣщаны предками; быть можетъ, ни одинъ художникъ будущаго не создастъ болѣе высокаго произведенія, чѣмъ Рафаэль, Рубенсъ, Шекспиръ, Гёте. Однако, для творчества, для изобрѣтательности всегда останется широкое поле. Слѣдя за движеніемъ жизни, которая творитъ безостановочно, которая изъ

элементовъ, знакомыхъ людямъ отъ далекой древности, даетъ все новыя и новыя сочетанія, художникъ будетъ вводить въ область искусства то, что только нарождается, и исключать изъ нея то, что отжило свое время.

При оцѣнкѣ искусства, Толстой обнаруживаетъ крайне неясное представленіе о рабочемъ человѣкѣ. Его характеристика совсѣмъ не примѣнима къ простымъ людямъ—огромному большинству крестьянъ и работникамъ промышленности. Почти каждый изъ нихъ привинченъ къ немногимъ видамъ несложнаго труда. Призваніе фабричнаго работника открываетъ ему очень тѣсное поле зрѣнія. Хотя предъ крестьяниномъ оно часто бываетъ шире, но все же крайне узко. Если поселянинъ живетъ въ лѣсной мѣстности, то, обыкновенно, не знаетъ степи; хозяйствуя въ степи, онъ почти не знаетъ лѣса. Если онъ принадлежитъ къ горнорабочимъ, то ему знакомы трудъ и опасности въ нѣдрахъ земли, но неизвѣстны особенности труда въ степи и лѣсу. Говоря, что русскій рабочій человѣкъ знакомъ съ моремъ, Толстой забываетъ о континентальномъ положеніи Россіи и дѣлаетъ утвержденіе, пригодное только для маленькихъ острововъ. Невольно возникаетъ и такой вопросъ: какая связь соединяетъ рабочаго человѣка съ людьми разныхъ вѣроисповѣданій и національностей? На крупныхъ промышленныхъ заведеніяхъ, среди русскихъ и православныхъ встрѣчаются иногда работники другихъ національностей и исповѣданій. Но если связь ограничивается единствомъ мѣста труда, то не увеличиваетъ опытности русскихъ или же увеличиваетъ ее очень мало. Въ русскихъ деревняхъ такое общеніе бываетъ только тамъ, гдѣ встрѣчаются евреи или, пососѣдству, живутъ сектанты. И самая борьба крестьянъ съ природой, большею частью, мало обогащаетъ ихъ опытностью: они ведутъ ее въ формахъ однообразныхъ, съ помощью пріемовъ, которые перешли по преданію и остаются почти неизмѣнными. Засуха создаетъ для крестьянскаго хозяйства условія, когда борьба съ природой особенно нужна. Если бы, въ этихъ видахъ, крестьянинъ собиралъ запасы дождевой воды, производилъ болѣе глубокую пахоту, устраивалъ искусственное орошеніе, то обогащалъ бы себя опытностью, какъ бы ни были первобытны его пріемы. Но онъ не предпринимаетъ ничего подобнаго, спокойно полагается на волю Божію и, отъ времени до времени, приглашаетъ священника отслужить молебенъ въ полѣ. Характеристика, данная Толстымъ простому рабочему человѣку, гораздо болѣе примѣнима къ

смѣлому практическому дѣятелю средняго и высшаго класса. Если предприниматель устраиваетъ обширныя промышленныя заведенія, владѣетъ землею, на которой ведетъ сельское хозяйство, и довольно много путешествуетъ по дѣламъ, то имѣетъ случай встрѣчать людей разныхъ вѣроисповѣданій и національностей, усваиваетъ разнообразные пріемы борьбы съ природой и изучаетъ многія формы труда. Если онъ любитъ исключительно дѣловую жизнь, то знакомится съ людьми постольку, поскольку они дѣйствуютъ въ области труда. Если же онъ обладаетъ обширною любознательностью, то присматривается къ людямъ съ разныхъ сторонъ и обогащаетъ себя широкимъ опытомъ. Толстой впадаетъ въ большую ошибку, когда, говоря о богатыхъ людяхъ, смѣшиваетъ богачей съ тѣми, кто обладаетъ хорошимъ среднимъ достаткомъ. Къ тому же «богатый» и даже «состоятельный» являются для него синонимами слова «праздный». Въ дѣйствительности, изъ всего населенія страны, которая пользуется довольствомъ разныхъ степеней. къ богатымъ слѣдуетъ отнести не больше 2—3% По даннымъ о поступленіи подоходнаго налога въ Пруссіи за 1900 годъ, только 3,4% плательщиковъ получали больше 3000 марокъ годового дохода и только 1,2%— больше 6000 марокъ [79]). И изъ этихъ послѣднихъ большинство занято какимъ-либо трудомъ. Только къ очень небольшому меньшинству примѣнимо замѣчаніе Толстого, что людямъ богатыхъ классовъ знакомы всего три чувства—сословной чести, патріотизма и влюбленности.

Раздѣленіе искусства на хорошее и дурное зависитъ отъ исходной точки того, кто раздѣляетъ. Но въ дурное искусство, какъ его понимаетъ Толстой, должно быть отнесено многое, что вовсе не оправдываетъ отрицанія или презрѣнія. Композиторъ изображаетъ музыкою чувства, понятныя далеко не всѣмъ, т. е. исключительныя, но касается столь цѣнныхъ сторонъ душевной жизни, что нѣтъ основанія относить ихъ къ дурному искусству. Слѣдуетъ ли отнести портреты къ дурному искусству? Многіе первоклассные живописцы стяжали всемірную славу именно въ этой области. Если изображенное лицо незначительно, но не выражаетъ злыхъ чувствъ, то нѣтъ основанія относить портретъ къ произведеніямъ дурного искусства. Слѣдуетъ ли, напримѣръ, считать созданіями дурного искусства такія картины: Передача царю вѣрительной грамоты иностранными послами, Торжество освященія храма, Игра въ шахматы или крикетъ, Танцоваль-

ный вечеръ въ обстановкѣ, какъ его устраиваютъ люди богатыхъ классовъ? Содержаніе такихъ картинъ понятно далеко не всѣмъ, а первой—даже немногимъ, только тѣмъ, которые сколько-нибудь знакомы съ исторіей. Эти картины изображаютъ не дурныя чувства, а состоянія или чувства исключительныя, т. е. понятныя только нѣкоторымъ классамъ. Можно было бы согласиться съ Толстымъ, если бы онъ относилъ къ дурному искусству только тѣ произведенія, которыя выражаютъ дурныя чувства; помѣщеніе же въ этотъ разрядъ и того, что понятно не всѣмъ, равносильно отрицанію полезности одежды только потому, что она приходится не на всякій ростъ или что ея цвѣтъ не идетъ къ лицу каждаго.

Нельзя раздѣлить взглядъ Толстого и на правду въ искусствѣ. Онъ хочетъ навязать слову «правда» значеніе, котораго оно не имѣетъ. Подъ нею разумѣютъ все, что согласно съ дѣйствительностью, независимо отъ того, признаемъ ли сказанное и написанное нравственнымъ или безнравственнымъ. Разъ Толстой непремѣнно хотѣлъ пользоваться этимъ словомъ въ своихъ опредѣленіяхъ, то ему слѣдовало отличать правду человѣческую отъ правды Божіей и подразумѣвать подъ послѣднею только доброе, которое соотвѣтствуетъ дѣйствительности, а равно и такое, какого не было и даже быть не могло. Если же держаться опредѣленія Толстого, то и въ древней и новой литературѣ почти не найдется произведеній, которыя можно было бы признать правдивыми. Возьмемъ, напримѣръ, Иліаду, которую и Толстой считаетъ истинно художественнымъ произведеніемъ. Съ его точки зрѣнія пришлось бы назвать ее ложью, ибо герои грековъ и троянцевъ прославляются не за поступки, которые, по міросозерцанію христіанъ, соотвѣтствуютъ волѣ Божіей, а за подвиги языческіе, грѣховные. Если держаться этого опредѣленія, то пришлось бы назвать ложными всѣ произведенія Гёте, Пушкина, Гюго, Диккенса, словомъ, писателей, которыхъ высоко цѣнитъ и самъ Толстой. Пришлось бы признать ихъ ложными по слѣдующимъ причинамъ. Если писатель изображаетъ дѣятельность однихъ своихъ героевъ такъ, какъ даетъ ее сама жизнь, гдѣ худое переплетается съ добрымъ и стремленіе къ личному благу—съ готовностью служить людямъ, а другихъ героевъ такъ, что они большею частью своихъ поступковъ соотвѣтствуютъ христіанскимъ идеаламъ, то художественное произведеніе будетъ и правдивымъ и ложнымъ. Оно будетъ и тѣмъ и другимъ какъ по содержанію, такъ и по вліянію на читателей: быть можетъ, нѣкоторые изъ

нихъ увлекутся примѣромъ героевъ, которые ведутъ праведную жизнь; другіе же, большинство, будутъ больше сочувствовать и охотнѣе подражать тѣмъ героямъ, которые ведутъ жизнь среднихъ людей, очень далекую отъ ученія Христа.

Толстой преувеличиваетъ вредное вліяніе дурного искусства на общественную среду. Богатство расчищаетъ дорогу для праздности и позволяетъ наполнить жизнь растлѣвающими началами, даже независимо отъ дурного искусства. Богатые классы восточныхъ деспотій и средневѣковаго Запада имѣли въ своемъ распоряженіи мало предметомъ искусства; однако, ихъ жизнь была наполнена охотой, пьянствомъ, распутствомъ и разными грубыми развлеченіями. Та «путаница», которую, по мнѣнію Толстого, вноситъ дурное искусство въ оцѣнку простыхъ людей и дѣтей, не остается и безъ хорошаго вліянія. Если человѣкъ легко примиряется съ сооруженіемъ памятника Суворову и Наполеону или съ другими формами чествованія этихъ людей, представителей устрашающей силы, то въ немъ говоритъ дурное чувство—страхъ. Хорошо, если онъ привыкъ къ мысли, что не менѣе и даже гораздо болѣе заслуживаетъ прославленія художникъ, создавшій среди многихъ произведеній хотя нѣсколько такихъ, которыя способны оказывать доброе вліяніе на нравы и стоютъ того, чтобы сохраниться въ памяти потомства. Словомъ, вносимая путаница желательна, поскольку она содѣйствуетъ возвеличенію людей мирнаго труда, которые того заслуживаютъ. Скажемъ приблизительно то же и о размѣрахъ вознагражденія. Сельскому рабочему понятно, что управляющій имѣніемъ получаетъ гораздо больше, чѣмъ онъ; и ему не трудно понять, что авторъ повѣсти (въ особенности, если она отличается истинными достоинствами) распродалъ 100.000 экземпляровъ и получилъ гораздо большій доходъ, нежели его управляющій.

V.

Толстой упрекаетъ именно тѣ виды занятій, которые сложились въ сферахъ, такъ называемаго, умственнаго труда. Наука, по его мнѣнію, раздаетъ дипломы на праздность; наука и искусство выговариваютъ себѣ право на пользованіе чужими трудами.

Всѣ эти упреки не выдерживаютъ критики. Наука, сама по себѣ, не раздаетъ никакихъ дипломовъ—ни на праздность, ни на трудъ: наука, сама по себѣ, имѣетъ цѣлью изучить то, что было,

что есть и, на основаніи прошлаго и настоящаго, предсказать то, что будетъ. Связывать научную дѣятельность съ праздностью тѣмъ болѣе неумѣстно, что каждое завоеваніе науки, какъ бы оно ни было мелко, требуетъ большого напряженія силъ. Извѣстно, что въ упорной научной работѣ люди нерѣдко доходятъ до полнаго разстройства здоровья. Но, конечно, общественныя группы, у которыхъ сосредоточена власть, часто пользуются завоеваніями науки, чтобы раздавать дипломы на праздность. Со сдачею извѣстнаго испытанія, которое доказываетъ, что человѣкъ пріобрѣлъ свѣдѣнія по такой-то и такой-то наукѣ, начальство связываетъ полученіе диплома; а дипломъ расчищаетъ человѣку путь на ступени общественной лѣстницы, гдѣ нѣтъ и намека на полезный трудъ, но гдѣ щедро оплачивается призракъ настоящаго дѣла.

Невѣрно замѣчаніе Толстого, что успѣхи науки измѣнили къ худшему положеніе большинства людей. Возможность передвигаться на большихъ разстояніяхъ не пѣшкомъ и гужомъ, а желѣзными дорогами и пароходами, составляетъ огромную выгоду. Можно ли не считать крупнымъ выигрышемъ и того, что, вмѣсто сплошной безграмотности, все населеніе однихъ государствъ и большая его часть въ другихъ имѣетъ доступъ къ хорошо поставленной школѣ, а черезъ нее—и къ міровой литературѣ? Не менѣе рѣзокъ переходъ и въ области права: прежде, при низкомъ уровнѣ знаній и при старыхъ формахъ общественности, люди неимущихъ классовъ почти не имѣли возможности отыскать свое право; всецѣло завися отъ произвола сильныхъ міра, они не могли разсчитывать на безпристрастіе судовъ. Теперь же почти каждый, какъ бы ни было скромно его положеніе, можетъ найти защиту. Невѣрно и то, что желѣзная дорога сожгла лѣсъ у простого человѣка и увезла хлѣбъ изъ подъ его носа. Правда, съ проведеніемъ рельсовыхъ путей въ Россіи вырубка лѣсовъ усилилась; но это должно быть приписано не желѣзнымъ дорогамъ, а нерадѣнію государственной власти, которая не издала своевременно лѣсоохранительныхъ законовъ. Упрекая желѣзныя дороги за вздорожаніе хлѣба, Толстой забываетъ о вліяніи, которое оказали рельсовые пути въ этой области: они стали передвигать зерно и муку изъ мѣстъ, гдѣ они дешевы, туда, гдѣ дороги. Если, поэтому, въ однихъ мѣстахъ населеніе испытываетъ неудобство отъ вздорожанія хлѣба, то, несомнѣнно, въ другихъ оно имѣетъ выгоды отъ пониженія его цѣны. Нелегко рѣшить, превышаетъ ли выигрышъ одной мѣстности тотъ ущербъ, который понесла другая; но почти

во всѣхъ случаяхъ вздорожаніе хлѣба и разныхъ другихъ продуктовъ выкупается или, по крайней мѣрѣ, смягчается тѣмъ, что желѣзныя дороги доставили населенію новые заработки. Въ своей непріязни къ завоеваніямъ культуры Толстой идетъ очень далеко: желѣзныя дороги и машины сдѣлали, по его мнѣнію, простой народъ рабами капиталистовъ и фабрикантовъ. Мнѣ и въ голову не приходитъ утверждать, что положеніе огромнаго большинства людей легко; не забудемъ, однако, что въ періодъ рабства и крѣпостного состоянія зависимость большинства отъ господъ была гораздо болѣе велика, чѣмъ теперь, и что съ ростомъ культуры зависимость ослабѣваетъ.

Въ своихъ упрекахъ современному знанію Толстой идетъ еще дальше: наука, говоритъ онъ, изучаетъ звѣзды, исчисляетъ мельчайшихъ букашекъ, а забываетъ о простѣйшихъ задачахъ, рѣшеніе которыхъ важно для обихода милліоновъ людей.—Эти упреки не попадаютъ въ цѣль. Развитіе техническихъ наукъ содѣйствуетъ тому, что простыя и недорогія машины замѣняютъ первобытныя орудія даже въ мелкихъ хозяйствахъ: цѣпъ уступаетъ мѣсто конной молотилкѣ; соха—плугу; посѣвъ зерна отъ руки замѣняется разбрасываніемъ сѣмянъ посредствомъ сѣялки. Внесены усовершенствованія въ домашніе ткацкіе станки; улучшены способы устройства печей въ небольшихъ жилищахъ; изобрѣтены несгораемыя постройки, способныя замѣнить деревянныя, крытыя соломой и т. п. Замѣчаніе, что люди разныхъ видовъ умственнаго труда приносятъ народу только вредъ, должно быть отнесено къ простому брюжжанію, которое не основывается рѣшительно ни на чемъ. Воспользуемся такимъ примѣромъ. Предположимъ, что 100 техниковъ ищутъ занятія. Если промышленность работаетъ только съ помощью простѣйшихъ орудій, то техники не нужны, и всѣ эти люди почти не будутъ имѣть возможности приложить свои знанія; разъ же въ промышленности примѣняются сложныя машины, то они найдутъ себѣ занятіе. Въ первомъ случаѣ производительность труда низка; низка и заработная плата. Во второмъ случаѣ и первая и вторая гораздо выше. Значитъ, состояніе культуры, при которомъ предъявляютъ оживленный запросъ на техниковъ, гораздо болѣе благопріятенъ для народа, нежели то, когда они не нужны. Конечно, своимъ участіемъ въ производствѣ они приносятъ больше выгодъ капиталистамъ, чѣмъ работникамъ; но наука здѣсь не при чемъ: это является неизбѣжнымъ слѣдствіемъ права частной собственности на орудія

труда. Въ настоящее время техники приносятъ народу, главнымъ образомъ, косвенную пользу; но уже есть формы, при которыхъ они могутъ непосредственно служить ему. Пока хозяйство ведется единичными, разрозненными крестьянами или ремесленниками, до тѣхъ поръ нѣтъ спроса на трудъ людей, получившихъ техническое образованіе. Но какъ скоро мелкіе производители соединяются въ артели и обзаводятся для своихъ промышленныхъ заведеній сложными машинами, то ощущаютъ надобность въ такихъ людяхъ; участвуя въ артели, этой народной формѣ труда, техники непосредственно приносятъ пользу неимущимъ классамъ.

Не менѣе голословны упреки, которыми Толстой осыпаетъ медицину и врачей. Безспорно, врачебное искусство даетъ болѣе благопріятные результаты среди больныхъ состоятельныхъ классовъ, нежели среди малоимущихъ; и изъ медицины, какъ изъ всего, что окружаетъ насъ, имущіе извлекаютъ больше выгодъ. Безспорно, врачебная практика связана съ великими трудностями среди людей, которые живутъ въ тѣсныхъ городскихъ жилищахъ или убогихъ хижинахъ деревень. Однако, дѣятельность врача можетъ быть плодотворна и въ этой средѣ. 1) Безчисленные порѣзы рукъ и ногъ, уколы, ушибы, вывихи, переломы оканчиваются въ крестьянскомъ быту благополучно при врачебной помощи; безъ нея они нерѣдко ведутъ къ потерѣ члена, къ увѣчью и даже смерти. 2) При многихъ острыхъ болѣзняхъ, гдѣ не нужно продолжительное слѣдованіе точно опредѣленному режиму, невозможное или, по крайней мѣрѣ, весьма затрудненное въ бѣдныхъ семьяхъ, своевременные врачебная помощь, лекарства и совѣтъ относительно простѣйшихъ правилъ гигіены спасаютъ не мало жизней. 3) Не забудемъ также о больницахъ, лечебницахъ, пріемныхъ покояхъ, санаторіяхъ, которые позволяютъ врачамъ дѣйствовать успѣшно среди неимущихъ больныхъ. Ссылаясь на эти учрежденія, я имѣю въ виду не тѣ, которыя созданы благотворителями, а то, что, согласно съ велѣніями закона, устраиваютъ правительство, города, земства, промышленныя предпріятія. Не вѣрно и то замѣчаніе Толстого, будто врачебная наука не сдѣлала ничего для выясненія важныхъ вопросовъ, затрогивающихъ интересы сотенъ милліоновъ людей. По гигіенѣ выросла огромная литература, посвященная вопросамъ о нормальномъ питаніи, съ точнымъ указаніемъ видовъ пищи, которые стоютъ недорого и хорошо поддерживаютъ здоровье, о нормальномъ напряженіи рабочей силы, о приспособленіяхъ, позво-

ляющихъ предотвращать вредное вліяніе разныхъ производительныхъ процессовъ на людей. Было бы странно утверждать, что гигіена и медицина сдѣлали для народа уже довольно; но еще менѣе умѣстно замѣчаніе, что онѣ не сдѣлали ничего.

Отмѣтимъ, наконецъ, оздоровленіе городовъ и, частію, деревень. Если въ Новой Зеландіи на 1000 жителей ежегодно умираютъ 10, а въ Россіи—30, если на 100.000 жителей дифтеритъ и скарлатина ежегодно уносятъ въ Лондонѣ 15, а въ Петербургѣ—116, то нужно объяснить разницу гораздо большимъ пользованіемъ завоеваніями медицины и гигіены въ Новой Зеландіи и Лондонѣ, нежели въ Россіи и Петербургѣ. А такъ какъ всегда, и при низкомъ уровнѣ врачебной науки, смертность была въ неимущихъ классахъ болѣе высока, нежели среди состоятельныхъ, то примѣненіе санитарныхъ правилъ въ городахъ и деревняхъ, очевидно, принесло пользу не только обезпеченнымъ людямъ, но и бѣднымъ.

И искусство не заслуживаетъ многихъ упрековъ, съ которыми обращается къ нему Толстой. Въ огромной художественной литературѣ не перестаютъ появляться произведенія, понятныя простымъ, даже неграмотнымъ людямъ. Многочисленные издатели, сосредоточивая свою дѣятельность на изданіяхъ для народа, увеличиваютъ открытый народу запасъ и произведеніями сомнительнаго достоинства, и истинно художественными созданіями. А народная школа неустанно дѣлаетъ свое дѣло: она съ каждымъ годомъ расширяетъ кругъ людей, которымъ становятся доступны и художественныя произведенія, требующія хотя небольшой подготовки и непонятныя безграмотному. Бичуя живописцевъ, Толстой упускаетъ изъ вида, что высокое совершенство механическихъ способовъ воспроизведенія дѣлаетъ для художника ненужнымъ и даже нелѣпымъ рисованіе пятикопѣечныхъ картинокъ, если бы онъ и захотѣлъ всецѣло посвятить народу свою дѣятельность. Предположимъ, что даровитый художникъ, готовый помириться съ самымъ скромнымъ вознагражденіемъ за трудъ, будетъ рисовать для народа дешевыя картинки: въ теченіе даже цѣлаго года онъ успѣетъ нарисовать немного тысячъ и сдѣлаетъ доступными предметы своего искусства только для небольшого числа людей. Если же онъ пишетъ каждый годъ немного картинъ, сравнительно дорогихъ, то снимки съ нихъ, въ формѣ карточекъ или открытыхъ писемъ, могутъ быть воспроизводимы въ безграничномъ количествѣ и распространяемы среди милліоновъ семей за самую ничтожную цѣну.

Привилегированное положеніе людей, которые посвящаютъ себя научной и художественной дѣятельности—вотъ главная причина этихъ золъ. Ученые и художники, по мнѣнію Толстого, имѣютъ монополію и заняты, будто бы, только тѣмъ, что спасаютъ отъ скуки небольшой кружокъ дармоѣдовъ.—Право, въ этой характеристикѣ несообразностей почти столько же, сколько словъ. Развѣ Пастёръ и его многочисленные ученики, работая долгіе годы надъ отысканіемъ противодифтеритной сыворотки, забавляли своей работой тунеядцевъ, а не служили тѣмъ несчастнымъ, которыхъ постигъ дифтеритъ? Развѣ Кохъ и его школа, посвятивъ много лѣтъ опытамъ надъ средствами, способными излечивать бугорчатку, занимаются ненужными забавами, а не стремятся послужить человѣчеству одолѣніемъ болѣзней, отъ которыхъ происходитъ теперь чуть не пятая часть смертныхъ случаевъ? Тѣ же вопросы могутъ быть съ полнымъ основаніемъ выдвинуты относительно множества тружениковъ науки и искусства, разъ они даютъ людямъ что-нибудь полезное новыми, крупными изслѣдованіями и твореніями, или, хотя бы, разработкою частностей, которая не была выполнена самыми сильными умами въ наукѣ и наиболѣе великими художниками. При этихъ нападкахъ Толстому не слѣдовало бы забывать, что люди праздные, ищущіе только развлеченія, забавы, бѣгутъ, какъ отъ чумы, отъ научныхъ изслѣдованій, которыя имѣютъ своимъ предметомъ дѣйствительно важныя задачи въ области гигіены, медицины, строительнаго искусства, народнаго хозяйства, права. Люди праздные, безмѣрно любящіе забавы. бѣгутъ даже отъ произведеній искусства, если наслажденіе ими, въ виду ихъ сложности, требуетъ не мало времени и напряженнаго вниманія; въ живописи, музыкѣ, словесности они предпочитаютъ лучшему произведенія второго, третьяго, десятаго разбора, лишь бы предметъ искусства быстро дѣйствовалъ на нервы и не требовалъ никакихъ усилій.

Нельзя согласиться съ Толстымъ, что, для созданія истинныхъ предметовъ искусства, человѣкъ долженъ подняться на высшій уровень міросозерцанія своего времени: художникъ, написавшій превосходный пейзажъ или бытовую сцену, можетъ, по міровоззрѣнію, стоять очень невысоко, и, всетаки, плодъ его труда будетъ истиннымъ произведеніемъ искусства.

Толстой не доказалъ, что научная и художественная дѣятельность можетъ быть плодотворна лишь тогда, когда человѣкъ, посвятившій ей себя, знаетъ однѣ обязанности. Возьмемъ произве-

денія, заслужившія сочувствіе Толстого: нѣкоторыя творенія Гёте, Пушкина, Гюго, Мопассана и другихъ. Какія обязанности имѣли въ виду названные художники, когда творили свои произведенія? Ихъ біографіи не даютъ отвѣта. Предполагать, что ими руководило сознаніе обязанности дать читателямъ именно такое, а не какое-либо иное произведеніе, значитъ становиться на скользкій путь догадокъ, неспособный привести ни къ какому полезному выводу. Можно допустить сознаніе обязанности учеными и художниками еще въ двоякомъ смыслѣ: прежде всего въ томъ, что, будучи людьми, несклонными къ праздности, они считаютъ трудъ обязательнымъ для себя, какъ и для другихъ; сознаніе долга можетъ быть предполагаемо и въ томъ смыслѣ, что, когда трудъ оконченъ, ученый и художникъ, подмѣчая разные недостатки въ содержаніи или формѣ, считаютъ себя обязанными (предъ читателями, зрителями, слушателями) достигнуть наибольшаго совершенства въ обработкѣ произведеній прежде, чѣмъ они увидятъ свѣтъ. Если даже допустить это, что можно сдѣлать только со значительными натяжками (Гёте, напримѣръ, безконечно любилъ умственный трудъ, не прерывалъ его всю свою долгую жизнь, а потому для него и не могло существовать вопроса объ обязанности трудиться), то все же нельзя отыскать обязанность, сознаніе которой заставило Пушкина написать Евгенія Онѣгина, Гюго—Соборъ Парижской Богоматери, Диккенса—Оливера Твиста именно въ то время, когда они трудились надъ этими произведеніями. Мы приблизимся къ дѣйствительности только тогда, когда будемъ объяснять многое въ дѣятельности художника, такъ называемымъ, свободнымъ творчествомъ. Нужно говорить о свободномъ творчествѣ не въ томъ смыслѣ, чтобы оно не зависѣло ни отъ какихъ причинъ: каждый художникъ выбираетъ свое произведеніе подъ вліяніемъ многихъ причинъ, иногда очень простыхъ, а въ другихъ случаяхъ—сложныхъ. Иной создаетъ историческую драму послѣ долгаго и тщательнаго изученія извѣстной эпохи; другой получаетъ за короткое время сильное впечатлѣніе отъ немногихъ фактовъ, и они возбуждаютъ его къ созданію обширнаго произведенія. Я называю творчество свободнымъ въ томъ смыслѣ, что оно не зависитъ отъ внѣшнихъ силъ и вліяній, какъ оды придворныхъ стихотворцевъ зависѣли отъ настроенія земныхъ владыкъ или какъ теперь романы и драмы безчисленныхъ писателей-ремесленниковъ зависятъ отъ мѣняющихся настроеній публики и щедрости издателей.

И объ обязанности ученыхъ можно говорить только въ самомъ общемъ смыслѣ. Если человѣкъ науки посвящаетъ десятки лѣтъ на изученіе рака и зарабатывается до полнаго разстройства здоровья, то вовсе не потому, что непремѣнно хочетъ избавить человѣчество отъ рака. Конечно, человѣчество выиграетъ больше, если наука отыщетъ вѣрное средство противъ бугорчатки, такъ какъ отъ нея гибнетъ несравненно больше людей, чѣмъ отъ рака. Ученый принялся за изслѣдованіе рака также подъ вліяніемъ силы, которая можетъ быть приравнена свободному творчеству въ искусствѣ: причины, иногда трудно уловимыя, направили его на изученіе именно этой болѣзни и онъ, не покладая рукъ, работаетъ въ своей лабораторіи, работаетъ не потому, что сознаетъ себя обязаннымъ трудиться, а, главнымъ образомъ, изъ любви къ дѣлу.

Не выдерживаетъ критики и то положеніе Толстого, что истинные труженики науки и искусства не стараются обезпечить себѣ какія-либо права. Многія открытія и изобрѣтенія служатъ важнымъ сторонамъ жизни и вполнѣ оправдываютъ матеріальное обезпеченіе изобрѣтателя. Одинъ изобрѣлъ плугъ, способный замѣнить съ успѣхомъ прежнія орудія пахоты, другой—новый способъ устройства мостовъ, третій—краску, которая обладаетъ преимуществами по сравненію съ красками, употреблявшимися ранѣе въ этой отрасли производства. Если эти изобрѣтенія полезны для всего общества или значительной его части, то мы признаемъ ихъ произведеніями истинно-научной дѣятельности и смотримъ на нихъ, какъ на существенный выигрышъ для общественной среды. Разъ же изобрѣтатель работалъ надъ своимъ дѣтищемъ долго, настойчиво и съ увлеченіемъ, то мы ставимъ его въ ряды истинныхъ служителей науки. Наша оцѣнка и произведенія, и самаго творца нисколько не мѣняется отъ того, уступилъ ли изобрѣтатель или художникъ плодъ своего труда безвозмездно, или нажилъ большія деньги. Отверженные Гюго не перестаютъ быть истинно художественнымъ созданіемъ отъ того, что принесли своему творцу довольно большой доходъ, а Смерть Ивана Ильича не потеряла бы своихъ высокихъ достоинствъ, если бы доставила Толстому сотни тысячъ рублей.

Составляетъ ли страданіе необходимый удѣлъ истиннаго мыслителя и художника? Можно согласиться съ этимъ, если подъ словомъ «страданіе» разумѣть чувство неудовлетворенности, которое обыкновенно испытываютъ творцы истинно научныхъ и ху-

дожественныхъ произведеній; внѣшнимъ выраженіемъ неудовлетворенности служитъ то, что писатель много разъ исправляетъ и передѣлываетъ свое произведеніе. Но самое слово «страданіе» здѣсь неумѣстно: чувство неудовлетворенности художника только въ рѣдкихъ случаяхъ неотвязно владѣетъ его душой и отличается тою остротой, при которой слѣдуетъ говорить о страданіи. Иногда это понятіе непримѣнимо и потому, что есть роды художественныхъ произведеній, которые, по содержанію, не стоятъ ни въ какомъ отношеніи къ страданіямъ людей; они предполагаютъ у своихъ творцовъ неизмѣнную наличность душевнаго равновѣсія, темпераментъ, который не отличается большой воспріимчивостью къ страданію. Возьмемъ живописца, создающаго исключительно пейзажи, писателя, который сочиняетъ веселыя пѣсни, сказки, шутки. Творчество того и другого можетъ обогащать народъ предметами истиннаго искусства; но эти произведенія не таковы, чтобы, создавая ихъ, человѣкъ непремѣнно переживалъ страданіе. По своему содержанію, эти предметы творчества способны приводить зрителей и читателей въ умиротворенное и даже веселое настроеніе. А если художникъ, окончивъ такое произведеніе, не доволенъ собой, то, обыкновенно, недовольство не достигаетъ остроты, которая позволяла бы говорить о страданіи.

Вопросъ о самоотверженіи, какъ необходимомъ свойствѣ мыслителя и художника, долженъ быть поставленъ въ болѣе тѣсныя рамки, нежели думаетъ Толстой. Слѣдуетъ понимать его лишь въ тѣхъ предѣлахъ, что истинный мыслитель или художникъ отличается большою преданностью своему призванію и готовностью служить ему съ забвеніемъ многихъ личныхъ интересовъ. Въ процессѣ научнаго или художественнаго творчества человѣкъ нерѣдко забываетъ о томъ, что наступилъ часъ его завтрака, обѣда, пріема лекарства, что нужно навѣстить такое-то лицо, похлопотать въ такомъ то учрежденіи. Изъ біографій разныхъ дѣятелей науки и искусства намъ знакомо множество фактовъ, которые свидѣтельствуютъ о самоотверженіи этого рода. Но не приходится говорить о самоотверженіи въ томъ смыслѣ, какъ понимаетъ Толстой,—что истинные представители науки и искусства проникнуты желаніемъ служить людямъ и готовностью приносить имъ въ жертву интересы мелкіе и даже крупные. Напротивъ, когда человѣкъ всецѣло захваченъ научнымъ или художественнымъ творчествомъ, то часто забываетъ о людяхъ вообще и даже о самыхъ близкихъ. Не мало и такихъ примѣровъ, что

истинные мыслители и художники относятся къ людямъ сухо и равнодушно. Все, что мы знаемъ изъ біографіи Гёте, заставляетъ насъ заключить, что онъ, всегда привѣтливый и мягкій съ людьми, думалъ о нихъ преимущественно, какъ о предметѣ своихъ художественныхъ созданій, и, внѣ своего творчества, мало принималъ къ сердцу ихъ радости и печали. Мы знаемъ, что Гюго жилъ съ большою пышностью, почти царской недоступностью, поддерживалъ мало сношеній съ людьми, былъ очень далекъ отъ того, что можно назвать непосредственнымъ служеніемъ ближнему. Но это не помѣшало ему написать Отверженныхъ, произведеніе, которое заставляетъ полюбить автора за сочувствіе страданіямъ людей.

Въ отличіе отъ Толстого слѣдуетъ установить такіе два основные признака истинныхъ мыслителей и художниковъ: 1) они должны обладать высокими дарованіями именно того рода, какой необходимъ для избранной ими отрасли научнаго или художественнаго труда; 2) они должны обладать способностью увлекаться и, хотя по временамъ, всецѣло уходить въ свой трудъ, съ полнымъ забвеніемъ того, что окружаетъ ихъ, какъ худого, такъ и добраго.

Странно и то замѣчаніе Толстого, что науки и искусства могутъ являться благомъ для однихъ обществъ и служить къ гибели другихъ. Здѣсь подразумѣвается совокупность знаній, которыя, прямо или косвенно, содѣйствуютъ усовершенствованію воинскаго искусства. Если такъ, то слѣдуетъ сказать, что эти знанія, въ конечномъ итогѣ, могутъ служить источникомъ потери для каждаго общества: любое усовершенствованіе орудій и способовъ веденія войны переходитъ изъ страны, гдѣ изобрѣтено, въ другія страны. Когда наступила война, то усовершенствованное орудіе въ равной мѣрѣ помогаетъ истребленію людей какъ тамъ, куда было перенесено, такъ и въ томъ государствѣ, которое послужило родиною изобрѣтенія.

Толстой, неудачно сравнивая науку и искусство съ мыльными пузырями, думаетъ, что въ старину была настоящая наука, что именно въ то время учители народа излагали ученія простыя и ясныя.—Конечно, въ древности, съ самыхъ отдаленныхъ временъ, ясно и просто преподавались людямъ начала нравственности: не убій, не укради, не лжесвидѣтельствуй, чти своихъ родителей—вотъ правила поведенія, преподанныя людямъ въ сѣдую старину. Эти правила имѣютъ большую цѣну; но нѣтъ основанія приравнивать ихъ наукѣ. Наука, какъ систематическое знаніе того, что

окружаетъ людей, не была извѣстна нашимъ далекимъ предкамъ. Можно безъ конца спорить о томъ, въ какой степени важны для людей науки, которыя не имѣютъ непосредственнаго приложенія къ жизни. Если же взять всю совокупность знаній, полезныхъ людямъ, прямо приложимыхъ къ жизни, значеніе которыхъ отрицается, главнымъ образомъ, вслѣдствіе крайней наклонности къ парадоксамъ, то окажется, что въ старину люди были совсѣмъ безсильны. И теперь разныя болѣзни производятъ большія опустошенія, а 2000 лѣтъ назадъ люди не умѣли бороться даже съ недугами, которые теперь совсѣмъ не страшны, легко излечиваются и не вспыхиваютъ въ культурныхъ государствахъ. И теперь въ обширной странѣ неурожаи причиняютъ невзгоды многимъ милліонамъ людей; а тогда каждый неурожай велъ за собой ужасы голода, отъ котораго вымирало населеніе многихъ деревень и, частію, городовъ. И въ настоящее время война является великимъ зломъ; но послѣ тяжелыхъ потерь, понесенныхъ народами, они оправляются, сравнительно, въ короткое время. А въ старину войны сопровождались гораздо большими жестокостями, чѣмъ нынѣ, и побѣжденному народу нужно было много лѣтъ, иногда нѣсколько поколѣній, чтобы оправиться отъ ударовъ, нанесенныхъ ему побѣдителями. Какъ бы много мы ни выкинули изъ современной науки того, что, будто бы, питаетъ только праздную любознательность, все же останется очень длинный списокъ завоеваній человѣческой мысли, которыя въ высокой степени содѣйствовали сохраненію и улучшенію жизни людей.

Нельзя принять и то положеніе Толстого, что ученія, которыя дошли до насъ изъ глубокой древности, отличаются ясностью и простотой. Конечно, завѣты и предписанія морали понятны и доступны всѣмъ. Дѣло обстоитъ совсѣмъ иначе въ тѣхъ случаяхъ, когда мудрецы древности хотѣли дать нѣчто, напоминающее науку, главнымъ образомъ начертать ученіе о происхожденіи міра. Здѣсь все неясно, запутано и нелѣпо. Это относится къ религіознымъ системамъ еврейства и всего древняго Востока.

VI.

Мысли Толстого о томъ, въ чемъ состоитъ счастье человѣка, могутъ быть приняты только со многочисленными оговорками.

Нельзя согласиться уже съ тѣмъ, что мученія во имя Христа безконечно слабѣе, нежели страданія людей, которые живутъ по

ученію міра. Кто слѣдуетъ ученію міра добровольно, не подгоняемый крайнею необходимостью, того могутъ постигнуть разнообразныя бѣдствія, но могутъ и не постигнуть. Если же человѣкъ предается мученіямъ за Христа (какъ переживали христіане среди язычниковъ или, въ христіанскомъ мірѣ, сектанты со стороны господствующей церкви), тотъ испытываетъ настоящія страданія; среди нихъ пожизненное или долговременное заключеніе въ тюрьмѣ должно быть отнесено къ самымъ мягкимъ. Вовсе не трогаютъ читателя жалобы Толстого, что на его долю выпали тяжелыя страданія, которыхъ достало бы на многихъ мучениковъ во имя Христа, хотя его жизнь въ мірскомъ смыслѣ должна быть признана сравнительно счастливою. Если онъ, студентомъ, вдавался въ распутство, а позднѣе былъ на войнѣ, то и одно и другое нравилось ему въ свое время и не могло служить для него источникомъ мученій. Когда онъ призналъ эти занятія и развлеченія унизительными для человѣка, какъ разумнаго и добраго существа, у него появились упреки совѣсти. Возможно, что порою они достигали большой остроты. Но стоитъ хотя немного знать жизнь Толстого, чтобы считать его угрызенія совѣсти очень далекими отъ мученичества: кто просидѣлъ лѣтъ десять въ тюрьмѣ за вѣру или политическія убѣжденія, тотъ выходитъ на волю болѣе или менѣе разбитымъ тѣлесно и духовно; а «мученичество» Толстого не помѣшало ему сохранить до глубокой старости большой запасъ тѣлесныхъ и духовныхъ силъ.

1) Близкое общеніе съ природой имѣетъ, конечно, большую цѣну. Горожане отрѣзаны отъ этого. Но Толстой ошибается, утверждая, что отъ этого отдалены люди именно состоятельныхъ классовъ: это недоступно для малоимущаго населенія городовъ. Первая же группа, даже чиновники, которые наиболѣе отклонились отъ простой, естественной жизни, имѣютъ вакаціонное время, проводятъ его внѣ города, болѣе или менѣе близко къ природѣ. Усовершенствованіе путей позволяетъ многимъ людямъ даже средняго достатка жить за городомъ и воспитывать дѣтей недалеко отъ природы. Есть основаніе ожидать, что связь горожанъ съ полемъ, лугомъ и лѣсомъ будетъ становиться все болѣе тѣсной. По мѣрѣ того, какъ новыя части городовъ будутъ строиться среди садовъ и огородовъ [80]), по мѣрѣ того, какъ требованія гигіены и педагогики о сохраненіи возможно большаго общенія людей съ природой будутъ распространяться въ населеніи, станетъ крѣпнуть сознаніе, что эта связь необходима въ интересахъ равномѣрнаго и разносторонняго развитія личности. Такія же услуги оказываютъ подвижныя игры на воздухѣ и все болѣе употреби-

тельныя путешествія пѣшкомъ, верхомъ, на велосипедѣ. Словомъ, богатые и средніе классы имѣютъ значительный доступъ къ тому, что составляетъ, по мнѣнію Толстого, первое условіе счастливой жизни. Эти условія станутъ принадлежностью быта бѣдныхъ горожанъ только съ кореннымъ преобразованіемъ общественнаго строя. Совершенно недостаточно то, что создано до сихъ поръ благотворительностью, предпринимателями и на кооперативныхъ началахъ.

2) Недостатокъ свободнаго и любимаго труда составляетъ среди неимущихъ классовъ общее явленіе: въ огромномъ большинствѣ случаевъ эти люди не имѣютъ доступа къ тѣмъ занятіямъ, которыя были бы имъ пріятны. Но нельзя утверждать это о людяхъ состоятельныхъ, о средѣ, члены которой имѣютъ хотя нѣкоторую свободу выбора труда. Наблюденіе показываетъ, что людей привлекаютъ самыя разнообразныя призванія: дѣятельность врача, адвоката, промышленность, торговля, наука, искусство, преподаваніе. Въ чиновничьей средѣ, въ банковскомъ и страховомъ дѣлѣ также найдется не мало отраслей, гдѣ нѣкоторые, даже довольно многіе служащіе, трудятся по призванію. Промышленность открываетъ обширное поле для творческой работы не только тѣмъ, которые стоятъ во главѣ предпріятія, но и завѣдующимъ его отдѣлами. Толстому, повидимому, всего менѣе понятно, какъ можетъ прокуроръ любить свою работу. А между тѣмъ Достоевскій, въ лицѣ того, который обвинялъ Дмитрія Карамазова, далъ намъ прокурора, несомнѣнно любившаго выбранное имъ призваніе. — Не слѣдуетъ упускать изъ вида, при обсужденіи этого вопроса, что любовь къ какому-либо занятію не составляетъ особенности всѣхъ людей. Многіе надѣлены настолько вялымъ темпераментомъ, что, среди безчисленныхъ видовъ занятій, которыя извѣстны современному обществу, не могутъ найдти ничего, способнаго увлекать ихъ. То же несомнѣнно будетъ и въ любомъ общественномъ строѣ. Всѣмъ ли необходимъ физическій трудъ? Если видѣть въ немъ только средство для возбужденія аппетита и пріобрѣтенія крѣпкаго сна, то нельзя придавать ему всеобщее значеніе: кто пользуется хорошимъ здоровьемъ и безъ мышечнаго труда, тому нѣтъ въ немъ надобности; кто предпочитаетъ физическому труду гимнастику, верховую ѣзду, работу веслами, тому не слѣдуетъ мѣшать. Если тѣлесный трудъ человѣка входитъ въ составъ работы всего общества, какъ необходимая часть, т. е. производится правильно, изо дня въ день, за-

нимаетъ довольно много времени, то имѣетъ важное значеніе. Если же люди отдаются этому труду между прочимъ, не съ хозяйственными, а иными цѣлями, напримѣръ, ради здоровья, то было бы педантизмомъ утвержденіе, что работа за токарнымъ станкомъ, которая въ результатѣ даетъ бездѣлушки, гораздо болѣе достойна уваженія, нежели разные виды упражненій, составляющіе только спортъ.

3) Толстой правъ, что въ современной семьѣ наблюдается разложеніе; но не слѣдуетъ признавать это неустранимой особенностью нашего общества. Родители изъ состоятельныхъ классовъ, если живутъ въ праздности, не могутъ благотворно вліять на дѣтей; они не заботятся о ихъ воспитаніи уже потому, что воспитаніе составляетъ нелегкую работу, а люди, привыкшіе къ праздности, избѣгаютъ всякаго труда. Но число людей, совсѣмъ праздныхъ, невелико. Среди же трудящихся членовъ образованнаго класса мы наблюдаемъ возрастаніе заботливости родителей о тѣлесномъ и духовномъ воспитаніи дѣтей. Порученіе воспитанія дѣтей чужимъ людямъ выходитъ изъ употребленія; общественное воспитаніе, въ школѣ, обнаруживаетъ все большую притягательную силу. Участіе родителей въ совѣтахъ среднихъ учебныхъ заведеній расширяетъ кругъ заботы о дѣтяхъ. Не вѣрно и то положеніе Толстого, что, даже тяготясь своею дѣятельностью, люди стараются подготовить дѣтей къ такому же складу жизни. Если родители относятся къ воспитанію дѣтей не совсѣмъ равнодушно, то стремятся устроить ихъ жизнь лучше своей; они стараются сдѣлать ее лучше не въ смыслѣ отысканія занятія, которое оплачивается особенно щедро и облегчаетъ удовлетвореніе тщеславія, а въ подготовленіи дѣтей къ дѣятельности, которая наиболѣе соотвѣтствуетъ ихъ наклонностямъ. Словомъ, съ каждымъ послѣдующимъ поколѣніемъ родители заботятся о дѣтяхъ болѣе разумно и разносторонне.

4) Парадоксально положеніе Толстого, что человѣкъ имѣетъ доступъ тѣмъ къ большему числу людей, чѣмъ скромнѣе его общественное положеніе. Въ дѣйствительности простой человѣкъ, и своимъ занятіемъ и осѣдлостью, пріуроченъ къ очень тѣсному кругу—къ данной деревнѣ или къ представителямъ извѣстной отрасли труда: а потому онъ можетъ поддерживать общеніе только съ немногими людьми и притомъ не довольно разнообразными. Какъ тѣсенъ, напримѣръ, кругъ, въ которомъ вращаются крестьяне черноземной области, гдѣ почти нѣтъ промысловъ внѣ

сельскаго хозяйства! Члены состоятельныхъ классовъ имѣютъ предъ собой кругъ болѣе широкій и, часто, гораздо болѣе разнообразный. Среда, гдѣ дѣйствуетъ врачъ, адвокатъ, предприниматель, земскій дѣятель отличается уже большой обширностью. Вопреки мнѣнію Толстого, вовсе нѣтъ надобности въ томъ, чтобы для общенія происходилъ подборъ людей, которые равны по богатству и общественному положенію. Онъ совершается всего чаще среди чиновниковъ, гдѣ подбираются знакомые изъ людей того же ранга. Стоитъ только оглянуться вокругъ себя, дабы видѣть, что такого подбора, какъ общаго явленія, не существуетъ.

Есть и другія причины, которыя дѣлаютъ это положеніе Толстого безсодержательнымъ. а) Если человѣкъ способенъ любовно относиться къ людямъ, то будетъ обнаруживать свою доброту, къ какой бы общественной группѣ ни принадлежалъ. б) Дабы трудиться на пользу людей и проявлять истинное дружелюбіе, вовсе нѣтъ надобности въ общеніи съ очень многими: даже въ самомъ тѣсномъ кругу можно прилагать свои силы на пользу ближнихъ. в) Скромное общественное положеніе, т. е. возможность легкаго общенія съ очень многими, не ручается за то, что человѣкъ изучитъ людей со всѣми разнообразіями оттѣнковъ ихъ душевной жизни. Все сводится къ умственной силѣ даннаго лица и его желанію изучить, для чего бы ему ни понадобилось знаніе людей—для научной дѣятельности, художественной, практической или только для самообразованія. Умственная сила, воспріимчивость художника и желаніе изучить дѣйствуютъ такъ могущественно, что даютъ человѣку возможность схватить душевныя особенности цѣлыхъ общественныхъ группъ на основаніи наблюденія немногихъ людей и въ небольшомъ числѣ случаевъ. Гёте, Шопенгауеръ, Диккенсъ, Тургеневъ, Достоевскій, Зола принадлежали къ людямъ привилегированнаго класса, а гдѣ найдти простыхъ людей, способныхъ сравниться съ ними въ знаніи разныхъ слоевъ населенія.

5) Сомнительно, чтобы люди труда превосходили состоятельныхъ здоровьемъ и вѣроятностью безболѣзненной смерти въ такой мѣрѣ, какъ думаетъ Толстой. Въ Россіи, вслѣдствіе неправильнаго образа жизни, члены имущихъ классовъ старѣютъ преждевременно. Но въ этой средѣ англо-германскаго и, частью, романскаго міра мы часто находимъ людей, которые, достигнувъ глубокой старости, сохраняютъ большую бодрость и прочно держатся безъ подпорокъ — лекарствъ и минеральныхъ водъ. Напомнимъ

Толстому и о томъ, что можно не безъ успѣха бороться съ разными темными сторонами современной жизни,—половыми излишествами, сифилисомъ, алкоголизмомъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ, напримѣръ, уменьшеніе сифилиса и пьянства. Между 1873—77 годами и 1905—906 число венерическихъ заболѣваній на 1000 солдатъ упало: въ прусскихъ, саксонскихъ, вюртембергскихъ войскахъ съ 34,8 на 19,4, во французскихъ—съ 65,2 на 33,6, англійскихъ—съ 245,2 до 90,4 и т. д. [81]). Объ успѣшности борьбы съ пьянствомъ говорятъ, напримѣръ, такія цифры: потребленіе безводнаго спирта въ Норвегіи составляло 8,7 литровъ на жителя въ 1830 году и только 2,25 въ послѣдніе годы [82]). Такимъ образомъ, эти упреки Толстого примѣнимы, прежде всего, къ Россіи съ ея низкой культурой.

Ученикъ Христа, замѣчаетъ Толстой, долженъ быть готовъ умереть каждую минуту. Скажемъ по этому поводу, что и человѣкъ, далекій отъ религіи, долженъ и можетъ пріучить себя къ мысли о необходимости смерти. Ниже я остановлюсь на этомъ вопросѣ.

VII.

Положеніе работниковъ, говоритъ Толстой, измѣнилось къ лучшему только потому, что правительство пренебрегаетъ условіями жизни поселянъ и легко мирится съ ухудшеніемъ ихъ быта. Но факты говорятъ другое. За послѣднія 20 лѣтъ въ Западной Европѣ принимали разнообразныя мѣры, дабы улучшить положеніе мелкихъ землевладѣльцевъ; состояніе ихъ хозяйства привлекало къ себѣ особенное вниманіе во Франціи и Германіи. Благопріятно дѣйствовало на эту среду и развитіе разныхъ артелей. Отъ половины 19 вѣка въ быту сельскихъ классовъ совершились благопріятныя перемѣны; одновременно улучшилось и положеніе фабричныхъ работниковъ. Это было слѣдствіемъ многихъ причинъ; успѣхи техники и ростъ производительности труда занимаютъ среди нихъ главное мѣсто [83]).

Справедливы ли упреки Толстого соціалистамъ?

Во-первыхъ, онъ напрасно приписываетъ наукѣ мысль, будто благо человѣчества состоитъ въ фабричномъ трудѣ: наука не говоритъ ничего подобнаго. Она считаетъ фабричный трудъ необходимымъ и утверждаетъ, что, при благопріятной его обстановкѣ, которая современемъ несомнѣнно будетъ создана, онъ не можетъ

мѣшать благополучію людей. Съ этимъ связанъ и тотъ упрекъ Толстого, будто, достаточные классы дорожатъ фабричнымъ трудомъ, дабы облегчить себѣ привычныя удобства жизни. Принять это положеніе—значитъ допустить, что прежде, когда господствовало ремесло, состоятельные классы относились равнодушно къ удобствамъ жизни, и что ремесленники, удовлетворявшіе запросъ на предметы роскоши и удобства, были поставлены лучше, нежели пролетаріатъ нашихъ дней. Оба предположенія были бы невѣрны. Большая часть фабрикъ изготовляетъ предметы, которые служатъ простымъ потребностямъ. Таковы почти всѣ заведенія въ хлопчатобумажномъ производствѣ, большая часть отраслей въ обработкѣ шерсти, въ металлургіи; такова большая часть заведеній, которыя производятъ машины, принадлежности желѣзнодорожнаго дѣла, судоходства и многое другое. Быть можетъ, только 3—4% всѣхъ рабочихъ промышленности заняты на фабрикахъ, которыя производятъ предметы роскоши или утонченнаго комфорта [84]). Лишь къ этой части всего рабочаго населенія страны примѣнимъ упрекъ, который дѣлаетъ Толстой имущимъ классамъ. Безъ сомнѣнія, состоятельные люди любятъ жизнь удобную и роскошную. Но то же было и раньше. Два-три вѣка назадъ, когда фабрикъ почти не было, дома зажиточныхъ людей украшались разными предметами роскоши, которые выходили изъ рукъ ремесленниковъ; семьи богатыхъ дворянъ и горожанъ того времени любили окружавшія ихъ статуи, картины, вазы, мебель, бездѣлушки изъ золота, серебра, слоновой кости, шелкъ и бархатъ и неохотно отказывали себѣ въ этихъ предметахъ. А если заглянемъ еще дальше назадъ, припомнимъ жизнь древняго Рима, то найдемъ и тамъ многочисленные и разнообразные предметы роскоши, которые изготовлялись ремесленнымъ трудомъ рабовъ. А древній рабъ-ремесленникъ и даже свободные ремесленники 16 и 17 вѣковъ были поставлены гораздо хуже, нежели фабричные работники нашихъ дней [85]).

Производство, скажу я вопреки Толстому, можетъ быть построено по планамъ соціалистовъ. Раздѣленіе труда въ соціалистическомъ обществѣ будетъ походить на то, которое окружаетъ насъ. Это явится слѣдствіемъ не какихъ-либо произвольныхъ построеній, а лишь того, что даръ изобрѣтательности не изсякнетъ; будутъ появляться все новыя изобрѣтенія въ области машинъ и приспособленій. А каждая новая важная машина даетъ руководящее начало для раздѣленія труда между работниками. Произво-

димые предметы будутъ представлять существенную разницу по сравненію съ тѣмъ, что даетъ современное общество: не будетъ огромныхъ состояній, знакомыхъ нашему времени, а потому и сократится производство многихъ товаровъ, которые удовлетворяютъ только потребности роскоши; но изготовленіе предметовъ удобства увеличится, такъ какъ всему населенію будетъ доступно то, что нужно для здоровой и пріятной жизни.

Опредѣленіе того, какъ велики потребности членовъ соціалистическаго общества, не можетъ быть связано съ неодолимыми трудностями. Какъ скоро извѣстно число людей съ распредѣленіемъ по поламъ и возрастамъ, то можно вычислить количество растительныхъ веществъ и матеріаловъ животнаго царства, которые нужны для прокормленія жителей цѣлой страны. Можно сдѣлать такую же выкладку относительно одежды, жилища, домашней утвари, мебели и разныхъ другихъ предметовъ непосредственнаго потребленія. Можно опредѣлить очень близко къ дѣйствительности, какого рода и въ какомъ количествѣ необходимы для данной страны орудія производства — машины, фабричныя зданія и приспособленія, рельсы, вагоны, локомотивы, морскія, рѣчныя, воздушныя суда и т. д. Можно, такимъ образомъ, выяснить съ довольно большою точностью, сколько труда должно затрачивать населеніе данной страны въ основныхъ отрасляхъ добывающей промышленности, обрабатывающей, перевозочной. Статистика помогаетъ и теперь дѣлать такія выкладки для разныхъ цѣлей управленія, въ особенно крупныхъ размѣрахъ — для содержанія войскъ. Остается открытымъ вопросъ о томъ, какое количество труда будутъ затрачивать въ отрасляхъ, изготовляющихъ предметы роскоши. Несвоевременно загадывать, какъ общество будущаго рѣшитъ этотъ вопросъ; но можно сказать съ увѣренностью, что его рѣшеніе не будетъ очень трудно, ибо въ этихъ отрасляхъ затрачивается несравненно меньше труда, нежели въ производствахъ, которыя изготовляютъ то, что даетъ людямъ необходимое и простѣйшія удобства жизни.

Я не считаю особенно труднымъ убѣдить людей производить предметы, которые они считаютъ для себя ненужными или даже вредными. Припомнимъ то, что окружаетъ насъ. Огородникъ выращиваетъ на своемъ участкѣ разные овощи; многіе изъ нихъ— спаржа, артишоки, цвѣтная капуста,—не нужны для его домашняго обихода, но онъ воздѣлываетъ гряды съ этими растеніями, предназначенными для рынка, не менѣе усердно, нежели части

огорода, гдѣ ростутъ капуста, морковь, огурцы, рѣдька, употребляемые имъ и для собственнаго хозяйства. Табаководы ухаживаютъ за своими маленькими плантаціями очень заботливо и усердно; а, между тѣмъ, среди нихъ есть и такіе, которые не курятъ и не нюхаютъ табаку. И отъ человѣка будущаго можно ожидать такого же отношенія къ труду. При умѣренной длинѣ рабочаго дня, человѣкъ будетъ заниматься охотно производствомъ того, что ему нужно, и того, что не нужно, лишь бы только между работами не было разницы во вліяніи на здоровье.

Установленіе послѣдовательности въ переходѣ отъ однѣхъ работъ къ другимъ также не представляетъ существенныхъ затрудненій. И теперь въ хозяйствѣ государства, земствъ, городовъ постоянно возникаютъ вопросы о томъ, какую потребность удовлетворить всего ранѣе и какой расходъ отложить до будущаго года. Многіе изъ этихъ вопросовъ разрабатываются очень основательно, съ принятіемъ въ разсчетъ всѣхъ частностей даннаго дѣла. Конечно, въ обществѣ, гдѣ демократическія начала слабы, такъ называемые общественные вопросы рѣшаются, большею частью, не въ интересахъ всего населенія или хотя бы какой-нибудь обширной группы, а ради выгодъ небольшого числа людей, богатыхъ и вліятельныхъ. Разъ же демократическія начала проникли въ жизнь, то опасность съ этой стороны будетъ уменьшаться безостановочно: театры нужны, усовершенствованныя мостовыя также нужны; но въ обществѣ будущаго помедлятъ съ учрежденіемъ первыхъ и устройствомъ вторыхъ, пока не удовлетворена сполна потребность данной области въ училищахъ и больницахъ.

Выясненіе третьяго пункта, намѣченнаго Толстымъ, связано съ бо̀льшими трудностями. Обществу будущаго, подобно тому, что наблюдаемъ теперь, будетъ извѣстно не мало непріятныхъ и даже отталкивающихъ занятій: таково, напримѣръ, добываніе каменнаго угля, которое требуетъ работы подъ землей, или трудъ въ помѣщеніяхъ, гдѣ не чисто, или гдѣ, по условіямъ производства, нужно поддерживать очень высокую температуру. Нельзя найдти любителей для работъ этого рода; веденіе такихъ отраслей будетъ неизбѣжно связано съ принужденіемъ. Или для этихъ занятій будетъ установленъ рабочій день, болѣе короткій, нежели для другихъ отраслей труда, или же къ этимъ работамъ будутъ поочередно привлекаться жители данной округи. Принужденіе можетъ быть смягчено и тѣмъ, что за работы, особенно непріят-

ныя, будетъ установлено большее вознагражденіе, чѣмъ за виды труда, которые не отталкиваютъ. Принужденіе будетъ становиться тѣмъ менѣе тягостнымъ, чѣмъ болѣе, подъ вліяніемъ усовершенствованія производства, отталкивающія работы будутъ утрачивать свой непріятный характеръ. Напомнимъ хотя бы о томъ, насколько менѣе противны стали работы для множества людей съ замѣной фосфорныхъ спичекъ безфосфорными и вывозки нечистотъ изъ городовъ устраненіемъ ихъ посредствомъ каналовъ.

Толстой не считаетъ возможнымъ, чтобы свободные люди согласились на детальное раздѣленіе труда, которое, какъ предполагается, будетъ господствовать въ соціалистическомъ обществѣ. Слѣдовало бы присоединиться къ этому взгляду, если бы, при детальномъ раздѣленіи труда, людямъ будущаго приходилось работать очень много. Но новый строй сложится только при условіи, что рабочій день станетъ гораздо короче, чѣмъ теперь; а при короткомъ рабочемъ днѣ даже очень дробное раздѣленіе труда не можетъ до такой степени удручать человѣка, чтобы онъ находилъ его тягостнымъ. Сокращеніе рабочаго времени оставляетъ человѣку ежедневно нѣсколько часовъ, когда онъ воленъ дать любое направленіе своей дѣятельности и упражнять силы, непримѣняемыя въ главной профессіи. Сошлемся на примѣры изъ современной жизни. Въ разныхъ отрасляхъ государственной и частной службы, въ банковомъ и страховомъ дѣлѣ многія занятія отличаются большимъ однообразіемъ: они сводятся къ тому, что человѣкъ постоянно пишетъ бумаги и письма приблизительно одного и того же содержанія. Самъ по себѣ трудъ этого рода можетъ оказывать на человѣка совсѣмъ такое же вліяніе, какъ фабричная работа въ любомъ производствѣ. Но такъ какъ вознагражденіе этихъ людей, обыкновенно, довольно высоко, а рабочій день, большею частью, не превышаетъ 7 и даже 6 часовъ, то никому и въ голову не приходитъ утверждать, чтобы занятія этого рода гибельно вліяли на трудящихся. Обстановка при этомъ трудѣ такова, что люди, которые избираютъ его, имѣютъ много данныхъ для отвлеченія себя отъ однообразной работы въ интересахъ здоровья и умственнаго развитія.

Какъ всѣ, для кого мечта имѣетъ гораздо большую цѣну, нежели дѣйствительность, Толстой высказываетъ увѣренность, что люди найдутъ несообразнымъ придавать значеніе, такъ называемой, цивилизаціи и легко откажутся отъ ея завоеваній. Онъ считаетъ невозможнымъ осуществить соціалистическій строй на

основахъ, которыя уже создала цивилизація. Рабочіе не станутъ поддерживать заводы и фабрики, которые возникли при ихъ порабощеніи, если бы даже эти заведенія могли быть выгодны и пріятны для нихъ. Здѣсь Толстой идетъ по широкой дорогѣ, проторенной Маниловымъ. Допустить это—значитъ вѣрить, что человѣкъ на зло, невѣдомо кому, готовъ дѣлать то, что, несомнѣнно, приноситъ вредъ только сму самому. Когда, въ наслѣдство отъ отца, сынъ получаетъ, среди другихъ цѣнностей, удобный жилой домъ, то не разрушаетъ и не сжигаетъ его только потому, что отецъ имѣлъ совсѣмъ иной характеръ и совсѣмъ иной образъ мыслей, чѣмъ онъ самъ. Трудовые классы, которые современемъ получатъ господство, будутъ находиться, относительно общественнаго порядка нашего времени и классовъ, нынѣ господствующихъ, въ такомъ же положеніи, какъ сынъ относительно отца. Ставъ наслѣдниками всего того, что образуетъ общественный строй нашихъ дней, они извергнутъ изъ него ненужное, нецѣлесообразное и сохранятъ все, что можетъ быть пригодно для новаго уклада жизни. Стоитъ согласиться съ Толстымъ, что трудовые классы уничтожатъ фабрики и заводы, возникшіе при состояніи ихъ порабощенія, и зайдешь въ этомъ фантастическомъ предположеніи очень далеко. Придется заключить, что они уничтожатъ все, созданное и накопленное въ теченіе ряда вѣковъ, пока длилось состояніе ихъ рабства: они уничтожатъ города и не оставятъ камня на камнѣ не только отъ дворцовъ, откуда насильники управляли ими или ихъ предками, не только отъ храмовъ, гдѣ молились, соблюдая обряды церкви и забывая объ истинной религіи, не только отъ университетовъ, гдѣ учили и раздавали дипломы, дабы пріобщать учениковъ къ привилегированному меньшинству, но и отъ музеевъ, гдѣ накопляли предметы искусства длинный рядъ вѣковъ, и отъ народныхъ школъ, гдѣ учатся теперь порабощенные простые люди. Если согласиться съ Толстымъ, надо идти еще дальше: трудовые классы, получивъ господство, должны уничтожить плотины, которыя защищаютъ отъ наводненія, желѣзныя и грунтовыя дороги, ибо все, что мы видимъ вокругъ себя, создано при условіи порабощенія большинства меньшинствомъ.

Ошибается Толстой и относительно того, что дальнѣйшее развитіе культуры создастъ новое рабство. Проекты соціалистовъ никоимъ образомъ не заслуживаютъ этого упрека. Отмѣна частнаго землевладѣнія и частной собственности на другія орудія

производства сама собою приведетъ къ исчезновенію наиболѣе тягостныхъ формъ зависимости, ибо главнымъ бременемъ для огромной массы людей и служитъ право частной собственности на орудія труда. Непониманіе соціалистическаго строя Толстымъ доказывается его замѣчаніемъ, будто соціалисты хотятъ сохранить узаконеніе о податяхъ, т. е. приблизительно о тѣхъ податяхъ, которыя существуютъ въ настоящее время. Именно соціалистическій строй не обладаетъ данными, при которыхъ могли бы взиматься подати нынѣшняго типа. Онѣ предполагаютъ нахожденіе большей части богатствъ въ частной собственности гражданъ, которые и обязываются уступать государству извѣстную часть дохода. Въ соціалистическомъ обществѣ это будетъ совсѣмъ иначе. Продукты, образующіе годовой доходъ страны, будутъ составлять общее достояніе; изъ нихъ будетъ удерживаться то, что нужно для покрытія потребностей, удовлетворяемыхъ общественно, а все остальное будетъ распредѣляться между гражданами.

Неумѣстно говорить о рабствѣ въ томъ смыслѣ, какъ говоритъ Толстой; но безъ принужденія не можетъ обойдтись никакое общество, даже наиболѣе совершенное. Гдѣ много людей, тамъ часто сталкиваются ихъ интересы, а потому и необходимо установленіе порядка, который налагаетъ опредѣленныя обязанности, заставляетъ дѣлать то-то и воспрещаетъ такіе-то поступки. Возможно, что наши отдаленные потомки будутъ отличаться самыми высокими нравственными качествами, что во всѣхъ случаяхъ жизни огромное большинство будетъ руководствоваться такимъ правиломъ: не дѣлай другому того, чего не хочешь, чтобы тебѣ дѣлали. Когда люди достигнутъ такой нравственной высоты, то отпадетъ множество обязательныхъ нормъ, среди которыхъ мы живемъ: рушатся уголовные законы; не нужно будетъ почти ничего изъ того, что образуетъ сводъ гражданскаго права и т. д. Но и въ такой средѣ, помимо техническихъ правилъ, связанныхъ съ особенностями разныхъ сторонъ жизни, будутъ дѣйствовать многія обязательныя начала, способныя облегчать работу памяти высоконравственныхъ гражданъ. Эти правила, ограничивающія свободу людей, будутъ нужны хотя бы для того, чтобы человѣкъ, преисполненный самыхъ благихъ намѣреній, не могъ нечаянно причинить вредъ другимъ. Предположимъ, что, движимый любовью къ ближнему, онъ отдаетъ большую часть своего времени посѣщенію больныхъ и уходу за ними. Такая дѣятельность должна вызывать со всѣхъ сторонъ только горячее сочувствіе. Но если

онъ забываетъ о мѣрахъ предосторожности, которыя необходимы при посѣщеніи больныхъ во время заразительныхъ болѣзней, то можетъ содѣйствовать распространенію заразы, перенесенію ея на многихъ здоровыхъ, т. е. увеличенію болѣзненности и смертности. Наряду съ предписаніями санитарной полиціи нужны будутъ разныя правила для благоустройства городовъ и селеній и т. п. Такимъ образомъ, и для людей высоконравственныхъ, самоотверженныхъ необходимо установленіе государствомъ обязательныхъ нормъ, даже тамъ, гдѣ чувство альтруизма можетъ обнаруживаться съ наибольшею силой.

Все изложенное показываетъ полную несостоятельность разсужденій Толстого, что людямъ предстоитъ новая форма зависимости—прямое принужденіе, которое соотвѣтствуетъ первичному виду рабства. Люди никогда не будутъ жить безъ принужденія. Однако, не взирая на безчисленные законы, среди которыхъ живемъ, на возрастаніе числа узаконеній, люди становятся болѣе свободными. Въ основныхъ условіяхъ своей дѣятельности—при созданіи семьи, устроеніи домашняго хозяйства, выборѣ занятій, пользованіи устнымъ и печатнымъ словомъ, передвиженіи внутри страны и за ея предѣлами—люди болѣе свободны, нежели были раньше. Ихъ свобода возрастаетъ вслѣдствіе двухъ причинъ: исчезаютъ узаконенія, которыя ограничиваютъ свободу людей на тѣхъ пунктахъ, гдѣ ограниченія особенно тягостны, и поднимается благосостояніе, а этимъ, для относительно все большаго числа людей, создается обстановка, позволяющая пользоваться свободой. Параллельно съ этимъ измѣняются и тѣ условія общественнаго порядка, при которыхъ небольшое могущественное меньшинство можетъ спокойно и беззастѣнчиво дѣлать все, что ему угодно. Еще сто лѣтъ назадъ въ колоніяхъ европейскихъ державъ генералъ-губернаторы первые пренебрегали всѣми законами, которые должны были охранять туземное населеніе, и могли безнаказанно дѣлать все, что заблагоразсудится. Нѣтъ такого вопіющаго дѣла, на которое еще въ половинѣ 19 вѣка не могъ бы рѣшиться увѣренный въ безнаказанности крупный русскій помѣщикъ или купецъ-милліонеръ. Хотя медленно, но совершается перемѣна къ лучшему въ этихъ отношеніяхъ: маленькій, самый слабый человѣкъ имѣетъ основаніе разсчитывать, что отыщетъ свое право. Вопреки всѣмъ утвержденіямъ Толстого, ростъ культуры выражается въ уменьшеніи безправія и расширеніи свободы.

VIII.

Толстой впадаетъ въ ошибку, когда утверждаетъ, что переходъ отъ власти самодержавной къ монархической-ограниченной или республиканской не составляетъ шага впередъ. Онъ не убѣждаетъ, что, при деспотической власти, число фокусовъ разврата невелико. Дворъ монарха (припомнимъ хотя бы Францію 18 столѣтія!) со своими приспѣшниками и льстецами является, конечно, самымъ крупнымъ фокусомъ, откуда исходятъ развращающія вліянія. Но, и помимо этого главнаго средоточія, въ государствѣ слагается много центровъ, которые стараются усвоить складъ жизни, сходный съ тѣмъ, что совершается при дворѣ. Таково состоятельное дворянство; таковы семьи большей части должностныхъ лицъ, которыя занимаютъ вліятельное положеніе; таковы, наконецъ, слои богатой буржуазіи. Невѣрно, будто, при правленіи монархическомъ-ограниченномъ чрезвычайно умножаются центры, которые оказываютъ растлѣвающее вліяніе на страну. Конечно, при выборѣ депутатовъ въ представительныя учрежденія не обходится безъ подкуповъ; но таковые являются только исключеніемъ. Большая часть народныхъ представителей добивается избранія разъясненіемъ своихъ программъ, борьбой посредствомъ устнаго и печатнаго слова. Свобода слова позволяетъ оцѣнивать эти программы во всѣхъ подробностяхъ и разоблачать обѣщанія, которыя клонятся только къ обману избирателей. Такое положеніе дѣлъ опрокидываетъ положеніе Толстого, будто каждый народный представитель образуетъ самостоятельный центръ, откуда исходятъ пагубныя вліянія на всю страну. Въ государствѣ съ неограниченнымъ правленіемъ печать стѣснена, а потому и нѣтъ силы, которая могла бы въ значительной мѣрѣ смягчать вредъ, причиняемый правительствомъ населенію. Если даже допустить, что, относительно населенія, въ деспотическихъ государствахъ число вредныхъ центровъ менѣе велико, нежели въ культурныхъ, то остается одна тяжелая невыгода: отсутствіе свободы печати и общественнаго контроля позволяютъ каждому средоточію оказывать вредное вліяніе во всей полнотѣ.

Недостатокъ общественнаго контроля приводитъ къ тому, что цѣлыя поколѣнія государственныя должности замѣщаются людьми, нечистыми на руку. Въ концѣ концовъ оказывается крайне труднымъ найдти не только вѣдомство, но даже часть его,

гдѣ бы не происходило воровства казенныхъ денегъ. Не слѣдуетъ ли признать средоточіями самаго тлетворнаго вліянія тѣхъ безчисленныхъ должностныхъ лицъ въ военномъ и морскомъ вѣдомствахъ, во всѣхъ отрасляхъ гражданской службы и разныхъ отдѣлахъ самоуправленія, тѣхъ лицъ, которыя не различаютъ между собственнымъ кошелькомъ и сундукомъ казны, города, которыя воруютъ у богатаго и бѣднаго, берутъ взятки, чтобы принимать негодные товары вмѣсто добротныхъ, представляютъ начальству ложные отчеты и даже содержатъ шайки профессіональныхъ воровъ, дабы вмѣстѣ съ ними обкрадывать таможни, хлѣбные амбары, вагоны желѣзныхъ дорогъ? Явленія этого рода наблюдаются и въ странахъ, которыя уже давно измѣнили государственный строй; но тамъ они составляютъ очень рѣдкое исключеніе. И самъ Толстой замѣчаетъ какъ бы безсознательно, что представительное правленіе принесло людямъ разнообразныя выгоды; но онъ не хочетъ дать себѣ отчета въ ихъ значеніи. Онъ упоминаетъ мимоходомъ, что въ странахъ Запада исчезли стѣсненія печати, религіозныя гоненія, наказанія людей безъ суда... Но, вѣдь, все это имѣетъ громадное вліяніе на благополучіе человѣка.

Невѣрно замѣчаніе Толстого, что въ цивилизованныхъ странахъ становится все тяжеле положеніе людей, которые должны поддерживать праздныхъ и роскошествующихъ: подъ кормильцами слѣдуетъ разумѣть земледѣльцевъ; а наблюденія показываютъ, что въ культурныхъ государствахъ ихъ жизнь измѣняется къ лучшему. Въ Соединенныхъ Штатахъ и Австраліи крестьяне-фермеры отличаются большою зажиточностью; положеніе сельскихъ классовъ Франціи гораздо выше теперь, нежели до Великой революціи, даже лучше, нежели въ половинѣ 19 вѣка; а въ Германіи оно теперь выше, чѣмъ въ 40-хъ годахъ прошлаго столѣтія, когда конституціонный строй не былъ извѣстенъ почти ни одному германскому государству [86]).

Толстому кажется, что усвоеніе Россіей формъ, которыя уже давно господствуютъ на Западѣ, приведетъ къ потерѣ земли народомъ, къ увеличенію государственныхъ податей и долговъ, вооруженіямъ и безсмысленнымъ войнамъ. Только тотъ можетъ смѣло высказывать такія предположенія, кто совсѣмъ упускаетъ изъ вида, какъ прожила Россія три послѣднихъ десятилѣтія. Нашъ стародавній государственный строй сохранялся неизмѣнно, а между тѣмъ народъ лишился земли: ея площадь въ рукахъ крестьянъ увеличивалась болѣе медленно, чѣмъ росло населеніе,

а городскіе классы и спекулянты скупали огромныя владѣнія. За это же время подати и долги Россіи увеличились почти втрое; она старалась не отставать отъ другихъ державъ въ расходахъ на вооруженіе и вела двѣ тяжелыхъ и ненужныхъ войны—съ турками и японцами. Въ государствахъ Запада, ранѣе перешедшихъ къ конституціонному строю, нельзя найдти за то же тридцатилѣтіе столько прискорбныхъ и нелѣпыхъ актовъ со стороны государственной власти.

Невѣрно и то утвержденіе Толстого, будто люди культурныхъ государствъ считаютъ себя свободными, хотя, въ дѣйствительности, порабощеніе возрастаетъ. Онъ перечисляетъ многія области частной жизни, въ которыя государство вступаетъ со своими велѣніями. Если хорошенько продумать приводимые примѣры, то окажется, что безчисленные факты, будто бы, свидѣтельствующіе о порабощенности людей, вовсе не убѣждаютъ въ этомъ. Разнообразныя ограниченія, которымъ подвергается гражданинъ культурнаго государства, даже вмѣстѣ взятыя, еще не вносятъ въ жизнь человѣка тяжелыхъ стѣсненій. Когда человѣкъ исполнитъ всѣ требованія государства, то въ его распоряженіи остается еще довольно времени, а часто и довольно средствъ, дабы чувствовать себя свободнымъ. Въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ государство требуетъ отъ гражданина точно опредѣленнаго количества личнаго труда и матеріальныхъ цѣнностей. Случайности, которыя за предѣлами этихъ требованій могутъ нарушить свободу человѣка, являются въ культурныхъ странахъ рѣдкимъ исключеніемъ. И если сопоставимъ жизнь европейца или американца 20-го вѣка съ бытомъ нашихъ предковъ не только тысячу, но даже двѣсти лѣтъ назадъ, или съ тѣмъ, какъ живутъ теперь полудикіе народы Азіи и Африки, то увидимъ предъ собой прямо-таки несравнимыя величины. Первымъ обезпечены жизнь и собственность; они могутъ съ увѣренностью смотрѣть на будущее, еслибы даже ограниченія ихъ свободы стали еще болѣе многочисленны; для вторыхъ — крайняя необезпеченность, непрестанный рискъ потерять имущество и жизнь или по велѣнію владыки государства, которое еще свободно отъ «многочисленныхъ» законовъ, или же вслѣдствіе разбоевъ и всяческихъ насилій, которые совершаются ежедневно и ежечасно и не преслѣдуются государственной властью.

Конечно, необходимость удѣлить нѣсколько лѣтъ на то, чтобы обучиться военному искусству, является существеннымъ нарушеніемъ личной свободы. Пока человѣчество разбито на политиче-

скія единицы, которыя нѣтъ-нѣтъ да и начнутъ войну, до тѣхъ поръ войско является печальной необходимостью, а потому и неизбѣжно лишеніе гражданина свободы на то время, пока онъ состоитъ въ войскѣ. Но тяжесть такого порядка смягчается уже тѣмъ, что воинскую повинность обязаны отбывать всѣ, независимо отъ своихъ имущественныхъ средствъ и общественнаго положенія.

Считая правительство нашего времени неодолимымъ, Толстой подрываетъ своимъ пессимистическимъ взглядомъ надежду, что въ недалекомъ будущемъ положеніе дѣлъ можетъ стать гораздо лучше, нежели теперь. Если бы даже удалось изъять изъ рукъ правительства разнообразныя матеріальныя богатства, которыми оно располагаетъ, то все же на его сторонѣ осталось бы огромное преимущество: удержаніе руководства воспитаніемъ дѣтей и молодежи и воинская дисциплина, которая дѣлаетъ войско покорнымъ орудіемъ государственной власти. Считая тѣхъ, кто служитъ государству, людьми худшими, Толстой впадаетъ въ крайнее преувеличеніе. Стоитъ сравнить для какой-либо страны государственныхъ дѣятелей разныхъ эпохъ, и мы найдемъ между ними рѣзкія различія. Одни служатъ исключительно членамъ своего класса; они пренебрегаютъ всѣми другими общественными интересами и не останавливаются передъ самыми жестокими мѣрами, чтобы угодить вліятельному меньшинству. Другіе также помнятъ объ интересахъ своего класса, но избѣгаютъ рѣзкихъ мѣръ при стремленіи къ своимъ цѣлямъ. Есть, наконецъ, и такіе, которые въ значительной степени отступаютъ отъ запросовъ своей общественной группы и проводятъ реформы, важныя для неимущихъ. Было бы совсѣмъ несправедливо ставить Кольбера, Пиля, Гладстона, Штейна на одну доску съ ихъ предшественниками или преемниками.

Въ такой же мѣрѣ невѣрны замѣчанія Толстого, что современное государство охотно допускаетъ либеральную болтовню, но не соглашается на мѣры, сколько-нибудь крупныя. Если возьмемъ любую европейскую страну и сравнимъ ея нынѣшній бытъ съ ея состояніемъ въ началѣ 19 вѣка, то увидимъ, что ея населеніе, взятое въ цѣломъ, живетъ гораздо лучше, нежели сто лѣтъ назадъ. Улучшеніямъ въ значительной мѣрѣ способствовало и то, что чрезъ парламенты проходили мѣропріятія, которыя соотвѣтствуютъ интересамъ и неимущихъ классовъ.

Разъ усвоенъ пессимизмъ Толстого, то становятся неизбѣж-

ными самые безотрадные выводы. Правительства, отъ низшихъ должностныхъ лицъ до высшихъ, представляются ему глубоко испорченными. Онъ находитъ до корня развращенными и почти всѣхъ членовъ имущихъ классовъ. Нѣтъ основанія ждать многаго отъ этихъ людей въ смыслѣ нравственнаго перерожденія. Можно возлагать упованіе только на неимущихъ. Но Толстой признаетъ, что и среди нихъ очень многіе будутъ болѣе охотно извлекать выгоды изъ существующаго порядка вещей, нежели работать надъ личнымъ усовершенствованіемъ. Такимъ образомъ, одни имѣютъ власть, любятъ ее, тяготѣютъ къ ней, цѣпко держатся за нее. Другіе отстраняются отъ политической дѣятельности, избѣгаютъ всего, что можетъ прямо или косвенно служить поддержанію власти. Предположимъ, что въ рядахъ второй группы окажется даже много милліоновъ людей: и то она скорѣе очутится въ состояніи безвыходнаго рабства, нежели успѣетъ перевоспитать большинство, склонить его къ праведной жизни, о которой мечтаетъ Толстой.

IX.

И такъ, говоритъ онъ, необходимо прежде всего измѣнить нашу личную жизнь.

Нельзя согласиться съ его мыслью, что искаженіе древнихъ религіозныхъ ученій служитъ главнымъ признакомъ ихъ значительности. Религіозныя ученія, касаясь вопросовъ, близкихъ огромному большинству, всегда распространялись въ обширномъ кругу. Такъ какъ вѣроученіе, поскольку оно содержитъ только правила морали, рѣзко отклонялось отъ образа жизни людей, которымъ проповѣдывалось, то и не могло быть усвояемо въ чистомъ видѣ. Но въ то же время люди, которые знакомились съ нимъ, старались сдѣлаться его послѣдователями. И, вотъ, истолкователи ученія вырабатывали догмы, въ разсчетѣ на то, что все или значительная часть содержанія догмъ можетъ быть усвоена и при среднемъ, господствующемъ складѣ жизни. Это повело къ загроможденію всѣхъ религій безчисленными толкованіями и дополненіями, которыя не имѣютъ ничего общаго съ ихъ существомъ. Философскія же ученія древности, Аристотеля и другихъ мыслителей, касаются очень сложныхъ вопросовъ и требуютъ со стороны изучающихъ большого напряженія умственной силы. Нужны гораздо бо́льшія усилія ума, дабы усвоить логику Аристотеля или ученіе

Платона о государствѣ, нежели для пониманія заповѣдей, которыя запрещаютъ убивать, красть, лжесвидѣтельствовать или повелѣваютъ удѣлять бѣднымъ извѣстную часть достоянія. Философскія ученія распространялись среди людей, болѣе просвѣщенныхъ, болѣе привыкшихъ къ мышленію, нежели тотъ кругъ, который усвоивалъ религіозныя ученія. Уже это одно служило важнымъ залогомъ того, что ученія мыслителей не будутъ искажены въ значительной степени. Сюда присоединялась и другая причина: каковъ бы ни былъ образъ жизни человѣка, добродѣтельный или порочный, съ нимъ не стоитъ въ противорѣчіи ученіе о законахъ мышленія, о сущности государства, о взаимоотношеніи земли и солнца и многое другое, а потому и не было сильныхъ побужденій искажать эти ученія.

Толстой неправъ, считая невѣжественными людей, которые признаютъ жизнью только существованіе человѣка между рожденіемъ и смертью; нѣтъ основанія приравнивать ученіе новѣйшаго матеріализма тѣмъ грубымъ представленіямъ, которыя мы привыкли называть матеріализмомъ первобытныхъ дикарей. Если даже допустить, что жизнь человѣка не ограничивается его земнымъ существованіемъ, и тогда приходится говорить именно о послѣднемъ, какъ о жизни. Человѣкъ можетъ ставить себѣ для земного существованія самыя разнообразныя задачи: онъ можетъ, уступая своимъ порочнымъ наклонностямъ, вести дурную жизнь; но онъ можетъ неустанно бороться съ ними и жить добродѣтельно. А что можетъ сдѣлать человѣкъ для того отдѣла своей жизни, который, по мнѣнію Толстого, лежитъ за нимъ до рожденія и продолжается послѣ смерти? Для перваго—періода жизни до рожденія—человѣкъ, очевидно, не можетъ сдѣлать ничего; онъ не можетъ даже дать, хотя бы только для самого себя, сколько-нибудь удовлетворительное объясненіе того, чѣмъ онъ былъ до рожденія. Столь же безсиленъ человѣкъ создать для себя формы жизни и въ третьемъ періодѣ, который, будто бы, наступаетъ послѣ смерти. Подвизаясь въ добродѣтельной жизни, человѣкъ можетъ мечтать, что укрѣпленіе и развитіе добрыхъ чувствъ будетъ плодотворно и для его загробнаго существованія, но какъ и что будетъ,—онъ не знаетъ. Такимъ образомъ, какъ бы человѣкъ ни относился къ вопросу о безсмертіи души, все его существованіе заполнено заботами объ улучшеніи земной жизни.

Толстой впадаетъ въ крайнюю неясность и по вопросу о связи, которою разумное сознаніе человѣка соединяетъ его съ

разумнымъ сознаніемъ другихъ людей. Можно вѣрить въ самостоятельность душевной жизни и безсмертіе души; можно и не вѣрить въ это. Но, коль скоро человѣкъ задается вопросомъ о происхожденіи своего разумнаго сознанія, то, прежде всего, припоминаетъ своихъ предковъ по крови. Если его родители, дѣды и бабки были людьми добродѣтельными, даровитыми, то его наполняетъ чувство радости: его одушевляетъ надежда, что, быть можетъ, онъ унаслѣдовалъ отъ нихъ значительную часть ихъ душевныхъ свойствъ. Если онъ приходитъ къ заключенію, что его ближайшіе или даже отдаленные предки по крови отличались порочными наклонностями или крупными недостатками душевной жизни, то у него является болѣзненное чувство: пожалуй, думаетъ онъ, эти свойства унаслѣдованы имъ и сдѣлаютъ его пасынкомъ судьбы. Безъ сомнѣнія, разумъ подсказываетъ человѣку, что въ его душевной, какъ и тѣлесной жизни есть черты, которыя связываютъ его съ поколѣніями, жившими очень давно. Но эта мысль представляетъ для него и гораздо меньшій теоретическій интересъ, и безконечно меньшую практическую важность, нежели соображенія перваго порядка. Сколько бы ни было неуловимыхъ связей, которыя соединяютъ мое разумное сознаніе съ монголами временъ Батыя или мексиканцами временъ Кортеца, моя душевная жизнь въ ея главныхъ проявленіяхъ будетъ опредѣляться не этими связями, а тѣмъ, напримѣръ, что моя бабка со стороны отца была душевно больная, а прадѣдъ по матери былъ алкоголикъ.

Толстой заблуждается, когда говоритъ о послѣдовательности, въ которой человѣкъ можетъ достигать точныхъ знаній относительно людей и вещей. Вопреки его утвержденію, люди всего легче познаютъ мертвое вещество, которое далеко отъ насъ, и нуждаются въ наибольшемъ напряженіи ума, дабы изучить законы душевной жизни человѣка, которая всегда у насъ на глазахъ. И это понятно. Мертвая природа гораздо проще, нежели царство растеній, животныхъ и, тѣмъ болѣе, душевный міръ человѣка. Золото, найденное на берегахъ Лены, ничѣмъ не отличается отъ золота, которое извлечено изъ розсыпей южной Африки. Есть не мало сортовъ каменнаго угля; но пудъ этого ископаемаго, добытый на Донцѣ, имѣетъ немного особенностей, которыхъ мы не находимъ въ каменномъ углѣ Вестфаліи или Пенсильваніи: а потому и не трудно изучить свойства этого минерала. Міръ растеній отличается уже большею сложностью. Если, на основаніи

свойствъ дуба, которыя изучены въ средней полосѣ Россіи, человѣкъ сдѣлаетъ заключеніе о дубѣ персидскомъ или американскомъ, то почти навѣрное впадетъ въ маленькую ошибку. Но какъ велика ошибка порочнаго человѣка, когда, на основаніи своей душевной жизни, онъ высказываетъ сужденіе о людяхъ вообще! Его ошибка будетъ огромна, если примѣнить его выводъ къ людямъ добродѣтельнымъ. Столь же неправильно будетъ заключеніе человѣка съ живыми интересами къ наукѣ, искусству, общественной жизни, если, по себѣ, онъ станетъ судить о всѣхъ людяхъ.

Съ этими ошибками связано и то невѣрное замѣчаніе Толстого, что мы не считаемъ человѣка живымъ, если даже движенія его сильны, совершаются въ порывѣ страсти, пока его животная личность не подчинена разуму. Этими словами Толстой хочетъ признать жизнь человѣка истинной лишь тогда, когда въ ней спокойно, ничѣмъ не затемненный, властвуетъ разумъ. А между тѣмъ въ порывѣ страсти человѣкъ нерѣдко дѣйствуетъ съ величайшимъ напряженіемъ душевныхъ силъ. Ораторъ, проповѣдуя ученіе, которое захватываетъ его всецѣло, достигаетъ наибольшей ясности и яркости образовъ по мѣрѣ того, какъ ростетъ его одушевленіе. И даже опьяненіе нерѣдко производитъ такое дѣйствіе. Является, поэтому, несообразнымъ признаніе человѣка живымъ только потому, что въ немъ подавлена животная личность. Она можетъ быть подавлена въ человѣкѣ независимо отъ его доброй воли, отъ стремленія ко благу; такъ бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда, одолѣваемый болѣзнью, человѣкъ недвижимо лежитъ въ постели. Его разумное сознаніе можетъ выражаться при этомъ въ такой формѣ, что легко приводитъ стороннихъ людей къ невѣрнымъ выводамъ: онъ можетъ, напримѣръ, сожалѣть, что дурной образъ жизни довелъ его до тяжкой болѣзни, можетъ обѣщать, что, послѣ выздоровленія, будетъ жить лучше, воздерживаться отъ пороковъ; пожалуй, будетъ даже говорить о своей готовности совершать добрыя дѣла, служить ближнимъ. Все это — ясные признаки разумнаго сознанія; но все это вовсе не служитъ ручательствомъ, что, по выздоровленіи, человѣкъ не обратится снова къ образу жизни, въ которомъ ярко выражается животная личность.

Невѣрно и то утвержденіе Толстого, что отреченіе отъ блага животной личности есть законъ человѣческой жизни. Можно признать это закономъ для нѣкоторыхъ, немногихъ людей; но онъ

не имѣетъ общаго значенія. Многіе проводятъ жизнь съ отрицаніемъ почти всего, что стоитъ за предѣлами блага животной личности; даже мысль о смерти не заставляетъ такихъ людей отрекаться отъ этого блага. Когда приближается смерть, и такіе люди чувствуютъ ея наступленіе, то просто подчиняются неизбѣжному, одни—спокойно, другіе съ горечью и отчаяніемъ, одни—въ ясномъ сознаніи, что все кончено, другіе—въ надеждѣ, что есть жизнь и за гробомъ. Но, во всякомъ случаѣ, примиряясь съ мыслью объ уничтоженіи тѣла, они не имѣютъ опредѣленнаго взгляда на то, какова будетъ эта новая жизнь. И если бы совершенно неожиданно, отъ состоянія тяжкой болѣзни и, повидимому, очень близкой смерти наступилъ поворотъ къ полному выздоровленію, то многіе снова полюбили бы свою животную личность и стали относиться съ отрицаніемъ ко всему, что не находится съ нею въ тѣсной связи.

Толстой правъ, что жизнь сдѣлалась бы разумною и доброю, если бы люди стремились не къ личному благу, а ко благу другихъ существъ. И самъ онъ даетъ характеристику, которая противорѣчитъ его разсужденіямъ о крайнемъ развитіи жестокости въ современномъ обществѣ. Онъ говоритъ о томъ, какъ убійство враговъ смѣнилось взятіемъ ихъ въ плѣнъ, какъ стали болѣе мягкими нравы военныхъ и т. д. Но примѣры, приводимые имъ, выбираются не всегда удачно: онъ говоритъ о возрастаніи наклонности къ вегетаріанству, а между тѣмъ вегетаріанцевъ теперь меньше, нежели раньше, и мясная пища входитъ въ употребленіе среди общественныхъ слоевъ, которымъ она раньше не была доступна.

Ко взгляду, въ общемъ правильному, Толстой, безъ всякой надобности, пріобщаетъ нападки на науку за то, что она очень цѣнитъ ученіе о потребностяхъ человѣка. Если бы Толстой считалъ нормальнымъ жалкое существованіе, которое составляетъ удѣлъ безчисленныхъ милліоновъ въ городахъ и деревняхъ, то былъ бы, по крайней мѣрѣ, послѣдователенъ. Но онъ не думаетъ этого: онъ призываетъ науку служить народу, разъяснять ему, какъ питаться, какъ отопляться, какими орудіями работать. Многіе изъ этихъ вопросовъ относятся къ ученію о потребностяхъ. И разъ Толстой самъ признаетъ важность выясненія того, что такое нормальный строй жизни, то ему слѣдовало бы не нападать на ученіе о потребностяхъ, а ограничиться осужденіемъ потребностей роскоши или чрезмѣрнаго удобства.

Ошибается Толстой и въ томъ, что нужды людей удовлетворимы столь же легко, какъ потребности птицъ и цвѣтовъ. Будь такъ, то не насчитывалось бы въ одной странѣ сотенъ тысячъ, а въ другой—и милліоновъ людей, которые не имѣютъ постояннаго крова и самой грубой пищи въ томъ количествѣ, какое нужно только для сохраненія силъ. Когда Толстой намѣревался написать эти строки, ему слѣдовало вспомнить впечатлѣніе, которое произвели на него московскіе ночлежные дома. И, наконецъ, несостоятельно утвержденіе, будто бѣдственность существованія людей не можетъ быть уменьшена обезпеченіемъ своей личности. Если подъ бѣдственностью разумѣть такое состояніе человѣка, когда не удовлетворены основныя потребности, то, несомнѣнно, она уменьшается, разъ человѣкъ получаетъ возможность покрыть эти нужды трудомъ или владѣніемъ, которое приноситъ доходъ.

X.

И такъ, люди могутъ быть счастливы только подъ условіемъ, что живутъ согласно съ ученіемъ Христа. Слѣдованіе Его завѣтамъ не трудно и мученичество во Его имя менѣе тяжело, нежели мученія во имя міра. Для этого, говоритъ Толстой, нужна только безграничная любовь.

Быть можетъ, въ далекомъ будущемъ, куда не способенъ проникнуть самый прозорливый умъ, люди будутъ охвачены общею и безразличною любовью ко всѣмъ, и заповѣдь Христа приблизится къ осуществленію. Предъ лицомъ этой заповѣди не только темныя стороны нашей жизни, но и многія отрадныя явленія поражаютъ своимъ несовершенствомъ. Но мечты о будущемъ, для котораго условія жизни не могутъ быть начертаны самымъ богатымъ воображеніемъ, не даютъ права закрывать глаза на прошлое и настоящее.

Всегда и повсюду мы видимъ одно и то же: общее благоволеніе къ людямъ заслоняется предпочтеніемъ людей, болѣе или менѣе близкихъ. Апостолы, находясь подъ непосредственнымъ вліяніемъ Христа, воспринимая ученіе о любви изъ первоначальнаго источника, должны были быть, повидимому, проникнуты благоволеніемъ одной и той же степени ко всѣмъ людямъ. А между тѣмъ они любили Христа больше другихъ: не даромъ апостолъ Петръ обнажилъ мечъ для защиты Учителя. Сергій Радонежскій,

прославленный святой русской церкви, благословилъ Дмитрія Донского на бой съ Мамаемъ. Въ этомъ благословеніи ярко выразилось то, что жизнь праведная, далекая отъ грѣховъ и соблазновъ міра, непрерывное служеніе Богу и ближнимъ уживались съ любовью къ отечеству, съ чувствомъ предпочтенія, которое русскій святитель отдавалъ соотечественникамъ по сравненію съ татарами.

Быть можетъ, въ далекомъ будущемъ общее благоволеніе, равно напряженная любовь ко всѣмъ не будетъ мѣшать преуспѣянію людей. Что было бы, однако, если бы общее благоволеніе охватывало людей на зарѣ культуры? Самая жизнь не была бы возможна.

Въ старину, когда у человѣка было мало силъ на борьбу съ природой, населеніе возрастало очень медленно. Кто родился не довольно крѣпкимъ, чтобы проходить суровую школу жизни, тотъ не выживалъ, умиралъ въ дѣтствѣ или ранней юности. Сильные выдерживали эту борьбу. Они обезпечивали себѣ скудное существованіе тяжелымъ трудомъ и медленно подвигались по пути накопленія маленькихъ запасовъ, которые могли нѣсколько облегчить ихъ потомкамъ борьбу съ природой. Въ раннюю пору исторической жизни это движеніе, то надолго замирая, то снова начинаясь, всегда совершалось медленно: даже при благопріятныхъ условіяхъ, каждое поколѣніе прибавляло только немногое къ запасу знаній, умѣній, орудій производства, который получило отъ отцовъ.

Первобытные люди жестоки, проникнуты самымъ грубымъ себялюбіемъ. Представимъ себѣ, что они отличались бы благоволеніемъ ко всѣмъ: при такомъ душевномъ складѣ дикаго человѣка, всѣ слабые, съ малыми задатками жизненности, отъ рожденія осужденные на раннюю смерть, а также престарѣлые и больные, получали бы поддержку отъ сильныхъ. Сильные, вмѣсто того, чтобы поддерживать себя и жизнеспособныхъ дѣтей и подростковъ, напрягали бы силы для кормленія слабыхъ и ухода за больными. Это сдѣлало бы необходимою затрату на слабѣйшихъ членовъ тѣхъ скудныхъ средствъ, которыя могли быть использованы, дабы отвоевать отъ природы болѣе благопріятныя условія жизни. Сильные были бы вынуждены сокращать потребленіе пищи, уменьшать свой отдыхъ и дѣлались бы менѣе пригодными для суровой жизненной обстановки. Окончательное вымираніе людей было бы неизбѣжнымъ послѣдствіемъ такого порядка.

Можно относиться безразлично къ вопросу о томъ, хорошо или дурно, что жизнь человѣка на землѣ не пресѣклась еще на зарѣ исторіи; но разъ мы говоримъ о культурѣ, о цѣнности ея главныхъ завоеваній, то должны отмѣтить невозможность ея при условіи, чтобы наши далекіе предки руководствовались началомъ общаго благоволенія ко всѣмъ людямъ.

Толстой, повидимому, и самъ не признаетъ общаго благоволенія возможнымъ; это доказывается его примѣромъ: ссылка на мать, которая кормитъ своего ребенка, разбиваетъ всю его теорію. Любовь матери къ дѣтямъ, которые для нея ближе всѣхъ, даетъ самое убѣдительное доказательство того, что на блѣдномъ фонѣ общаго благоволенія къ людямъ могучей движущей силой служитъ любовь къ немногимъ и близкимъ. Представимъ себѣ, что матери, во время кормленія дѣтей, часто и охотно отрываются отъ своихъ материнскихъ обязанностей, обнаруживаютъ большое благоволеніе ко всѣмъ, не щадятъ себя въ уходѣ за сиротами, нуждающимися, больными и престарѣлыми: въ результатѣ получится только уменьшеніе ихъ силъ для выкармливанья собственныхъ дѣтей, произведеніе хилаго потомства. Въ первобытномъ обществѣ это неизбѣжно привело бы къ вымиранію людей.

Общее благоволеніе къ людямъ возрастаетъ очень медленно. Да и можетъ ли быть иначе, если безчисленные вѣка сила вещей принуждала человѣка заботиться только о немногихъ и притомъ самыхъ близкихъ. Но несомнѣнно оно возрастаетъ. А если можно мечтать о приближеніи къ идеалу только черезъ длинный рядъ поколѣній, то естественно признать очень важными всѣ формы выраженія дружелюбнаго чувства людей, хотя бы его предѣлы и не были широки. Толстой впадаетъ въ грубую ошибку, когда называетъ животной жизнь каждаго, кто не проникнутъ чувствомъ благоволенія ко всѣмъ людямъ и готовностью самоотверженія ради перваго встрѣчнаго. Здѣсь, какъ и во всѣхъ областяхъ жизни, можно наблюдать безчисленные переходы. Разстояніе между конечными ступенями чрезвычайно велико; крайнія звенья этой цѣпи весьма далеки одно отъ другого по вліянію, которое оказываютъ на усовершенствованіе людей.

Одинъ отрицаетъ все, кромѣ тѣхъ предметовъ и отношеній, которые отвѣчаютъ на его грубыя наклонности. Онъ корыстолюбивъ, такъ какъ видитъ въ богатствѣ средство окружить себя роскошью; онъ честолюбивъ, такъ какъ почетъ, оказываемый ему людьми въ разныхъ формахъ, даетъ ему удобный случай превоз-

нести себя; онъ ищетъ сближенія съ женщинами для преходящихъ удовольствій и избѣгаетъ семейной жизни, дабы не налагать на себя хотя бы малыхъ обязанностей. Внѣшними пріемами онъ легко располагаетъ къ себѣ людей и называетъ многихъ своими друзьями; но ни для кого на всемъ бѣломъ свѣтѣ онъ не рискнулъ бы своимъ здоровьемъ, пріятностью своего общественнаго положенія, даже возможностью провести съ удовольствіемъ нѣсколько часовъ.—Другой имѣетъ сходныя наклонности, но въ слабѣйшей степени. Онъ не поступитъ беззастѣнчиво относительно близкихъ или даже далекихъ людей, чтобы удовлетворить свое влеченіе къ богатству или почестямъ. Онъ не сознаетъ во всей полнотѣ обязанности, которыя приноситъ съ собою воспитаніе дѣтей, но вступаетъ въ бракъ и не боится осложненій, которымъ семья подвергаетъ жизнь человѣка. Изъ многихъ, кого онъ называетъ своими близкими и друзьями, найдутся, навѣрное, и такіе, ради которыхъ онъ будетъ готовъ принести существенныя жервы своимъ временемъ, имуществомъ, быть можетъ, здоровьемъ.—У третьяго побужденія корыстолюбія, честолюбія, тщеславія лежатъ гдѣ-то далеко; они придавлены совсѣмъ иными чувствами и влеченіями. Онъ вступаетъ въ бракъ безъ разсчета, по искреннему влеченію, въ которомъ чувственность не занимаетъ всего, ни даже главнаго мѣста. Онъ помнитъ не только о матеріальныхъ, но и о нравственныхъ обязанностяхъ, налагаемыхъ семьей. Онъ относится критически къ себѣ, къ грубымъ страстямъ, которыя повременамъ вспыхиваютъ въ немъ; онъ старается подавлять ихъ въ себѣ, не служить дурнымъ примѣромъ дѣтямъ, создать для ихъ воспитанія болѣе благопріятныя условія, нежели тѣ, въ которыхъ выросъ самъ. И этотъ третій не дастъ мало знакомому бѣдному старику столько, чтобы лишить ужина своихъ дѣтей, однако не будетъ глухъ къ призывамъ нуждающихся и не станетъ поощрять любви къ стяжанію и роскоши, которая можетъ обнаруживаться въ его семьѣ.

Толстой не станетъ отрицать, что три круга, начертанные мною, создаютъ весьма несходныя условія для воспитанія молодыхъ поколѣній и для усовершенствованія человѣчества. Согласно съ законами о наслѣдственности и объ измѣненіи подъ вліяніемъ окружающаго, поколѣніе, которое произойдетъ отъ людей перваго круга, будетъ сухо, черство, замкнуто въ эгоистическихъ влеченіяхъ и очень далеко отъ чувства дружелюбія. Въ высшей степени вѣроятно, что третій изъ намѣченныхъ круговъ дастъ чело-

вѣчеству людей, проникнутыхъ альтруистическими чувствами и склонныхъ все болѣе и болѣе расширять ряды тѣхъ, на которыхъ они направляются.

Что сказано о семьѣ, то слѣдуетъ сказать и объ отечествѣ. Можно относиться добродушно и благожелательно ко всѣмъ людямъ, независимо отъ ихъ національности и вѣроисповѣданія; но предпочтеніе соотечественниковъ, людей болѣе близкихъ по историческимъ преданіямъ, языку, по принадлежности къ одному и тому же государству, вовсе не лишаетъ человѣка способности къ высокому самоотверженію. Если человѣкъ, обыкновенно спокойный и миролюбивый, не склонный къ насильничеству, становится въ ряды защитниковъ своего отечества и переноситъ ужасы войны, то уже проявляетъ большое самоотверженіе: интересы его животной жизни и выгоды его семьи были бы, сплошь и рядомъ, гораздо лучше охранены въ томъ случаѣ, если бы онъ остался дома и не подвергалъ опасности своей жизни и здоровья.

Я не вѣрю, чтобы человѣчество могло измѣниться въ короткое время. Этому не вѣритъ никто, сколько нибудь изучавшій прошлое и не закрывавшій глазъ на современную дѣйствительность. И, вотъ, съ этой, единственно вѣрной точки зрѣнія, является первостепенно важнымъ вопросъ о томъ, увеличиваются или уменьшаются круги, въ которыхъ люди борются съ наклонностями своей животной природы и воспитываютъ въ себѣ чувство дружелюбія. Чувство пристрастія, на которое такъ рѣзко нападаетъ Толстой, несомнѣнно смягчаетъ борьбу за существованіе. Если человѣкъ любитъ свою семью больше, чѣмъ другихъ людей, но ставитъ себѣ относительно дѣтей извѣстныя нравственныя обязанности, то не будетъ доходить въ борьбѣ за существованіе до крайности, до жестокости, которыя проявляютъ люди, поглощенные только грубыми интересами. У первыхъ жадность къ наслажденію не усиливается, а ослабѣваетъ, ибо любовь наслажденій не примиряется съ наклонностью человѣка воспитывать въ семьѣ альтруистическія чувства. Конечно, человѣкъ любитъ жену, дѣтей, отечество потому, что это ему пріятно. Но мы должны и можемъ сказать буквально то же относительно тѣхъ, которые проникнуты чувствомъ общаго благоволенія къ людямъ: они любятъ всѣхъ; творя добро, они не различаютъ близкихъ и дальнихъ, не различаютъ потому, что это имъ пріятно.

Въ обращеніи къ молодежи Толстой еще болѣе ослабляетъ доказательность своихъ мыслей. Онъ высказываетъ странное по-

ложеніе, что благъ, къ которымъ люди стремятся, никогда не можетъ достать для всѣхъ, если они заботятся объ удовлетвореніи своихъ интересовъ. Исторія культурныхъ государствъ свидѣтельствуетъ, что люди приближаются къ состоянію, когда важнѣйшія потребности всѣхъ будутъ удовлетворены сполна. Въ Западной Европѣ люди живутъ теперь лучше, нежели 200 лѣтъ назадъ, а въ Сѣверной Америкѣ и Австраліи живутъ гораздо лучше, чѣмъ въ Европѣ. Стоитъ успѣшности труда сдѣлать дальнѣйшіе успѣхи и общественному строю воспринять начала соціализма,—и все населеніе культурныхъ странъ будетъ сполна удовлетворять потребности въ необходимомъ и даже въ томъ, что относится къ удобствамъ тѣлесной и духовной жизни. Такое состояніе общества дѣлаетъ совсѣмъ неумѣстною боязнь, что у кого-либо отнимутъ что-либо; при такомъ состояніи и зависть будетъ включена въ болѣе тѣсные предѣлы, чѣмъ теперь. А наблюдаемое смягченіе борьбы между общественными группами доказываетъ, что люди относятся другъ къ другу менѣе враждебно, чѣмъ раньше.

Здѣсь же Толстой высказываетъ фантастическое предположеніе, что во всѣхъ людяхъ живетъ одинъ и тотъ же духъ.—Не слѣдуетъ забывать, что желанія людей и ихъ міровоззрѣнія далеко не сходны. Люди относятся различно не только къ безчисленнымъ второстепеннымъ вопросамъ, но и къ наиболѣе важнымъ. Если взять людей одной и той же національности и одной и той же степени культуры, то окажется, что ихъ убѣжденія весьма несходны относительно цѣли жизни человѣка и его назначенія на землѣ, относительно безсмертія души, бытія Божія и т. д. А если такъ, то нельзя утверждать. что духъ, живущій въ каждомъ, непремѣнно желаетъ блага всѣмъ. Одни желаютъ этого блага искренне и сознательно; другіе желаютъ блага только людямъ своей національности, единовѣрцамъ, соотечественникамъ (припомнимъ по этому поводу разнородныя теченія, которыя вызываютъ въ Россіи вопросы еврейскій, польскій, финляндскій); многіе относятся равнодушно ко всѣмъ за предѣлами самаго тѣснаго круга. А потому совершенно безпочвенно требованіе Толстого, чтобы всѣ признали своей единственной или, по крайней мѣрѣ, главной задачей воспитаніе въ себѣ любви ко всѣмъ людямъ. Сравненіе жизни отдѣльнаго человѣка съ жизнью всего человѣчества не приводитъ къ полезнымъ результатамъ: у отдѣльнаго человѣка—такъ было въ глубокой древности и такъ остается донынѣ—какое-нибудь одно влеченіе можетъ преобладать настолько, что вытѣсняетъ

всѣ другія. Человѣчество или даже народъ состоитъ изъ множества единицъ, и каждая выступаетъ со своими влеченіями. Несомнѣнно, дружелюбіе возрастетъ; люди будутъ посвящать заботамъ о близкихъ больше силъ, чѣмъ теперь; но нѣтъ основанія думать, что люди совершенно откажутся отъ всего, въ чемъ не выражается любовь къ человѣчеству.

Неубѣдительно разсужденіе Толстого и о томъ, что не стоитъ любить, главнымъ образомъ, себя, такъ какъ человѣку предстоитъ смерть, и не стоитъ ограничивать свою любовь кругомъ близкихъ людей, такъ какъ они смертны. Разсуждая такъ, мы оказываемся въ странномъ положеніи. Вѣдь, смертны всѣ; если, памятуя объ этомъ, я буду умѣренно любить себя и близкихъ, то буду умѣренно любить и всѣхъ остальныхъ людей. Во имя чего же, умѣренно любя своихъ дѣтей, родныхъ и друзей, потому что они смертны, я буду полагать всѣ силы моей любви для постороннихъ людей, которые также смертны? Мнѣ остается только одинъ выходъ: любить человѣчество въ идеѣ и относиться со сдержаннымъ чувствомъ къ каждому отдѣльному представителю человѣчества, близкому или далекому, связанному со мною родственными узами или почти незнакомому. Но это—путь опасный: онъ легко можетъ привести къ тому, что моя любовь будетъ уже не дѣйственная, не творческая, а холодная; неизбѣжно наступитъ то послѣдствіе, что, предаваясь сладкому созерцанію, мечтая о человѣчествѣ, я буду очень мало служить живымъ людямъ.

Увлеченный мыслью, что человѣкъ долженъ, прежде всего, любить человѣчество въ его цѣломъ, Толстой увѣщеваетъ молодыхъ людей обратить все вниманіе на усиленіе любви въ себѣ и предоставить общественной жизни идти такъ, какъ она идетъ, какъ ей предопредѣлено. Этотъ совѣтъ, запечатлѣнный фатализмомъ Востока, смѣшонъ для человѣка со сколько-нибудь сильной волей и очень опасенъ для людей безвольныхъ. Конечно, его услышатъ только тѣ, душа которыхъ полна чувства дружелюбія. Представимъ себѣ, что совѣту послѣдуетъ большая часть такихъ людей: тѣ, въ которыхъ преобладаютъ влеченія эгоизма—именно они и составляютъ огромное большинство—явятся тогда неограниченными владыками и всемогущими устроителями общественной жизни. А вслѣдствіе этого замедлится наростаніе тѣхъ началъ, законовъ, учрежденій, которые, въ большей или меньшей степени, выражаютъ альтруистическое чувство. Если теперь, не безъ вліянія со стороны альтруизма, издаются законы, которые

смягчаютъ наказаніе, дѣлаютъ бытъ заключенныхъ въ темницахъ менѣе ужаснымъ, хотя отчасти измѣняютъ жизнь неимущихъ классовъ къ лучшему, то всѣ теченія этого рода замрутъ, и слабѣйшіе члены общества будутъ терпѣть отъ сильныхъ и властныхъ еще больше, нежели въ настоящее время.

XI.

Толстой правъ, что люди нашего времени, если позволяютъ имъ средства, живутъ въ нѣгѣ и роскоши, которыя не могутъ быть оправданы ни съ точки зрѣнія требованій нравственности, ни съ точки зрѣнія здоровья. Несомнѣнно, усвоивъ привычку болѣе простой жизни, многіе сохранили бы большій запасъ имущественныхъ средствъ и личныхъ силъ для полезнаго общественнаго труда. Но, ратуя противъ изнѣженности, Толстой доходитъ до крайностей, которыя умаляютъ силу его доводовъ. Онъ рекомендуетъ людямъ, окруженнымъ теперь роскошью, жить такъ, какъ жилъ Маркъ Аврелій. При этомъ онъ упускаетъ изъ вида особенности климата въ странахъ сѣверной и даже средней Европы и привычки, давно упрочившіяся у культурныхъ народовъ. Это лишаетъ его совѣтъ всякаго практическаго значенія. Двѣ тысячи лѣтъ назадъ, подъ небомъ Италіи, люди были близки къ природѣ; ихъ тѣло было закалено разнообразными упражненіями, и человѣкъ могъ, безъ ущерба для себя, отказываться отъ простѣйшихъ жизненныхъ удобствъ. Въ нашемъ суровомъ климатѣ такое упрощеніе жизни связано съ немалымъ рискомъ для здоровья. Неубѣдительна и ссылка на простыхъ людей труда, какъ на образецъ для другихъ: въ странахъ, которыя подвинулись впередъ, особенно въ Сѣверной Америкѣ и Австраліи, люди, занимающіеся самымъ грубымъ трудомъ, не имѣютъ надобности спать на полу и умываться у колодца; въ ихъ распоряженіи находятся достаточныя удобства жизни. Конечно, многіе милліоны русскихъ людей лишены самаго необходимаго; отсутствіе скромныхъ удобствъ ведетъ къ одному—къ очень высокой болѣзненности и смертности населенія нашего отечества. Въ отличіе отъ Толстого, я считаю вполнѣ добродѣтельнымъ того, кто, устранивъ роскошь и изнѣженность изъ своего обихода, не будетъ спать на полу, сохранитъ извѣстныя привычки культурныхъ людей, но, и личнымъ трудомъ, и денежными средствами, станетъ содѣйствовать

приближенію согражданъ къ тому складу жизни, когда всѣмъ доступны здоровая пища, красивая одежда, удобное жилище.

И вопросъ о вегетаріанствѣ разсматривается Толстымъ съ точки зрѣнія, которая исключаетъ возможность полезныхъ выводовъ. Онъ уговариваетъ людей отказаться отъ мясной пищи, главнымъ образомъ, потому, что убійство является посредствующею ступенью между человѣкомъ и потребленіемъ мяса. Убійство недопустимо не потому, что доставляетъ мясную пищу, а потому, что уничтожаетъ жизнь, человѣкъ же обязанъ относиться бережно ко всякому живому существу.

Не трудно убѣдиться въ полной несостоятельности этого взгляда. Представимъ себѣ, что люди рѣшатся исполнять совѣтъ буквально, т. е. не убивать никакихъ живыхъ существъ: тогда они не будутъ истреблять хищныхъ птицъ, которыя поѣдаютъ мелкихъ, полезныхъ для сельскаго хозяйства, не будутъ уничтожать крысъ, мышей, сусликовъ, саранчу и разныхъ другихъ звѣрьковъ и насѣкомыхъ, которые поѣдаютъ хлѣбъ на корню и въ амбарахъ и лишаютъ человѣка плодовъ его труда; тогда они не будутъ истреблять мухъ, комаровъ, блохъ, таракановъ и другихъ насѣкомыхъ, которыя часто причиняютъ людямъ большое, а иногда невыносимое безпокойство. Если вмѣнять человѣку въ обязанность цѣнить и беречь все живое, то нѣтъ основанія проводить различіе между теленкомъ, котораго убиваютъ для жаркого, и крысами и мышами, которыхъ люди уничтожаютъ вслѣдствіе причиняемаго ими вреда, или мухами и комарами, которые подчасъ почти отравляютъ существованіе человѣка. Все живое имѣетъ потребность жить, и разъ человѣкъ хочетъ исполнить заповѣдь «не убій» буквально, то долженъ признавать право на жизнь за каждымъ существомъ, какъ бы оно ни казалось ничтожнымъ и какъ бы ни была непривлекательна форма, въ которой оно является нашему глазу.—Не нужно пространныхъ поясненій, дабы видѣть, что если бы большинство людей послѣдовало этому совѣту, то чрезъ какихъ-нибудь десять лѣтъ міръ обратился бы въ пустыню: звѣри и насѣкомыя, причиняющіе вредъ, уничтожили бы всѣ растительные запасы и заставили бы людей умереть съ голоду.

Однако, нѣтъ надобности идти такъ далеко, чтобы видѣть полную несостоятельность взглядовъ Толстого. Предположимъ, что люди, какъ и въ настоящее время, усердно уничтожаютъ вредныхъ звѣрей и насѣкомыхъ, но не убиваютъ домашнихъ животныхъ и воздерживаются отъ мясной пищи. Въ результатѣ бу-

детъ то, что количество домашнихъ животныхъ станетъ возрастать съ чрезвычайной быстротой. Теперь, когда большинство людей употребляетъ мясную пищу, количество домашнихъ животныхъ медленно возрастаетъ въ однѣхъ странахъ, въ другихъ не увеличивается и даже уменьшается, а изъ всей площади земли, взятой подъ сельское хозяйство, для прокормленія скота служатъ приблизительно 20 — 25% это пространство находится подъ пастбищами, естественными лугами и воздѣлываніемъ кормовыхъ травъ [85]). На остальной площади, кромѣ лѣсовъ, воспитываются растенія, которыя идутъ въ пищу людямъ. Если бы потребленіе мяса совсѣмъ прекратилось, то за каждое десятилѣтіе количество домашнихъ животныхъ увеличивалось бы въ 2—3 раза. А если бы ихъ размноженіе шло гораздо быстрѣе, чѣмъ теперь, то пришлось бы съ каждымъ годомъ расширять площадь подъ кормовыми травами и сокращать пространство, на которомъ воздѣлываютъ растенія для людей. Черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ не было бы мѣста (даже въ рѣдко населенныхъ странахъ) для производства такого количества растительной пищи, какое нужно людямъ. Оставался бы одинъ изъ трехъ исходовъ: человѣчество должно было бы снова перейдти къ потребленію мяса, или насильственно ограничить размноженіе домашнихъ животныхъ (Толстой не говоритъ намъ, что готовъ одобрить насиліе этого рода), или же примириться съ возрастаніемъ смертности.

Не попадаетъ въ цѣль и то замѣчаніе Толстого, что, будто бы, многіе впадаютъ въ рѣзкое противорѣчіе съ самими собою: они не воздерживаются отъ мясной пищи, но не хотятъ смотрѣть, какъ убиваютъ животныхъ, не хотятъ думать объ этомъ, словомъ, обманываютъ самихъ себя. Я не вижу, почему говорить о самообманѣ въ подобныхъ случаяхъ: люди не хотятъ видѣть этого просто потому, что работа приготовленія пищи связана съ разными подробностями, которыя не представляютъ ничего привлекательнаго. Охотники же и рыболовы доказываютъ, что самый фактъ убійства животныхъ вовсе не смущаетъ людей: они спокойно и даже съ удовольствіемъ убиваютъ звѣрей, птицъ и рыбъ и нерѣдко тутъ же, на мѣстѣ охоты, употребляютъ ихъ въ пищу. Въ милліонахъ крестьянскихъ дворовъ хозяева и хозяйки сами убиваютъ животныхъ для домашняго обихода. Конечно, есть слабонервные люди, въ которыхъ видъ бойни вызываетъ чувство ужаса; но не забудемъ, что такіе люди сплошь и рядомъ настолько боятся одного вида крови, что не рѣшаются перевязать

рану близкому человѣку. Они не должны идти въ счетъ; не слѣдуетъ пользоваться этими примѣрами, чтобы строить на нихъ общіе выводы.

Нужно разсматривать вегетаріанство только съ одной точки зрѣнія: съ той, въ какой мѣрѣ оно полезно для здоровья человѣка. Разъ доказано, что мясная пища вредна для всѣхъ или же для людей въ извѣстныхъ условіяхъ жизни, то слѣдуетъ ратовать за отказъ отъ потребленія мяса. Возраженіе противъ него потому, что надо убивать животныхъ, совершенно не выдерживаетъ критики. Міръ принадлежитъ человѣку со всѣми богатствами на своей поверхности и со всѣми сокровищами въ своихъ нѣдрахъ. Величайшій шагъ впередъ въ исторіи человѣчества составитъ уже то, что заповѣдь «не убій» станетъ строго соблюдаться въ отношеніяхъ между людьми. Разъ же человѣкъ будетъ руководствоваться этою заповѣдью въ отношеніи къ животнымъ, то они займутъ его мѣсто. А ужь если такъ, то пусть человѣкъ старается только не мучить животныхъ, т. е. не причинять имъ страданій безъ надобности; и пусть въ то же время сохранитъ за собою право распоряжаться ихъ судьбой, насколько это соотвѣтствуетъ его интересамъ.

Возставая противъ употребленія одурманивающихъ веществъ, Толстой безъ всякой критики нагромождаетъ доказательства одно на другое и тѣмъ ослабляетъ силу своихъ доводовъ.

Наука уже давно изучаетъ вліяніе спиртныхъ напитковъ и табаку на человѣка. Безчисленныя наблюденія заставили сдѣлать выводъ, что потребленіе ихъ въ большомъ количествѣ вредно и даже въ умѣренномъ нежелательно. А разъ такъ, то и нужно вести борьбу съ этой вредной привычкой. Она укореняется въ человѣкѣ просто потому, что доставляетъ ему удовольствіе. Чѣмъ болѣе однообразна и сумрачна внѣшняя природа, тѣмъ легче развивается эта привычка; гдѣ природа привлекательна, гдѣ больше свѣта и тепла, тамъ она встрѣчается менѣе часто. Въ Англіи, Голландіи, сѣверной Германіи, сѣверной и средней Россіи люди легко привыкаютъ къ употребленію спиртныхъ напитковъ и даже къ злоупотребленію ими; напротивъ, населеніе Италіи, Испаніи, Балканскаго полуострова отличается трезвостью. Съ другой стороны, чѣмъ болѣе тяжелъ трудъ человѣка, чѣмъ хуже его жизнь въ семьѣ, чѣмъ болѣе однообразна работа и острѣе матеріальная нужда, тѣмъ чаще стремится онъ вызвать въ себѣ сильное нервное возбужденіе, которое быстро отвлекаетъ

его отъ непригляднои дѣйствительности и легко прививаетъ ему склонность къ неумѣренному потребленію вина, а частью и табаку. Въ тѣхъ же классахъ, которымъ жизнь даетъ много разнообразныхъ впечатлѣній, гдѣ нѣтъ однообразнаго, удручающаго труда, гдѣ семейныя условія благопріятны, люди легче отстаютъ отъ возбуждающихъ средствъ, если была усвоена эта привычка, или же, сохраняя ее, ограничиваются умѣреннымъ потребленіемъ.

Такимъ образомъ, эта привычка, стоющая человѣчеству ежегоднаго расхода во много милліардовъ рублей, держится особенно прочно потому, что легкое, а тѣмъ болѣе сильное возбужденіе нервной системы выводитъ человѣка изъ того состоянія, когда ему скучно или же когда онъ находится во власти тоски. Потребность отвлечься отъ скуки и смягчить чувство грусти наблюдается у самыхъ добрыхъ людей, какъ и у самыхъ дурныхъ; различны только условія, при которыхъ одни и другіе испытываютъ чувство скуки. Ссылка Толстого на то, что разбойники и воровскія шайки имѣютъ склонность къ одурманивающимъ веществамъ, не доказываетъ его основного положенія. Въ промежутокъ между своими преступными подвигами эти люди имѣютъ много досуга, котораго не могутъ заполнить, такъ какъ извергнуты изъ общества и отстранены отъ правильнаго труда. Досугъ, навязанный преступникамъ ихъ занятіемъ, порождаетъ чувство скуки, которая устраняется или, по крайней мѣрѣ, смягчается виномъ и, отчасти, табакомъ.

Если бы предположеніе Толстого, что люди потребляютъ возбуждающія вещества, дабы заглушить голосъ совѣсти, соотвѣтствовало дѣйствительности, то мы находили бы, что нравственность въ странѣ стоитъ тѣмъ выше, чѣмъ меньше, по разсчету на жителя, потребляютъ вина. Однако, мы этого не видимъ: преступность въ Бельгіи менѣе велика, чѣмъ въ Даніи и Германіи, хотя въ послѣднихъ странахъ потребляютъ меньше вина, чѣмъ въ первой [88]). Съ тѣмъ вмѣстѣ, принявъ положеніе Толстого, слѣдуетъ заключить, что населеніе страны совершаетъ рѣзкій переходъ отъ современнаго строя къ добродѣтельной жизни, если уменьшается потребленіе спиртныхъ напитковъ; но мы не видимъ этого. За послѣднюю четверть вѣка потребленіе вина замѣтно уменьшилось среди англо-саксонскаго населенія Соединенныхъ Штатовъ; во всѣхъ слояхъ встрѣчаешь много людей, которые вовсе не пьютъ спиртныхъ напитковъ. Но въ основѣ возрастающаго воздержанія отнюдь не лежитъ стремленіе рѣзко

измѣнить складъ жизни и дать дружелюбію гораздо большій просторъ: американцы становятся болѣе воздержны, чтобы довести производительность труда до наивысшей степени и выходить побѣдителями изъ борьбы за существованіе, которая такъ обострилась на міровомъ рынкѣ. Такимъ образомъ, сокращающемуся потребленію спиртныхъ напитковъ сопутствуетъ стремленіе не къ тому, чтобы въ корнѣ измѣнить строй жизни, а къ еще большему развитію общественнаго быта на основахъ, которыя поддерживаютъ его.

Толстой впадаетъ въ крайнее преувеличеніе, утверждая, что вино и табакъ затуманиваютъ разумъ многихъ людей и препятствуютъ имъ разрѣшать важные нравственные вопросы. Конечно, если человѣкъ пьетъ горькую или куритъ день и ночь, то теряетъ возможность заниматься правильной работой, тѣмъ болѣе работой надъ сколько-нибудь сложными вопросами. Мы не видимъ, однако, чтобы умѣренное потребленіе вина, пива или табаку мѣшало человѣку въ работѣ надъ самыми трудными задачами. Люди, которые умѣренно пьютъ и курятъ, работаютъ съ успѣхомъ во всѣхъ отрасляхъ; они изслѣдуютъ съ огромной затратой силъ отдаленныя страны, изучаютъ невѣдомыя племена, совершаютъ завоеванія въ разныхъ научныхъ областяхъ, создаютъ дивныя художественныя произведенія и даже обнаруживаютъ истинно христіанское дружелюбіе многочисленными и разнообразными актами, направленными на поддержаніе нуждающихся. Наблюдая такіе факты на каждомъ шагу, мы скажемъ, что умѣренное потребленіе возбуждающихъ веществъ не можетъ мѣшать человѣку въ разрѣшеніи вопросовъ нравственной жизни.

Здѣсь, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, Толстой хочетъ поразить читателя своеобразіемъ своего сужденія. По его словамъ, большая часть дѣятельности въ современномъ обществѣ производится людьми пьяными или полупьяными. Онъ упускаетъ изъ вида, во-первыхъ, то, что люди, склонные къ пьянству, въ точномъ смыслѣ этого слова, не составляютъ не только большинства, но даже довольно значительной группы въ сколько-нибудь сложномъ занятіи: было бы рискованно утверждать, что большая часть или половина, или даже одна четверть людей, управляющихъ государствомъ, художниковъ, ученыхъ, крупныхъ предпринимателей неумѣренно потребляютъ спиртные напитки. Сомнительно даже, чтобы самые страстные курильщики составляли большой процентъ въ этихъ рядахъ. Во-вторыхъ, онъ забываетъ, что умѣренное потребленіе алкоголя или табаку, быть можетъ, въ конеч-

номъ итогѣ нѣсколько ослабляетъ умственную дѣятельность человѣка, но не понижаетъ ее въ такой степени, чтобы человѣкъ даровитый, съ дѣятельною духовною жизнью, опустился на уровень людей малоспособныхъ и облѣнившихся. Наконецъ, Толстой не подумалъ и о томъ, что, при умѣренномъ потребленіи веществъ, вредныхъ для организма, и достаточной крѣпости послѣдняго, человѣкъ приспособляется къ нимъ и они становятся для него безразличными.

Забавно заключеніе Толстого, что общая воинская повинность является произведеніемъ ума пьяныхъ людей. Извѣстно, что эта повинность была всего ранѣе введена въ Пруссіи; считали, что она окажетъ государству услуги, если бы Европѣ снова пришлось испытать разгромъ, подобный произведенному Наполеономъ. Примѣру Пруссіи послѣдовали другія державы. Не лишне отмѣтить и тотъ фактъ, что, во время призыва молодыхъ людей къ отбыванію воинской повинности, вино не играетъ почти никакой роли, тогда какъ, при составленіи войскъ посредствомъ вербовки охотниковъ, вино лилось рѣкой и соблазняло поступить въ солдаты многихъ слабовольныхъ людей, которые вовсе не имѣли наклонности къ воинскому званію. И въ недавнемъ прошломъ, и въ далекую старину велись жестокія войны, истреблявшія множество людей. Но наклонность воевать и заботы объ усовершенствованіи въ войскахъ, о снабженіи его оружіемъ самыхъ новыхъ образцовъ не стоятъ ни въ какой связи съ потребленіемъ вина и табаку: за послѣднія двадцать лѣтъ Японія была въ первомъ ряду государствъ, которыя вводили у себя всѣ новинки воинскаго искусства; а, между тѣмъ, японцы отличаются рѣдкой трезвостью и воздержностью; тамъ очень не велико потребленіе спиртныхъ напитковъ и табаку [89]).

Нельзя не согласиться съ Толстымъ, что распутство, господствующее въ современномъ обществѣ, составляетъ явленіе, въ высокой степени прискорбное. Онъ правъ, когда нападаетъ на литературу, поскольку она возвеличиваетъ и прославляетъ любовь мужчины и женщины во всѣхъ проявленіяхъ половой страсти. Онъ правъ, что воспитаніе юныхъ поколѣній неправильно, что въ дѣтяхъ развиваютъ чувственность съ самыхъ раннихъ лѣтъ. Если бы Толстой ограничивался только этимъ, то слѣдовало бы цѣликомъ присоединиться къ нему; но онъ вплетаетъ въ свои разсужденія такіе совѣты, что ослабляетъ убѣдительность основныхъ положеній.

Онъ рекомендуетъ людямъ завѣтъ Христа о полномъ цѣломудріи. Независимо отъ того, важны или не важны результаты слѣдованія этому совѣту—прекращеніе человѣческаго рода—самъ совѣтъ излишенъ. Всегда и вездѣ были люди, готовые строго держаться полнаго цѣломудрія или вслѣдствіе особенностей своей тѣлесной природы, или вслѣдствіе религіознаго одушевленія, которое руководитъ ихъ поступками. Несомнѣнно, въ этой средѣ всегда можно было найдти людей высокихъ нравственныхъ качествъ; но нѣтъ основанія заключать, чтобы всѣ такіе люди были главными носителями добродѣтели. Толстой думаетъ, что люди, которые неуклонно слѣдуютъ завѣту о строгомъ и полномъ цѣломудріи, имѣютъ и большій досугъ, и больше влеченія служить Богу и ближнимъ. Въ дѣйствительности же это не такъ. Толстой былъ бы правъ лишь въ томъ случаѣ, если бы бракъ или, вообще, половая любовь была единственной силой, способной отвлекать человѣка отъ служенія ближнимъ. Но, кромѣ этой силы, отвлекаетъ и многое другое: очень разнообразны формы, посредствомъ которыхъ человѣкъ стремится выразить свое «я». Мы наблюдаемъ на каждомъ шагу, что люди, воздержные въ половой любви, удовлетворяютъ разныя другія влеченія, которыя не имѣютъ ничего общаго со служеніемъ ближнимъ. Одинъ изъ нихъ любитъ деньги и наполняетъ свою жизнь тѣмъ, что отвѣчаетъ на его корыстолюбіе. Другой увлекается почетомъ, политикой, разными общественными дѣлами. Третій уходитъ въ науку или искусство. Иной налагаетъ на себя обѣты поста, молчанія, служитъ Богу, но сухо, педантично, безъ того одушевленія, которое, проявляясь въ служеніи Богу, воспитываетъ человѣка къ готовности жертвовать собою для ближнихъ. Припомнимъ и примѣры, которые приходится наблюдать почти каждому. Въ преклонномъ возрастѣ, когда человѣкъ легко можетъ усвоить завѣтъ цѣломудрія, часто развивается наклонность къ обжорству; человѣкъ становится болѣе разборчивъ въ пищѣ, нежели былъ въ молодости; онъ считаетъ вопросы о пищѣ и питьѣ болѣе важнымъ дѣломъ, нежели раньше. Словомъ, одна наклонность его животной природы, начавъ замирать, уступила мѣсто другой животной наклонности. А между тѣмъ, съ приближеніемъ къ старости, человѣкъ долженъ бы удѣлять гораздо больше времени на служеніе людямъ: самый возрастъ облегчаетъ человѣку болѣе сознательно относиться къ поступкамъ, вспоминать сдѣланныя ошибки, видѣть грѣховность жизни и стараться загладить ее за то недолгое время,

которое еще осталось жить. Къ тому же воздержаніе отъ половой любви оставляетъ человѣку значительный досугъ, чтобы одуматься и служить людямъ.

Все сказанное относится къ меньшинству. Огромное большинство людей, въ силу особенностей своей физической природы, не можетъ усвоить правило о полномъ цѣломудріи. Говорить, что они будутъ жить нравственно лишь подъ условіемъ слѣдованія такому совѣту, тождественно съ признаніемъ ихъ жизни нравственной лишь тогда, когда они пользуются только одной рукой или только одной ногой и оставляютъ другую ногу и другую руку безъ приложенія. Доказано, что полное цѣломудріе дурно отражается на здоровьѣ большинства людей, когда они достигли извѣстнаго возраста; оно отражается дурно даже независимо отъ того, были ли люди воспитаны въ здоровой, нормальной обстановкѣ, не знали нѣги и праздности или же были съ дѣтства развращены складомъ семейной жизни, школой и литературой. Завѣтъ о полномъ цѣломудріи не имѣетъ для этого большинства никакой цѣны и никакого смысла. Для всѣхъ такихъ людей единобрачіе должно быть поставлено идеаломъ. Безсодержателенъ и тотъ совѣтъ, чтобы мужъ и жена жили, какъ братъ съ сестрой. Это цѣлесообразно только въ тѣхъ случаяхъ, когда родители не имѣютъ средствъ для воспитанія дѣтей, которыя могли бы быть произведены, или же, когда состояніе здоровья родителей не обѣщаетъ, что у нихъ родятся дѣти съ хорошимъ запасомъ жизненныхъ силъ. Но и при такихъ условіяхъ я считаю вполнѣ нормальнымъ, что мужъ и жена не живутъ, какъ братъ съ сестрой, а пользуются мѣрами, способными предупреждать рожденіе дѣтей.

Странно и то положеніе Толстого, что людямъ слѣдовало бы вступать въ бракъ только тогда, когда обезпечено призрѣніе и прокормленіе милліоновъ бѣдныхъ дѣтей. Это пожеланіе прямо таки забавно: число гибнущихъ жизней вообще, а дѣтскихъ въ частности уменьшается не отъ призывовъ къ полному цѣломудрію, не отъ проповѣди любви къ Богу и ближнему, а отъ простыхъ, реальныхъ мѣръ, которыя увеличиваютъ благосостояніе населенія. Въ Сѣверной Америкѣ и Австраліи мало гибнущихъ дѣтскихъ жизней; смертность дѣтей, по сравненію съ Европой, не велика; люди спокойно вступаютъ въ бракъ, и вопросъ о полномъ цѣломудріи никому не приходитъ въ голову. А почему эти страны пользуются такими выгодными условіями? Только потому, что съ самаго зарожденія ихъ исторической жизни въ ихъ зако-

нодательствѣ неустанно проводились демократическія начала, мало знакомыя Западной Европѣ. Если бы даже каждая изъ 90 русскихъ губерній имѣла своего Льва Толстого, усердно проповѣдующаго полное цѣломудріе, то число гибнущихъ дѣтскихъ жизней, всетаки, не скоро понизилось бы на тотъ уровень, до котораго оно опустилось въ самыхъ культурныхъ странахъ.

Еще одно замѣчаніе. Спасать гибнущія дѣтскія жизни—дѣло высокое, истинно христіанское. Наблюденіе показываетъ, что сюда чаще направляются не тѣ, которые не имѣютъ дѣтей, а люди семейные и даже многосемейные. Имъ особенно близка душевная драма, которую переживаетъ семья, когда нужда вноситъ въ нее болѣзни и смерть дѣтей. Именно эти люди могутъ быть особенно чутки къ страданіямъ дѣтей, которыя не связаны съ ними ни родствомъ, ни сосѣдствомъ.

Женщинамъ, способнымъ производить дѣтей, Толстой совѣтуетъ вступать въ бракъ, а не избирать какую-нибудь профессію. При этомъ онъ забываетъ объ условіяхъ, среди которыхъ живетъ современное общество. Если бы благосостояніе всего населенія современныхъ государствъ было выше, и почти всѣ пользовались хорошимъ здоровьемъ, то можно было бы смѣло слѣдовать совѣту Толстого. При нынѣшнихъ же условіяхъ онъ можетъ приводить къ нежелательнымъ послѣдствіямъ.

Рожденіе каждою семьею такого числа дѣтей, какое соотвѣтствуетъ производительной силѣ женскаго организма, приведетъ къ тому, что въ одной Европѣ милліоны семействъ будутъ имѣть гораздо больше дѣтей, нежели средства содержать ихъ. Получится одно изъ двухъ: или во множествѣ семействъ смертность, высокая и теперь, будетъ еще болѣе велика, или же, при крайнемъ напряженіи силъ со стороны матери и отца, смертность не увеличится, будетъ вырощено больше дѣтей, нежели теперь, но, вслѣдствіе очень скуднаго содержанія ихъ, они будутъ выростать менѣе крѣпкими. Физическое здоровье населенія будетъ неизбѣжно понижаться.

Можно возразить на это замѣчаніе, что европейскому обществу извѣстны разнообразныя мѣры, способныя улучшать бытъ неимущихъ классовъ. Переселенія изъ государствъ старой культуры въ страны малолюдныя являются наиболѣе дѣйствительнымъ средствомъ.—Хотя способы передвиженія до самыхъ отдаленныхъ концовъ земного шара совершенствуются съ каждымъ годомъ, однако, этого еще недостаточно, дабы сполна удовлетворить по-

требность людей въ переселеніи: и теперь въ странахъ, густо населенныхъ, не мало людей, которымъ нужно выселиться; но они не могутъ покрыть эти расходы, остаются въ отечествѣ и продолжаютъ терпѣть нужду. А если бы люди размножались болѣе быстро, чѣмъ теперь, то потребность многихъ милліоновъ въ выселеніи не могла бы быть удовлетворена и число неимущихъ возрастало бы еще быстрѣе. Нѣтъ основанія разсчитывать, что болѣе быстрый ростъ населенія усилитъ наклонность имущихъ классовъ и правительства къ коренному измѣненію общественнаго строя; нѣтъ основанія надѣяться, что въ странахъ старой культуры быстро сложатся формы быта, способныя обезпечить все населеніе.

Совѣтъ Толстого требуетъ большихъ ограниченій и для состоятельныхъ людей. Надѣлить дѣтей организмомъ, свободнымъ отъ крупныхъ недостатковъ, которые вліяютъ изъ поколѣнія въ поколѣніе и ухудшаютъ породу людей—вотъ одна изъ важнѣйшихъ обязанностей родителей по отношенію къ дѣтямъ. Когда изъ вступающихъ въ бракъ оба или одинъ имѣютъ среди своихъ ближайшихъ предковъ душевно больныхъ, алкоголиковъ, туберкулезныхъ, сифилитиковъ, то является или несомнѣннымъ, или, по крайней мѣрѣ, вѣроятнымъ, что болѣзнь будетъ передана дѣтямъ. При этихъ условіяхъ напряженныя усилія родителей и неизмѣнная преданность семейнымъ обязанностямъ не обезпечиваютъ дѣтямъ того, что мы называемъ хотя сколько-нибудь благополучною жизнью: даже беззавѣтная самоотверженность матери не въ силахъ сдѣлать такъ, чтобы дитя, родившееся съ задатками душевной болѣзни или туберкулеза, выросло въ человѣка, могущаго служить людямъ и не чувствовать тягости существованія. Можно было бы не говорить объ этомъ, если бы люди, пораженные тяжкими болѣзнями, передаваемыми по наслѣдству, составляли только небольшое меньшинство. Но такихъ людей очень много: въ населеніи Европы они составляютъ добрую четверть. Эта четверть обязана держаться подальше отъ совѣтовъ Толстого. Заботясь, при вступленіи въ бракъ, прежде всего не о своемъ удовольствіи, а о произведеніи потомства, здороваго тѣломъ и духомъ, она имѣетъ предъ собою такую задачу: 1) Тѣ изъ нихъ, которые умѣренно обременены наслѣдственными грѣхами, т. е. гдѣ въ предыдущихъ поколѣніяхъ было лишь немного людей, пораженныхъ какой-либо тяжкой болѣзнью, передаваемой по наслѣдству, могутъ вступать въ бракъ, но лишь подъ условіемъ, что выбираютъ себѣ въ супруги лицъ цвѣтущаго здоровья и со здоровыми

предками. Можно сказать съ увѣренностью, что большая часть дѣтей отъ такихъ браковъ будетъ обладать хорошей организаціей. 2) Вторую группу образуютъ тѣ, которые имѣли среди предковъ много людей съ неизлѣчимыми болѣзнями, а потому и несутъ на себѣ тяжелое бремя. Наблюденіе показываетъ, что когда эти лица вступаютъ въ бракъ даже съ членами здоровыхъ семействъ, то большая часть или, по крайней мѣрѣ, многія изъ дѣтей не остаются свободны отъ болѣзней, которыя были въ роду отца или матери. На такихъ мужчинахъ и женщинахъ лежитъ прямая обязанность не вступать въ бракъ или же, вступивъ, воздерживаться отъ произведенія потомства.

Наконецъ, односторонне и то требованіе Толстого, чтобы мужчина и женщина, разъ они сошлись, уже навсегда оставались мужемъ и женою.—Мужъ и жена расходятся не только подъ вліяніемъ причинъ, которыя связаны съ чувственностью, съ новымъ половымъ увлеченіемъ, но и потому, что особенности ума и характера обнаруживаютъ ихъ полное несоотвѣтствіе другъ другу. Отрицаніе развода было бы совсѣмъ умѣстнымъ только при условіи, что всѣ люди уравновѣшены, неспособны быстро увлекаться, свободны отъ недостатковъ, крайне тягостныхъ въ семейномъ кругу, и вступаютъ въ бракъ довольно поздно, напримѣръ, не раньше 30 лѣтъ, когда уже окончательно выработались свойства ума и воли. Это требованіе было бы умѣстно, если бы міръ былъ населенъ не людьми, а существами, которыя носятся въ воображеніи Толстого.

И въ разсужденіяхъ Толстого о ручномъ трудѣ многое не выдерживаетъ критики. Онъ утверждаетъ безъ всякаго основанія, что не существуетъ обмѣна трудовъ бѣдныхъ классовъ на трудъ классовъ, болѣе состоятельныхъ. Мы видимъ, однако, что этотъ обмѣнъ совершается при посредствѣ денегъ и что никто, какъ бы ни былъ простъ и грубъ выполняемый имъ трудъ, не уступаетъ его даромъ. Было бы болѣе правильно положеніе, что люди простого, ручного труда получаютъ за него теперь меньше цѣнностей, чѣмъ получали бы въ обществѣ, гдѣ нѣтъ такого рѣзкаго неравенства состояній.

Нѣтъ основанія и для того, чтобы искренніе люди предпочитали ручной трудъ занятію наукой и искусствомъ. Никто изъ ученыхъ и художниковъ, истинно преданныхъ своему призванію (насколько извѣстно изъ ихъ біографій), не ставилъ ручного труда выше своего излюбленнаго занятія. Такое предпочтеніе возможно

лишь въ томъ случаѣ, если ученый или художникъ не имѣетъ настоящей любви къ своему дѣлу, старается посвящать ему поменьше времени, готовъ заниматься имъ только между прочимъ.

Обстановка, въ которой живутъ горожане, отрѣзываетъ ихъ отъ видовъ труда, пользующихся особеннымъ сочувствіемъ Толстого; но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы они не могли, при посредствѣ денегъ, приносить косвенно пользу именно этимъ видамъ работы. Если человѣкъ живетъ въ городѣ и пишетъ картину, создаетъ книгу или симфонію, управляетъ банкомъ или страховымъ обществомъ, то лишенъ возможности копать колодцы, выращивать телятъ или сажать деревья для крестьянъ, которые нуждаются въ этой работѣ. Но ничто не мѣшаетъ ему посылать деньгами часть своего дохода въ деревню, для которой эти работы особенно важны. Ручной трудъ, доступный имъ по условіямъ городской жизни, безъ сомнѣнія, принесъ бы населенію деревни менѣе пользы, нежели сумма денегъ, которую они отправятъ въ надлежащее мѣсто и въ надежныя руки.

XII.

Толстой правъ, что мужественное отношеніе къ истинѣ, устраненіе всякой лжи передъ самимъ собою и людьми является основнымъ условіемъ усовершенствованія человѣка. Безспорно, не только образованные члены нашего общества, но и всѣ люди зашли во лжи очень далеко. Но бороться съ ложью, избѣгать ея въ большихъ и малыхъ актахъ своей жизни—одно, а признавать ложными всѣ условія, среди которыхъ живетъ современное общество—совсѣмъ другое. Первое всегда возвышаетъ отдѣльнаго человѣка и общественную среду, а второе легко заводитъ человѣка въ тупикъ, откуда почти нѣтъ выхода.

Представимъ себѣ, что всѣ члены общества рѣшились не лгать. Слѣдуя этому рѣшенію, торговецъ не называетъ гнилого товара добротнымъ и не спрашиваетъ съ покупателя большей цѣны, нежели нужно для полученія умѣренной прибыли; хозяинъ завода не отказывается повысить плату, ссылаясь на дурное теченіе торговыхъ дѣлъ, когда, въ дѣйствительности, они идутъ хорошо; работникъ не говоритъ, что точно выполнилъ заданный урокъ, когда работалъ небрежно; чиновникъ не докладываетъ, что изучилъ дѣло, когда успѣлъ только наскоро пробѣжать десять бумагъ

и набросать одиннадцатую; художникъ не считаетъ своего романа оконченнымъ, не говоритъ, дабы получить за него побольше денегъ, что посвятилъ этому созданію всѣ свои силы до крайняго напряженія; молодой человѣкъ не проситъ дѣвушки стать его женой, не объясняется въ любви, когда ему нужно только приданое. Представимъ себѣ полную правдивость во всѣхъ сферахъ жизни, и мы придемъ къ выводу, что она, за самое короткое время, сдѣлала бы міръ неузнаваемымъ. И при сохраненіи основъ современнаго общественнаго строя, отношенія между людьми стали бы безконечно лучше, жизнь сдѣлалась бы болѣе радостной; возросшее довѣріе усилило бы готовность многихъ на плодотворную общественную работу и ускорило бы переходъ къ болѣе совершеннымъ формамъ быта. То, что окружаетъ насъ, вовсе не похоже на представленную картину. Тѣмъ не менѣе, воздержаніе отъ лжи предъ другими и самимъ собою имѣетъ большую цѣну и для каждаго отдѣльнаго человѣка: каково бы ни было его общественное положеніе, каковъ бы ни былъ родъ его занятій, онъ можетъ, сравнительно съ другими, поставленными такъ же, какъ онъ, принести больше пользы, а въ худшемъ случаѣ—причинить меньше вреда.

Въ иномъ положеніи тотъ, кто признаетъ ложнымъ все, что окружаетъ насъ, всѣ условія жизни, какъ ихъ выработала исторія, все направленіе человѣческаго труда, все раздѣленіе людей на занятія и профессіи, всѣ теченія въ наукѣ и искусствѣ, все мелкое и крупное въ жизни частной, общественной, государственной. «Вся человѣческая жизнь есть ложь, и я, какъ составная часть этого цѣлаго, весь состою изъ лжи»—вотъ что будетъ написано на знамени такого человѣка. Нѣтъ предѣловъ для критической работы ума, который усвоилъ эту точку зрѣнія: онъ можетъ разбирать до послѣднихъ мелочей частную и общественную жизнь и находить въ ней только ложь. Разлагающая работа даетъ одинъ изъ двухъ исходовъ: или полное уныніе, безнадежность, не оставляющая никакого просвѣта, или страстное желаніе отыскать формы жизни, которыя были бы свободны отъ лжи. Если удается найдти ихъ, то группа единомышленниковъ, вступивъ въ этотъ кругъ, получаетъ извѣстное удовлетвореніе. Но возможность удовлетворенія десятковъ или сотенъ людей совсѣмъ незамѣтна въ жизни цѣлой страны. Попытка маленькой самодовлѣющей группы будетъ имѣть очень мало значенія. Мы скажемъ, глядя на нихъ, что, вслѣдствіе своего особеннаго душевнаго склада, они приспо-

собились къ строю жизни, который совсѣмъ непригоденъ для огромнаго большинства.

Слѣдуетъ сказать то же и относительно покаянія. Оно идетъ рука объ руку съ сознаніемъ лжи, которая окружаетъ насъ. Покаяніе достойно величайшаго сочувствія, если его вызываютъ единичные поступки или даже цѣлое направленіе дѣятельности того, кто начинаетъ раскаиваться. Дурные поступки, которые должны вести къ раскаянію и рѣшимости не совершать ихъ впредь, безчисленны и такъ разнообразны, что нѣтъ надобности говорить о нихъ; но не лишне остановиться на покаяніи, поскольку его вызываетъ цѣлое направленіе дѣятельности даннаго лица. Возьмемъ, для примѣра, живописца, писателя, инженера, которые обладаютъ значительными дарованіями и имѣютъ хорошую подготовку къ своей дѣятельности. Въ теченіе многихъ лѣтъ всѣ трое работали такъ, что, по справедливости, заслуживали тяжелаго упрека: первый писалъ картины, которыя представляютъ соблазнительныя сцены, возбуждаютъ въ людяхъ животныя чувства; второй выбрасывалъ на книжный рынокъ романы порнографическаго содержанія; третій строилъ мосты, настолько непрочные, что не оправдывалъ затратъ со стороны заказчиковъ, ни, тѣмъ болѣе, довѣрія, съ которымъ относились къ строителю. Но, вотъ, всѣ трое сознаютъ ложность своей дѣятельности, искренне раскаиваются и рѣзко измѣняютъ направленіе своего труда. Картины и романы, которые являются послѣ этого плодомъ творчества первыхъ двухъ, уже не вызываютъ въ зрителяхъ и читателяхъ низшихъ инстинктовъ, а возбуждаютъ болѣе высокія чувства, а сооруженія, выполняемыя подъ руководствомъ третьяго, отличаются наибольшею прочностью, которая можетъ быть достигнута при строительныхъ работахъ даннаго рода. Опытный и безпристрастный судья, сравнивая прежнюю дѣятельность этихъ лицъ съ ихъ работами послѣ раскаянія, признаетъ, что они оставили ложную дорогу и служатъ обществу съ тѣмъ достоинствомъ, которое желательно видѣть и въ другихъ. Что сказано, въ видѣ примѣра, о троихъ, то можно сказать съ полнымъ правомъ о большинствѣ представителей многочисленныхъ и разнообразныхъ профессій, которымъ посвящаетъ себя населеніе каждой страны. Покаяніе въ этихъ предѣлахъ имѣетъ высокое значеніе и облегчаетъ движеніе человѣчества впередъ.

Должны получиться совсѣмъ иныя послѣдствія въ томъ случаѣ, если, раскаиваясь, человѣкъ отвергнетъ всю свою предыду-

щую дѣятельность, какъ ненужную, и назоветъ ничтожными знанія, которыя были пріобрѣтены для занятія ею. Среди современныхъ профессій есть и такія, которыя, сами по себѣ, являются болѣзненными наростами. Благо человѣку, если онъ, входивъ въ составъ одной изъ нихъ, раскаялся, покинулъ ее и избралъ себѣ призваніе, которое, само по себѣ, не можетъ быть признано дурнымъ; хорошо, если воръ оставилъ свое ремесло, если отъ него отказался ростовщикъ или содержатель притона разврата. Но въ населеніи цѣлой страны не много общественныхъ группъ, которыя, безъ всякихъ колебаній, должны быть признаны дурными: огромное большинство занятій, которымъ посвящаютъ себя люди, не могутъ быть названы безусловно вредными. Предположимъ, что человѣкъ, принадлежащій къ одной изъ такихъ профессій, признаетъ ея ничтожность и объявитъ ненужными всѣ знанія и умѣнья, которыя позволяютъ заниматься ею: въ большинствѣ случаевъ раскаяніе, принявъ такіе размѣры, не приведетъ къ полезнымъ результатамъ. Если человѣкъ, накопляя знанія, которыми владѣетъ, обладалъ значительными дарованіями именно въ этой области, то подготовка къ избранному занятію была чѣмъ-то естественнымъ, соотвѣтствующимъ его природѣ. Очень вѣроятно, что, готовясь къ другому призванію, онъ не могъ бы достигнуть такого искусства, какъ въ первомъ случаѣ. Другіе подготовлялись къ своей дѣятельности не потому, что у нихъ были ярко выраженныя наклонности, а вслѣдствіе случайнаго выбора ихъ родителей или воспитателей. Занимаясь самостоятельно въ своей профессіи, они неспособны обнаружить такое искусство, какъ члены первой группы; однако, если они—люди вялаго темперамента, посредственно одаренные, то не могли бы получить лучшую подготовку и достигнуть большаго мастерства въ какомъ-либо другомъ занятіи. Если члены обѣихъ группъ начнутъ раскаиваться съ полнымъ отрицаніемъ рода своихъ занятій, то будутъ поставлены въ тяжелое, а иногда и безвыходное положеніе. За ними лежитъ уже довольно долгая дѣятельность на избранномъ пути. Усвоеніе новыхъ навыковъ послѣ 35 лѣтъ дается не такъ легко, какъ въ ранней молодости. Тѣ, которые въ юности избрали занятіе, соотвѣтствующее ихъ способности, не достигнутъ такого искусства въ другомъ дѣлѣ, если начнутъ готовиться къ нему уже въ среднемъ возрастѣ. Вторые, менѣе одаренные, не внесли чего либо выдающагося въ занятіе, которому до сихъ поръ посвящали себя; сама профессія не пострадаетъ отъ того, что они

ушли изъ нея; но такъ какъ они будутъ подготовляться къ новому труду въ среднемъ возрастѣ, когда воспріимчивость человѣка уже менѣе остра, то, большею частью, станутъ проявлять въ новой дѣятельности еще меньше искусства, нежели въ старой.

И такъ, получится замѣтный ущербъ: члены многихъ общественныхъ группъ перейдутъ въ области труда, гдѣ могутъ дѣйствовать менѣе искусно, чѣмъ раньше. Но есть и другая невыгода. Если человѣкъ одержимъ маніей раскаянія, то, осудивъ самый родъ своего труда, какъ негодный, отнесется не менѣе сурово и къ огромному большинству другихъ занятій, изъ которыхъ слагается трудовая жизнь современнаго общества. Разъ онъ осудитъ, какъ ничтожные и пустяшные, знанія и навыки, пріобрѣтенные имъ въ учебныхъ заведеніяхъ и путемъ самостоятельной дѣятельности, то для него нѣтъ основанія признать важною и нужною подготовку, которую получаютъ другіе для иныхъ видовъ труда. Его можетъ удовлетворить только отысканіе чего-либо новаго, не вполнѣ соотвѣтствующаго занятіямъ, которыя окружаютъ насъ. Люди крупнаго дарованія и сильнаго характера, быть можетъ, создадутъ для себя что-либо новое. Но такъ какъ эти подновленные виды труда составляютъ только тончайшую нить въ исполинскомъ клубкѣ распространенныхъ призваній и профессій, то и не могутъ получить общее значеніе. Для людей же съ менѣе сильной волей выходъ изъ знакомой колеи и отыскиваніе новыхъ, еще небывалыхъ формъ жизни окончится полною неудачей и разочарованіемъ. Словомъ, раскаяніе этого рода неизбѣжно приводитъ къ тѣмъ же отрицательнымъ послѣдствіямъ, къ которымъ ведетъ признаніе ложности всего, что окружаетъ насъ.

Самъ Толстой служитъ примѣромъ, способнымъ пояснить мое положеніе. Раскаявшись, онъ отрекся отъ художественнаго творчества въ чистомъ видѣ и понизилъ качество своихъ произведеній: вмѣсто романовъ перваго разбора, онъ сталъ дарить читателямъ сказки, богословскіе трактаты, критическія статьи, публицистическіе очерки, большею частью, посредственнаго, а нерѣдко и очень сомнительнаго достоинства. Если, вслѣдствіе раскаянія во всемъ, такъ случилось съ человѣкомъ высокихъ дарованій, то чего же ожидать для людей со средними способностями!

Относясь небрежно къ безчисленнымъ занятіямъ, изъ которыхъ слагается общественное раздѣленіе труда, Толстой неоднократно говоритъ о необходимости для каждаго участвовать въ борьбѣ съ природой ради покрытія собственныхъ нуждъ и на

пользу ближнимъ. Борьба съ природой представляется ему почти исключительно въ видѣ физическаго труда, посредствомъ котораго люди удовлетворяютъ простѣйшія потребности. Иногда онъ отожествляетъ этотъ трудъ съ работами, направленными на добываніе именно хлѣба. Забывая, что и за предѣлами тяжелаго мышечнаго труда, работа удовлетворяетъ много основныхъ потребностей, Толстой считаетъ естественнымъ, а потому и желательнымъ, чтобы каждый проводилъ за полевыми работами довольно много времени.

Не трудно обнаружить полную несостоятельность этихъ плановъ. Во-первыхъ, невѣрно положеніе, будто борьба съ природой сводится къ простому тѣлесному труду, направленному непосредственно на добываніе хлѣба. Эта борьба обнимаетъ всѣ дѣйствія и усилія людей, которыя облегчаютъ человѣку пользованіе силами природы. Инженеръ строитъ модель новой машины или орудія, которыя дѣлаютъ болѣе успѣшнымъ трудъ въ сельскомъ хозяйствѣ или промышленности; ученый изыскиваетъ способы пользованія электричествомъ, какъ движущею силой; сельскій хозяинъ производитъ опыты надъ воздѣлываніемъ растеній или кормленіемъ животныхъ и изобрѣтаетъ способы, которые далеко превосходятъ уже извѣстные пріемы. Всѣ эти люди служатъ дѣлу борьбы съ природой гораздо лучше, нежели въ томъ случаѣ, если бы прилагали свой трудъ ко вспахиванію земли или уборкѣ хлѣба. Въ этомъ процессѣ участвуютъ представители и тѣхъ общественныхъ группъ, которыя стоятъ еще дальше отъ непосредственнаго приложенія труда къ землѣ. Для борьбы съ природой необходимы и фабрики, которыя изготовляютъ машины, способныя заступать мѣсто старыхъ, менѣе совершенныхъ, и разные виды труда въ торговой и перевозочной промышленности, передвигающей эти машины отъ заводовъ къ сельскимъ хозяевамъ. Внимательное отношеніе къ этому вопросу заставляетъ сдѣлать выводъ, что въ борьбѣ съ природой, прямо или косвенно, участвуютъ люди многочисленныхъ и весьма разнообразныхъ отраслей дѣятельности. Если относиться отрицательно даже къ большей части функцій, которыя принимаетъ на себя государственная власть, то нельзя не признать, что и многіе акты правительственной дѣятельности являются участіемъ въ борьбѣ съ природой.

Толстой боится, что въ странѣ можетъ обнаружиться недостатокъ людей, которые посвящаютъ себя тяжелому мышечному труду, направленному на добываніе необходимыхъ средствъ къ

жизни. Это — очень наивное заблужденіе. Правда, бываютъ случаи, когда недостаетъ рабочихъ рукъ для уборки жатвы и значительная часть урожая погибаетъ на корню. Это наблюдается, главнымъ образомъ, въ странахъ рѣдко населенныхъ — Южной Америкѣ, нѣкоторыхъ полосахъ степной Россіи. Однако, съ развитіемъ желѣзныхъ дорогъ и облегченіемъ доставки рабочихъ въ эти области, такіе случаи становятся все болѣе рѣдки.

Вообще же передъ нами вырисовывается такая картина. Сельскохозяйственный трудъ, какъ и другіе виды работы, становится все болѣе производителенъ. Въ странахъ, гдѣ сельскому хозяйству удѣляется особенно много силъ, его продукты—хлѣбъ, скотъ, масла, яйца и другіе распространенные предметы—сполна покрываютъ потребности населенія. Это приложимо не только къ Соединеннымъ Штатамъ, Южной Америкѣ или Австраліи, но и къ Россіи. Вся масса сельскохозяйственныхъ произведеній, которыя получаются въ Россіи, была бы достаточна, чтобы съ избыткомъ накормить населеніе. А скудное питаніе десятковъ милліоновъ русскихъ людей, при вывозѣ за границу большаго количества продуктовъ, нежели должно бы отдавать населеніе Россіи, объясняется не недостаткомъ приложенія труда къ землѣ, а цѣлымъ рядомъ условій, которыя связаны со строемъ нашей общественной жизни.

Толстой навязываетъ свои чувства и мысли огромному большинству людей состоятельныхъ классовъ. Ему кажется, что, разъ у нихъ есть хотя небольшое добродушіе, они не могутъ спокойно пользоваться удобствами и радостями жизни, зная, что въ ближайшемъ сосѣдствѣ многіе страдаютъ отъ голода и холода. Онъ и приглашаетъ прежде всего этихъ людей направляться въ деревню и приниматься за земледѣльческій трудъ.—Здѣсь—цѣлый рядъ натяжекъ. Если бы среди людей имущихъ классовъ было такъ много добросердечія, какъ готовъ допустить Толстой, то они менѣе спокойно предавались бы безчисленнымъ развлеченіямъ и забавамъ, которыя въ избыткѣ даютъ большіе города, не были бы такъ щедры при затратахъ на разныя новинки, на театры, концерты, наряды, предметы роскоши и не были бы такъ скупы при насажденіи новыхъ благотворительныхъ обществъ или поддержаніи старыхъ. Душевное равновѣсіе этихъ людей, при участіи ихъ въ безчисленныхъ празднествахъ, нарушалось бы воспоминаніемъ, что треть населенія каждаго большого города не имѣетъ необходимаго для жизни, а въ этой трети многіе десятки тысячъ

принуждены всю жизнь бороться съ голодомъ. Но, несомнѣнно, среди состоятельныхъ людей есть и такіе, которые отличаются истиннымъ добродушіемъ и не могутъ развлекаться и забавляться спокойно, зная о степени нужды, ихъ окружающей. Но и эти люди всегда найдутъ для своей любви къ народу болѣе цѣлесообразный исходъ, нежели то, что предлагаетъ Толстой. Они поймутъ, что, отправляясь по временамъ изъ города въ деревню для занятія земледѣльческимъ трудомъ, вовсе имъ незнакомымъ, они будутъ ломать свою жизнь безъ всякой пользы для нуждающихся. Они будутъ служить ближнимъ совсѣмъ иначе: адвокатъ удѣлитъ значительную часть своего времени, дабы безвозмездно подавать совѣты бѣднымъ; врачъ будетъ безплатно лечить, а учитель — безвозмездно обучать неимущихъ. Люди, которые, по роду своихъ занятій, не могутъ быть полезны нуждающимся личнымъ трудомъ, найдутъ другіе способы для оказанія помощи: они будутъ жертвовать своимъ временемъ и средствами на то, чтобы учреждать пріюты для дѣтей и престарѣлыхъ, безплатныя школы, дешевыя квартиры, больницы, народные театры и т. п. Сверхъ того, они будутъ приглашать другихъ къ участію въ этой дѣятельности личнымъ трудомъ и матеріальными средствами.

По программѣ Толстого, рабочій день ежедневно раздѣляется на четыре упряжки. Эта программа не можетъ имѣть значенія для сколько-нибудь обширнаго круга.

Очертимъ сферу, гдѣ можно выполнить ее безъ всякихъ затрудненій. Баринъ поселяется въ своемъ помѣстьѣ или же часто посѣщаетъ его на продолжительное время. У него нѣтъ обязательныхъ занятій. Хорошій достатокъ обезпечиваетъ ему жизнь удобную и спокойную. И, вотъ, онъ пользуется своимъ временемъ по плану Толстого. При помѣстьѣ есть поля и луга, которые обрабатываются наемниками; ничто не мѣшаетъ барину проводить съ ними часа три въ день, пахать, боронить, косить, копать колодцы, устраивать заборы, чинить сохи, телѣги, крыши и заниматься разными другими работами, которыя принято называть тяжелыми. Когда окончена первая упряжка, онъ можетъ безъ помѣхи перейдти ко второй: сѣсть за письменный столъ своего кабинета, написать двѣ-три страницы сказки, или поученіе о нравственности, или разсужденіе о негодности современнаго порядка вещей и о томъ, какъ слѣдовало бы измѣнить его. Отъ напряженнаго умственнаго труда его потянетъ къ болѣе легкому— чтенію; онъ пробѣжитъ что-либо изъ литературныхъ новинокъ,

отбросить ихъ за ихъ безсодержательностью и просмотритъ главу изъ какого-либо, такъ называемаго, классическаго произведенія, которое было создано въ далекомъ прошломъ, но и до сихъ поръ сохранило свѣжесть, способность поучать людей или забавлять ихъ. Прошло нѣсколько часовъ; вторая упряжка окончена. Послѣ небольшого отдыха баринъ переходитъ къ третьей—ремесленному труду: онъ становится за токарный станокъ или приступаетъ къ рѣзьбѣ по дереву, переплетанію книгъ, шитью сапогъ. Къ сумеркамъ окончена и эта упряжка. Поданы лампы; комнаты ярко освѣщены; наступаетъ четвертый отдѣлъ дня, который отдается общенію съ людьми. За круглымъ столомъ собирается семья. Умный, просвѣщенный и независимый помѣщикъ, который образомъ жизни не похожъ на другихъ, не участвуетъ въ мѣстныхъ дѣлахъ (а они всегда даютъ человѣку случай нажить не мало враговъ), пользуется уваженіемъ большинства и расположеніемъ всѣхъ. Пріѣзжаютъ сосѣди, навѣдываются знакомые издалека, и вечеръ проходитъ въ пріятной и непринужденной бесѣдѣ. Но хозяинъ дома не ограничивается этимъ кругомъ: почти каждый вечеръ онъ отрывается на часокъ отъ семьи и знакомыхъ, удаляется въ свою рабочую комнату, призываетъ туда Сидора, Карпа, Тихона и другихъ крестьянъ ближайшей деревни, разспрашиваетъ ихъ о дѣлахъ, о ихъ радостяхъ и невзгодахъ.

Такой складъ жизни можетъ обезпечить человѣку наибольшее благополучіе и рѣзко выдѣлить его изъ людей его круга. Такъ какъ его жизнь соотвѣтствуетъ требованіямъ гигіены и даетъ много разнообразныхъ впечатлѣній, то онъ легко доживетъ до глубокой старости. Быть можетъ, ему почти не понадобятся лекарства, врачебная гимнастика, поѣздки на минеральныя воды; его не будетъ сильно тянуть къ театральнымъ зрѣлищамъ, концертамъ и разнымъ другимъ увеселеніямъ, которыя даетъ городъ.

Много ли, однако, людей въ нашемъ обширномъ отечествѣ, которые могли бы построить свою жизнь по такому плану? Все населеніе городовъ отрѣзано, прежде всего, отъ земледѣльческаго труда, который Толстой признаетъ основой человѣческой дѣятельности. Милліоны горожанъ, какъ неимущихъ, такъ и состоятельныхъ, могли бы въ предѣлахъ города отыскать одну тяжелую работу—чистку выгребныхъ ямъ и вывозку нечистотъ, если нѣтъ канализаціи. Но очень сомнѣваюсь, чтобы эта работа могла замѣнить трудъ, который соотвѣтствуетъ первой упряжкѣ въ программѣ Толстого. Дабы выполнить двѣ другія упряжки—заняться

ремесленнымъ трудомъ, а также наукой и искусствомъ—должны быть на лицо условія, которыя встрѣчаемъ не всегда у людей состоятельныхъ и почти никогда у малоимущихъ: для этого необходимъ, кромѣ извѣстнаго умственнаго развитія, и очень короткій рабочій день: если рабочій день не превышаетъ даже 8 часовъ и то нужно такъ напрягать силы, что, окончивъ работу, не каждый хочетъ думать о какомъ-либо иномъ занятіи, отличномъ отъ его спеціальнаго труда; онъ хочетъ прежде всего отдыха.

Да и изъ людей, которые живутъ въ своихъ помѣстьяхъ, только очень немногіе будутъ готовы принять программу Толстого. Усвоить всѣ четыре упряжки однимъ помѣшаетъ тѣлесная слабость, которая затрудняетъ участіе въ тяжеломъ трудѣ, другимъ—вялость ума, недостатокъ воспріимчивости къ духовнымъ интересамъ, неохота и отсутствіе навыка пользоваться произведеніями науки и искусства. Наконецъ, для многихъ помѣхою будутъ служить установившіеся привычки, вкусы, выѣздъ на зиму въ городъ и т. д. Остается горсть людей, быть можетъ, нѣсколько сотъ семействъ, которыя могли бы построить жизнь по этому плану.

И такъ, дабы планъ Толстого получилъ всеобщее значеніе или, по крайней мѣрѣ, былъ примѣнимъ къ довольно обширной средѣ, необходимо перестроить весь общественный бытъ и даже измѣнить нравы.

Дальнѣйшія положенія Толстого также не могутъ быть приняты. Во-первыхъ, нельзя прочно обосновать положеніе, что люди, которые проводятъ въ тяжеломъ трудѣ довольно большое количество времени, станутъ противниками роскоши. Не слѣдуетъ смотрѣть на роскошь, какъ на удовлетвореніе потребности человѣка въ красивыхъ и рѣдкихъ вещахъ. Наклонность къ роскоши поддерживается, главнымъ образомъ, тщеславіемъ, желаніемъ показать, что я могу создать вокругъ себя обстановку, недоступную для моихъ сосѣдей. Ни у кого нѣтъ и не можетъ быть потребности въ жилищѣ изъ многихъ десятковъ комнатъ, раззолоченной мебели, тридцати лошадяхъ на конюшнѣ и безчисленныхъ украшеніяхъ, которыми окружаютъ себя люди. Но для тщеславія нѣтъ границъ, и если богатаго человѣка, который живетъ въ домѣ изъ 40 комнатъ, пожираетъ тщеславіе, то онъ спѣшитъ выстроить себѣ дворецъ въ 100 комнатъ. Можно составить цѣлую библіотеку изъ примѣровъ того, что люди, знакомые съ трудами, лишеніями, равнодушные къ утонченнымъ удобствамъ жизни, жи-

вутъ въ роскошной обстановкѣ; таково большинство американскихъ богачей, которые всѣ ушли въ дѣло и не оставляютъ его до самыхъ преклонныхъ лѣтъ. Эти люди вовсе не чувствовали бы себя несчастными, если бы скромно удовлетворяли свои потребности: они окружаютъ себя роскошью вовсе не потому, что она отвѣчаетъ на ихъ личные вкусы. — И въ данномъ случаѣ наступили бы сходныя послѣдствія. Если человѣкъ проникся желаніемъ отказаться отъ роскоши и даже отъ права собственности, то можетъ сдѣлать это, не переходя къ физическому труду. Онъ поселится въ самой скромной обстановкѣ и передастъ свое имущество для какой-нибудь общеполезной цѣли. Съ другой стороны, если человѣкъ удѣляетъ и довольно много времени физическому труду и самъ не чувствуетъ влеченія къ роскоши, то можетъ, дѣлая уступки семьѣ, оставаться среди утонченныхъ удобствъ жизни, не отказываться отъ права собственности или же, отказавшись, передать имущество семьѣ; а это сплошь и рядомъ дѣлаютъ и люди, которые очень далеки отъ мыслей о коренномъ измѣненіи общественнаго строя.

Можно ли разсчитывать вмѣстѣ съ Толстымъ, что нѣсколько десятковъ примѣровъ этого рода привлекутъ толпы послѣдователей и складъ новой жизни вскорѣ охватитъ очень большую площадь?—Нельзя согласиться съ этимъ предположеніемъ. Исторія знакомитъ насъ со множествомъ сектъ, которыя пріобрѣтали послѣдователей въ разныхъ общественныхъ слояхъ. Нѣкоторыя секты имѣли много участниковъ, обыкновенно тѣмъ больше, чѣмъ меньше ихъ ученіе шло въ разрѣзъ съ господствующимъ строемъ жизни; но всѣ секты исчезали въ населеніи каждой страны. Распространеніе христіанства служитъ еще болѣе вѣскимъ доказательствомъ. Общины христіанъ были немногочленны даже въ первые вѣка, когда ученіе Христа хранилось въ наибольшей чистотѣ. Населеніе цѣлыхъ государствъ было по названію христіанскимъ, но своею жизнью вовсе не отвѣчало тому, чего требуютъ заповѣди Христа. А между тѣмъ на сторонѣ христіанства была большая сила; мы не видимъ такой за проповѣдью Толстого. Этой силой служила увѣренность, что послѣдователей Христа ожидаетъ загробное блаженство; надежда на него открывала новому ученію доступъ въ сердца многихъ. И все же христіанскія общины были островами, разсѣянными въ обширномъ культурномъ мірѣ древности. Эти островки жили своей особой жизнью, болѣе или менѣе согласной съ завѣтами Учителя; а огромное большинство

людей было внѣ этихъ мірковъ. Все, что дѣлала исторія, дѣйствовало такъ, какъ то позволяли свойства ума и воли средняго человѣка, скромный запасъ его добрыхъ наклонностей и большая сила его дурныхъ влеченій.

Когда Толстой не выходитъ изъ роли художника, то чутьемъ угадываетъ людей и не обманывается относительно перемѣнъ, которыхъ можно ожидать въ ихъ поведеніи. Такую картину даетъ намъ его маленькій очеркъ Бесѣда досужихъ людей. Въ богатомъ домѣ собрались гости и начали разговоръ о жизни. Нѣкоторые изъ собесѣдниковъ—люди молодые и среднихъ лѣтъ и старые,—отнеслись къ своему образу жизни съ большимъ порицаніемъ и заявили, что необходимо въ корнѣ измѣнить его. Но каждый, дѣлавшій такое заявленіе, встрѣчалъ рѣзкій отпоръ. Молодому человѣку возражалъ отецъ, что людямъ юнымъ и неопытнымъ трудно прокладывать новые пути. На человѣка среднихъ лѣтъ напали его жена и другія собесѣдницы; онѣ поставили на видъ, что ему слѣдуетъ думать не объ измѣненіи жизни, а о прокормленіи семьи. Старику сильно возражали его племянница, крестница и сынъ; они пользовались тѣмъ доводомъ, что ихъ престарѣлому родственнику жить не долго, а потому и не стоитъ ломать себя. Вечеръ не далъ никакихъ положительныхъ результатовъ. Толстой заключаетъ очеркъ такими словами. «Что за чудо?—сказалъ одинъ изъ гостей (онъ все молчалъ). Что за чудо? всѣ говорили, что хорошо по Божьи жить, и что живемъ худо, и тѣломъ и духомъ мучаемся, а какъ только дошло дѣло до дѣла, такъ выходитъ, что дѣтей ломать нельзя, а надо воспитывать не по божьему, а по старому. Молодымъ нельзя изъ воли родителей выходить, а надо имъ жить не по божьему, а по старому. Женатымъ нельзя жену и дѣтей переламывать, а надо жить не по божьему, а по старому. А старикамъ не къ чему начинать и не привыкли они, да имъ два дня жить осталось. Выходитъ, что жить хорошо никому нельзя, только поговорить можно».

Если бы Толстой почаще заглядывалъ въ этотъ разсказъ, то понялъ бы, что любая общественная среда—только въ большихъ размѣрахъ—представляетъ тѣхъ досужихъ людей, которые собрались для вечерней бесѣды. Очень многіе выражаютъ готовность измѣнить свою жизнь, даже говорятъ о ея порочности, высказываютъ желаніе, чтобы всѣ темныя стороны были устранены и для жизни проложено новое русло. Но отъ критики, пожеланій, даже рѣшеній еще очень далеко до перемѣны. Связи семейныя,

имущественныя, общественныя, служебныя, старыя привычки, опирающіяся на основныя свойства, которыя человѣкъ получилъ по наслѣдству, дѣйствуютъ такъ могущественно, что человѣкъ почти всегда вноситъ въ свою жизнь только мелкія перемѣны. И надежда Толстого, что огромное большинство людей можетъ измѣниться быстро и кореннымъ образомъ, является одной изъ безчисленныхъ утопій, которыми наполнена литература.

Наивно разсчитывать, что общественное мнѣніе измѣнится уже въ недалекомъ будущемъ.—Толстой преувеличиваетъ перемѣны, которыя совершились во взглядахъ русскихъ людей послѣ упраздненія крѣпостного права: онѣ не такъ велики, какъ можетъ казаться при поверхностной оцѣнкѣ. Эти перемѣны вызваны отчасти тѣмъ, что дворянскія семьи были вынуждены обратиться къ счетоводству. Оказалось, что, вмѣсто огромнаго количества дарового труда, который покрывался доходомъ имѣнія и не оплачивался деньгами, нужно было перейдти къ наемной рабочей силѣ и денежному вознагражденію за нее. Поддержаніе жизни по той мѣркѣ, которой слѣдовали при крѣпостномъ правѣ, было связано съ большими денежными расходами. Многіе помѣщики, лишившись труда крѣпостныхъ, стали считать положеніе своей семьи менѣе прочнымъ, чѣмъ раньше; это сдѣлало ихъ болѣе бережливыми при расходахъ на прислугу, лошадей и т. п. Но роскошь богатыхъ людей вообще, какъ землевладѣльцевъ, предки которыхъ пользовались крѣпостнымъ трудомъ, такъ и классовъ, сложившихся въ промышленности и торговлѣ, не только не уступаетъ роскоши прежнихъ временъ, но даже далеко превосходитъ ее. Быть можетъ, теперь она потому выдѣляется менѣе рѣзко, что ея формы стали гораздо болѣе разнообразны и что богатый человѣкъ рѣже, чѣмъ прежде, прикрѣпляетъ себя къ одному и тому же мѣсту. Обычаи измѣнились настолько, что богатые не ѣздятъ четверкой съ двумя лакеями, но, взамѣнъ того, имѣютъ собственные автомобили и морскія яхты. У нихъ меньше слугъ, пріуроченныхъ къ подмосковному имѣнію, но зато, помимо домовъ въ большихъ городахъ своего государства и обширныхъ помѣстій, они пріобрѣтаютъ владѣнія съ роскошными усадьбами за предѣлами своей страны, на морскихъ побережьяхъ и въ горахъ, гдѣ мѣстность славится красотой. Прислуга не умываетъ и не одѣваетъ ихъ, но вовсе не потому, чтобы они стыдились этого, а потому, что достаточно распространилось знаніе гигіены, которая напоминаетъ людямъ о вредѣ чрезмѣрной изнѣженности для здоровья.

Не трудно совершиться тѣмъ перемѣнамъ въ общественномъ мнѣніи, которыя побуждаютъ женщинъ носить на шляпкахъ перья, вмѣсто цвѣтовъ, побуждаютъ замѣнить автомобилями ѣзду четверкой, жить съ полной роскошью не только въ Москвѣ и подмосковномъ имѣніи, но, сверхъ того, въ Ялтѣ, Ниццѣ, Римѣ, Каиро. Но очень трудно ждать такой перемѣны, чтобы общественное мнѣніе осудило всѣ старинные, издавна извѣстные виды роскоши и не выдвинуло новыхъ на ихъ мѣсто [90]).

Эта перемѣна совершится, по мнѣнію Толстого, въ ближайшемъ будущемъ. Онъ строитъ свой выводъ на предположеніи, что всѣ люди недовольны условіями, среди которыхъ живутъ; они стонутъ въ одинъ голосъ и, при нынѣшнемъ складѣ жизни, не видятъ выхода изъ своего несчастнаго положенія.—Здѣсь Толстой приписываетъ людямъ мысли и чувства, которыхъ, въ дѣйствительности, у нихъ нѣтъ. Наблюденія показываютъ, что лишь немногіе вполнѣ довольны своимъ положеніемъ. Но недовольство огромнаго большинства таково, что, при болѣе благопріятной судьбѣ, могло бы быть устранено и при современномъ строѣ жизни. У одного меньше денегъ, нежели онъ хочетъ, другой медленно подвигается по службѣ, третій негодуетъ на редакцію журнала, которая не напечатала его статьи, четвертый тяготится городомъ или деревней, гдѣ живетъ, и хочетъ, но не можетъ, перемѣнить мѣсто жительства, пятаго раздражаетъ сварливый характеръ жены, шестой сѣтуетъ, что его дѣти учатся дурно, иной жалуется на здоровье и не можетъ поѣхать на минеральныя воды, отъ которыхъ ожидаетъ исцѣленія и т. д. Стоитъ спросить множество людей о предметѣ ихъ желаній, и окажется, что эти желанія могутъ быть удовлетворены при формахъ жизни, которыя окружаютъ насъ. Люди неимущихъ классовъ, будучи поголовно недовольны своимъ положеніемъ, желали бы такой перемѣны общественнаго порядка, чтобы хозяева были менѣе богаты, а они пользовались достаткомъ и работали гораздо меньше, нежели теперь. Самъ Толстой, завѣдуя кормленіемъ голодающихъ въ 1891 и 92 годахъ, сдѣлалъ наблюденія этого рода. Изученіе крестьянскаго хозяйства привело его къ выводу, что каждая семья имѣетъ свою наиболѣе тяжелую бѣду, которая и заставляетъ говорить о несчастливой долѣ [91]).

Рѣдкое исключеніе составляютъ люди, которые считаютъ себя несчастными вслѣдствіе необходимости жить при условіяхъ, рѣзко отличныхъ отъ того, что рисуется имъ въ мечтахъ. На одного

римлянина, который не хотѣлъ пережить величія Рима и обращался за послѣднею услугой къ своему мечу, приходились тысячи и тысячи, готовыя въ годину униженія Вѣчнаго города ѣсть, пить, спать, заниматься привычнымъ трудомъ, производить дѣтей, наслаждаться любовью и зрѣлищами цирковъ столь же спокойно, какъ во дни его славы. Таковы же и новѣйшіе люди. Не мало послѣдователей насчитываютъ тѣ ученія, которыя направлены къ коренному измѣненію общественнаго строя. Въ 1907 году, на выборахъ въ рейхстагъ, за кандидатовъ соціальной демократіи было подано 3.259.000 голосовъ, а мужское населеніе неимущихъ классовъ этой страны, имѣющее право голоса, достигаетъ 15.000.000 душъ. Такимъ образомъ, усиленная проповѣдь соціализма въ теченіи 40 лѣтъ привела къ тому, что онъ имѣетъ около $^1/_4$ послѣдователей въ классахъ, которые, несомнѣнно, выиграли бы отъ коренного переустройства общественной жизни. Но и среди милліоновъ, тяготѣющихъ къ соціализму, огромное большинство чувствуетъ себя неудовлетвореннымъ вовсе не потому, что его идеалы далеки отъ осуществленія: оно страдаетъ отъ разныхъ ближайшихъ реальныхъ невзгодъ. Это большинство, входя въ составъ соціалистической партіи, увѣрено, что новый порядокъ начнетъ господствовать не скоро, но надѣется, что партія поможетъ членамъ пріобрѣсти разныя мелкія, частью, и значительныя выгоды, которыя могутъ быть достигнуты при современномъ строѣ жизни.

Такимъ образомъ, представляется совсѣмъ невѣроятнымъ, чтобы очень многіе послѣдовали примѣру, о которомъ говоритъ Толстой. Этотъ примѣръ не даетъ ничего соблазнительнаго состоятельнымъ классамъ, такъ какъ грозитъ лишить ихъ привычныхъ удобствъ жизни. Онъ не обѣщаетъ выгодъ и малоимущимъ: правда, онъ не лишаетъ ихъ какихъ-либо жизненныхъ удобствъ; но, почти уничтожая раздѣленіе труда, угрожаетъ сдѣлать общественную работу менѣе производительною и замедлить нарастаніе народнаго богатства. А при такомъ условіи даже паденіе права частной собственности не могло бы доставить неимущимъ классамъ больше дохода, чѣмъ они имѣютъ въ настоящее время.

XIII.

Ссылка Толстого на ученіе Лаодзе не убѣждаетъ, что недѣланіе способно избавить отдѣльныхъ людей и все человѣчество

отъ бѣдствій, которыя угрожаютъ имъ. Внимательное наблюденіе заставляетъ сдѣлать выводъ, что причиной нашихъ бѣдствій служитъ какъ совершеніе того, отъ чего слѣдовало воздержаться, такъ и неисполненіе того, что должно было быть сдѣлано. Если человѣкъ захворалъ тяжкою болѣзнью, которая, однако, поддается врачебному искусству, то можетъ умереть или отъ того, что не пригласилъ врача, или же потому, что слѣдовалъ совѣтамъ врача неопытнаго. Помимо вліяній, связанныхъ съ погодой, сельскій хозяинъ можетъ пострадать отъ причинъ, которыя поддаются воздѣйствію человѣка: неурожай явился слѣдствіемъ или того, что хозяинъ купилъ дурныя сѣмена, т. е. сдѣлалъ, чего не нужно, или потому, что вспахалъ поле не два или три раза, а только одинъ разъ, т. е. не сдѣлалъ того, что было нужно. Война съ Японіей потрясла благосостояніе нашего отечества. Она была вызвана причинами обоихъ порядковъ: русскіе вызвали раздраженіе Японіи тѣмъ, что завладѣли Манчжуріей; этого не нужно было дѣлать; а, проникнувъ на Дальній Востокъ, Россія не подумала объ опасности, которой можетъ подвергнуться со стороны Японіи и не позаботилась о такомъ переустройствѣ своего войска и военнаго флота, которое не позволило бы Японіи отважиться на войну; словомъ, она не сдѣлала того, что было нужно. Какую бы область мы ни взяли, мы найдемъ безчисленныя доказательства того, что ошибки и бѣдствія людей проистекаютъ изъ обоихъ источниковъ. Толстой забываетъ, при ссылкѣ на Лаодзе, что воззрѣнія древняго китайца вовсе не примѣнимы къ сложному быту нашихъ дней. Китайскій мудрецъ относился къ жизни отрицательно; возможно большая сосредоточенность мысли, полное воздержаніе отъ практическихъ дѣлъ и были, съ его точки зрѣнія, условіями благополучія людей. Каждый, кто проникся его взглядомъ, кто отрицаетъ жизнь, приметъ и его совѣтъ. Разъ же человѣкъ не отрѣшается въ міра, не живетъ въ пустынѣ, разсчитываетъ на измѣненіе современной жизни къ лучшему, хочетъ посильно воздѣйствовать на нее, то не можетъ руководствоваться завѣтами китайскаго мудреца.

Не вѣрно и то, что трудъ дѣлаетъ человѣка жестокимъ; Толстой старается доказать это ссылкою на историческихъ злодѣевъ, которые всегда были заняты. Правда, многіе изъ нихъ проводили большую часть жизни въ трудѣ, ибо къ труду должны быть отнесены походы такихъ завоевателей, какъ Чингисханъ, Тамерланъ и другіе. Съ тѣмъ вмѣстѣ, среди самыхъ кровожадныхъ злодѣевъ,

мы находимъ немало и такихъ, которые проводили время только въ праздности и забавахъ: сошлемся на римскихъ императоровъ, мучившихъ христіанъ. Но и среди людей величайшаго трудолюбія многіе отличались горячею любовью къ ближнимъ и готовностью неустанно служить имъ: укажемъ на апостоловъ, выдающихся святителей христіанства, на Говарда, Ливингстона и т. д. Сюда можно пріобщить Канта, Гюго, Диккенса и разныхъ другихъ людей науки и искусства, которыхъ высоко цѣнитъ и Толстой.

Положеніе, что люди, которые много трудятся, не могутъ быть добры, является выводомъ изъ односторонникъ наблюденій—наблюденій надъ тѣми, кто занятъ дѣломъ, вообще, непривлекательнымъ или же нелюбимымъ трудомъ, заставляющимъ человѣка напрягать силы выше мѣры. Человѣкъ, изнуренный работой, становится раздражителенъ, мало воспріимчивъ къ невзгодамъ, а иногда и къ страданіямъ ближнихъ. Но трудъ, который не превосходитъ силъ работающаго, не разстраиваетъ его здоровья, трудъ любимый, поддерживаетъ хорошее настроеніе духа и обладаетъ способностью дѣлать человѣка добрѣе. Цѣня свое время, проводимое въ работѣ, дорожа условіями, которыя благопріятствуютъ ей, такой человѣкъ, во всякомъ случаѣ, привыкаетъ уважать трудъ другихъ и нерѣдко обнаруживаетъ готовность оказывать людямъ содѣйствіе въ ихъ занятіяхъ.

Есть трудъ, несомнѣнно, вредный; было бы неумѣстно относиться съ одобреніемъ ко всякой работѣ. Но, въ общемъ, трудолюбіе является добродѣтелью. Это качество необходимо не только для того, чтобы создавать вещи, которыя, по мнѣнію Толстого, совсѣмъ не нужны людямъ, но и для направленія силъ на служеніе другимъ. Въ обществѣ людей добродушныхъ и лѣнивыхъ не можетъ развиться дѣятельная любовь къ ближнимъ. Члены такой среды, свободные отъ себялюбія, могутъ относиться дружески ко всѣмъ, но вовсе не будутъ склонны исполнять для другихъ работы, которыя требуютъ большого напряженія: возможно, что эти люди будутъ перевязывать сосѣдямъ раны, но невѣроятно, чтобы они стали пахать для нихъ землю и чистить колодцы. Привычка къ труду, возрастая въ человѣчествѣ съ развитіемъ культуры, является очень цѣннымъ пріобрѣтеніемъ; она окажется въ высшей степени важной и для общества, болѣе совершеннаго, когда чувство дружелюбія будетъ сильнѣе властвовать надъ людьми, чѣмъ теперь.

Толстой до того увлекается заявленіемъ Дюма, что считаетъ его пророчествомъ и высказываетъ цѣлый рядъ положеній, съ которыми отнюдь нельзя согласиться. Невѣрно, что люди будутъ все болѣе энергично отнимать другъ у друга землю и произведенія труда; невѣрно, что люди становятся все болѣе озлоблены; невѣрно, что, по мѣрѣ дальнѣйшаго развитія современнаго общественнаго строя, они будутъ склонны все болѣе жестоко мстить за перенесенныя лишенія. Напротивъ, жестокость борьбы смягчается въ отдѣльныхъ случаяхъ подъ вліяніемъ чувства чистаго дружелюбія, а чаще—подъ вліяніемъ правильно понятаго личнаго интереса.

Все изложенное помогаетъ отвѣтить на вопросъ о недѣланіи. Толстой правъ, что измѣненіе жизни совершается прежде всего въ мысляхъ людей. Но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы перерывъ дѣятельности, которою занимаются люди, быстро привелъ къ кореннымъ перемѣнамъ въ мысляхъ, а затѣмъ и во всѣхъ областяхъ жизни. Говоря о необходимости пріостановки, способной направить разумъ на новый и лучшій путь, Толстой, конечно, имѣетъ въ виду такое положеніе дѣлъ, когда люди не слишкомъ обременены своими спеціальными обязанностями и не слишкомъ отвлечены забавами, когда они имѣютъ досугъ для спокойнаго обдумыванія важнѣйшихъ вопросовъ, связанныхъ съ жизнью человѣка. Всѣ члены состоятельныхъ классовъ располагаютъ такимъ досугомъ въ большей или меньшей степени. Чиновникъ получаетъ каждый годъ отпускъ для отдыха отъ служебной дѣятельности; торговецъ, сельскій хозяинъ также остаются свободными извѣстную часть года; и люди науки и искусства отмежевываютъ себѣ вакаціонные мѣсяцы. Время, проводимое внѣ спеціальныхъ занятій, не наполняется исключительно забавами: часть его остается свободной для общенія съ природой и для размышленія надъ вопросами человѣческой жизни. И все же мы не видимъ, чтобы люди, которые имѣютъ даже продолжительный досугъ, пользовались имъ для коренного измѣненія своихъ мыслей.

Есть и другое условіе, которое позволяетъ человѣку располагать досугомъ именно въ духѣ Толстого. Привычка къ чтенію дѣлаетъ повсюду большіе успѣхи; непрерывно возрастаетъ число людей, которые при работѣ надъ самыми разнообразными вопросами обращаются за содѣйствіемъ къ наукѣ и искусству. Вслѣдствіе этого человѣкъ не остается во время досуга только со своими мыслями, но получаетъ притокъ и изъ литературы. А она

отвѣчаетъ на всѣ вкусы, на всѣ настроенія, на всѣ запросы; къ ней обращаются люди, надъ которыми властвуетъ ихъ животная природа; она нужна и тѣмъ, кто тяготѣетъ къ разумной и доброй жизни. Есть, такимъ образомъ, всѣ данныя, чтобы каждый, желающій кореннымъ образомъ измѣнить свою жизнь, укрѣпилъ свои слабыя силы съ помощью науки и искусства. А, между тѣмъ, мы не видимъ сколько-нибудь замѣтныхъ перемѣнъ въ духѣ Толстого.

Еще одно замѣчаніе. Богатый запасъ того, что даютъ наука и искусство, служитъ не только людямъ зрѣлыхъ лѣтъ, самостоятельно дѣйствующимъ въ жизни, но и молодежи. Въ томъ возрастѣ, когда слагается характеръ и вырабатывается міросозерцаніе, люди отличаются особенною любознательностью. Они не только много читаютъ и работаютъ надъ прочитаннымъ, но и впитываютъ въ себя мысли и образы, приносимые наукой и искусствомъ. Между 18 и 23 годами мужчины и женщины располагаютъ достаточнымъ досугомъ. Если они принадлежатъ къ имущимъ классамъ, то остаются болѣе или менѣе свободны не только отъ самостоятельнаго практическаго труда, но и отъ разныхъ условныхъ приличій, принятыхъ формъ общенія, которыя отнимаютъ много времени у людей болѣе зрѣлаго возраста и самостоятельнаго положенія. Наконецъ, въ юные годы люди пользуются лучшимъ здоровьемъ, нежели позднѣе, и затрачиваютъ меньше времени на заботы о своемъ физическомъ благополучіи. Есть, такимъ образомъ, всѣ условія, которыя помогаютъ человѣку воспитать мысли въ извѣстномъ направленіи, а позднѣе, послѣ перехода къ самостоятельной дѣятельности, построить жизнь согласно съ перемѣнами, которыя совершились въ мысляхъ. А, между тѣмъ, мы не видимъ, чтобы на эту среду идеи въ духѣ Толстого оказывали замѣтное вліяніе.

Чего же, при такихъ условіяхъ, ожидать отъ недѣланія? Если бы люди давали себѣ значительно большій досугъ, нежели теперь, освобождали себя на это время не только отъ занятій, но и отъ забавъ, которыя вносятъ слишкомъ много разсѣянія, то наполняли бы время тѣмъ, что соотвѣтствуетъ наклонностямъ и привычкамъ. Люди, проникнутые дружелюбіемъ, готовые всегда, по мѣрѣ силъ, служить ближнимъ, посвящали бы этотъ досугъ тому, что отвѣчаетъ на ихъ альтруизмъ. Другіе, не склонные къ изученію своей души, любящіе жизнь такою, какъ она есть, тяготились бы досугомъ и нетерпѣливо ожидали бы возвращенія

въ обычную колею. Удѣляя же досугъ наукѣ и искусству, они, въ большинствѣ, навѣрно, не оказывали бы предпочтенія тому, что даютъ планы жизни въ духѣ Толстого.

Безсодержательность разсужденій Толстого о недѣланіи является слѣдствіемъ трехъ заблужденій. 1) Толстой преувеличиваетъ запасъ чувствъ дружелюбія, которыя коренятся въ людяхъ. Онъ упускаетъ изъ вида, что эти чувства развиваются и крѣпнутъ только постепенно. Онъ думаетъ, что они всегда находятся въ скрытомъ состояніи у огромнаго числа людей и что довольно небольшого толчка со стороны, дабы эти силы начали приносить обильные плоды. Онъ забываетъ, что доброе, которое накопляется въ общественной средѣ, есть результатъ чувства дружелюбія, тѣсно переплетеннаго съ правильно понятымъ личнымъ интересомъ. 2) Толстой навязываетъ людямъ мысли, съ которыми живутъ только немногіе. Онъ думаетъ, что разумъ подсказываетъ человѣку о противорѣчіи между личнымъ благомъ и благомъ другихъ, тогда какъ дѣйствительность часто не оправдываетъ этого предположенія. Возьмемъ, въ видѣ примѣра, простѣйшій случай: если небольшому числу людей, занятыхъ въ какой-либо отрасли труда, удалось добиться повышенія заработной платы, то является въ высшей степени вѣроятнымъ, что такое же повышеніе станетъ удѣломъ десятковъ или сотенъ тысячъ людей, которые работаютъ въ той же отрасли. Нѣкоторые важные интересы членовъ каждой общественной группы тожественны, а потому выгоды, достигнутыя въ тѣсномъ кругу этой группы, вслѣдствіе стремленія его членовъ къ личному благу, дѣлаются вскорѣ достояніемъ многихъ. 3) Третья ошибка Толстого состоитъ въ томъ, что, бичуя темныя стороны современной жизни, онъ огульно признаетъ негодными разныя начинанія, которыя несомнѣнно полезны для огромнаго числа людей. Онъ издѣвается надъ тѣми, кто основываетъ фабрики, но, вѣдь, фабрики, помимо предметовъ роскоши и утонченнаго удобства, производятъ то, что безусловно необходимо для жизни. Онъ подсмѣивается надъ строителями желѣзныхъ дорогъ: но, вѣдь, желѣзныя дороги приближаютъ людей другъ къ другу, облегчаютъ взаимныя сношенія, расширяютъ площадь, на которой могутъ дѣйствовать добрые примѣры, хотя бы даже во вкусѣ Толстого. Онъ считаетъ миссіонерство христіанъ въ языческихъ странахъ пустымъ и ненужнымъ занятіемъ; а, между тѣмъ, многочисленныя наблюденія даютъ право на такой выводъ: когда миссіонеры любятъ свое призваніе и дѣйствуютъ среди туземныхъ племенъ безъ на-

силія, то приносятъ большую пользу независимо отъ проповѣди своего вѣроученія; они способствуютъ прекращенію многихъ жестокихъ обычаевъ среди дикарей и обучаютъ ихъ правильному труду, прежде всего, земледѣльческому [92]).

XIV.

Не будемъ удивляться вмѣстѣ съ Толстымъ, что человѣкъ боится смерти, если даже почти не выходитъ за предѣлы чисто животнаго существованія. Отъ дѣтскихъ лѣтъ и до старости онъ видитъ многочисленныя измѣненія въ своемъ тѣлѣ; но они совершаются постепенно и безостановочно, а потому и ускользаютъ отъ его вниманія. Его сознаніе измѣняется въ теченіе жизни; но при немъ всегда остается какое-либо сознаніе и какая-либо тѣлесная оболочка. Сравненіе смерти со сномъ не выдерживаетъ критики: хотя смерть нерѣдко наступаетъ и во снѣ, но каждый, засыпая сколько-нибудь здоровымъ, не сомнѣвается, что встанетъ чрезъ опредѣленное число часовъ. Такимъ образомъ, всѣ перемѣны, которыя переживаетъ человѣкъ въ состояніи здоровья и даже болѣзни, не уничтожаютъ его особеннаго, самостоятельнаго «я». Его уничтожаетъ только смерть.

Вопреки Толстому, нельзя видѣть въ страхѣ смерти только особенную форму сознанія, что человѣкъ живетъ не такъ, какъ бы слѣдовало жить. Человѣкъ боится смерти просто потому, что не хочетъ уничтоженія своего «я», которое отличаетъ его отъ другихъ людей. Люди хотятъ жить независимо отъ того, какъ слагается ихъ жизнь: и у людей, которые являются какъ бы воплощенными пороками, и у тѣхъ, чья жизнь наполнена добрыми дѣлами, наблюдается желаніе жить до тѣхъ поръ, пока они обладаютъ еще довольно большимъ запасомъ тѣлесныхъ и духовныхъ силъ.

Кромѣ людей, которые, и при богатомъ запасѣ силъ, умираютъ охотно вслѣдствіе разочарованія, тоски, отчаянія, полной утраты надежды измѣнить положеніе къ лучшему, легко и даже радостно умираютъ люди въ глубокой старости, когда жизненная дѣятельность окончательно ослабѣваетъ.

Толстой правъ, установляя связь между спокойствіемъ умирающаго и сознаніемъ того, что его жизнь не была запятнана злыми дѣлами. Въ этомъ случаѣ умирающаго часто ободряетъ надежда, что онъ получитъ за гробомъ возмездіе за свои добродѣ-

тели или, по крайней мѣрѣ, избѣгнетъ каръ, которыми грозитъ религія злымъ и нераскаявшимся людямъ.

Помимо людей, которыхъ примиряетъ со смертью такое сознаніе, мы видимъ много примѣровъ того, какъ спокойно умираютъ люди, совсѣмъ беззаботные относительно блаженствъ или мученій, ожидающихъ человѣка въ загробной жизни. Нѣтъ основанія относить къ вѣрующимъ тѣхъ, кто мужественно умиралъ во Франціи конца 18 вѣка. Спокойно клали свою голову подъ гильотину и приверженцы стараго порядка, и дѣятели революціи. Это спокойствіе было почерпнуто изъ сознанія исполненнаго долга, одними — изъ вѣрности королю и разрушавшемуся строю Франціи, другими — изъ преданности началамъ, которыя вносила революція въ жизнь французскаго народа.

Можно ежедневно наблюдать случаи такой смерти. Врачъ, сошедшій въ могилу отъ тифа, которымъ захворалъ при леченіи больныхъ, сестра милосердія, заразившаяся отъ тѣхъ, за кѣми ухаживала, воинъ, павшій на полѣ битвы, лицо, убитое при охранѣ ввѣренныхъ ему лицъ или даже имущества, умираютъ спокойно, съ яснымъ сознаніемъ того, что исполнили свой долгъ. Нужно разумѣть «исполненіе долга» въ самомъ широкомъ смыслѣ слова: нужно относить сюда не только дѣло, возложенное на человѣка извнѣ, которое онъ взялся исполнить одинъ или нѣсколько разъ, но и занятія, разсматриваемыя человѣкомъ, какъ главное призваніе жизни. Не проходитъ и мѣсяца безъ несчастій съ воздухоплавателями; часто слышишь о смерти этихъ неустрашимыхъ людей. Все дѣло находится еще въ зародышѣ; накопилось мало данныхъ, дабы судить о ихъ душевномъ состояніи въ минуту крайней опасности, когда разрушеніе летательнаго снаряда грозитъ имъ почти неизбѣжною гибелью; выяснить это — задача будущаго. Можно, однако, предположить съ большою степенью вѣроятія, что сознаніе долга примиряетъ этихъ людей со смертью: а долгъ они видятъ въ призваніи служить воздухоплавательному дѣлу, которое соотвѣтствуетъ ихъ влеченію. Здѣсь въ маломъ видѣ повторяется то, что намъ извѣстно изъ біографіи Архимеда: предъ ворвавшимся къ нему римскимъ воиномъ онъ думалъ не объ опасности для жизни, а только о цѣлости своихъ чертежей.

Человѣкъ можетъ спокойно умирать и послѣ жизни, которая протекала въ среднемъ руслѣ, не была наполнена добрыми дѣлами или напряженнымъ и сосредоточеннымъ служеніемъ какой-либо высокой цѣли, научной, художественной, политической. Именно

такъ умерла мать Гёте. Въ день своей смерти она настойчиво спрашивала врача, сколько времени ей осталось жить. Онъ отвѣчалъ уклончиво, успокаивалъ ее, чѣмъ вызвалъ только ея досаду. «Я знаю, что наступаетъ мой конецъ, а потому и требую прямого отвѣта на то, сколько мнѣ осталось жить». Тогда онъ ответилъ, что, вѣроятно, она проживетъ еще до полудня слѣдующихъ сутокъ. Услыхавъ это, она до мелкихъ подробностей сдѣлала распоряженія относительно своихъ похоронъ, о томъ, какія вина должны быть приготовлены, какими кусками долженъ быть нарѣзанъ пирогъ; она даже внушила кухаркѣ начинить пирогъ изюмомъ не слишкомъ скупо. На тотъ день, когда наступила ея смерть, она была приглашена къ знакомымъ, которые считали ее только слегка больною; она отвѣтила извиненіемъ, что не можетъ придти, такъ какъ должна умереть. Гробъ у нея былъ уже готовъ заранѣе. Незадолго до ея смерти пришелъ знакомый столяръ съ вопросомъ, не закажетъ ли она ему гробъ; она выразила сожалѣніе, что онъ приходитъ поздно, что гробъ уже заказанъ другому, и велѣла дать пришедшему, въ видѣ подарка, немного денегъ. За нѣсколько часовъ до конца она поручила увѣдомить внука о своей смерти.

Нельзя не восхищаться ненарушимымъ спокойствіемъ, съ которымъ встрѣтила смерть эта мужественная женщина. Но насъ не должно удивлять это: она провела всю жизнь, какъ вѣрная и добрая жена, любящая, заботливая мать, рачительная и неутомимая хозяйка, а потому и у нея могло быть сознаніе исполненнаго долга и—ясная или смутная—увѣренность въ томъ, что, буде есть загробная жизнь, она не можетъ принести ей ничего дурного.

Больше обращаетъ на себя вниманіе отношеніе къ смерти тѣхъ людей, которые отнюдь не могли похвалиться добрыми дѣлами и даже должны были припоминать не мало поступковъ, которые свидѣтельствуютъ о ихъ жестокости. Таковъ прусскій король Фридрихъ-Вильгельмъ I. Онъ умеръ 52 лѣтъ, въ томъ возрастѣ, когда умирать нелегко; тѣмъ не менѣе онъ провелъ послѣдніе дни своей жизни съ полнымъ спокойствіемъ, съ живымъ интересомъ и къ важнымъ дѣламъ, и къ мелочамъ придворной жизни. Онъ дѣлаетъ подробное распоряженіе относительно своихъ похоронъ; согласно со многолѣтнимъ обычаемъ, онъ собираетъ свою табачную коллегію; присутствующіе усиленно курятъ и бесѣдуютъ. Король не куритъ, но очень оживленъ и веселъ. Было установлено правило, что члены табачной коллегіи не встаютъ ни въ чьемъ присутствіи. Но, вотъ, входитъ наслѣдный принцъ, и

передъ нимъ, какъ одинъ человѣкъ, поднимаются всѣ присутствующіе. Замѣтивъ съ досадой, что придворные, еще до смерти своего повелителя, встаютъ предъ «восходящимъ солнцемъ» и тѣмъ нарушаютъ старинное правило, король приказываетъ членамъ коллегіи выйдти вонъ. Онъ то ведетъ разговоръ съ наслѣдникомъ престола о государственныхъ дѣлахъ, то осматриваетъ новыя ливреи своихъ слугъ, то велитъ пѣть псалмы. то смотритъ изъ окна на парадъ гвардіи, то спокойно и съ нѣкоторымъ удивленіемъ говоритъ о своемъ пульсѣ, замѣчаетъ, что его не слышно, когда рука еще можетъ двигаться. Читая описаніе его смерти, получаешь впечатлѣніе, что онъ встрѣтилъ ее съ полнымъ спокойствіемъ [93]).

Невольно приходитъ на память и смерть Эдуарда VII, короля Англіи. Нѣтъ данныхъ предполагать, что близкая смерть наполняла его чувствомъ ужаса; напротивъ, есть основаніе думать, что онъ встрѣтилъ ее спокойно. Въ послѣдній день жизни онъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы бюллетени о его здоровьѣ строго соотвѣтствовали положенію дѣлъ. Онъ захотѣлъ встрѣтить смерть одѣтый, въ креслѣ, а не въ постели. «Чувствую, что приближается конецъ; думаю, что я исполнилъ свой долгъ» — таковы были его послѣднія слова. Онъ умеръ съ сознаніемъ исполненнаго долга, а потому стоитъ припомнить, какъ онъ жилъ.

Одинъ извѣстный англійскій писатель, часто встрѣчавшійся съ королемъ, передаетъ, что Эдуардъ VII былъ человѣкъ веселый, жизнерадостный, что онъ интересовался рѣшительно всѣмъ. Мы узнаемъ изъ этого сообщенія, что онъ занимался государственными дѣлами по утрамъ и вечерамъ, 4—5 часовъ ежедневно. Остальное время онъ предавался разнообразнымъ развлеченіямъ: въ своихъ загородныхъ замкахъ онъ удѣлялъ немало досуга охотѣ; въ Лондонѣ отводилось много мѣста придворнымъ церемоніямъ; король придавалъ имъ столько значенія, что усердно занимался этимъ дѣломъ. И въ столицѣ, и въ деревнѣ онъ собиралъ у себя много гостей, радушно угощалъ ихъ, охотно бесѣдовалъ съ ними. Онъ страстно любилъ охоту, лошадей, театръ, цвѣты и разные виды спорта [94]). Сверхъ того, онъ былъ большой охотникъ до поѣздокъ по своему государству, гдѣ часто посѣщалъ замки своихъ друзей; онъ любилъ путешествовать и за предѣлами Англіи.— Если внимательно вдуматься въ эту характеристику, то скажешь, что Эдуардъ VII былъ эпикурейцемъ самой чистой воды: онъ занимался государственными дѣлами не съ увлеченіемъ до надрыва,

какъ Петръ I, Фридрихъ II или Наполеонъ, а какъ любитель и этого вида спорта. Дарованія позволяли ему и въ этой области достигать иногда полезныхъ результатовъ.

Итакъ, два короля умерли спокойно, съ сознаніемъ исполненнаго долга. Одинъ, прусскій, занимался очень усердно государственными дѣлами, причемъ обнаруживалъ подчасъ немало жестокости. Другой, Эдуардъ VII, государь строго конституціонный, отдавался всю жизнь и дѣламъ, и развлеченіямъ, какъ спорту. Можно ли отрицать послѣ этого, что картина смерти Петронія, написанная Сенкевичемъ, дышетъ жизненною правдой? Онъ избралъ такой родъ и такую обстановку смерти, которые отняли отъ нея характеръ чего-то ужаснаго. Тонкій эпикуреецъ, онъ считалъ наслажденіе цѣлью жизни, какъ иные считаютъ своимъ призваніемъ занятіе наукой, искусствомъ, государственными дѣлами или служеніе ближнимъ. Наперсникъ Нерона видѣлъ сущность жизни въ переживаніи наслажденій, которыя доставляютъ наука, искусство, ласки женщинъ, пышные пиры, бои гладіаторовъ. Онъ умеръ на своемъ посту эпикурейца, наслаждаясь, когда велѣніе свыше грозило омрачить всѣ, еще доступныя ему, радости. Смерть именитаго римскаго гражданина доказываетъ, что неизбѣжность конца не лишаетъ смысла жизни, въ которой благо личности занимаетъ главное и даже единственное мѣсто.

Стало быть, скажемъ мы, могутъ быть свободны отъ страха смерти люди добрые и злые, наполнившіе свою жизнь служеніемъ ближнимъ и эгоисты чистой воды.

Ужасъ смерти можетъ быть смягченъ разными мыслями, которыя, повидимому, способны оказывать большое вліяніе на людей. Одною изъ такихъ является мысль о томъ, что всѣ, кто стоитъ у постели умирающаго, должны вскорѣ послѣдовать за нимъ. Вотъ что разсказываетъ Гольбергъ. Путешествуя, онъ остановился въ Генуѣ и тяжко захворалъ. Почти не было надежды на его выздоровленіе. Духовникъ прилагалъ старанія, чтобы утѣшить больного, но все было тщетно. Именно въ это время ему сообщили о смерти Людовика XIV. Извѣстіе о смерти столь могущественнаго монарха такъ подѣйствовало на него, что малодушіе прошло и онъ сталъ спокойно ожидать конца. Онъ же сообщаетъ о такомъ случаѣ. Находясь у постели тяжко больного, онъ пытался разсѣять его страхъ смерти самыми глубокомысленными богословскими доводами. Но это не помогало. Тогда онъ сказалъ ему: «мы должны представлять себѣ жизнь, какъ обще-

ство людей, которые собрались на вечеринку; одинъ покинетъ ее въ 10 часовъ, другой въ 11, третій въ 12». При этомъ сравненіи умиравшій почувствовалъ приливъ мужества и началъ говорить о томъ, что рѣшительно все равно, умереть раньше или позднѣе [95]).

Итакъ, на положеніе Толстого, будто всѣмъ людямъ свойственно бояться смерти, слѣдуетъ отвѣтить, что человѣкъ можетъ пріучить себя ко всему: къ занятіямъ, при которыхъ его тѣло находится въ положеніи неестественномъ; къ такой обстановкѣ труда или такому напряженію рабочей силы, которыя далеко отклоняются отъ средней нормы; къ мысли о неизбѣжности тяжелыхъ лишеній—потерѣ имущества, необходимости подвергнуться многолѣтнему тюремному заключенію. Человѣкъ смотритъ на смерть тѣмъ болѣе спокойно, чѣмъ позднѣе наступаетъ она, чѣмъ меньше жизненная сила организма и чѣмъ слабѣе охота жить. Но онъ способенъ пріучить себя къ мысли о смерти и въ возрастѣ, далекомъ отъ полнаго одряхленія. А стоитъ проникнуться этою мыслью, и смерть будетъ казаться гораздо менѣе ужасною, чѣмъ теперь представляется многимъ людямъ; человѣкъ будетъ находить ее гораздо менѣе страшною, какъ бы ни относился онъ къ вопросамъ о загробной жизни и безсмертіи души.

Вотъ правила, усвоеніе которыхъ можетъ, я думаю, оказать людямъ большія услуги при борьбѣ со страхомъ смерти. а) Беречь здоровье и не рисковать имъ изъ-за мелочей. б) Не разставаться съ мыслью, что всему живому есть конецъ, что человѣкъ, дожившій до глубокой старости, созрѣлъ для смертнаго часа, и смерть въ этомъ возрастѣ является благомъ, какъ для него, такъ и для окружающихъ. в) Твердо помнить, что жизнь почти никогда не протекаетъ безъ явленій, которыя вызываютъ сожалѣніе или даже скорбь; эти чувства охватываютъ человѣка съ особенной силой при безвременной смерти близкихъ людей, тѣмъ болѣе прискорбной, чѣмъ болѣе велика цѣнность умершаго для общественной среды. г) Проникнуться убѣжденіемъ, что любовь къ жизни и нормальная забота о здоровьѣ получаютъ могущественную поддержку отъ разныхъ хозяйственныхъ и санитарныхъ мѣръ, личныхъ и общественныхъ, которыя содѣйствуютъ сохраненію силъ человѣка. Слѣдуя только ученію Христа, нельзя сдѣлать что-либо въ области этихъ мѣропріятій. Слѣдуя же ученію міра, сдѣлали уже очень много. Это доказывается прежде всего уменьшеніемъ смертности. Конечно, вѣроятіе дожить до глу-

бокой старости и умереть спокойно, даже радостно, вѣроятіе не потерять близкихъ людей отъ безвременной смерти, гораздо болѣе велико тамъ, гдѣ умираютъ 12 на 1000 жителей, нежели тамъ, гдѣ умираютъ 40. Общій подъемъ благосостоянія, мѣры санитарныя и страховыя поддерживаютъ здоровье и душевное равновѣсіе людей; но онѣ не разслабляютъ воли и не мѣшаютъ тому, что человѣкъ, истинно мужественный, спокойно встрѣчаетъ смерть и въ расцвѣтѣ силъ.

Отвергая евангельское ученіе о загробной жизни, Толстой хочетъ дать намъ другое утѣшеніе. Слѣдуя Платону, онъ старается увѣрить насъ, что въ дѣйствительности человѣкъ никогда не начинается и нигдѣ не кончается.—Вѣрою можно воспринять это положеніе, какъ и всякое другое, но разумъ здѣсь не при чемъ. Какъ скоро онъ сталкивается съ этимъ вопросомъ, то приходитъ къ заключенію, что человѣкъ начинается именно въ минуту своего рожденія на свѣтъ и кончается въ минуту смерти. Мой разумъ допускаетъ, что, среди безчисленныхъ поколѣній, жившихъ до меня, можно найдти людей, сходныхъ со мною, и по тѣлесной оболочкѣ, и по отношенію къ міру; онъ допускаетъ, что, и послѣ моей смерти, среди моихъ потомковъ по крови, а равно и внѣ ихъ, найдутся люди, которые будутъ во многомъ походить на меня. Но нельзя убѣдить меня, чтобы именно я жилъ до моего рожденія и буду жить послѣ моей смерти. Такимъ образомъ, какое бы направленіе ни получала жизнь человѣка, она является предъ судомъ разума жизнью лишь постольку, поскольку опредѣляется условіями пространства и времени.

Толстой признаетъ характеромъ свойство человѣка любить одно и не любить другого и высказываетъ вѣрную мысль, что нельзя объяснить его только условіями мѣста и времени; но онъ ошибается, когда приписываетъ происхожденіе характера какимъ-то таинственнымъ причинамъ, которыя дѣйствуютъ гдѣ-то въ невѣдомомъ пространствѣ и надѣляютъ меня извѣстными свойствами, при моемъ появленіи въ міръ. Безъ сомнѣнія, человѣкъ родится не въ видѣ листа бѣлой бумаги, на которомъ ничего не написано: онъ родится съ задатками наклонностей, въ силу которыхъ всю жизнь будетъ чувствовать влеченіе къ одному и отвращеніе къ другому. Задатки опредѣляются тѣмъ, кто предки человѣка: происходя отъ людей бѣлой расы онъ, и тѣлесными особенностями и духовными, во многомъ не сходенъ съ тѣми, чьи родители негры или готтентоты; а изъ двухъ людей одной расы тотъ, у кого предки отли-

чались хорошимъ здоровьемъ тѣла и духа, обыкновенно не похожъ въ своей духовной и тѣлесной жизни на того, кто имѣлъ среди предковъ много душевно больныхъ, алкоголиковъ, чахоточныхъ.

Толстому слѣдовало бы иначе характеризовать особенное отношеніе человѣка къ міру. Нужно было бы сказать, что задатки моего отношенія къ міру были налицо до моего рожденія, въ характерѣ тѣхъ моихъ предковъ, на которыхъ я похожъ моимъ душевнымъ складомъ. Отсюда нетрудно вывести заключеніе и относительно будущаго, которое сохранитъ со мною связь послѣ моей смерти: съ моею смертью уничтожается то отношеніе къ міру, которое составляетъ мое «я»; но въ потомкахъ, сходныхъ со мною душевнымъ складомъ, отношеніе къ міру будетъ подобно тому, какъ у меня.

Отрицая загробную жизнь въ христіанскомъ смыслѣ, Толстой утѣшаетъ человѣка тѣмъ, что послѣ смерти остается воспоминаніе объ умершемъ; оно какъ бы удлиняетъ недолгую жизнь человѣка на землѣ. Но то, что Толстой говоритъ о воспоминаніи, совсѣмъ неубѣдительно. Воспоминаніе, по его мнѣнію, тѣмъ болѣе живо, чѣмъ больше проявлялось любви въ жизни умершаго. Это опровергается наблюденіемъ: люди, которые проявляли большую любовь къ ближнимъ, обыкновенно остаются въ памяти тѣхъ, кому дѣлали добро; да и среди послѣднихъ есть неблагодарные, которые быстро забываютъ своихъ благодѣтелей. Тѣ, въ комъ особенно живо чувство признательности, передаютъ своимъ дѣтямъ о людяхъ, сдѣлавшихъ добро; обыкновенно, воспоминаніе о добрыхъ дѣлахъ хранится только два, въ рѣдкихъ случаяхъ— три поколѣнія. За этими предѣлами воспоминаніе совсѣмъ блѣднѣетъ. Исключеніемъ служатъ тѣ люди, которыхъ за добрыя дѣла причисляютъ къ лику святыхъ и дѣлаютъ предметомъ религіознаго почитанія на длинный рядъ вѣковъ. Но почитаніе рѣзко отличается отъ воспоминанія: къ послѣднему не примѣшивается никакое корыстное чувство, а первое поддерживается, большею частью, тѣмъ, что человѣкъ, обращаясь къ святому съ молитвою, ожидаетъ отъ него какихъ-либо выгодъ для жизни земной или загробной.

И такъ, воспоминанія о добрыхъ дѣлахъ, которыя, по своему характеру и размѣрамъ, не представляютъ ничего необычайнаго, живутъ не долго, хотя бы творецъ этихъ дѣлъ отличался истинно добродѣтельною жизнью, былъ неуклонно вѣрнымъ послѣдователемъ завѣтовъ Христа. Съ тѣмъ вмѣстѣ есть дѣла злыя или нрав-

ственно безразличныя, которыя надолго остаются въ памяти людей. Разрушенные и сожженные города, потоки пролитой крови, груды череповъ, запустѣніе обширныхъ, нѣкогда цвѣтущихъ областей хранятся въ воспоминаніи людей гораздо дольше, нежели акты христіанскаго милосердія. Не только всемірные завоеватели—Александръ Македонскій, Чингисханъ, Тамерланъ — долго живутъ въ памяти потомковъ, но хранится воспоминаніе и о разбойникахъ, если ихъ злодѣянія превосходили среднюю мѣру: таковы Стенька Разинъ, Пугачевъ, Шиндерганнесъ. И ужь, конечно, имя Наполеона, который, съ точки зрѣнія христіанскаго пониманія жизни, совершалъ только злыя дѣла, вспоминалось и будетъ вспоминаться гораздо чаще, нежели, даже въ своей совокупности, имена людей, которые неустанно творили добро. Если, поэтому, человѣкъ особенно дорожитъ тѣмъ, чтобы сохранялось воспоминаніе о немъ, то можетъ удовлетворить себя совершеніемъ какъ добрыхъ дѣлъ, такъ и злыхъ, лишь бы тѣ и другіе представляли нѣчто величественное, превосходящее средніе размѣры.

Въ воспоминаніи людей, помимо дѣлъ, несомнѣнно дурныхъ съ точки зрѣнія христіанской оцѣнки, долго остаются и дѣла безразличныя въ нравственномъ отношеніи. Нельзя подвести подъ понятіе о дѣлахъ христіанскаго милосердія то, что Сервантесъ написалъ Донъ-Кихота, Шекспиръ—Макбета, Кантъ — Критику чистаго разума; но эти творенія живы, поддерживаютъ воспоминаніе о своихъ творцахъ и вліяютъ на милліоны людей гораздо больше, нежели многія истинно добрыя дѣла.

Стремленіе совсѣмъ побороть страхъ смерти побуждаетъ Толстого стать на путь восточнаго фатализма: онъ признаетъ смерть благомъ, когда бы она ни пришла, въ какомъ бы возрастѣ ни умеръ человѣкъ. Если даже умираетъ человѣкъ съ самыми добрыми наклонностями и въ полномъ расцвѣтѣ своей дѣятельности, то слѣдуетъ считать это за благо и для умершаго, и для другихъ. Мыслящій человѣкъ не можетъ удовлетвориться этимъ равнодушіемъ Востока. Онъ неизбѣжно сдѣлаетъ выводъ, что необходимо одно изъ двухъ: или нельзя признавать благомъ смерть, наступающую при условіяхъ, когда, по всѣмъ даннымъ, человѣку слѣдовало бы еще жить; или же, согласившись съ Толстымъ, нужно признать за благо все, что совершается въ мірѣ. Толстой считаетъ благомъ смерть мужчины или женщины во цвѣтѣ лѣтъ, съ глубоко заложенными въ нихъ влеченіями къ добру. Утверждая, что есть высшая сила, посылающая смерть именно

въ ту минуту, когда это нужно, онъ доходитъ до смѣшного заключенія, что человѣкъ умираетъ не отъ болѣзни, не отъ насилія, а лишь потому, что взялъ изъ жизни все благое, что она могла дать ему лично и, черезъ его посредство, другимъ. Если мы присоединимся къ этому, то съ неменьшимъ правомъ признаемъ за благо достиженіе самой глубокой старости такимъ человѣкомъ, который наполнилъ свою жизнь злыми дѣлами,—ньянствомъ, распутствомъ, лихоимствомъ, насильничествомъ; если онъ умираетъ въ 85 лѣтъ, то мы скажемъ, что это хорошо, ибо таково соизволеніе высшей силы (хотя мы не знаемъ, какъ и почему это лучше, нежели наступленіе для него смерти въ 35 лѣтъ). Разъ же я признаю смерть для худыхъ и добрыхъ за благо именно въ то время, когда она наступаетъ, когда завершаетъ всѣ видимыя дѣянія людей, то не будетъ ли послѣдовательно признать за благо и все, что творятъ люди на землѣ? Не будетъ ли послѣдовательно махнуть рукой на всѣ насилія, всю неправду и признать ихъ благомъ именно потому, что есть какая то невѣдомая сила, которая не препятствуетъ совершать ихъ?

Нельзя согласиться и съ разсужденіями Толстого о страданіяхъ. Жизнь каждаго человѣка можетъ быть уподоблена взятію билета въ лоттерею. Помимо страданій и наслажденій, которыя могутъ быть сведены къ причинамъ, связаннымъ съ дѣятельностью именно даннаго лица, благопріятныя и несчастныя случайности играютъ роль въ жизни почти каждаго; можно уподобить ихъ большому выигрышу въ лоттерею, малому или же проигрышу. Если человѣкъ былъ неумѣренъ въ пищѣ и питьѣ и захворалъ, если онъ подавалъ дурные примѣры дѣтямъ, и они вышли пьяницами и бездѣльниками, то въ страданіяхъ, которыя, вслѣдствіе этого, выпадаютъ на его долю, виноватъ онъ самъ; не нужно большихъ усилій ума, чтобы тѣсно связать заблужденія этого человѣка и страданія, къ которымъ они привели. Но если человѣкъ потерпѣлъ увѣчье вслѣдствіе крушенія поѣзда, погибъ на пароходѣ, который плылъ изъ Европы въ Америку, или умеръ мучительною смертью при землетрясеніи въ Мессинѣ, то вполнѣ умѣстно говорить о несчастной случайности, сходной съ проигрышемъ въ лоттерею. Причина этихъ несчастій—крушеніе поѣзда, гибель парохода, разрушеніе города отъ землетрясенія — вполнѣ понятна; но нельзя объяснить, почему эти удары поразили именно меня, а не другихъ. Остается одинъ отвѣтъ, — тотъ, что на мою долю выпалъ крупный проигрышъ.

Если бы на свѣтѣ было такъ много страданій и такъ мало наслажденій, какъ думаетъ Толстой, то безчисленные люди добровольно уходили бы изъ жизни, и самоубійства были бы въ десятки разъ болѣе многочисленны. Въ высшей степени вѣроятно, что большинство людей, которые не вѣрятъ въ загробную жизнь, оканчивали бы самоубійствомъ въ молодости, а еще чаще—на рубежѣ средняго возраста и старости. Конечно, есть люди, жизнь которыхъ, даже при бѣгломъ наблюденіи, представляется непрерывною цѣпью страданій; но, въ общемъ, жизнь людей вовсе не такова. При среднемъ запасѣ тѣлесныхъ силъ, болѣзни отнимаютъ у человѣка сравнительно немного жизни [96]). Даже роды, если пріобщить къ нимъ послѣдніе 2 мѣсяца, которые предшествуютъ имъ, и ближайшія недѣли послѣ нихъ, уносятъ небольшую часть жизни. Потеря близкихъ людей причиняетъ большія страданія; но если человѣкъ остается не совсѣмъ одинокимъ, то общеніе съ другими близкими и трудъ постепенно смягчаютъ горе. Притомъ же, люди легко относятся къ страданіямъ, которыя вызываются тѣлесными болѣзнями; разъ состояніе миновало—человѣкъ быстро забываетъ о пережитыхъ невзгодахъ. Приходится нерѣдко наблюдать, съ какою беззаботной веселостью смотритъ выздоравливающій на все, что окружаетъ его, и какъ быстро забываетъ онъ перенесенную болѣзнь. Мелкія несчастныя случайности, въ родѣ ушибовъ, ранъ, вывиховъ, переломовъ, выпадаютъ на долю почти каждаго, но не причиняютъ большихъ страданій, а потому и забываются очень легко. А тяжкіе несчастные случаи, за которыми слѣдуетъ смерть или увѣчье на всю жизнь, поражаютъ сравнительно немногихъ.

Говоря о страданіяхъ человѣка, не слѣдуетъ забывать нищету, то состояніе матеріальной нужды, когда человѣкъ не можетъ покрывать даже необходимыя потребности свои и близкихъ людей. Источникомъ страданія служитъ также непосильно тяжелый трудъ, если онъ, по своему характеру, не можетъ увлекать человѣка и не можетъ оправдать въ его глазахъ большую затрату силъ.

Я далекъ отъ мысли, что жизнь даритъ человѣку много наслажденій; для огромнаго большинства они составляютъ только маленькіе островки на протяженіи всего земного странствія. Они не могутъ искупить страданія; но человѣкъ можетъ нести послѣднія, такъ какъ обладаетъ свойствами, которыя отлично помогаютъ ему не падать подъ ихъ тяжестью.

Во-первыхъ, въ него вложена сильная привязанность къ жизни,

онъ любитъ жизнь не только тогда, когда она приноситъ ему наслажденія, но и при состояніи ровномъ, спокойномъ, т. е. когда не испытываетъ страданій. Если его здоровье удовлетворительно, а душа свободна отъ тревогъ, то онъ любитъ жизнь уже потому, что чувствуетъ цѣлость своего «я». Во-вторыхъ, человѣкъ только въ крайнихъ случаяхъ разстается съ надеждой, что его положеніе измѣнится къ лучшему; надежда, большею частью, не покидаетъ его даже во время тяжкихъ страданій. Въ-третьихъ, сила привычки помогаетъ человѣку обтерпѣться и признавать нормальнымъ состояніе, которое представляется для сторонняго наблюдателя одной непрерывной затяжной невзгодой. И наконецъ, въ-четвертыхъ, многіе обладаютъ такой твердостью воли, что не падаютъ духомъ даже при исключительно тяжелыхъ испытаніяхъ, которыя внезапно поражаютъ ихъ.

Не забудемъ и того, что, сколько бы страданій ни выпало на долю человѣка, онъ не думаетъ о нихъ, пока они не наступили и ничѣмъ не заявляютъ о близкомъ появленіи. Когда человѣкъ полонъ силъ, ему и на умъ не приходитъ, что онъ можетъ заболѣть горячкой, сломить себѣ ногу или быть раздавленнымъ при крушеніи поѣзда. Пока близкіе люди пользуются удовлетворительнымъ здоровьемъ, не приходитъ и въ голову тревожить себя мыслью о страданіяхъ, которыя причинила бы потеря этихъ людей. Тѣмъ болѣе никто не предвкушаетъ мученій, которыя испыталъ бы, если бы его засыпало при землетрясеніи въ Лиссабонѣ или Мессинѣ.

Толстой считаетъ отношеніе къ страданію разумнымъ только тогда, когда человѣкъ признаетъ ихъ наказаніемъ за грѣхи свои и другихъ людей и рѣшается бороться съ заблужденіями, которыя ведутъ къ этимъ страданіямъ.—Нѣтъ необходимой связи между двумя частями этого положенія. Первая часть, признаніе всѣхъ страданій наказаніемъ за грѣхи, рушится даже при слабомъ прикосновеніи критики. Я могу считать наказаніемъ за мои грѣхи тяжелую болѣзнь, пріобрѣтенную мною вслѣдствіе пьянства и распутства. Но какъ можетъ человѣкъ, ведущій добрую жизнь, всегда готовый служить ближнимъ, считать наказаніемъ за свои грѣхи неурожай, охватившій обширную площадь въ его отечествѣ и поставившій множество людей на границѣ голодной смерти? Или какъ можетъ кто-либо считать наказаніемъ за свои грѣхи то, что островъ Суматра пострадалъ отъ землетрясенія, которое поглотило нѣсколько десятковъ тысячъ жизней?

Второю частью разсужденія Толстого является его совѣтъ бороться съ заблужденіями. Эта борьба ведется уже давно и ведется все болѣе успѣшно. Съ каждымъ поколѣніемъ культура вырабатываетъ новыя и болѣе цѣлесообразныя средства для умаленія страданій, какъ мелкихъ, такъ и самыхъ крупныхъ; она дѣлаетъ все больше для того, чтобы уменьшалось число людей, которые вытягиваютъ въ жизненной лотереѣ билеты съ крупнымъ проигрышемъ. Теперь, какъ и въ сѣдую старину, на морѣ погибаютъ люди; но съ каждымъ годомъ научаются строить болѣе прочныя суда, способныя выдерживать сильныя бури, и, съ каждымъ годомъ, для тѣхъ, кто пускается въ море, уменьшается рискъ погибнуть. На желѣзныхъ дорогахъ бываетъ не мало несчастныхъ случаевъ, которые оканчиваются смертью или увѣчьемъ для довольно большого числа людей; но разныя предохранительныя мѣры, примѣняемыя все болѣе тщательно, уменьшаютъ число несчастій. Человѣкъ не остается совсѣмъ беззащитнымъ даже предъ игрой стихійныхъ силъ, которыя производятъ землетрясенія: наука внушаетъ ему, что, при основаніи городовъ и деревень, слѣдуетъ избѣгать мѣстностей, гдѣ землетрясеніе болѣе вѣроятно, что легкія зданія заслуживаютъ предпочтенія, такъ какъ ихъ крушеніе связано съ меньшими опасностями для людей, нежели разрушеніе огромныхъ каменныхъ домовъ. Болѣзненность и смертность населенія открываетъ особенно благодарное поле для борьбы съ заблужденіями людей. По мѣрѣ того, какъ однѣ болѣзни исчезаютъ совсѣмъ, а для побѣды надъ другими отыскиваются надежныя средства, уменьшаются и страданія людей отъ болѣзней, и душевныя тревоги въ виду страданій, пережитыхъ близкими, или же по поводу потери этихъ близкихъ. Если мы знаемъ, что смертность составляетъ 30 на 1.000 жителей въ Россіи, 16—въ Норвегіи, 12—въ Австраліи, то можемъ утверждать, что средній русскій человѣкъ и лично и изъ-за невзгодъ, поражающихъ близкихъ людей, испытываетъ вдвое больше, чѣмъ норвежецъ, и въ $2^1/_2$ раза больше, чѣмъ австраліецъ. Культура вырабатываетъ также все больше средствъ для борьбы и съ тѣми страданіями, которыя приносятъ съ собой бѣдность и тяжелый непривлекательный трудъ. Всѣ мѣры, поднимающія благосостояніе обширныхъ массъ населенія, уменьшаютъ и страданія, связанныя съ бѣдностью. А мѣры, которыя сокращаютъ рабочій день и создаютъ болѣе благопріятную обстановку для работы, уменьшаютъ страданія, связанныя со многими видами труда.

Облегчается ли борьба со страданіями тѣмъ, что человѣкъ признаетъ ихъ наказаніями за грѣхи свои и другихъ людей? Между этими явленіями нѣтъ прямой связи; напротивъ, первая и второе обратно пропорціональны другъ другу. Въ англо-германскомъ мірѣ и среди американцевъ давно уже перестали смотрѣть на страданіе, какъ на кару за грѣхи, и борьба съ тѣми силами, которыя причиняютъ страданія, ведется все болѣе успѣшно. Въ Россіи же, гдѣ еще такъ прочно держится наивная вѣра во вкусѣ Толстого, страданій безконечно много, и борьба съ ними, если и началась, сопровождается очень скромными успѣхами.

XV.

Стоитъ только не повиноваться государственной власти, мечтаетъ Толстой, и исчезнутъ всѣ бѣдствія. Онъ думаетъ, что люди, которые не противятся насилію, не могутъ быть порабощены. Такое замѣчаніе невольно приводитъ на память врача, который совѣтовалъ своему паціенту лечить насморкъ очень энергическимъ закаливаніемъ организма; при этомъ онъ прибавлялъ: вѣроятно, вы простудитесь, можетъ быть, получите воспаленіе легкихъ, пожалуй, даже умрете, но насморка у васъ не будетъ.

Мечтая во вкусѣ Манилова, Толстой совсѣмъ забываетъ о свойствахъ человѣческой природы и о томъ, какъ развивалась исторія народовъ. Если бы 200 милліоновъ индусовъ могли не повиноваться англичанамъ, которые господствуютъ надъ ними, то, конечно, не повиновались бы, не ожидая для того разсужденій и совѣтовъ Толстого. Равнымъ образомъ и работники, если бы могли сбросить съ себя господство капитала, освободили бы себя отъ него, не справляясь, что думаетъ объ этомъ Толстой. Но бѣда въ томъ, что подавляющее большинство людей всегда и вездѣ руководствовалось чувствомъ страха. Страхъ—одна изъ главныхъ движущихъ силъ въ царствѣ людей и животныхъ. Повинуясь государству, люди, вопреки утвержденію Толстого, избѣгаютъ тѣхъ лишеній, которыя немедленно постигли бы ихъ въ случаѣ неповиновенія. Лишенія, которыя предстоятъ во время войнъ или внутренней усобицы, могутъ быть въ отдѣльныхъ случаяхъ болѣе тяжелы, нежели то, что угрожаетъ человѣку, который неповинуется власти; однако, эти лишенія могутъ и не наступить. Опустошительная война и бурныя внутреннія смуты потрясаютъ

условія быта только меньшинства населенія; большинство остается, обыкновенно, незатронутымъ, по крайней мѣрѣ, незатронутымъ въ значительной степени. Такимъ образомъ, не повинуясь власти, люди идутъ навстрѣчу неизбѣжнымъ страданіямъ, а повинуясь, они подвергаютъ себя только вѣроятнымъ невзгодамъ; каждый повинующійся склоненъ думать, что эти невзгоды не падутъ именно на него.

А потому и неумѣстна ссылка Толстого на гипнозъ государственной власти. Конечно, среди людей образованныхъ классовъ не мало и такихъ, на которыхъ дѣйствуетъ этотъ гипнозъ; преувеличивая значеніе государства, они забываютъ о порокахъ и заблужденіяхъ правителей. Но для огромнаго большинства этого гипноза не существуетъ. Простые люди почти всегда проникнуты убѣжденіемъ, что богатые и, въ особенности, власть имущіе, преисполнены пороковъ и склонны къ насильничеству; народъ не преувеличиваетъ достоинства этихъ людей, но боится ихъ и повинуется подъ вліяніемъ страха.

И въ своихъ предложеніяхъ преобразовать общественный строй Толстой не обходится безъ невѣрной передачи ученія соціалистовъ. Они никогда не упускаютъ случая напомнить о необходимости перехода земли въ собственность государства и уничтоженія частной земельной собственности. Въ Западной Европѣ, гдѣ промышленность занимаетъ больше рабочихъ рукъ, чѣмъ земледѣліе, имѣетъ особенное значеніе не только переходъ фабрикъ и заводовъ въ собственность всѣхъ, но и разныя другія, болѣе скромныя мѣры, которыя оказываютъ вліяніе на измѣненіе быта къ лучшему. Таковы стачки, союзы, артели, страхованіе. Если даже допустить возможность перехода къ земледѣлію огромной массы людей, занятыхъ въ промышленности, то является несомнѣннымъ, что такой переходъ связанъ съ кореннымъ переворотомъ. Даже тамъ, гдѣ сохранились огромныя площади свободной земли, понадобилось бы очень много времени, дабы устроить на ней милліоны людей, прикрѣпленныхъ въ настоящее время къ фабрикамъ и заводамъ. А если такъ, то для людей, занятыхъ въ промышленности, перемѣны къ лучшему связаны теперь не съ рѣшеніемъ земельнаго вопроса, а съ тѣми мѣропріятіями, которыя имѣютъ непосредственное вліяніе на судьбы рабочихъ классовъ. Толстой не отнесся бы къ этимъ мѣрамъ съ рѣзкимъ отрицаніемъ, если бы припомнилъ, что онѣ уменьшаютъ количество труда работниковъ, сохраняютъ ихъ силы, даютъ имъ

большій досугъ, словомъ, нѣсколько помогаютъ приблизиться къ состоянію недѣланія, которое Толстой усердно рекомендуетъ современному обществу.

Толстой правъ, что государственная власть не согласится на уничтоженіе частной собственности; пока войско можетъ способствовать ея поддержанію, до тѣхъ поръ частное землевладѣніе имѣетъ прочную опору. Но, развивая мысль, онъ впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собою. Представляется на первый взглядъ, что множество людей послѣдуетъ второму совѣту Толстого; но такъ только кажется. Конечно, множество русскихъ поселянъ не получаетъ никакого дохода ни отъ помѣщиковъ, ни изъ ихъ земель; тѣмъ не менѣе десятки милліоновъ людей только потому и могутъ существовать, что нанимаются работать на помѣщичьихъ земляхъ или же арендуютъ ихъ. Представимъ себѣ, что эти милліоны или, по крайней мѣрѣ, большая ихъ часть почти одновременно отказались работать по найму у помѣщиковъ и арендовать ихъ земли. Землевладѣльцы понесутъ большіе убытки; но ихъ существованіе не подвергнется серьезной опасности; голодная смерть не грозитъ имъ ни въ какомъ случаѣ. У нихъ есть запасы хлѣба и другихъ продуктовъ, есть скотъ; при помощи своего, хотя бы очень неискуснаго, труда они могутъ продержаться нѣкоторое время. Если бы всеобщая забастовка длилась долго, то многіе помѣщики стали бы съ грѣхомъ пополамъ обрабатывать небольшіе участки земли. Иначе были бы поставлены крестьяне, которые отказались работать на помѣщиковъ и арендовать ихъ земли. Средства этихъ людей ограничены самымъ необходимымъ; чрезъ немного мѣсяцевъ или даже недѣль послѣ отказа, они стали бы жертвою голода. Дабы этого не случилось, нужно одно изъ двухъ: или, чтобы населеніе деревень и городовъ кормило ихъ и поддерживало въ этой борьбѣ, или,—чтобы подъ вліяніемъ страха голодной смерти, они попытались силою отобрать земли помѣщиковъ. Нѣтъ основанія разсчитывать на первый исходъ: онъ предполагаетъ бо́льшую силу чувства дружелюбія, чѣмъ можно ожидать; на это нельзя было бы разсчитывать тѣмъ болѣе, что альтруизмъ долженъ былъ бы быть напряженъ не мѣсяцы, а, по крайней мѣрѣ, нѣсколько лѣтъ. Гораздо болѣе вѣроятенъ второй исходъ: доведенные нуждою до крайняго раздраженія, эти люди попытались бы силою отобрать земли у помѣщиковъ. Если бы они достигли цѣли, то вопросъ рѣшился бы посредствомъ насилія, отъ котораго Толстой старается удержать своихъ послѣдователей.

Почти навѣрное, они потерпѣли бы неудачу: правительство, сходное съ государственной властью нашего времени, еще долго будетъ располагать такимъ войскомъ, что всѣ попытки этого рода не будутъ приводить къ желаннымъ результатамъ.

И такъ, люди должны заботиться, прежде всего, объ отмѣнѣ права частной собственности на землю. Толстой совсѣмъ запутывается, когда изыскиваетъ способы устранить его. Прежде всего, не вѣрно его положеніе, что несправедливость права земельной собственности чувствуется и признается теперь всѣми, даже рядовыми людьми. Конечно, противъ нея возмущаются всѣ, примкнувшіе къ соціализму. Косо смотрятъ на нее и другіе члены неимущихъ классовъ, поскольку относятся враждебно къ богатству вообще. Но не такого мнѣнія держатся люди, прикосновенные къ землевладѣнію, крупные и даже мелкіе собственники. Если спросить зажиточнаго крестьянина въ Западной Европѣ или Россіи, считаетъ ли онъ грѣхомъ владѣніе землей, то онъ отвѣтитъ, что не видитъ въ этомъ грѣха. Онъ готовъ отнестись отрицательно къ крупному землевладѣнію, но лишь потому, что косо смотритъ на владѣльца любого имущества, которое значительно превышаетъ его средства. Даже члены крестьянской общины, которые хотятъ выдѣлиться изъ міра и стать собственниками своихъ участковъ, не могутъ относиться враждебно къ частной земельной собственности. Словомъ, нужно установить такое положеніе: какъ бы ни было велико число людей, которые признаютъ частное владѣніе землею несправедливымъ, они составляютъ только незамѣтное меньшинство среди прикосновенныхъ къ земельной собственности.

А потому забавна мысль Толстого, будто владѣльцы землею духовно страдали прежде и продолжаютъ страдать теперь. Согласно со взглядами Толстого, ихъ владѣніе землею было грѣхомъ; но сами они, развѣ за немногими исключеніями, не сознавали этого грѣха, прожили вѣкъ жизнерадостно, были довольны, что судьба благопріятствовала имъ, дала хорошее матеріальное обезпеченіе, которое выпадаетъ на долю только меньшинства. Если бы они считали владѣніе землею грѣхомъ, то мы наблюдали бы, какъ правило, то, что встрѣчалось очень рѣдко: землевладѣльцы во многихъ случаяхъ отказывались бы отъ своей собственности въ пользу согражданъ и оставляли бы дѣтямъ только небольшую часть земельнаго имущества. Единичныя исключенія, которыя встрѣчаются тамъ и сямъ, не измѣняютъ общей картины: всегда

и всюду владѣльцы земли стараются удержать свои владѣнія, по возможности, расширить ихъ и отступаютъ отъ этого образа дѣйствій только тогда, когда революціонныя бури нарушаютъ общественный миръ, какъ то пережила Россія за послѣдніе годы.

Отвергая всѣ политическія преобразованія, которыя могутъ косвенно ослабить вліяніе частнаго землевладѣнія, Толстой несправедливъ относительно русскихъ общественныхъ дѣятелей: всѣ партіи лѣвыхъ начертывали планы уничтоженія частной земельной собственности. Эти планы отличаются большимъ разнообразіемъ, отъ такихъ, по которымъ у владѣльцевъ должна быть отчуждена земля за цѣну ниже рыночной, и до такихъ, которыя призываютъ государство отобрать землю частныхъ владѣльцевъ и притомъ безъ всякаго вознагражденія.

Толстой ошибается, что право частной собственности на землю можетъ исчезнуть само собою, безъ крупныхъ мѣропріятій со стороны государственной власти. Оно можетъ исчезнуть подъ вліяніемъ чистаго альтруизма только въ самомъ далекомъ будущемъ, которое закрыто даже для величайшихъ прозорливцевъ. Надежда на несомнѣнность такого исхода заставляетъ Толстого невѣрно оцѣнивать процессъ, подъ вліяніемъ котораго рушилось крѣпостное право въ Россіи. Очень вѣроятно, что, предъ освобожденіемъ крѣпостныхъ, отдѣльныя лица среди русскихъ помѣщиковъ смотрѣли на крѣпостное право, какъ на зло и въ хозяйственномъ смыслѣ, и съ точки зрѣнія нравственности. Истинно либеральные дворяне, быть можетъ, были готовы, не взирая на большія матеріальныя жертвы, отречься отъ крѣпостного права. Но они составляли каплю въ морѣ: если бы мнѣ сказали, что 1% всѣхъ освобожденныхъ крѣпостныхъ принадлежалъ такимъ помѣщикамъ, то я не повѣрилъ бы на слово и потребовалъ бы вѣскихъ доказательствъ. Небольшое число случаевъ, когда господа отпускали крестьянъ на волю, свидѣтельствуетъ, что такихъ помѣщиковъ-альтруистовъ было очень немного.

Подкрѣпимъ это положеніе небольшой исторической справкой. Законъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ, изданный въ 1803 году, облегчалъ отпускъ крѣпостныхъ на волю; но имъ воспользовались только немногіе помѣщики. Отъ 1804 до 1855 года стали свободны 113.262 души мужескаго пола, т. е. немногимъ больше 1% всѣхъ крѣпостныхъ, исчисленныхъ въ 1859 году, при 10-ой ревизіи (10.696.139 мужчинъ). Изъ 47.153, переведенныхъ въ свободные хлѣбопашцы при Александрѣ I, всего 415 душъ получили

безвозмездно личную свободу и земельный надѣлъ. Многіе помѣщики давали крѣпостнымъ вольную только за очень высокую плату [97]).

Если бы, какъ говоритъ Толстой, религіозное одушевленіе охватило въ то время многихъ помѣщиковъ, то мы видѣли бы много случаевъ отказа помѣщиковъ отъ крѣпостного труда. Огромное же число помѣщиковъ думало и дѣйствовало совсѣмъ иначе. Одни, крайніе консерваторы, были готовы на освобожденіе крестьянъ, но безъ земли. Они были увѣрены, что этотъ многомилліонный безземельный людъ будетъ обрабатывать ихъ землю на выгодныхъ условіяхъ для владѣльцевъ, что зависимость крестьянъ отъ бывшихъ господъ, исчезнувъ номинально, сохранится въ полной силѣ по существу. Другіе были готовы на освобожденіе крестьянъ съ землею, но, зная по примѣрамъ изъ жизни Запада, что населеніе возрастаетъ, цѣнность и доходность земли увеличивается, разсчитывали сохранить большую имущественную силу въ землѣ, которая оставалась за ними.

Освобожденіе крестьянъ не состоялось бы, если бы въ народномъ хозяйствѣ не обнаружилось многихъ явленій, которыя сдѣлали дальнѣйшее удержаніе крѣпостного права невыгоднымъ для Россіи, какъ цѣлаго. Эти причины дѣйствовали такъ могущественно, что Александру II пришлось быть ихъ выразителемъ. Если бы эти силы не заявляли о себѣ во всѣхъ областяхъ русской жизни, то писатели, изъ человѣчности возставшіе противъ крѣпостного права, не разбили бы цѣпи, которая связывала барина съ мужикомъ.

Вспоминая о крѣпостномъ правѣ, Толстой впадаетъ въ еще болѣе крупную ошибку: онъ находитъ полное сходство между помѣщиками предъ освобожденіемъ крѣпостныхъ и владѣльцами земли предъ отмѣной права земельной собственности. Здѣсь нѣтъ ни малѣйшаго сходства. Предъ отмѣной крѣпостного права каждый неглупый помѣщикъ могъ быть увѣренъ, что его имущество или не уменьшится, такъ какъ, за изъятіе людей и части земли изъ его собственности, онъ будетъ вознагражденъ деньгами казны и возросшею производительностью труда на землѣ, которая останется за нимъ, или уменьшится, но не въ большой степени. Освобожденіе крѣпостныхъ только умѣренно нарушало интересы помѣщиковъ; у нихъ оставался прочный фондъ, который обезпечивалъ ихъ благосостояніе. Не таково положеніе землевладѣльцевъ. Разъ земля будетъ изъята изъ ихъ собственности даже не без-

возмездно, а за умѣренное вознагражденіе, то будетъ нанесенъ большой ударъ ихъ личнымъ и семейнымъ интересамъ: у нихъ уже не останется фонда, цѣнность и доходность котораго можетъ возрастать даже независимо отъ заботъ владѣльца. Если, поэтому, за отмѣну крѣпостного права, кромѣ истинныхъ альтруистовъ, могли высказываться и люди, разумно понимавшіе свой интересъ въ настоящемъ и будущемъ, то за отмѣну частной собственности на землю могутъ высказываться только дружелюбцы чистой воды.

Въ концѣ брошюры «Великій грѣхъ» Толстой самъ выдаетъ полную несостоятельность своего плана и тщетность своихъ надеждъ. Онъ одобряетъ способъ рѣшенія земельнаго вопроса, предложенный Джорджемъ: долженъ быть установленъ очень высокій налогъ на землевладѣльцевъ; увеличиваясь съ каждымъ годомъ, подать поднимется до уровня, при которомъ владѣніе землею становится совершенно невыгоднымъ, а потому и падаетъ само собою. Принимая этотъ проектъ, Толстой отрекается отъ всѣхъ своихъ предложеній: эта мѣра можетъ быть проведена не альтруизмомъ землевладѣльцевъ, а политической реформой, рѣшающимъ вліяніемъ демократіи на общественныя дѣла; для этого нуженъ такой составъ людей, издающихъ законы, при которомъ интересы меньшинства отступаютъ назадъ, а на первое мѣсто выдвигаются пользы и нужды огромнаго большинства. Словомъ, здѣсь неумѣстна общая, расплывчатая любовь къ ближнимъ; необходимы ярко выраженная воля и принужденіе со стороны государства.

Толстой, словно играючи, рѣшаетъ вопросъ о послѣдствіяхъ, которыя ожидаютъ человѣка въ случаѣ отказа отбывать воинскую повинность.

Когда человѣкъ отказывается, то знаетъ, что его ждетъ наказаніе. Тяжело провести нѣсколько лѣтъ въ тюрьмѣ, ссылкѣ, тѣмъ болѣе въ дисциплинарномъ батальонѣ; это почти всегда дурно вліяетъ и на здоровье человѣка, и на его душевную жизнь. Почти нѣтъ возможности избѣгнуть одного изъ этихъ наказаній. А тяжелыя послѣдствія отбыванія воинской повинности могутъ и не наступить; скажемъ съ увѣренностью, что они никогда не наступаютъ для большинства людей, которые служатъ въ солдатахъ. Войны ведутся теперь рѣже, чѣмъ прежде, приблизительно разъ въ 20—25 лѣтъ; а потому на каждые 100 человѣкъ, которые служатъ солдатами въ теченіе 20-лѣтія, только 5 рискуютъ

быть убитыми на войнѣ или участвовать въ убійствѣ другихъ. Не великъ и рискъ заболѣть или умереть отъ дурныхъ условій военной службы Во всѣхъ культурныхъ странахъ состояніе здоровья войскъ непрерывно измѣняется къ лучшему, и смертность въ войскахъ не превышаетъ смертности въ той же странѣ среди молодыхъ людей, не отбывающихъ повинности. Не велика и третья возможность: получать отъ начальства оскорбленія и отвѣчать на нихъ нарушеніемъ воинской дисциплины. Конечно, обращеніе офицеровъ съ солдатами оставляетъ желать очень многаго; но оно постепенно улучшается; а такъ какъ дисциплина налагаетъ на солдата меньше нелѣпыхъ требованій, то новобранецъ, толковый и внимательный къ обязанностямъ службы, можетъ легко избѣгнуть всего, что составляетъ нарушеніе дисциплины, а также—непріятныхъ и оскорбительныхъ выходокъ со стороны начальства. Не убѣждаетъ и четвертое замѣчаніе. То, что называется «ученіемъ солдатъ», при отбываніи повинности, не можетъ быть названо упражненіемъ, подготовляющимъ къ убійству, такъ какъ нѣтъ прямой связи между войной и занятіями солдатъ. Когда гражданинъ служитъ въ войскѣ, обучается стрѣльбѣ и другимъ упражненіямъ, то стараются развить въ молодежи тѣлесную силу, ловкость, обучить владѣть оружіемъ, дабы граждане умѣли отстаивать свою родину при нападеніи внѣшнихъ враговъ. Всеобщая воинская повинность, какъ свидѣтельствуетъ ея исторія, была введена не для наступательныхъ войнъ, а съ тою цѣлью, чтобы облегчить оборону государства.

Неубѣдительна и ссылка Толстого на то, что молодые люди, отбывающіе воинскую повинность, проводятъ нѣсколько лѣтъ въ развратной средѣ. Съ точки зрѣнія отбывающихъ повинность дѣло представляется въ такомъ свѣтѣ. Огромное большинство солдатъ выходитъ изъ неимущихъ классовъ, которые живутъ впроголодь. Такъ какъ государство старается охранять здоровье войска, то его пища, обыкновенно, лучше, нежели пища средняго жителя деревни и огромныхъ массъ въ городахъ. Съ этой стороны военная служба удовлетворяетъ многихъ новобранцевъ. Слѣдуетъ сказать то же о жилищѣ и одеждѣ. Казармы, даже дурно устроенныя, даютъ человѣку лучшій пріютъ, нежели милліоны избъ въ деревняхъ и подвальныя жилища въ городѣ, а одежда солдата лучше защищаетъ его отъ стужи, нежели изношенные полушубки и армяки большинства поселянъ и горожанъ. Словомъ, новобранецъ, при удовлетвореніи основныхъ потребностей, поставленъ

лучше, чѣмъ былъ у себя въ семьѣ и чѣмъ, вѣроятно, будетъ по окончаніи военной службы. Новобранецъ не имѣетъ также основанія считать эту среду развратной. Онъ встрѣчаетъ въ казармѣ своихъ сверстниковъ; они не лучше тѣхъ, съ которыми онъ росъ въ деревнѣ или городѣ, но и не хуже. Конечно, избытокъ свободнаго времени въ казармѣ ведетъ къ тому, что остается много досуга для ненужныхъ, пустыхъ и непристойныхъ разговоровъ; но молодой человѣкъ, поступающій въ солдаты, не имѣетъ такихъ прочныхъ началъ нравственности, чтобы было основаніе предпочесть тюрьму или ссылку нахожденію въ средѣ, которую Толстой считаетъ развратною.

Такъ поставлено большинство отбывающихъ воинскую повинность. Члены же состоятельныхъ классовъ терпятъ еще меньше невыгодъ отъ пребыванія въ этой средѣ: начальство относится къ этимъ людямъ очень снисходительно, позволяетъ проводить имъ внѣ казармы довольно много времени, а потому для нихъ казарменная среда какъ бы не существуетъ.

Толстой допускаетъ, что тотъ, кто уклоняется отъ военной службы, можетъ разсчитывать не быть наказаннымъ; онъ можетъ надѣяться, что, одновременно съ нимъ, множество людей также отвѣтятъ отказомъ, и что правительство не найдетъ охотниковъ примѣнить наказаніе, которому подлежатъ ослушники. Это предположеніе было бы умѣстно только въ томъ случаѣ, если бы одинъ отказъ заражалъ очень многихъ, если бы примѣру одного вскорѣ слѣдовали, по крайней мѣрѣ, сотни. Однако, случаи этого рода являются рѣдкимъ исключеніемъ. Толстой сообщаетъ о двухъ уроженцахъ южной Россіи: взятые на службу, они не хотѣли участвовать въ ученіи солдатъ. Мы узнаемъ изъ довольно подробнаго сообщенія Толстого, что начальство было сурово къ этимъ новобранцамъ; но среди сослуживцевъ-солдатъ нѣкоторые относились къ нимъ сочувственно, хвалили за стойкость, утѣшали. Однако, за 8 мѣсяцевъ пребыванія этихъ новобранцевъ въ рядахъ войска у нихъ не оказалось ни одного послѣдователя. Ихъ мужество было достаточно для того, чтобы нѣкоторые товарищи одобряли ихъ, даже удивлялись имъ, но оно не соблазнило никого уклоняться отъ обязанностей службы. Есть и другое, гораздо болѣе вѣское доказательство, что предположеніе Толстого не имѣетъ прочнаго основанія. Нѣкоторые сектанты—духоборы, меннониты—отказываются отъ военной службы. Въ складѣ ихъ жизни, и помимо этой особенности, есть привлекательныя черты.

Эти сектанты образуютъ массы въ тысячи людей, а потому ихъ отказы отбывать воинскую повинность составляютъ ежегодно нѣсколько десятковъ случаевъ. Можно было бы ожидать, что эти секты послужатъ центрами притяженія для очень многихъ, что, находя мало послѣдователей для своего ученія въ цѣломъ, онѣ, по крайней мѣрѣ, побудятъ многихъ усвоить отрицательное отношеніе къ воинской повинности. Но мы этого не видимъ: въ селеніяхъ, окружающихъ духоборовъ и меннонитовъ, крестьяне ставятъ новобранцевъ, какъ скоро того требуетъ начальство.

Толстой неправъ и въ своемъ отношеніи къ конгрессамъ мира. Они не приведутъ къ упраздненію войска; возможно даже, что они не будутъ имѣть вліянія на уменьшеніе его численности. Но они важны потому, что пролагаютъ путь для соглашеній, которыя будутъ дѣлать войны менѣе частыми. Представители державъ, сходясь для обсужденія разныхъ вопросовъ, будутъ направлять свои силы на то, чтобы третейскіе суды дѣйствовали все чаще и чаще, работали надъ задачами, все болѣе сложными. Частое обращеніе къ третейскимъ судамъ и уменьшеніе вѣроятности войны сдѣлаетъ войско меньшимъ бременемъ для населенія: будетъ сокращенъ срокъ службы; изъ обученія солдатъ будетъ выкинуто все, что не имѣетъ существеннаго значенія. Проповѣдь вѣчнаго мира, хотя и въ слабой степени, будетъ также содѣйствовать воздержанію отъ войнъ. Тѣмъ не менѣе, постоянное войско не исчезнетъ. Предъ правительствомъ каждаго государства будутъ возникать такіе вопросы: а что, если сосѣдняя держава нападетъ на насъ, дабы округлить свои владѣнія? а что, если населеніе Китая или Японіи, еще болѣе размножившись, будетъ считать европейско-американскій міръ не достаточно сильнымъ и двинется для земельныхъ захватовъ? Вопросы этого рода не будутъ волновать только нашихъ отдаленныхъ потомковъ. До тѣхъ же поръ общественное мнѣніе не будетъ клеймить позоромъ, не будетъ считать убійцами людей, которые поступаютъ въ войско.

XVI.

Отдавая предпочтеніе восточнымъ народамъ передъ западными, Толстой невѣрно истолковываетъ многіе факты. Китай воздерживался отъ насилій и не организовалъ у себя большого войска вовсе не потому, что слѣдовалъ завѣтамъ своей религіи. Это объясняется географіей страны: онъ занялъ огромныя пространства

еще въ незапамятныя времена; у него не было могущественныхъ сосѣдей, а для защиты отъ мелкихъ племенъ полудикихъ кочевниковъ не представлялось надобности въ большомъ войскѣ. Долгое время китайцы не вели войнъ, не привыкли владѣть оружіемъ, а потому въ нихъ и не развился воинскій духъ. Толстой не доказываетъ, почему именно уступка Портъ-Артура была полезнымъ шагомъ со стороны китайцевъ; если бы Портъ-Артуръ не былъ уступленъ добровольно, то между Россіей и Китаемъ возникла бы война и русское войско, вѣроятно, отняло бы Портъ-Артуръ. Онъ былъ уступленъ не народомъ, а китайскимъ правительствомъ, которое очень далеко отъ завѣта Толстого не прибѣгать къ насилію: оно уступило, ибо сознавало невозможность бороться съ Россіей.

Странно звучитъ замѣчаніе Толстого, что усвоеніе западной цивилизаціи тотчасъ уничтожило бы связь китайцевъ съ земледѣльческою жизнью. Многіе народы восприняли западную цивилизацію, но продолжаютъ заниматься, главнымъ образомъ, земледѣліемъ: таковы Канада, вся Южная Америка, Австралія, южноафриканскія колоніи; въ значительной степени слѣдуетъ отнести сюда и Соединенные Штаты; а въ Россіи, которая усвоила очень многое изъ западно-европейскихъ порядковъ, 80% населенія живутъ сельско-хозяйственнымъ трудомъ. Образованіе войска, достаточно сильнаго, дабы прогнать европейцевъ, не помѣшало бы и Китаю остаться государствомъ, по преимуществу, земледѣльческимъ.

При оцѣнкѣ сравнительной бѣдственности западно-европейцевъ и китайцевъ, Толстой высказываетъ забавныя мысли. Западно-европейцы, будто бы, не имѣютъ возможности кормиться собственнымъ хлѣбомъ, а потому и вынуждены добывать себѣ пропитаніе насиліемъ или хитростью. Можно подумать, читая эти строки, что германцы, французы, англичане, дабы обезпечить себя съѣстными припасами, ходятъ войною на Россію и другія страны и, въ видѣ контрибуціи, увозятъ разныя произведенія сельскаго хозяйства отъ побѣжденныхъ народовъ. Насиліе и хитрость, о которыхъ говоритъ Толстой, сводятся къ тому, что западные народы работаютъ съ величайшимъ напряженіемъ во всѣхъ областяхъ труда, вывозятъ заграницу издѣлія своихъ фабрикъ и обмѣниваютъ ихъ на продукты сельскаго хозяйства. Англія не отнимаетъ хлѣба у населенія своей колоніи—Индіи, а платитъ за него своими товарами или деньгами. Когда Толстой пускаетъ въ ходъ тирады о пороч-

ности и грѣховности западной цивилизаціи, то забываетъ или намѣренно умалчиваетъ о Соединенныхъ Штатахъ. Это государство имѣетъ почти всѣ тѣ принадлежности цивилизованной жизни, которыя вызываютъ нападки Толстого, а, между тѣмъ, жители остаются, главнымъ образомъ, земледѣльцами.

Среди многихъ несообразностей почетное мѣсто принадлежитъ обѣщанію Толстого, что европейцы прекратятъ захваты, какъ скоро китайцы перестанутъ повиноваться своему правительству. Онъ забываетъ, что европейскимъ державамъ нѣтъ дѣла до китайскаго правительства: будетъ ли оно господствовать надъ китайцами или же они перестанутъ признавать его, европейцамъ нужны плодородныя земли Китая, его обильныя залежи каменнаго угля, желѣза, благородныхъ металловъ, его рѣки, соединяющія море съ областями, которыя лежатъ въ глубинѣ материка, его удобныя гавани. Западные народы, пріобрѣтая владѣнія во всѣхъ частяхъ свѣта, никогда не справлялись, повинуются ли туземцы государственной власти или не признаютъ таковой; они захватывали все, что могли захватить.

Необосновано и то положеніе Толстого, будто въ Россіи есть важныя условія, дабы создать новый порядокъ вещей посредствомъ воздержанія отъ всякихъ насилій. 1) Вовсе не выяснилось, что ограниченіе правительственной власти только увеличиваетъ число властителей, ведетъ къ развращенію и озлобленію людей. Напротивъ, на западѣ Европы и въ культурныхъ странахъ Новаго Свѣта мы находимъ меньше озлобленія, нежели въ Россіи, чаще встрѣчаемъ людей, которые довольны своей обстановкой и дорожатъ условіями жизни въ отечествѣ. А замѣчаніе Толстого, что умноженіе участниковъ власти отвлекаетъ массы людей отъ земледѣлія и толкаетъ на фабрику, совершенно нелѣпо. Переходъ отъ сельско-хозяйственнаго труда къ фабричному не стоитъ въ прямой связи съ формой правленія: въ Австраліи и Южной Америкѣ всѣ граждане поголовно пользуются политическими правами, преобладаетъ республиканскій строй, однако, земледѣліе является главнымъ занятіемъ; съ другой стороны Россія дожила почти до нашихъ дней съ правленіемъ монархическимъ-неограниченнымъ, но уже давно имѣетъ крупныя фабричныя заведенія и нѣсколько десятковъ лѣтъ переживаетъ тяготѣніе многихъ крестьянъ къ промышленности. 2) Недоказано и то положеніе Толстого, что русскіе очень любятъ земледѣліе. Можно допустить это относительно многихъ крестьянъ, которые снискиваютъ въ городахъ пропитаніе

тяжелымъ ручнымъ трудомъ—судорабочихъ, крючниковъ, грузчиковъ, носильщиковъ и другихъ; но нѣтъ данныхъ для такого заключенія о людяхъ, которые прикрѣпились къ промышленности, торговлѣ, перевозочнымъ предпріятіямъ, разнымъ видамъ личныхъ услугъ и уже довольно давно связаны съ городами: они отстали отъ земли и смотрѣли бы на возвратъ къ ней, какъ на большую тягость. 3) Религіозность русскаго народа, какъ хочетъ понимать ее Толстой, также вызываетъ большія сомнѣнія: утверждать, что нашъ народъ сохранилъ прочную связь съ Евангеліемъ—значитъ изображать сельскій бытъ слишкомъ свѣтлыми красками. Можно согласиться съ тѣмъ, что нашъ народъ отличается достаточною вѣротерпимостью, но то же примѣнимо и къ другимъ народамъ: религіозныя гоненія въ католическихъ странахъ Запада не были слѣдствіемъ народной нетерпимости, а проистекали изъ политическихъ соображеній и отношенія Церкви къ государству. Несклонность осуждать преступниковъ должна быть истолкована иначе, нежели думаетъ Толстой. Русская деревня крайне бѣдна; преступники находятъ въ этой средѣ очень мало того, что способно привлекать воровъ, грабителей и негодяевъ всякаго рода. Большинство преступленій совершается въ городахъ. Деревенскій людъ чувствуетъ свою противоположность интересамъ горожанъ, зная же неправедность русскихъ чиновниковъ всѣхъ ранговъ и наименованій, всегда готовъ предположить, что преступникъ наказанъ строже, чѣмъ заслуживалъ. Поэтому и называетъ его «несчастненькимъ». Но народъ относится къ преступникамъ крайне сурово, если отъ нихъ страдаетъ населеніе деревни: кто пріобрѣлъ въ деревнѣ репутацію конокрада, поджигателя, неисправимаго вора, тотъ всегда долженъ разсчитывать на жестокую расправу. Пощады нѣтъ, какъ это и доказывается множествомъ фактовъ [98]).

XVII.

Государственный бытъ, самъ по себѣ, создаетъ много преступленій. Во-первыхъ, издаются законы, неизвѣстные внѣ государственнаго общенія; нарушеніе ихъ считается преступнымъ: таковы нарушенія безчисленныхъ законовъ о податяхъ, о воинской повинности, о паспортахъ и другихъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ, и система наказаній, которыхъ держатся всѣ современныя государства, увеличиваетъ преступность.—Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы люди могли жить внѣ государства. Оно необходимо, дабы человѣкъ могъ

спокойно заниматься правильнымъ трудомъ и дѣлать хотя бы только самые немудреные разсчеты относительно ближайшаго будущаго. Небольшія общины русскихъ земледѣльцевъ, которые поселились въ Сибири и оставались долго неизвѣстными русскому правительству, служатъ для Толстого доказательствомъ ненужности государства. Эти люди спокойно жили скромной жизнью много лѣтъ и не вступали ни въ какія отношенія съ государственной властью. Примѣръ неубѣдителенъ потому, что общины были поставлены въ исключительныя условія: не было близкихъ сосѣдей; во всѣ стороны разстилалась безграничная пустыня; не было почвы для разнообразныхъ столкновеній. Не таково положеніе дѣлъ въ странахъ, населенныхъ довольно густо: тамъ слабость государственной власти ведетъ къ тому, что люди не могутъ спокойно посвящать себя мирному труду. Въ Персіи, Азіатской Турціи, Македоніи населеніе часто страдаетъ отъ разбойниковъ разныхъ видовъ и наименованій. Тѣ общины, о которыхъ мечтаетъ Толстой, тоже были бы отъ времени до времени разворяемы до основанія, если бы не было организованной власти, способной бороться съ насильниками.

Ошибается Толстой, что насилія тѣмъ больше, чѣмъ болѣе обширно государство. Если, при состояніи довольно высокой культуры, мелкія государства достигаютъ политическаго единства, то произволъ уступаетъ мѣсто общимъ законамъ, которые обуздываютъ сильныхъ и охраняютъ слабыхъ. Въ раздробленной Германіи и мелкихъ государствахъ Италіи было гораздо больше насилій, нежели въ этихъ же странахъ послѣ объединенія.

Нельзя раздѣлить и мнѣніе Толстого о безсмысленности патріотизма въ формѣ сознанія важности того, что человѣкъ принадлежитъ къ опредѣленному государству. Въ далекомъ будущемъ, когда наступитъ тѣсное единеніе между всѣми людьми и войны станутъ невозможными, такой патріотизмъ не будетъ нуженъ; но теперь каждая часть государства вынуждена интересоваться теченіями, которыя исходятъ изъ столицы и, вообще, изъ центровъ законодательства и управленія. Для ближайшихъ жизненныхъ задачъ деревни, далекой отъ центра, не безразлично, какое направленіе получитъ финансовая, земельная, торговая политика ея страны. Деревнѣ, далекой отъ столицы, не все равно, входитъ ли она въ составъ государства, съ которымъ живетъ цѣлые вѣка, или же, какъ то бываетъ послѣ войны, дѣлается частью другой державы. Старинныя связи, которыя соединяютъ эту небольшую точку съ

цѣлымъ, были, быть можетъ, тяжелы; но она успѣла привыкнуть ко многимъ невзгодамъ. А новыя связи, которыя скрѣпили ее съ другимъ государствомъ, быть можетъ, принесутъ непривычныя, а потому и болѣе тяжелыя формы насилія.

XVIII.

Толстой не изображаетъ подробностей общественнаго быта, въ которомъ будутъ жить наши потомки тѣмъ самымъ онъ освобождаетъ себя отъ упрековъ, которые были бы неизбѣжны, если бы онъ подробно начертывалъ картину грядущаго строя. Общество будущаго сложится, по его мнѣнію, изъ такихъ началъ, которыя и до сихъ поръ держатся въ русской жизни: земельная община и міръ будутъ господствовать. Здѣсь взгляды Толстого совпадаютъ съ тѣмъ, что уже давно предсказываютъ народники. Если взять эту схему въ самомъ общемъ смыслѣ, то можно признать ее правильной: артельное производство съ помощью орудій труда, которыя принадлежатъ всѣмъ—вотъ рамки хозяйственной жизни будущаго общества. Но и въ томъ немногомъ, что рѣшается предсказать Толстой, есть пунктъ, вызывающій большое недоумѣніе. Земледѣльческій трудъ лежитъ въ основѣ всей хозяйственной жизни, какъ она рисуется Толстому: почти всѣ должны заниматься земледѣліемъ; промышленныя предпріятія на артельныхъ началахъ будутъ имѣть второстепенное значеніе. Но факты показываютъ, что усовершенствованные способы производства позволяютъ странѣ сполна удовлетворить потребность въ продуктахъ земледѣлія, если сельскимъ хозяйствомъ занимается половина населенія или даже меньше. Надежда Толстого удержать огромное большинство у земли сбылась бы сама собою лишь въ томъ случаѣ, если бы населеніе деревень перешло къ первобытнымъ орудіямъ, при которыхъ успѣшность труда совсѣмъ ничтожна. Но такъ какъ земледѣльческія общины будутъ пользоваться успѣхами техники, то все населеніе будетъ имѣть у земли сравнительно мало работы. Нужно будетъ пополнить большой досугъ, который останется въ его распоряженіи. И приходится сдѣлать выводъ, на который наталкиваетъ все положеніе дѣлъ: значительная часть свободнаго времени должна быть удѣлена переработкѣ сельскохозяйственныхъ продуктовъ. А если такъ, то въ производительныхъ процессахъ будущаго общества промышленныя заведенія займутъ относительно земледѣлія не подчиненное мѣсто, а равное.

Жизнь обществъ будущаго представляется Толстому весьма сходною съ бытомъ современнаго крестьянства. Онъ даже думаетъ, что, и не прибавляя ничего къ жизни нынѣшнихъ земледѣльческихъ людей, можно живо представить себѣ бытъ общинъ будущаго. Здѣсь, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, Толстой говоритъ о предметѣ безъ всякой критики: онъ образуетъ безформенную кучу изъ земледѣльческихъ классовъ странъ, которыя рѣзко отличаются другъ отъ друга. Если будемъ рисовать себѣ общины согласно съ бытомъ крестьянъ въ Китаѣ, Индіи, Египтѣ, Россіи, то признаемъ, что общины грядущаго будутъ имѣть населеніе бѣдное и, умственно, мало развитое. Несомнѣнно, для созданія такихъ общинъ можно отбросить многое изъ того, что накопила цивилизація. Если же станемъ считать за образецъ то, что наблюдаемъ въ Канадѣ и Австраліи, то обозначится необходимость представить строй будущаго совсѣмъ иначе, чѣмъ онъ рисуется Толстому. Земледѣлецъ Канады и Австраліи непохожъ на безчисленные милліоны полудикарей, которые населяютъ Россію, Индію, Китай. Его создала западная цивилизація, и онъ держится за нее очень крѣпко. Ему нужно все, что уже давно стало принадлежностью культурныхъ народовъ: разнообразныя машины, элеваторы, желѣзныя дороги, телеграфъ, телефоны, техническія школы, опытныя станціи и многое другое. Ему нужны и разнообразныя промышленныя заведенія, позволяющія заниматься земледѣліемъ въ размѣрахъ и согласно съ методами, которыя онъ усвоилъ. Ему нужны и многочисленныя отрасли фабричнаго труда, которыя доставляютъ предметы необходимости и удобства.

Многіе внѣшніе признаки доказываютъ, по мнѣнію Толстого, что мы приблизились къ концу языческаго міровоззрѣнія. Можно согласиться съ нимъ, что въ общественную борьбу вовлечено болѣе или менѣе все населеніе каждой страны, но отнюдь нельзя сказать, чтобы борьба отличалась большею жестокостью, нежели раньше: напротивъ, формы борьбы смягчаются. Безчисленныя стачки нашего времени протекаютъ не только безъ насилій надъ людьми, но и безъ разрушенія имущества. Холодная жестокость богачей часто бросается въ глаза; однако, богачъ нашего времени никогда не доходитъ до такихъ звѣрствъ относительно подвластныхъ, какъ въ былое время господа относительно своихъ рабовъ или крѣпостныхъ. Но этого мало: когда богачъ жертвуетъ милліоны на университеты или обсерваторіи, то, быть можетъ, прямо не служитъ интересамъ большинства населенія; когда же онъ осно-

ваетъ народныя школы или народные театры, читальни, дома съ дешевыми квартирами, то оказываетъ услугу именно бѣднѣйшимъ людямъ. Конечно, дѣлается гораздо меньше, чѣмъ бы слѣдовало: но дѣятельность богатыхъ людей въ этомъ направленіи развивается непрерывно, и нѣтъ основанія говорить, что люди стали болѣе жестоки.

Я скажу то же и объ отчаяніи бѣднѣйшихъ классовъ: оно не только не возросло за послѣднія 100 лѣтъ, но значительно уменьшилось. Благосостояніе и умственное развитіе замѣтно повысились повсюду; личная свобода сдѣлалась достояніемъ почти всего населенія: а потому у многихъ милліоновъ отчаяніе смѣнилось надеждой достигнуть лучшаго будущаго. Въ Соединенныхъ Штатахъ, Канадѣ, Австраліи, Аргентинѣ, Мексикѣ жизнерадостность составляетъ отличительное свойство работниковъ. Мы наблюдаемъ то же, хотя и не столь ярко выраженнымъ, и въ странахъ старой культуры: стоило бы Толстому провести нѣсколько недѣль въ Бельгіи, присмотрѣться къ жизни трудовыхъ классовъ во время работы и отдыха, и онъ понялъ бы, какъ не обоснованы его мысли. Прискорбно чрезвычайное вооруженіе современныхъ государствъ; но нельзя сказать, что вооруженіе возрастаетъ быстрѣе, чѣмъ увеличиваются матеріальныя средства народовъ Европы. Такъ, напримѣръ, въ концѣ 60-хъ годовъ 19 вѣка расходы Соединеннаго Королевства на войско и флотъ составляли 27.000.000 фунтовъ стерлинговъ; теперь (1908—1909) они достигли 60.000.000. За тотъ же 40-лѣтній періодъ народный доходъ этого государства увеличился съ 1.030 милліоновъ (1866) до 2.100 милліоновъ.

Не сходясь съ Толстымъ во взглядахъ на сущность общественнаго переворота, я расхожусь съ нимъ и въ оцѣнкѣ силъ, которыя обновляютъ жизнь.

Дѣятелями будутъ, думаетъ онъ, только религіозные люди, убѣжденные въ необходимости переворота.—Помимо людей, проникнутыхъ сознаніемъ, что общество грядущаго будетъ имѣть именно такой то видъ, переустройству жизни будутъ содѣйствовать многочисленные элементы, за которыми Толстой не признаетъ творческой силы.

Прежде всего,—наука. Развиваясь безостановочно, она постепенно пріучаетъ людей къ мысли о томъ, что повсюду господствуетъ строго причинная связь между явленіями. Наука оказываетъ вліяніе на питомцевъ и на воспитателей. Первые, пріобщаясь къ знанію, утрачиваютъ вѣру во многія внушенія религіи.

А вторые, захваченные общимъ потокомъ, уже не могутъ внѣдрять въ питомцевъ нелѣпости религіозныхъ ученій съ энергіей, которая отличала воспитателей предыдущихъ поколѣній.

И духовенство не остается внѣ этого движенія. Оно уже не можетъ смѣло и убѣжденно говорить о многомъ, что является издавна предметомъ его поученій. Не совпадая въ представленіи о Богѣ, люди могутъ сходиться въ воззрѣніяхъ на начала нравственности, на свои обязанности относительно ближнихъ. По мѣрѣ же ослабленія усердія, съ которымъ внушаютъ дѣтямъ и юношеству странности религіозныхъ ученій, будутъ прилагать все больше стараній, дабы преподать имъ начала нравственности. Духовенство живо заинтересовано въ томъ, чтобы его значеніе, какъ воспитателя, не было сведено къ нулю. Оно не можетъ, безъ колебаній, наставлять питомцевъ въ догматахъ вѣры; а потому для него остается только одинъ исходъ: приближать юношество къ усвоенію нравственныхъ началъ, которыя завѣщаны христіанствомъ.

И государство способствуетъ обновленію общественной жизни, поскольку законодательство и управленіе отбрасываетъ старое, могущее служить тормазомъ для новыхъ теченій.

Если бы, вмѣстѣ съ Толстымъ, возлагать надежду только на людей, которые, рѣзко отклоняясь отъ средняго типа современнаго человѣка, строго проводятъ въ жизнь завѣты Христа, то пришлось бы долго ждать существенныхъ перемѣнъ къ лучшему: нужно много времени, дабы большинство людей умѣло и хотѣло обуздывать побужденія эгоизма. Но такъ какъ въ этомъ направленіи дѣйствуютъ очень многіе, одни—съ яснымъ сознаніемъ своихъ задачъ, другіе—пассивно, ибо не могутъ противостоять натиску новыхъ идей, то движеніе совершается все болѣе быстро. Дружная работа многихъ и, притомъ, самыхъ разнообразныхъ силъ въ дѣлѣ улучшенія жизни и служитъ залогомъ того, что новый строй будетъ удѣломъ нашихъ ближайшихъ потомковъ.

Толстой упрекаетъ людей въ непослѣдовательности: они вѣрятъ въ разныя диковинки, несообразности, но считаютъ невозможнымъ коренное измѣненіе мотивовъ, которыми руководствуется человѣчество.—Конечно, человѣкъ можетъ вѣрить въ осуществленіе того, что еще недавно считалось недостижимымъ, напримѣръ, въ возможность передвигаться съ помощью летательныхъ снарядовъ, говорить съ людьми, которые находятся за сотни верстъ и т. д. Человѣкъ вѣритъ въ это, зная, какъ неудержимо стремленіе лю-

дей выразить индивидуальность возможно болѣе ярко. Человѣчество накопило большой и разнообразный запасъ знаній и навыковъ. Онъ возрасталъ, главнымъ образомъ, потому, что безчисленные дѣятели съ любовью напрягали свои силы, дабы рѣшить поставленную задачу. Ихъ работа была тѣмъ болѣе радостна и успѣшна, чѣмъ меньше они думали о дѣлахъ за предѣлами своего занятія, чѣмъ меньше втискивали себя въ готовыя рамки. Весь этотъ необозримый трудъ былъ выполненъ, главнымъ образомъ, потому, что человѣкъ хотѣлъ наилучшимъ образомъ выразить свое «я». Слѣдя, какъ потомки достигали цѣлей, которыя предки считали очень отдаленными, видя, какъ возрастаетъ энергія труда, наблюдая, какъ, по мѣрѣ демократизаціи общества, все болѣе увеличивается число людей, которые хотятъ и имѣютъ возможность ярко выразить свою индивидуальность, мы говоримъ: безъ сомнѣнія, человѣкъ рѣшитъ еще множество задачъ, которыя считаются теперь неразрѣшимыми.

Планъ, предлагаемый Толстымъ, уничтожаетъ то, что мы относимъ къ основнымъ свойствамъ людей; онъ отрицаетъ все, что безчисленный рядъ вѣковъ надѣляло людей творческими силами. Зная, какъ медленно измѣняются свойства людей, мы и говоримъ, что это невозможно.

Взглядъ русскаго народа на власть получаетъ со стороны Толстого невѣрную оцѣнку. Русскій народъ подчинялся власти не потому, что предпочиталъ подчиненіе насилію, а за неимѣніемъ достаточной энергіи, дабы бороться съ нею, когда она становилась очень тяжела. Условія внѣшней природы, среди которыхъ жили наши предки, не воспитывали сильной воли, а потому неограниченная власть держалась въ Россіи очень долго. Тамъ же, гдѣ русскій народъ могъ, не навлекая на себя опасности, не повиноваться власти, онъ и не повиновался ей, хотя бы сами по себѣ требованія государства были разумны, соотвѣтствовали интересамъ населенія. Законы, которые ограничиваютъ рубку лѣса, появились въ Россіи еще во времена Петра. Въ теченіе 18 вѣка были изданы многочисленные законы относительно рыболовства и охоты. Отъ второй половины 19 вѣка издавались законы, которые обязываютъ населеніе истреблять саранчу и другихъ насѣкомыхъ, вредящихъ сельскому хозяйству. Всѣ эти велѣнія государства имѣютъ значеніе для цѣлой страны, а не для какого-либо одного класса. Подчиняясь имъ, русскіе люди не только обнаружили бы то свойство, которое приписываетъ имъ Толстой, но и

охранили бы свои интересы. А между тѣмъ, мы видимъ полную небрежность относительно этихъ законовъ: сплошь и рядомъ не подчиняются имъ, такъ какъ, большею частью, неповиновеніе остается безнаказаннымъ.

Коренное измѣненіе общественнаго порядка, предсказываетъ Толстой, сдѣлаетъ жизнь людей гораздо болѣе счастливою, нежели то возможно въ настоящее время.—Перемѣны коснутся всѣхъ сторонъ быта. Остановимся на томъ, что относится къ области искусства.

Искусство новаго общества будетъ, по мнѣнію Толстого, рѣзко отличаться отъ нынѣшняго. Переставъ создавать романы, Толстой занялся сочиненіемъ сказокъ; онъ хотѣлъ дать въ нихъ образцы литературы, которые имѣютъ болѣе или менѣе общее значеніе, доступны и понятны всѣмъ. Есть основаніе смотрѣть на его сказки, какъ на предтечи литературы будущаго, а потому и постараемся выяснить, насколько велики ихъ художественныя достоинства.

Своими сказками, текстами къ лубочнымъ картинкамъ и народными легендами Толстой старается внушить народу тѣ нравственныя начала, которыя особенно ярко освѣщены въ Евангеліи. Слова Евангелія взяты въ видѣ мотто для каждой сказки. Само по себѣ, намѣреніе автора заслуживаетъ полнаго сочувствія; но сказки имѣютъ много крупныхъ недостатковъ.

1) Онѣ даютъ большую пищу тому, что Толстой рѣзко осуждаетъ, какъ суевѣріе народа [99]). Народъ, въ своей массѣ, вѣритъ существованію ангеловъ, злыхъ духовъ, непосредственному общенію ихъ съ людьми, и Толстой поддерживаетъ эту вѣру. Занимательность большинства сказокъ еще болѣе способствуетъ ея закрѣпленію. Въ сказкѣ, *Чтмъ люди живы*, ангелъ, свергнутый съ неба за неисполненіе воли Божіей, обращается въ искуснаго сапожнаго мастера и способствуетъ установленію мира и благоволенія въ семьѣ своего хозяина. Въ сказкѣ, *Гдѣ любовь тамъ и Богъ*, сапожникъ Мартынъ слышитъ голосъ Христа, который обѣщаетъ навѣстить его. Въ сказкѣ объ *Иванѣ дуракѣ* черти дѣлаютъ мужиковъ купцомъ, полководцемъ, царемъ, надѣляютъ ихъ несмѣтными богатствами, помогаютъ одолѣть враговъ, а потомъ лишаютъ царства. Въ сказкѣ *Крестникъ* добрый духъ ставитъ своего крестника въ царскую обстановку, а позднѣе, за нарушеніе завѣта, заставляетъ искупать грѣхи утомительными молитвами. Въ сказкѣ *Кающійся грѣшникъ* у вратъ рая происходитъ разговоръ между грѣшниками и апостолами. Сказка *Два старика* повѣ-

ствуетъ о двухъ паломникахъ въ Іерусалимъ; одинъ изъ нихъ видѣлъ своего дорожнаго товарища, отставшаго чуть не въ началѣ пути (его жизнь была праведная), какъ онъ стоялъ у гроба Господня, въ первомъ ряду молящихся и былъ озаренъ сіяніемъ. Три старца, въ сказкѣ того же наименованія, бѣгутъ по морю, направляясь къ архіерейскому кораблю.

Быть можетъ, не каждый изъ простыхъ людей, прочитавши сказки Толстого, пойметъ и удержитъ въ памяти его нравоученіе; но всѣ твердо запомнятъ участіе ангеловъ и демоновъ въ радостяхъ и печаляхъ, которыя земная жизнь приноситъ людямъ. Толстой тѣмъ болѣе заслуживаетъ упрека, что самъ рѣзко нападаетъ на художниковъ за желаніе подкупить зрителя или читателя занимательностью произведенія: занимательность сказокъ увеличивается тѣмъ, что Толстой вводитъ добрыхъ и злыхъ духовъ, какъ дѣятельныхъ участниковъ судьбы людей. Авторъ сказокъ заслуживаетъ даже бо́льшаго упрека, чѣмъ многіе писатели, на которыхъ онъ нападаетъ: читатели Метерлинка или Гауптмана, принадлежа къ кругу людей образованныхъ, понимаютъ, что художникъ вноситъ мистическое начало, дабы украсить свое произведеніе, а читатели сказокъ Толстого (т. е. весь народъ), въ своемъ большинствѣ, еще болѣе укрѣпляются въ убѣжденіи, что добрые и злые духи существуютъ и могущественно вліяютъ на судьбу человѣка.

2) Враждуя съ жизнью, Толстой изображаетъ людей богатыхъ классовъ въ уродливомъ видѣ; онъ придумываетъ для нихъ обстановку, которая встрѣчается только, какъ единичное исключеніе. Жизнь даетъ намъ факты, когда порокъ наказанъ, а добродѣтель торжествуетъ; но чаще бываетъ такъ, что порокъ торжествуетъ, а добродѣтель остается униженной и угнетенной. Богатый, захватывающій чужой трудъ, проводитъ жизнь въ безчисленныхъ радостяхъ и нерѣдко кончаетъ легкою смертью отъ удара; а бѣдные сплошь и рядомъ пухнутъ отъ голода и заживо разлагаются въ своихъ деревенскихъ лачугахъ и городскихъ конурахъ. Богатый, если здоровъ и не живетъ въ праздности, имѣетъ полное основаніе надѣяться, что произведетъ крѣпкое потомство и подготовитъ людей, во всѣхъ отношеніяхъ жизнеспособныхъ; а бѣдные, подъ вліяніемъ тяжелаго труда, нужды, алкоголизма, который такъ часто свирѣпствуетъ въ этой средѣ, нерѣдко производятъ дѣтей съ задатками разныхъ болѣзней.—Толстой закрываетъ глаза на всѣ эти явленія. Онъ надѣляетъ разными тѣлесными и

духовными недочетами того, кто богатъ или даже имѣетъ только хорошій достатокъ и пользуется властью. Бѣдный же и трудолюбивый можетъ разсчитывать не только на то, что нравственная жизнь доставитъ ему удовлетвореніе, но и на успѣхи въ хозяйственномъ обиходѣ. Къ сапожнику Семену, главному лицу сказки, *Чѣмъ люди живы,* пріѣзжаетъ русскій баринъ съ заказомъ. У него богатырскій ростъ, изумительное дородство, громовой голосъ; онъ бранится, заказывая сапоги, и требуетъ, чтобы ихъ достало, по крайней мѣрѣ, на годъ. Недоумѣваешь, для чего Толстому нужно было нарисовать изъ барина каррикатуру и нагромоздить, одну на другую, столько подробностей, не соотвѣтствующихъ дѣйствительности. Средній русскій баринъ не отличается ни богатырскимъ ростомъ, ни дородствомъ: въ послѣднія десятилѣтія онъ не кричитъ и не ругается, когда пріѣзжаетъ къ ремесленнику, и не привозитъ кожи для заказанной обуви. Толстой не удержался, чтобы не представить барина скареднымъ, хотя онъ и богатъ, самонадѣяннымъ, увѣреннымъ, что ростъ и дородство обѣщаютъ ему долгую жизнь, хотя смерть уже стоитъ за плечами. Въ сказкѣ *Свѣчка* — каррикатура на приказчика. Можно повѣрить, что, въ видѣ рѣдкаго исключенія, заставляли крѣпостныхъ работать на второй день Святой Недѣли. Но разъ приказчикъ, требовательный и жестокій, принуждаетъ работать въ большіе праздники, то едва ли станетъ проводить все послѣобѣденное время съ кухаркой, за игрой на гитарѣ. Особенно грубо-каррикатурно изображена конечная судьба приказчика. Стоило одному изъ враждебно настроенныхъ крестьянъ пожелать, чтобы у приказчика «пузо лопнуло и утроба вытекла», и желаніе исполнилось въ тотъ же день: онъ упалъ, прокололъ внутренности и умеръ. Развѣ не воспитывается фатализмъ читателя такими строками сказки Толстого: «одинъ былъ только въ частоколѣ колъ, заостренный сверху, да и повыше другихъ; и попади онъ пузомъ прямо на этотъ колъ». Въ дѣйствительности бывало совсѣмъ иначе: крѣпостные, истязуемые приказчикомъ, а) или смиренно переносили это десятки лѣтъ, б) или жаловались помѣщику, который, относясь добросердечно къ крестьянамъ, смѣнялъ приказчика, в) или сильно избивали мучителя и онъ умѣрялъ свою жестокость, г) или убивали его.—Архіерей посѣщаетъ трехъ старцевъ на пустынномъ островѣ Бѣлаго моря, находитъ ихъ молитву слишкомъ первобытной, выучиваетъ ихъ читать *Отче нашъ,* для чего остается съ ними цѣлый день, и возвращается на пароходъ съ сознаніемъ исполнен-

наго долга. Этотъ каррикатурный владыка вовсе не соотвѣтствуетъ среднему типу архіереевъ. Въ дѣйствительности, встрѣча епископовъ со старцами привела бы къ одному изъ двухъ: архіерей-чиновникъ отнесся бы къ нимъ, какъ начальникъ, и не сталъ бы тратить время на обученіе ихъ молитвѣ; архіерей, истинно религіозный, былъ бы тронутъ святостью ихъ жизни и рѣшилъ бы, что ихъ молитва угодна Богу.

А на долю бѣдныхъ сплошь и рядомъ выпадаютъ и матеріальныя удачи. Въ сказкѣ *Два старика* бѣдный крестьянинъ Елисей, не дошедшій до Іерусалима, возвратился домой изъ деревни, гдѣ его удержало желаніе помогать голодающимъ; онъ нашелъ дома полный порядокъ; не оказалось ни малѣйшаго упущенія. А богатый мужикъ Ефимъ, хозяинъ исправный и дѣловитый, возвратившись изъ Іерусалима, нашелъ дома большіе недочеты: у него запилъ сынъ. Повидимому, были всѣ данныя для того, чтобы такой хозяинъ имѣлъ способнаго и толковаго сына, могущаго замѣнить отца во время его отсутствія. Бѣдные такъ любы Толстому, что обыкновенно могутъ разсчитывать на счастливую долю: стоило мужику въ сказкѣ *Крестникъ* не встрѣтить никого, готоваго пойти къ нему въ кумовья, чтобы добрый духъ крестилъ его сына и открылъ крестнику доступъ въ царскіе чертоги.— Толстой проводитъ въ своихъ сказкахъ мысль, что люди достигаютъ большаго благополучія, когда теряютъ состояніе и даже хозяйственную самостоятельность: таковы сказки, *Какъ чертенокъ краюшку выкупалъ*, *Ильясъ* и объ *Иванѣ дуракѣ*.

Я считаю многія сказки Толстого безполезнымъ матеріаломъ для чтенія. А нѣкоторыя изъ нихъ могутъ даже вредно вліять на людей впечатлительныхъ и склонныхъ къ праздности. Кающагося грѣшника, въ сказкѣ того же имени, отталкиваютъ отъ райскихъ вратъ, такъ какъ онъ не можетъ назвать ни одного совершеннаго имъ добраго дѣла. Но онъ напоминаетъ апостолу Петру и царю Давиду, что и у нихъ были грѣхи, и въ концѣ концовъ его принимаютъ въ рай. Грѣшникъ не хотѣлъ припомнить, что за Петромъ и Давидомъ были крупныя заслуги передъ Богомъ. Текстъ къ лубочной картинкѣ *Два брата и золото* производитъ такое же впечатлѣніе. Афанасій находитъ золото на дорогѣ, беретъ его съ собой, приноситъ въ городъ, создаетъ разныя учрежденія для бѣдныхъ и, не удержавъ для себя ни полушки, въ старой одеждѣ уходитъ изъ дома. Ангелъ признаетъ Афанасія недостойнымъ сравнительно съ его братомъ Іоанномъ, который, увидѣвъ золото,

побѣжалъ прочь. Ангелъ сказалъ, что одинъ прыжокъ брата отъ золота дороже всѣхъ дѣлъ, которыя Афанасій совершилъ съ помощью золота. И Афанасій долженъ былъ сознаться, что дѣлалъ все это не для Бога. Такое прославленіе бѣдности и служенія людямъ собственнымъ трудомъ (братья Афанасій и Іоаннъ работали для бѣдныхъ и не принимали платы) еще можетъ быть умѣстно при томъ складѣ хозяйственной жизни, который господствовалъ на Востокѣ въ первые вѣка христіанства, но теперь оно вовсе не поучительно. Представимъ себѣ, что человѣкъ бѣдный, который помогаетъ своимъ трудомъ еще болѣе нуждающимся, неожиданно получаетъ наслѣдство: если онъ приметъ его и разумно затратитъ на дѣла благотворительности, то будетъ болѣе достоинъ похвалы, нежели въ случаѣ отказа отъ наслѣдства.

Особенно же нелѣпа сказка объ Иванѣ дуракѣ. Когда Иванъ сталъ царемъ, то дьяволъ, желая повредить ему, призвалъ Тараканскаго царя идти на Ивана войной. Призывъ дьявола услышанъ, и большая рать отправляется въ походъ. Узнавъ объ этомъ, Иванъ говоритъ: «пускай идетъ!» Непріятель отыскиваетъ войско Иванъ-царя, но не находитъ. Тогда Тараканскій царь повелѣваетъ захватить деревни. Солдаты отбираютъ хлѣбъ и скотъ у населенія дурацкаго царства. Дураки отдаютъ, не обороняются и даже приглашаютъ непріятельскихъ солдатъ поселиться въ царствѣ Ивана. Солдаты заскучали и стали просить царя послать ихъ воевать въ другомъ мѣстѣ. Тараканскій царь, разгнѣвавшись, приказалъ солдатамъ пройдти по всему царству Ивана, разорить деревни и перебить скотъ. Солдаты начинаютъ исполнять царскій приказъ. Населеніе не обороняется, и всѣ, отъ малаго до стараго, только плачутъ. Это привело непріятельскихъ воиновъ въ такое удрученное состояніе, что они перестали разорять, разбѣжались, и война кончилась.

Когда прочитаешь эту сказку, то становится неловко, что первоклассный художникъ, прославляя непротивленіе злу, преподноситъ народу такія нелѣпости. Этотъ вздоръ еще могъ бы быть оправданъ, если бы когда-либо и гдѣ-либо наблюдались явленія, сколько-нибудь сходныя съ нарисованной картиной. Толстой идеализируетъ прошлое и ставитъ его безконечно выше настоящаго. Пусть же онъ укажетъ примѣръ того, чтобы опустошеніе страны внѣшними врагами и непротивленіе жителей приводило къ скукѣ и разсѣянію вражескаго войска. Война даетъ всегда такіе результаты. Если нападающіе встрѣчаютъ мужественный

отпоръ, то число убитыхъ и раненыхъ очень велико съ обѣихъ сторонъ. Если отпоръ менѣе силенъ, если населеніе бѣжитъ предъ натискомъ врага или уступаетъ послѣ слабаго сопротивленія, то число убитыхъ и изувѣченныхъ менѣе велико; но для побѣжденнаго неизбѣжны потеря имущества, насиліе надъ женщинами, отобраніе наиболѣе красивыхъ изъ нихъ въ пользу побѣдителей и обращеніе всѣхъ жителей въ рабство. Какъ бы населеніе ни было кротко, побѣдитель заставляетъ испытывать всѣ ужасы этого состоянія. Жаль, что Толстой, говоря о разрушеніи деревень и истребленіи скота непріятельскимъ войскомъ, не упоминаетъ о насиліяхъ надъ женщинами, всегда неизбѣжныхъ, объ уводѣ самыхъ молодыхъ и красивыхъ. Такъ было всегда и, по особенностямъ человѣческой природы, иначе быть не могло. Станемъ на мѣсто побѣдителей. Если они встрѣчаютъ умѣренный отпоръ, то ихъ озвѣреніе не достигаетъ высшей степени; ихъ наклонность избивать людей скоро получаетъ полное удовлетвореніе. Но у солдатъ остается еще цѣлый рядъ неудовлетворенныхъ привычекъ, которымъ они и даютъ просторъ среди побѣжденныхъ. Въ походѣ пришлось терпѣть голодъ и холодъ; пришлось проводить много времени въ состояніи крайняго напряженія силъ, которое всегда вызываетъ война; солдаты были отрѣзаны отъ женщинъ нѣсколько недѣль или даже мѣсяцевъ. Стремленіе удовлетворить потребности, которыя были заглушены очень долго, охватываетъ побѣдителей съ неудержимой силой, и они награждаютъ себя за воздержаніе на счетъ побѣжденныхъ. Они налагаютъ руку на съѣстные припасы и откармливаются, захватываютъ жилища и одежду побѣжденныхъ и отогрѣваются, завладѣваютъ ихъ женами и дочерьми. Когда прошелъ первый чадъ побѣды, то потребности и влеченія побѣдителей заявляютъ о себѣ съ меньшею остротой, но сказывается желаніе полѣниться, проводить поменьше времени въ трудѣ и побольше въ праздности. И, вотъ, въ ихъ распоряженіи трудовая сила населенія, которое и обращается въ рабство. Возгласъ: «Горе побѣжденнымъ!» — былъ непреложною истиной всегда и вездѣ; онъ точно соотвѣтствовалъ дѣйствительности. Что было прежде принадлежностью всѣхъ войнъ, то сохранилось теперь при столкновеніяхъ, въ которыхъ участвуютъ полудикіе народы: такъ расправляются свирѣпые курды среди армянъ, турки— среди албанцевъ. Понадобился цѣлый рядъ вѣковъ для выработки нормъ международнаго права, которыя и въ разгарѣ войны охраняютъ мирное населеніе.

Было бы очень грустно, если бы литература дарила нашимъ потомкамъ много произведеній, сходныхъ съ этими сказками.

Шатко положеніе Толстого, что искусство будущаго не разовьется изъ настоящаго. Несомнѣнно, все лучшее, что человѣчество еще получитъ въ области искусства, будетъ плодомъ лучшаго среди современныхъ художественныхъ теченій. Мечтать же о томъ, что современемъ вовсе не будетъ дурного искусства—значитъ вѣрить въ возможность того, что люди станутъ совершенны.—Странно замѣчаніе Толстого, что художники будутъ лучше владѣть техникой, чѣмъ теперь, даже безъ художественныхъ училищъ и безъ того, чтобы рисованіе, пѣніе, музыка преподавались, по крайней мѣрѣ, въ общихъ школахъ. Такое утвержденіе равносильно отрицанію техники. Слѣдовало бы сказать, что школы художества будутъ современемъ свободны отъ всякаго лишняго груза, не станутъ отнимать у питомцевъ много силъ и времени, нужныхъ для того, чтобы свободно учиться изъ произведеній великихъ мастеровъ; доступныя для всѣхъ, онѣ не будутъ ставить своихъ питомцевъ въ привилегированное положеніе сравнительно съ художниками, не прошедшими школы.—Не обосновано и то предсказаніе Толстого, что художники новаго общества не будутъ имѣть матеріальнаго обезпеченія отъ своего творчества. Это занятіе, какъ и другіе виды труда, позволитъ имѣть достаточное, а иногда и высокое вознагражденіе. Невѣроятно, чтобы общество будущаго, признавая возмездность разнаго рода услугъ, объявило произведенія искусства неподлежащими оплатѣ. Разъ же трудъ художниковъ будетъ оплачиваться, то самые крупные его представители будутъ получать высокое вознагражденіе. Художникъ будущаго скажетъ: «чѣмъ мнѣ добывать средства къ жизни и созданіемъ предметовъ искусства, и трудомъ почтальона и метельщика улицъ, посвящу-ка я моему призванію все рабочее время. Тѣ части моего времени, когда я буду наиболѣе охваченъ вдохновеніемъ, дадутъ лучшія произведенія; тѣ, когда чувство будетъ захватывать меня менѣе глубоко, дадутъ произведенія болѣе слабыя, но и они позволятъ мнѣ ярче выразить мое «я», чѣмъ разноска писемъ или рубка дровъ». Съ этой стороны положеніе дѣлъ будетъ напоминать современную дѣйствительность.—Необосновано и то положеніе Толстого, что необходимость борьбы для пріобрѣтенія средствъ къ жизни всегда обогащаетъ человѣка большой опытностью. Это примѣнимо только къ тѣмъ случаямъ, когда человѣкъ часто переходитъ отъ одного занятія къ другому и изъ одного мѣста въ другое или—еще

лучше—изъ одной страны въ другую и участвуетъ въ трудѣ разныхъ общественныхъ группъ. Если же, какъ, большею частью, и бываетъ, онъ прикрѣпилъ себя къ одному мѣсту, добываетъ средства къ жизни изъ одного вида труда, то каждый послѣдующій годъ похожъ на предыдущій, и его опытность расширяется очень мало. Навѣрное, онъ больше обогатилъ бы себя опытомъ, если бы занимался исключительно искусствомъ и искалъ отдыха въ путешествіяхъ. Диккенсъ, Гюго, Монассанъ обладали большою и разностороннею опытностью, хотя занимались только литературой; конечно, они знали жизнь гораздо лучше, нежели средній человѣкъ, снискивающій пропитаніе какимъ-либо ручнымъ трудомъ, если даже часто мѣняетъ занятіе.—Нѣтъ данныхъ и для предположенія, что художникъ грядущаго станетъ непремѣнно предпочитать только нѣкоторые роды произведеній искусства. Какъ и теперь, одни будутъ посвящать силы общедоступнымъ произведеніямъ, другіе—доступнымъ только для нѣкоторыхъ общественныхъ группъ. Какіе мотивы могли бы руководить художниками при ограниченіи творческой дѣятельности произведеніями, которыя доступны для всѣхъ? Или альтруизмъ, если человѣкъ думаетъ прежде всего о пользѣ или удовольствіи другихъ, которыхъ онъ разсчитываетъ заразить своимъ чувствомъ. Или же эгоизмъ, если художникъ заботится, главнымъ образомъ, о продолжительности интереса, который будетъ возбужденъ его произведеніемъ среди современниковъ и потомковъ. Однако, многіе—и дружелюбецъ и эгоистъ—найдутъ полное удовлетвореніе въ трудѣ надъ произведеніями искусства, которыя разсчитаны не на всѣхъ, а на отдѣльные общественные слои. Первый скажетъ, что его произведеніе принесетъ пользу или доставитъ удовольствіе такой-то общественной группѣ, а второй признаетъ, что созданіе и этого города можетъ пережить современниковъ и радовать потомковъ. Его будетъ поддерживать въ этомъ убѣжденіи долговѣчность многихъ твореній, созданныхъ въ давно минувшіе вѣка, причемъ творцы вовсе не заботились о томъ, чтобы сдѣлать ихъ общедоступными.

Положеніе Толстого, что неизбѣжно исчезнутъ нѣкоторые роды художественныхъ произведеній, тѣмъ болѣе не можетъ быть принято, что, съ ростомъ умственнаго развитія, и абсолютно и относительно будетъ увеличиваться число людей, прикосновенныхъ къ художественной дѣятельности: разнообразіе дарованій и наклонностей будетъ служить причиною большого разнообразія и въ произведеніяхъ искусства.

Заключеніе.

I.

Такъ называемыя философскія сочиненія Толстого не оправдываютъ громкой славы, которую онъ пріобрѣлъ въ Россіи и за ея предѣлами. Его слава объясняется не мыслями, которыя онъ высказалъ по вопросамъ о нравственности, государствѣ, народномъ хозяйствѣ, наукѣ, искусствѣ, а совсѣмъ иными причинами.

Уже его дѣятельность, какъ художника, должна была дать ему знаменитое имя. Конечно, не слѣдуетъ ставить *Войну и Миръ*, *Анну Каренину*, *Смерть Ивана Ильича* выше всѣхъ другихъ произведеній художественной литературы новѣйшаго времени. Но, безъ сомнѣнія, они стоятъ въ первомъ ряду, вмѣстѣ съ нѣкоторыми произведеніями Гюго, Диккенса, Достоевскаго, Зола, Ибсена. Но есть, и помимо этого, не мало условій, которыя должны были привлечь къ Толстому вниманіе очень многихъ людей.

Образъ жизни рѣзко выдѣляетъ его изъ членовъ его среды. Люди его происхожденія, его связей, съ его имущественными средствами живутъ, обыкновенно, совсѣмъ иначе, чѣмъ онъ. Если они тщеславны, то тѣснятся при Дворѣ и не останавливаются ни предъ какими пріемами искательства для достиженія высшихъ придворныхъ званій. Если они честолюбивы и властолюбивы, то стремятся занять должности, съ которыми связано большое вліяніе на управленіе государствомъ. Если, при умѣренномъ честолюбіи, въ нихъ живетъ сознаніе, что нужно служить обществу, то они остаются въ своихъ помѣстьяхъ и занимаютъ должности по выборамъ. Если они настроены эпикурейски и не хотятъ сосредоточиться на какомъ-либо трудѣ, то прожигаютъ жизнь въ Петербургѣ и Ялтѣ, Парижѣ и Монте-Карло; они проводятъ время въ разнообразныхъ забавахъ, не исключая легкаго занятія наукой и искусствомъ.—Толстой рѣзко отдѣляется отъ всѣхъ этихъ группъ и даже отклоняется къ обстановкѣ, которая, отчасти, приближаетъ его къ простымъ людямъ. Онъ одѣвается, какъ крестьянинъ его окру́ги. Онъ отличается въ пищѣ отъ поселянъ, но во многомъ

непохожъ на людей состоятельныхъ классовъ. Онъ любитъ ручной трудъ, не тѣ упражненія мышцъ, которыя связаны съ разными видами спорта, а простую сельско-хозяйственную или ремесленную работу, составляющую повсюду главное занятіе милліоновъ людей. Къ этому присоединяется его общеніе съ народомъ. Онъ изъявляетъ готовность служить ему не въ качествѣ земскаго дѣятеля или судьи, которые, работая для народа, стоятъ, все-таки, надъ нимъ, а простыми дружескими совѣтами.

Уже особенности въ образѣ жизни были бы достаточны, дабы обратить на него вниманіе очень многихъ. Но сюда присоединяется и другое, болѣе важное обстоятельство: десятки лѣтъ Толстой напоминаетъ о завѣтахъ Христа, о любви къ ближнимъ, о необходимости служить имъ. Въ христіанскихъ странахъ всѣ получаютъ такое воспитаніе, что евангельскія заповѣди знакомы почти каждому съ ранняго дѣтства. Онѣ внушались всѣмъ намъ, какъ высшія истины, которыя должны руководить нашимъ поведеніемъ. Когда воспитаніе окончено, то большинство или совсѣмъ или отчасти забываетъ объ этихъ заповѣдяхъ, но внутренній голосъ подсказываетъ многимъ, что слѣдуетъ помнить о нихъ и посильно проводить ихъ въ жизнь. Пока призывы къ исполненію евангельскихъ завѣтовъ исходятъ изъ среды духовенства, мы связываемъ ихъ съ его профессіональной дѣятельностью и не придаемъ имъ большого значенія. Когда же они исходятъ отъ свѣтскаго писателя съ громкимъ именемъ, то привлекаютъ къ себѣ наше вниманіе. Въ новѣйшей литературѣ нѣтъ свѣтскаго писателя, который, въ этомъ отношеніи, могъ бы быть поставленъ на ряду съ Толстымъ. Напоминая неустанно о евангельскихъ завѣтахъ, неослабно выражая сочувствіе всѣмъ угнетеннымъ и обездоленнымъ, онъ побуждаетъ многихъ относиться безъ критики къ построеніямъ и выводамъ, которые связываетъ съ заповѣдями Христа, заставляетъ считать эти разсужденія добрыми, полезными, плодотворными.

Пойдемъ дальше. Огромное большинство людей недовольно общественнымъ строемъ или въ цѣломъ или въ разныхъ частностяхъ. Изъ всѣхъ крупныхъ писателей нашего времени Толстой является особенно часто собратомъ этихъ недовольныхъ. Соціалистъ говоритъ, что современное общество негодно почти во всѣхъ своихъ частяхъ; анархистъ находитъ безсмысленнымъ самый фактъ существованія государства. Оба они могутъ найдти въ сочиненіяхъ Толстого много страницъ съ рѣзкимъ отрицаніемъ самаго

смысла жизни въ государствѣ. Ратуетъ ли человѣкъ противъ современнаго милитаризма и проповѣдуетъ идею вѣчнаго мира, возмущается ли смертными казнями и другими видами наказаній, которые извѣстны уголовнымъ законамъ нашего времени, возстаетъ ли противъ того, что бѣдные находятся въ жалкомъ положеніи, а богатые утопаютъ въ роскоши, негодуетъ ли, что не только свѣтская власть, но и Церковь способствуетъ поддержанію этого порядка, требуетъ ли воздержанія отъ спиртныхъ напитковъ, табаку, мяса и перехода къ вегетаріанству, выступаетъ ли горячимъ сторонникомъ ручного труда — онъ всегда найдетъ у Толстого страницы съ полнымъ сочувствіемъ его взглядамъ и пожеланіямъ. Такъ какъ сочувствіе это встрѣчается у писателя съ громкимъ именемъ, то оно создаетъ еще новое условіе, чтобы многіе отмѣчали его и ссылались на него, какъ на соратника въ борьбѣ съ общественной неправдой.

Сочиненія Толстого привлекаютъ и потому, что въ нихъ проходитъ красною нитью начало внѣнаціональности. Изуродованное чувство націонализма, какъ это сказалось за послѣднее 20-лѣтіе, доводитъ людей до крайней нетерпимости. Оно ярко выразилось у насъ безчисленными погромами и усилило человѣконенавистничество даже въ тѣхъ кругахъ, которымъ было прежде болѣе или менѣе чуждо. Призывъ ко внѣнаціональному также обращаетъ многихъ въ поклонниковъ Толстого.

Эти условія побуждаютъ множество людей причислять Толстого не только къ первоклассным романистамъ, но и къ мудрецамъ, которые обнимаютъ своимъ умственнымъ взоромъ всѣ явленія жизни, сочувствуютъ всѣмъ невзгодамъ людскимъ и проникаютъ въ самую глубь того, что даетъ смыслъ существованію человѣка на землѣ.

II.

Но испытываешь большое разочарованіе, когда внимательно слѣдишь за философіей и публицистикой Толстого.

Прежде всего бросаются въ глаза многочисленныя противорѣчія. Они касаются не только частностей, но и основныхъ положеній. Толстой не скупится на рѣзкіе отзывы, когда нужно представить частную и общественную жизнь нашего времени въ самомъ мрачномъ свѣтѣ. Онъ доходитъ даже до утвержденія, что никогда, не исключая періодовъ, за которыми многочисленныя

злодѣянія и крайняя развращенность издавна упрочили дурную славу, люди не жили столь безнравственною жизнью, какъ теперь. А, между тѣмъ, онъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ, что люди становятся лучше, нравы—мягче, военные тяготятся своими служебными обязанностями и не хвастаются убійствомъ, многіе охотно становятся вегетаріанцами.—Онъ напоминаетъ неоднократно, что новѣйшее искусство пришло къ тупику, что его уровень крайне низокъ, что утрачено сознаніе его важности, что оно служитъ только для развлеченія богатыхъ и праздныхъ людей. Предсказывая же перемѣны, которыя произойдутъ въ искусствѣ, Толстой замѣчаетъ, что уже и теперь являются довольно много истинно художественныхъ произведеній, которыя направлены на поддержаніе въ людяхъ любви къ Богу и ближнему.—Онъ убѣждаетъ молодыя поколѣнія вовсе не участвовать въ политической дѣятельности, не заниматься никакими общественными вопросами, а въ то же время горячо рекомендуетъ провести земельную реформу, согласно съ планами Джорджа, что предполагаетъ сложную работу законодательныхъ учрежденій, т. е. усердную политическую дѣятельность.—Онъ хочетъ внушить читателямъ, что всѣ условія существованія тожественны, что безразлично, богатъ ли человѣкъ или бѣденъ, здоровъ или боленъ. И онъ же съ досадой и горечью изображаетъ жизнь людей въ городахъ, въ огромныхъ казармо-подобныхъ зданіяхъ, вдали отъ природы, и зоветъ въ деревню, къ земледѣльческому труду, на просторъ полей, луговъ и лѣсовъ.—Онъ называетъ истинной наукой только ту, которая развивается при участіи всего народа; но это не мѣшаетъ ему утверждать въ другомъ мѣстѣ, что въ старину была истинная наука, такъ какъ она создалась на основаніи того, что было завѣщано людямъ немногими, настоящими мудрецами. То онъ превозноситъ женщину, которая родитъ «наибольшее количество дѣтей», то высказываетъ надежду, что въ обществѣ грядущаго люди не будутъ размножаться, какъ кролики, и т. д. и т. д.

Многочисленныя противорѣчія должны быть объяснены только тѣмъ, что Толстой, въ своихъ работахъ, часто держится пріемовъ журналиста. Навѣрное, онъ просматриваетъ и перелистываетъ множество книгъ. Но незамѣтно, чтобы онъ внимательно изучалъ и всесторонне обдумывалъ вопросы, по которымъ спѣшитъ высказать свое мнѣніе. Какъ журналистъ неукоснительно отзывается на безчисленныя злобы дня, такъ отзывается на нихъ и Толстой. И какъ журналистъ считаетъ себя готовымъ сказать что-

либо по любому текущему вопросу послѣ бѣглой справки съ Энциклопедическимъ Словаремъ, такъ и Толстой торопится писать безъ внимательной работы надъ даннымъ предметомъ; онъ не даетъ себѣ труда припомнить, что раньше сказалъ о томъ же и чѣмъ оправдывается перемѣна его воззрѣнія, если мнѣніе, пущенное нѣкогда въ оборотъ, рѣзко отличается отъ его нынѣшнихъ взглядовъ.

Поспѣшностью работы объясняется и склонность Толстого дѣлать выводы о всемъ культурномъ мірѣ на основаніи фактовъ, которые относятся только къ русской жизни. Когда онъ говоритъ о низкомъ уровнѣ матеріальнаго обезпеченія деревни, то строитъ свои выводы на данныхъ исключительно русскаго быта: на Западѣ матеріальное положеніе деревни стоитъ значительно выше, а въ Америкѣ и Австраліи—гораздо выше. Когда онъ бичуетъ современное государство и разсуждаетъ о безправіи населенія, то даетъ характеристику, примѣнимую, прежде всего, къ Россіи: въ приложеніи къ культурнымъ странамъ Запада эти выводы требуютъ крупныхъ оговорокъ, а для Америки, Австраліи, даже Англіи—очень большихъ. Эта особенность лишаетъ многія положенія Толстого общей пригодности и обезцѣниваетъ его критику современнаго общественнаго строя.

Въ исторіи литературы немало примѣровъ большой плодовитости. Она лишь въ томъ случаѣ не умаляетъ достоинства произведеній, если писатель отличается богатствомъ и разнообразіемъ мыслей. Таковъ, напримѣръ, Гёте. Онъ писалъ очень много. Но созданное имъ не производитъ впечатлѣнія журнальной работы: перечитывая произведенія Гёте, испытываешь чувство человѣка, который гуляетъ по прекрасному саду, гдѣ ему со всѣхъ сторонъ кивaютъ пышные, яркіе, благоухающіе цвѣты. Не таковъ Толстой, какъ мыслитель. Онъ высказалъ по многимъ вопросамъ частной и общественной жизни то, что извѣстно литературѣ уже давно [100]); иногда онъ облекъ это въ яркія формы, но, большею частью, лишь напомнилъ о томъ, что знакомо, напомнилъ съ безчисленными длиннотами и повтореніями. Ему лично принадлежатъ немногія мысли; нерѣдко онѣ отличаются очень сомнительными достоинствами.

Непріятно дѣйствуетъ на читателя стремленіе Толстого быть эксцентричнымъ, его неудержимая склонность къ парадоксамъ. Если, послѣ многовѣковыхъ размышленій, принято называть извѣстную вещь бѣлой, то Толстой непремѣнно называетъ ее

черной или красной и наоборотъ.—Можно спорить о степени пользы, которую приноситъ людямъ наука въ своемъ новѣйшемъ развитіи; но не можетъ быть сомнѣнія, что она полезна. И, вотъ, разъ установилось такое мнѣніе, то Толстой спѣшитъ увѣрить насъ, что наука въ высшей степени вредна, что она мѣшаетъ усовершенствованію людей.—Извѣстно, что въ мірѣ стало менѣе жестокости. Но Толстой хочетъ убѣдить насъ, что теперь такъ много жестокости, какъ никогда.—Всѣ знаютъ, что сильныя военныя державы, производя захваты въ государствахъ, неспособныхъ отстоять независимость предѣловъ, руководствуются желаніемъ пріобрѣсти новыя владѣнія, изобилующія естественными богатствами. Но Толстой хочетъ заставить насъ видѣть въ этихъ захватахъ слѣдствіе только того, что подданные государства, у котораго отнимаютъ земли, повинуются своимъ властямъ.—Извѣстно, что среди многочисленныхъ общественныхъ и государственныхъ дѣятелей есть люди, которые неутомимо работаютъ на пользу обширныхъ слоевъ населенія. Но, по словамъ Толстого, всѣ, управляющіе государствомъ, принадлежатъ къ худшимъ.—Люди, говоритъ Толстой, вообще недовольны своимъ спеціальнымъ занятіемъ. Безчисленныя же наблюденія доказываютъ, что во всѣхъ общественныхъ группахъ можно найдти людей, которые горячо преданы своему труду. Встрѣчаешь такихъ не только среди тѣхъ, которые посвящаютъ себя творческой дѣятельности высшихъ разрядовъ, но и между представителями простыхъ занятій: нерѣдко столяръ, садовникъ очень любятъ свое дѣло; многимъ приходилось наблюдать, какъ чиновникъ, уволенный отъ службы послѣ сорока лѣтъ дѣятельности, не знаетъ, къ чему приложить руки, и чувствуетъ себя прямо-таки несчастнымъ.—Сознаніе, что алкоголь вреденъ, вызвало почти повсюду сильное движеніе въ сторону трезвости. Толстой не ограничивается сочувствіемъ этому движенію и повтореніемъ мысли о вредѣ алкоголя, а силится дать вопросу новое освѣщеніе, старается доказать, что большая часть общественной работы выполняется людьми пьяными и т. д. Эти особенности Толстого, какъ мыслителя, заставляютъ примѣнить къ нему слова, которыя онъ сказалъ о Ницше: «Всѣ знаютъ, напримѣръ, что вода мокрая, и вдругъ человѣкъ съ серьезнымъ видомъ говоритъ, что вода сухая... И, съ увѣренностью высказанное, такое утвержденіе обращаетъ на себя вниманіе» [101]).

Дурное впечатлѣніе производитъ и нетерпимость Толстого. Мыслитель съ прочно обоснованными убѣжденіями можетъ отно-

ситься двояко къ тѣмъ, кто не раздѣляетъ его взглядовъ: если онъ человѣкъ добродушный, то—снисходительно и съ сожалѣніемъ, что они заблуждаются; если онъ человѣкъ сухой и черствый, то—съ высокомѣрнымъ пренебреженіемъ, такъ какъ они не могли подняться до выработки взглядовъ, которые онъ сумѣлъ усвоить. Но въ обоихъ случаяхъ отношеніе можетъ быть только спокойнымъ, свободнымъ отъ раздраженія. Послѣднее умѣстно только въ томъ случаѣ, когда есть основаніе думать, что люди, несходные съ нами по взглядамъ, держатся своихъ мнѣній подъ вліяніемъ низкихъ побужденій, своекорыстныхъ разсчетовъ. Толстой совсѣмъ лишенъ этого свойства истиннаго мыслителя. Онъ отзывается съ крайнимъ раздраженіемъ о цѣлыхъ направленіяхъ въ наукѣ, искусствѣ, общественной дѣятельности. Мало того, что люди мыслящіе и дѣйствующіе не такъ, какъ онъ, являются въ его глазахъ заблудшими: это—люди дурные, развращенные. Представители науки занимаютъ первое мѣсто среди тѣхъ, кто служитъ для него предметомъ рѣзкихъ нападокъ. Науку, по его мнѣнію, двигаютъ люди «праздные и развратные»; они «перечислили 40.000 букашекъ»; эти занятія равносильны «пусканію мыльныхъ пузырей»; большею частью, занятіе наукой гораздо хуже, чѣмъ «игра въ горѣлки или карты»; ученые, «сидя на спинѣ у простыхъ людей, ведутъ роскошную жизнь» и т. д. Раздражительность Толстого выдаетъ его слабость. У него есть сознаніе или хотя бы неясное чувство, что онъ вовсе не вооруженъ для борьбы съ положеніями науки, что въ каждой отрасли знанія найдутся люди, посвятившіе много труда и таланта на изученіе предмета своихъ излюбленныхъ занятій, что хотя въ ихъ выводахъ, уже по ограниченности человѣческаго ума, много ошибочнаго, недоказаннаго, но есть и прочно обоснованныя убѣжденія, глубоко продуманные доводы. Это сознаніе или чувство подсказываетъ Толстому, что свѣдѣнія по разнымъ вопросамъ, схваченныя налету, когда его мысль скользила только по поверхности обсуждаемыхъ явленій, дѣлаетъ его совсѣмъ неподготовленнымъ къ тому, чтобы опровергнуть какой-либо доводъ науки. Но онъ привыкъ говорить громко. Онъ хочетъ, чтобы и здѣсь его слово имѣло вѣсъ. Онъ знаетъ, что на очень и очень многихъ больше дѣйствуютъ рѣзкое отрицаніе и несправедливыя нападки, нежели поверхностные, мало обоснованные доводы: а потому, говоря о наукѣ, онъ и даетъ своему раздраженію полный просторъ.

Непріятныя ноты звучатъ и въ смиреніи Толстого. Допустимъ,

что оно искренно; однако, оно вовсе не соотвѣтствуетъ складу его жизни. Въ своемъ исповѣданіи вѣры онъ говоритъ о переворотѣ, который произвело въ немъ Евангеліе, заставившее его почувствовать отвращеніе къ тому, что считалъ прежде возвышеннымъ, прекраснымъ, достойнымъ уваженія, — къ богатству, почестямъ, разнообразнымъ усладамъ жизни, и полюбить все скромное, неизвѣстное, словомъ, мужичество. Такъ ли это? Простота въ одеждѣ и, отчасти, въ пищѣ и посвященіе небольшого количества времени земледѣльческимъ и ремесленнымъ работамъ еще недостаточны, дабы говорить о любви къ мужичеству: все это не занимаетъ главнаго мѣста въ жизни Толстого. Какъ до исповѣданія вѣры центромъ жизни были для него не развлеченія, не одежда великосвѣтскаго покроя, а художественное творчество, такъ послѣ нахлынувшей волны покаянія, главное мѣсто заняли не пахота, не шитье сапогъ, а дѣятельность публициста и проповѣдника. Просматривать множество книгъ, уловлять теченія, нарождающіяся въ литературѣ и политикѣ, писать статью за статьей, очеркъ за очеркомъ, сказку за сказкой, громить современность, подавать совѣты, способные обновить частную и общественную жизнь—вотъ что наполняетъ время Толстого за послѣднее 30-лѣтіе. Въ чемъ же здѣсь мужичество? О немъ могла бы быть рѣчь только въ томъ случаѣ, если бы Толстой цѣликомъ или, по крайней мѣрѣ, въ главныхъ чертахъ усвоилъ жизнь простыхъ людей, отдавалъ физическому труду большую часть своего времени, относился равнодушно къ общественнымъ вопросамъ и новостямъ литературы, читалъ очень мало и выбиралъ для чтенія приблизительно то, что выбираютъ крестьяне. А потому неизбѣжно признаешь его смиреніе совсѣмъ ненужнымъ и невольно отмѣтишь сильное преувеличеніе въ томъ, что онъ говоритъ о своей любви къ простонародному быту. Такая любовь къ мужику произрастаетъ особенно успѣшно на почвѣ утонченнаго эпикурейства.

III.

Многими изъ своихъ странныхъ мыслей и томительно однообразныхъ совѣтовъ Толстой обязанъ тому, что упускаетъ изъ вида неудержимое стремленіе человѣка сохранить индивидуальность.

Люди хотятъ возможно полно развить силы, которыя вложила въ нихъ природа. Чѣмъ ярче личность, тѣмъ труднѣе подчинить

ее какимъ-либо общимъ, неизмѣннымъ шаблонамъ. Человѣкъ съ развитымъ умомъ и сильной волей, чувствуя влеченіе къ научной, художественной или практической дѣятельности, считаетъ тяжелымъ бременемъ все, что отклоняетъ его отъ излюбленнаго направленія. Не малой тяготой служатъ для него даже возвышенные завѣты, которые призываютъ бороться съ личными вкусами и влеченіями, любить ближнихъ и служить имъ непрерывнымъ трудомъ. Если дѣятельность такого человѣка служитъ ко благу другихъ, то онъ, какъ бы независимо отъ самого себя, слѣдуетъ завѣтамъ новаго ученія. Если она безполезна для ближнихъ, то онъ не тревожится: потребности его «я» получаютъ полное удовлетвореніе, и онъ оставляетъ безъ вниманія призывы къ иной жизни.

Темпераментъ имѣетъ въ этихъ случаяхъ основное значеніе: если человѣкъ обладаетъ способностью напряженно желать, то нелегко отказывается отъ предмета своихъ хотѣній. Если страсти не проявляются съ большой энергіей, то гораздо легче отклонить его отъ намѣченной дороги. Съ лѣтами воля ослабѣваетъ. Въ молодомъ и зрѣломъ возрастѣ человѣкъ энергически выражаетъ свое «я». Онъ чувствуетъ избытокъ силъ, неизмѣнную готовность къ борьбѣ; онъ знаетъ, что люди требуютъ отъ него многаго. По мѣрѣ ослабленія организма, уменьшается напряженіе воли и умаляется желаніе выразить себя во внѣ. Время человѣка меньше наполнено тѣмъ, что связано съ заботами о личной жизни. Съ тѣмъ вмѣстѣ человѣкъ все больше проникается сознаніемъ, что его силы умалились, способность къ труду не такъ велика, какъ въ былое время, что онъ уже не въ состояніи отвѣтить на запросы, которые раньше удовлетворялъ сполна. Дабы оградить себя, онъ предъявляетъ людямъ меньше требованій, относится къ нимъ болѣе снисходительно, даже становится болѣе склоненъ помогать имъ. Его слова и поступки производятъ впечатлѣніе, что онъ сталъ добрѣе. Въ дѣйствительности же перемѣна является слѣдствіемъ пониженія силъ человѣка, уменьшенія въ немъ способности, а часто и охоты ярко выдѣлять себя, т. е. заниматься дѣлами, которыя особенно соотвѣтствуютъ его старинным влеченіямъ.

Велико значеніе и внѣшнихъ условій. Свобода, благосостояніе, образованный умъ, развитіе художественнаго вкуса облегчаютъ человѣку яркое выраженіе личности и влекутъ къ обстановкѣ, которая благопріятна для этого выраженія. Эти же условія дѣ-

лаютъ его менѣе воспріимчивымъ къ ученіямъ, которыя строятъ жизнь для всѣхъ по одному образцу. А разъ воспитана критическая мысль и подорвана наивная вѣра въ то, что стоитъ за предѣлами реальнаго міра, то не соблазняютъ и сверхчувственныя награды, которыя новое ученіе обѣщаетъ своимъ послѣдователямъ.

Иначе поставлены люди, которые занимаютъ низшія ступени общественной лѣстницы. Бѣдность препятствуетъ пользоваться свободой и не даетъ доступа ко многому, что позволяетъ человѣку ярко выразить его «я». Умъ, не привыкшій къ критическому мышленію, оставляетъ широкій просторъ для вѣры въ чудесное. Лишенные свободнаго выбора, эти люди обыкновенно осуждены на однообразіе въ занятіяхъ и складѣ жизни: а потому именно среди нихъ находятъ многочисленныхъ послѣдователей тѣ ученія, которыя стремятся навязать всѣмъ приблизительно одни и тѣ же поступки, мысли и чувства. Воспріявъ новое ученіе, члены этого обширнаго круга не теряютъ ничего, ибо только въ рѣдкихъ случаяхъ пользуются обстановкой, которая отвѣчаетъ на ихъ влеченія. Напротивъ, многіе выигрываютъ: пріобщившись по необходимости къ какому-либо малопривлекательному труду, они должны работать съ чрезмѣрнымъ напряженіемъ. Новое ученіе, которое призываетъ ихъ служить другимъ, во всякомъ случаѣ, не будетъ требовать отъ нихъ такого усиленнаго труда, какъ общественный строй, гдѣ они живутъ, а потому ихъ стремленіе къ свободѣ можетъ быть легче удовлетворено при новыхъ условіяхъ жизни, нежели при старыхъ. Къ этому присоединяется обѣщаніе награды въ невѣдомомъ мірѣ. Критическая мысль не работаетъ, а надежда, никогда не покидая человѣка, подсказываетъ, что слѣдуетъ вѣрить въ лучшее будущее.

Общія соображенія подкрѣпляются данными исторіи. Почти всѣ ближайшіе послѣдователи Христа были изъ простыхъ людей; только немногіе принадлежали къ состоятельнымъ и образованнымъ классамъ. Большинству послѣднихъ мѣшало не пристрастіе къ благосостоянію, а то, что обстановка, въ которой они находились, позволяла имъ сохранить индивидуальность. Одинъ выражалъ ее въ томъ, что окружалъ себя роскошью, проводилъ время въ пирахъ и забавахъ. Другой держался за старину потому, что хотѣлъ служить государству. Третій жилъ въ уединеніи и занимался философіей. Простыхъ же людей новое ученіе привлекало въ высшей мѣрѣ. Рабъ радостно бѣжалъ отъ господина, дабы

стать членомъ христіанской общины; его положеніе тотчасъ же измѣнялось къ лучшему. Его прокормленіе было въ новыхъ условіяхъ жизни иной разъ менѣе обезпечено, нежели подъ властью господъ, но отступалъ далеко назадъ тяжелый трудъ, отъ котораго нельзя было избавиться на старомъ пепелищѣ. А обѣщаніе загробнаго блаженства давало новому ученію особенную привлекательность и дѣлало многихъ готовыми на полное самоотреченіе.

Слѣдя за развитіемъ сектъ на основѣ христіанства, мы видимъ всегда одно и то же: классы населенія, которые имѣютъ возможность довольно полно выразить свою волю во внѣшнемъ мірѣ, даютъ немного сектантовъ; тѣ же, для кого эта возможность не существуетъ или совсѣмъ ничтожна, наполняютъ ряды послѣдователей новаго ученія. Одна и та же причина дѣйствуетъ во всѣхъ случаяхъ.

Разсказъ Толстого *Ходите въ свѣтѣ, пока есть свѣтъ*, принадлежащій къ лучшимъ произведеніямъ знаменитаго романиста, подтверждаетъ эти мысли. Юлій и Памфилій, друзья и ровесники, учились вмѣстѣ. Оба отличались красотой, здоровьемъ и дарованіями. Памфилій, сынъ вольноотпущеннаго, познакомился съ христіанами и принялъ ихъ ученіе еще въ ранней молодости. Юлій, сынъ богатаго и именитаго гражданина, сталъ христіаниномъ, приблизительно, 60 лѣтъ отъ роду, хотя въ теченіе жизни неоднократно встрѣчалъ Памфилія, слушалъ его восторженные отзывы о христіанствѣ и даже не разъ бывалъ подъ сильнымъ впечатлѣніемъ его разсказовъ о жизни въ общинахъ христіанъ. Почему же понадобилось добрыхъ 35 лѣтъ, чтобы Юлій послѣдовалъ примѣру своего друга?

Юлій много лѣтъ увлекался разными соблазнами: веселыя пирушки съ друзьями, знакомство съ женщинами, женитьба, дѣти, заботы о ихъ воспитаніи; когда наступилъ зрѣлый возрастъ, предъ Юліемъ возстали соблазны въ видѣ обширныхъ торговыхъ дѣлъ отца, занятія важной общественной должности, сложныхъ заботъ о довольно взрослыхъ дѣтяхъ. Захворавъ на нѣсколько мѣсяцевъ, онъ невольно располагалъ долгимъ досугомъ, могъ глубоко вдуматься въ свое положеніе, проникнуться сознаніемъ своей грѣховности и пріобщиться къ христіанству. Продлись его болѣзнь еще дольше, и онъ, быть можетъ, вступилъ бы въ общину христіанъ. Но искусный врачъ вылечилъ его, и онъ снова прилѣпился къ образу жизни, который велъ до болѣзни.

Дабы совсѣмъ покинуть привычный путь, Юлію нужно было

достигнуть почти 60 лѣтъ, потерять жену, видѣть, какую распутную жизнь велъ одинъ изъ его сыновей, лишиться милости начальника и быть брошеннымъ друзьями и льстецами. И онъ пошелъ къ христіанамъ, пошелъ только тогда, когда уже не оставалось утѣшенія ни въ одной изъ знакомыхъ ему областей жизни.

Почему же участь Памфилія такъ не сходна съ судьбой Юлія? Въ ранней юности они шли вмѣстѣ; затѣмъ пути ихъ разошлись; они разошлись вслѣдствіе разницы въ томъ, что обѣщала жизнь одному и другому. Она сулила одному разныя наслажденія и разные роды занятій, въ которыхъ можно сполна выразить способности и удовлетворить влеченія, а другому—гораздо меньше разнообразія и въ удовольствіяхъ, и въ трудѣ. Первый, переходя въ скромную жизнь христіанскихъ общинъ, терялъ гораздо меньше, нежели второй.

Отъ мудреца, который выведенъ Толстымъ въ этомъ разсказѣ, мы слышимъ такія слова: «люди злы и подвержены страстямъ. Эта игра страстей и тѣ столкновенія, которыя происходятъ отъ нихъ, удерживаютъ людей во многихъ условіяхъ жизни, въ которыхъ они живутъ. Варвары не знаютъ никакихъ стѣсненій и одинъ дикарь, для удовлетворенія своихъ похотей, уничтожилъ бы весь міръ, если бы люди покорялись такъ, какъ покоряются христіане. Если боги вложили въ людей чувства гнѣва, то они сдѣлали это потому, что чувства эти необходимы для жизни людей. Христіане учатъ, что эти чувства дурныя, и что безъ нихъ люди были бы счастливы, не было бы убійствъ, казней, войнъ. Это справедливо, это подобно тому предложенію, что для благосостоянія людей имъ не надо питаться... Если бы два-три десятка людей, повѣривъ этому и дѣйствительно не принимая пищи, умерли бы отъ голода, это не измѣнило бы природы человѣка. Точно то же и съ другими страстями человѣка: негодованіе, злоба, месть, даже любовь къ женщинамъ, къ роскоши, блеску и величію свойственны богамъ, а потому и суть неизмѣнныя свойства человѣка....». Такъ говорилъ мудрецъ въ началѣ христіанской эры. Онъ оказался настоящимъ пророкомъ: прошло слишкомъ 18 вѣковъ, и люди, въ огромномъ большинствѣ, таковы же и до сихъ поръ.

Положеніе малоимущихъ классовъ постепенно измѣняется къ лучшему. Не только абсолютно, но и относительно возрастаетъ число людей, которые, при достаточной матеріальной обезпеченности и довольно высокомъ умственномъ развитіи, могутъ свободно выбирать занятіе, т. е. выражать свое «я».

Этому содѣйствуетъ и любознательность людей. Съ повышеніемъ культуры она возрастаетъ. Большею частію, она еще не выходитъ за предѣлы любопытства, желанія знать текущія новости общественной жизни, политики, искусства и факты изъ частнаго быта знакомыхъ и незнакомыхъ. Но все больше становится число тѣхъ, кто, въ стремленіи къ знанію, не ограничивается этимъ тѣснымъ кругомъ. Знанія облегчаютъ рѣшеніе практическихъ задачъ, связанныхъ то съ интересами всего населенія, то съ выгодами какого-нибудь класса, или даже маленькой общественной группы. Но многія знанія, поступающія въ человѣческій обиходъ, не имѣютъ ближайшаго отношенія къ практическимъ цѣлямъ или сами по себѣ или, по крайней мѣрѣ, для лицъ, которыя воспринимаютъ ихъ. Астрономія и исторія религій не связаны съ задачами практической жизни. Но и химія, ботаника, соціологія сплошь и рядомъ не имѣютъ ближайшаго отношенія къ житейскимъ цѣлямъ того, кто пріобрѣтаетъ знанія по этимъ наукамъ.

Процессъ пріобрѣтенія знаній представляетъ пеструю картину. Одни пріобрѣтаютъ разностороннія знанія, но только скользятъ по ихъ поверхности; другіе, ограничивая себя тѣснымъ кругомъ, глубоко проникаютъ въ то, что изучаютъ. Третьи облекаютъ знанія въ форму, которая дѣлаетъ ихъ доступными для широкаго круга. И, наконецъ, небольшое меньшинство напрягаетъ работу мысли, дабы пріобщить что-нибудь новое къ запасу накопленныхъ знаній. Очень велико разстояніе между первой группой, людьми, которые безпорядочно пріобрѣтаютъ много знаній и только отчасти усваиваютъ ихъ, и послѣднею—тѣми, кто самостоятельно двигаетъ науку; но почти всѣхъ объединяетъ то, что въ эту область ихъ направляетъ любознательность.

Подъ ея вліяніемъ въ культурныхъ странахъ непрерывно возрастаетъ число библіотекъ, общихъ и спеціальныхъ, умножаются народныя читальни, курсы, лекціи; съ каждымъ годомъ увеличивается число выходящихъ книгъ и повременныхъ изданій. Съ каждымъ годомъ производится все большее количество работы и для того, чтобы увеличить запасъ знаній, и для того, чтобы сдѣлать ихъ доступными широкому кругу.

Значительное количество этого труда затрачивается въ разсчетѣ на какія-либо побочныя выгоды. Многіе читаютъ книги по астрономіи или психологіи потому, что такъ принято, потому, что человѣкъ, который хочетъ быть пріобщенъ къ образованнымъ классамъ, долженъ обладать порядочной начитанностью. Одинъ издаетъ

трактатъ по исторіи или философіи въ надеждѣ на хорошій сбытъ, а другой старается отыскать что-либо новое въ строеніи мельчайшихъ существъ, дабы стать членомъ академіи наукъ. Но къ этимъ побужденіямъ нельзя свести огромное количество работы, которая производится въ этой области: только любознательностью можно объяснить увлеченіе, съ которымъ работаютъ и двигающіе науку впередъ и изучающіе. Если бы эти люди были лишены любознательности, то вышли бы изъ этого круга и отыскали бы иные способы удовлетворить тщеславіе, честолюбіе, обезпечить свои матеріальныя выгоды и наполнить свой досугъ.

Любознательность становится все болѣе выдающимся свойствомъ людей; часто удовлетворяютъ ее съ большимъ самоотверженіемъ. Для своихъ научныхъ изысканій, работъ въ лабораторіяхъ, архивахъ, раскопокъ за тысячи верстъ отъ родины человѣкъ нерѣдко затрачиваетъ большую часть своихъ средствъ и лишаетъ себя привычныхъ удобствъ жизни. Мы видимъ и другое. При скромномъ достаткѣ, семья удѣляетъ ежегодно десятки, а то и цѣлую сотню рублей на книги и газеты; въ то же время она скудно удовлетворяетъ свои потребности въ пищѣ, одеждѣ, жилищѣ. Если бы сотня рублей, расходуемыхъ на книги, была затрачена для найма лучшей квартиры, то, навѣрное, значительно выиграли бы родители и, особенно, дѣти. Со стороны общественныхъ группъ, очень мало обезпеченныхъ—народныхъ учителей, церковно-служителей, низшихъ служащихъ въ торговыхъ предпріятіяхъ, ремесленниковъ, фабричныхъ работниковъ, крестьянъ—запросъ на книги и газеты возрастаетъ безостановочно. Словомъ, отрываются частицы отъ самыхъ скудныхъ доходовъ, дабы отвѣтить на любознательность.

Есть полное основаніе, перефразируя слова Аристотеля, назвать человѣка «любознательнымъ животнымъ». *Возрастающая любознательность тѣсно связана со стремленіемъ людей выразить индивидуальность.* Можно подмѣтить эту связь во всѣхъ группахъ, прикосновенныхъ къ наукѣ. Если одинъ производитъ раскопки развалинъ Трои, другой работаетъ въ архивѣ надъ изученіемъ городского быта Россіи или Германіи, третій изучаетъ строеніе общественныхъ классовъ въ древнемъ Римѣ, четвертый проводитъ всю жизнь за микроскопомъ, то есть основаніе предположить, что каждый слѣдуетъ своимъ вкусамъ и наклонностямъ. Пріобрѣтая знанія и, тѣмъ болѣе, присовокупляя что-нибудь къ существующему запасу, каждый изъ нихъ наиболѣе ярко выра-

жаетъ свою индивидуальность. Это относится не только къ небольшому меньшинству, отдающему наукѣ большую часть своихъ силъ: и среди милліоновъ людей, которые только усваиваютъ знанія, эта область является благодарной почвой, гдѣ человѣкъ можетъ отвѣтить на главные запросы своей духовной природы. Трудъ большинства однообразенъ и родомъ работы, и тѣмъ, что твердо установившіеся техническіе пріемы даютъ мало пищи для мышленія. Развлеченія, доступныя этимъ людямъ, также не отличаются разнообразіемъ. И, вотъ, неиспользованная сила мысли направляется въ область книгъ и газетъ. Дополняя свое образованіе уже въ зрѣломъ возрастѣ, человѣкъ ясно видитъ, какъ съ каждымъ мѣсяцемъ расширяется его кругозоръ и къ небольшому старинному запасу пріобщаются новыя знанія, какъ они пробуждаютъ мысль, какъ возрастаетъ стойкость и опредѣленность въ оцѣнкѣ разныхъ вопросовъ. какъ вырабатывается способность смотрѣть на окружающее особеннымъ образомъ, не вполнѣ сходнымъ со взглядами другихъ. И человѣка радуетъ возможность все чаще выражать себя въ самостоятельной оцѣнкѣ людей и вещей.

Любознательность оказываетъ большое вліяніе на весь складъ жизни; это вліяніе возрастаетъ безостановочно. Отмѣчу, въ видѣ примѣра, связь этой потребности съ воздержаніемъ: на Западѣ группы рабочаго класса и крестьянства, въ которыхъ укрѣпляется привычка къ чтенію, изъ года въ годъ сокращаютъ потребленіе спиртныхъ напитковъ.

Навязывая людямъ, прежде всего, поступки, которые относятся къ области добрыхъ дѣлъ, Толстой упускаетъ изъ вида неутолимую жажду знанія человѣка; она будетъ заявлять о себѣ все чаще и чаще. Образуя могущественную силу, она способна отвлекать его отъ служенія ближнимъ. Нашимъ потомкамъ гораздо чаще, чѣмъ намъ, придется переживать столкновеніе между влеченіемъ къ знанію и вліяніемъ призывовъ помогать ближнимъ. Первое будетъ нерѣдко оставаться побѣдителемъ.

Все это, предъ судомъ многихъ и многихъ, будетъ обезцвѣчивать ученія, приводящія людей къ одному знаменателю.

IV.

Альтруизмъ Толстого производитъ впечатлѣніе чего то холоднаго, искусственнаго; онъ идетъ не отъ сердца. Не легко найдти писателя, который говорилъ бы такъ много, какъ Толстой, о

любви къ ближнимъ, о необходимости служить имъ съ забвеніемъ личныхъ интересовъ. Столь частые призывы должны бы, кажется, увлекать множество людей; однако, мы этого не видимъ.

Напоминаніе о нравственныхъ завѣтахъ Христа всегда имѣетъ цѣну; но, какъ общее положеніе, оно недостаточно. При несложной жизни, которая отличала первые вѣка христіанства, было довольно и того, что дѣлали въ этомъ отношеніи Христосъ, Апостолы и Отцы церкви. Было довольно однихъ требованій и напоминаній о необходимости любить ближнихъ, служить имъ личнымъ трудомъ и матеріальными средствами. На Востокѣ, тамъ, гдѣ училъ Христосъ и Его ближайшіе ученики, жизнь была настолько проста и однообразна, раздѣленіе занятій и группировка населенія такъ несложны, что не было надобности въ частичныхъ указаніяхъ относительно того, какія формы должно принимать альтруистическое чувство.

Поставимъ такой вопросъ: что слѣдовало дѣлать тому, кто, въ первые вѣка христіанства, хотѣлъ помогать неимущимъ больнымъ, и что дѣлать добросердечному человѣку теперь, если онъ ставитъ передъ собой эту задачу? Въ то время, за полнымъ отсутствіемъ врачебныхъ мѣропріятій, доступныхъ людямъ мало имущимъ и даже средне состоятельнымъ, такой дружелюбецъ долженъ былъ взять съ собой пищи, одежды, принести больному, остаться при немъ, ухаживать за нимъ и, по мѣрѣ силъ, облегчать его страданія. Въ настоящее время такое рѣшеніе этого вопроса было бы или не цѣлесообразнымъ или, по крайней мѣрѣ, не самымъ лучшимъ. Современное врачебное искусство располагаетъ столь многочисленными способами воздѣйствія на людей, что передъ альтруистомъ, который хотѣлъ бы служить ближнимъ, преимущественно, въ видѣ леченія бѣдныхъ больныхъ, возникъ бы цѣлый рядъ вопросовъ. Лечить ли этихъ больныхъ на дому или же въ больницѣ? Спеціализація больницъ подвинулась очень далеко, а потому нужно было бы выяснить, въ какую больницу помѣстить ихъ. Или, быть можетъ, слѣдовало бы устроить ихъ въ санаторіи, отправить въ горы, на берегъ моря? Такъ какъ многія болѣзни очень заразительны, то нѣтъ ли надобности подвергнуть дезинфекціи жилище больного? Не слѣдуетъ ли удалить изъ зараженнаго жилища членовъ семьи больного? Только послѣ отвѣта на эти и разные другіе соприкасающіеся вопросы можно было бы оказать бѣднымъ больнымъ помощь въ формѣ, наиболѣе цѣлесообразной, безъ потери времени и безъ сомнительно полезной за-

траты матеріальныхъ средствъ. Что пояснено на одномъ примѣрѣ, то примѣнимо и ко всякому иному направленію альтруистическаго чувства. Кто бы ни были нуждающіеся, которымъ хочетъ служить дружелюбецъ, каковы бы ни были ихъ возрастъ, степень ихъ умственнаго развитія, родъ привычныхъ имъ занятій, ихъ семейное состояніе,—альтруистъ долженъ выяснить цѣлый рядъ вопросовъ прежде, чѣмъ помощь, которую онъ подастъ имъ, окажется для нихъ наиболѣе умѣстной и своевременной. Необходимость этого не зависитъ отъ нашего произвола и нашихъ прихотей: она вытекаетъ изъ чрезвычайной сложности современной жизни.

Толстой чувствуетъ, что общее напоминаніе о необходимости служить ближнимъ недостаточно, и старается дать конкретную форму, въ которую могли бы быть облечены столь часто выдвигаемые имъ нравственные завѣты Христа. Она сводится къ тому, что альтруистъ долженъ служить нуждающимся, и именно крестьянскому населенію, своимъ личнымъ трудомъ. Толстовская форма столь же проста, сколько неудовлетворительна.

1) Населеніе деревень составляетъ только часть населенія всей страны. Даже въ Россіи, гдѣ, согласно съ послѣднею переписью, 80% жителей принадлежатъ къ деревнѣ, многіе милліоны имѣютъ столь мелкіе участки, что не ведутъ хозяйства самостоятельно, а добываютъ главныя средства къ жизни изъ мѣстныхъ или отхожихъ промысловъ. Слѣдовательно, личный трудъ альтруистовъ на пользу нуждающихся поселянъ могъ бы быть полезенъ далеко не для всего населенія. Въ Западной же Европѣ поселяне составляютъ 50, 40, даже 30% общаго числа жителей. Толстой поучаетъ не только русскихъ, но и иностранцевъ, а потому формы, въ которыхъ онъ хочетъ видѣть выраженіе альтруистическаго чувства, должны быть болѣе или менѣе пригодны и въ Россіи и за ея предѣлами. Оказывается же, что огромная часть населенія въ однѣхъ странахъ и большая его часть въ другихъ не могутъ извлекать никакой пользы изъ этихъ совѣтовъ Толстого.

2) Его призывъ теряетъ значеніе и потому, что суживаетъ кругъ людей, которые, пользуясь имъ, могли бы проявлять чувство дружелюбія. Состоятельные люди, совсѣмъ праздные, составляютъ въ деревняхъ незамѣтное меньшинство; оно растворяется въ массѣ земледѣльцевъ. Изъ этого источника деревня можетъ получить лишь мало замѣтное подспорье, только небольшое облег-

ченіе своихъ настоятельныхъ нуждъ. Именно въ городахъ сосредоточивается много праздныхъ людей, большой запасъ свободныхъ личныхъ силъ и крупныя матеріальныя средства, которыя могутъ быть плодотворно затрачены въ любомъ направленіи. Именно горожане совсѣмъ отрѣзаны отъ той формы служенія ближнему, которая и встрѣчаетъ особенное одобреніе Толстого. Они стоятъ слишкомъ далеко отъ деревни, и по своимъ привычкамъ, и по запасу тѣлесныхъ силъ, а потому и не способны удѣлить ей личный трудъ. Они могутъ служить ей прямо своими матеріальными средствами, а косвенно—и своимъ трудомъ, чрезъ посредство разнообразныхъ союзовъ, которые развились такъ успѣшно въ новѣйшее время. Толстой не приглашаетъ ихъ въ эту область, а потому все, что они дѣлаютъ въ этомъ направленіи, дѣлается помимо Толстого и даже вопреки ему.

3) Толстой легко устраняетъ это неудобство: онъ призываетъ горожанъ бросить города, направиться въ деревню и усвоить тотъ складъ жизни, который облегчилъ бы и городскому населенію слѣдованіе его совѣтамъ.—Когда ораторъ кричитъ на митингѣ о необходимости разрушить государство, быстро и въ корнѣ измѣнить общественный строй и создать новыя формы жизни, вовсе несходныя съ существующими, то мы находимъ естественными всѣ его совѣты, пожеланія и призывы: ничто, исходящее отъ оратора митинговъ, не можетъ удивить насъ. Но къ Толстому мы предъявляемъ иныя требованія. Онъ не можетъ не знать, какъ слагались формы общежитія, не можетъ не знать, что жизнь нашего времени опредѣляется бытомъ длиннаго ряда поколѣній. Ему извѣстно, что строй народнаго хозяйства и права держится прочно и измѣняется медленно. Онъ долженъ былъ бы заключить, что, для перехода отъ современной городской жизни къ деревнѣ, природѣ, сельскому труду, нужно нѣсколько поколѣній. Онъ не можетъ не знать этого; а если такъ, то почему же совѣтуетъ онъ облекать дружелюбіе въ форму, которая пригодна только для немногихъ людей и не можетъ получить общее значеніе? Просто потому, что эта форма *ему нравится*, что ему пріятно именно *въ ней* выражать альтруизмъ. Предъ прихотью Толстого отступаютъ и напоминанія исторіи, и реальныя потребности огромной массы людей; оставляются безъ вниманія и безъ истинно полезнаго поученія многія силы, склонныя къ добру, которыя готовы были бы выразить свое чувство дружелюбія, но не могутъ послѣдовать совѣту Толстого.

Альтруизмъ Толстого мертвъ. Его мысли были пущены въ оборотъ болѣе четверти вѣка назадъ; онѣ извѣстны и въ Россіи и далеко за ея предѣлами; онѣ, повидимому, таковы, что исполненіе ихъ не связано съ большими трудностями. А между тѣмъ мы не видимъ практическихъ послѣдствій. Есть какіе-то толстовцы; говорятъ, что ихъ довольно много; передаютъ, что въ общинахъ, основанныхъ ими, они ведутъ «жизнь праведную». Но никому не приходилось слышать, чтобы, слѣдуя совѣтамъ Толстого, подняли благосостояніе цѣлой волости, или хотя бы одной деревни, или даже довольно большой группы крестьянскихъ дворовъ. А за 20 слишкомъ лѣтъ, въ теченіе которыхъ на всѣ лады превозносили соціальное ученіе Толстого, въ предѣлахъ Европы и даже любой изъ европейскихъ странъ возникли безчисленныя начинанія на пользу неимущихъ. Если бы я захотѣлъ только перечислить разряды мѣропріятій, обществъ и учрежденій, созданныхъ для того, чтобы расширять для бѣднѣйшихъ классовъ доступъ къ свободѣ и просвѣщенію, облегчать трудъ работниковъ, воспитывать бѣдныхъ дѣтей, исправлять преступниковъ, лечить больныхъ, призирать престарѣлыхъ и увѣчныхъ, то долженъ былъ бы заполнить немало страницъ. За эти 20 лѣтъ, въ предѣлахъ европейско-американскаго міра, на дѣла милосердія затрачены безчисленные милліоны. Къ этимъ дѣламъ примкнулъ не одинъ милліонъ людей. Если даже большая часть примкнувшихъ, хотя бы цѣлыхъ 90%, занимались благотворительностью, какъ спортомъ, тѣшили свое тщеславіе, то все же останется много дѣятелей, которые въ этой формѣ удовлетворяли свое альтруистическое чувство. Допустимъ, что среди принятыхъ мѣръ и созданныхъ учрежденій многое ненужно, нецѣлесообразно: во всякомъ случаѣ останется не мало полезнаго для разныхъ сторонъ быта неимущихъ классовъ. Среди безчисленныхъ дѣятельныхъ дружелюбцевъ новаго времени найдутся люди съ извѣстными именами; но, конечно, нѣтъ ни одного, кто пользовался бы такою славою, какъ Толстой. А, между тѣмъ, эти, обыкновенно мало извѣстные, дѣятели и труженики принесли въ совокупности гораздо больше пользы, чѣмъ онъ. Почему? Только потому, что не отворачивались отъ дѣйствительности, прислушивались къ біенію жизни, уловляли назрѣвавшія потребности и стремились удовлетворить ихъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Въ чемъ моя вѣра? *Полное собраніе сочиненій Л. Н. Толстого.* VII. Лондонъ 1902. Стран. 21.

2) *Тамъ же.* Стран. 87—89.

3) *Тамъ же.* Стран. 91.

4) *Тамъ же.* Стран. 184—85.

5) *Тамъ же.* Стран. 196—97.

6) *Тамъ же.* Стран. 202.

7) *Тамъ же.* Стран. 204.

8) *Тамъ же.* Стран. 206.

9) *Тамъ же.* Стран. 208.

10) *Тамъ же.* Стран. 209.

11) *Тамъ же.* Стран. 211.

12) *Тамъ же.* Стран. 213.

13) О жизни. Полное собраніе сочиненій Л. Н. Толстого. IX. Лондонъ. 1902. Стран. 108—09.

14) Въ чемъ моя вѣра? Стран. 110—15.

15) *Тамъ же.* Стран. 132.

16) Рабство нашего времени. *Сочиненія Толстого.* 1906. Изданіе Битнера. Вып. 6. Стран. 136—37.

17) Такъ что же намъ дѣлать? *Полное собраніе сочиненій Л. Н. Толстого.* VIII. Лондонъ. 1902. Стран. 87—155.

18) *Тамъ же.* Стран. 112.

19) *Тамъ же.* Стран. 152—53.

20) *Тамъ же.* Стран. 224 и дал.

21) Конецъ вѣка. *Сочиненія Толстого.* 1906. Изданіе Битнера. Вып. 3. Стран. 249.

22) Первая ступень. Сочиненія графа Л. Н. Толстого. 1903. XI. Стран. 553—55.

23) Что такое религія и въ чемъ сущность ея? *Сочиненія Толстого.* 1906. Изданіе Битнера. Вып. 3. Стран. 214—15.

24) Что такое искусство? Стран. 220—33. Предисловіе къ статьѣ Карпентера „Современная наука“. Стран. 247—58. *Сочиненія графа Л. Н. Толстого.* 1898. XV. Ложная наука. Письмо къ крестьянину. *Новая Русь.* 1909. 11, 14 и 15 ноября.

25) Рабство нашего времени. Стран. 137—38.

26) Что такое искусство? Стран. 13—63 и 162—95.

27) *Тамъ же.* Стран. 90.

28) О правдѣ въ искусствѣ. Сочиненія. 1903. XI.

29) Что такое искусство? Стран. 195—206.

30) О назначеніи науки и искусства. Сочиненія. 1903. XI. Стр. 340—54.
31) *Тамъ же.* Стран. 360—62.
32) Въ чемъ счастіе? Сочиненія. 1903. XI.
33) Рабство нашего времени. Стран. 139—47.
34) О значеніи русской революціи. Изданіе Посредника. Стран. 63—66.
35) Рабство нашего времени. Стран. 148—49.
36) О значеніи русской революціи.
37) Къ политическимъ дѣятелямъ. *Сочиненія Толстого.* 1906. Изданіе Битнера. Вып. 2. Стран. 167—68.
38) О жизни. Стран. 40.
39) *Тамъ же.* Стран. 80.
40) *Тамъ же.* Стран. 87.
41) Въ чемъ моя вѣра? Стран. 159.
42) *Тамъ же.* Стран. 166.
43) Любовь. *Сочиненія.* 1903. XI. Стран. 414—30.
44) *Тамъ же.* 423.
45) *Л. Н. Толстой.* Любите другъ друга. 1909. Изданіе Посредника.
46) Первая ступень. *Сочиненія.* 1903. XI.
47) Для чего люди одурманиваются? *Сочиненія.* 1903. XI. Стран. 511—34.
48) Послѣсловіе къ Крейцеровой сонатѣ. *Сочиненія.* 1903. XII.
49) *Тамъ же.* Стран. 440—41.
50) Женщинамъ. *Сочиненія.* 1903. XI. Стран. 394—406.
51) Ручной трудъ и умственная дѣятельность. *Сочиненія.* 1903. XI. Стран. 491—502.
52) Такъ что же намъ дѣлать?
53) *Сочиненія.* 1903. XI. Стран. 488—89.
54) Недѣланіе. *Сочиненія.* 1903. XI. Стран. 583—614.
55) Страхъ смерти. Страданія. *Сочиненія.* 1903. XI. Стран. 430—72.
56) Къ политическимъ дѣятелямъ. Стран. 165—81.
57) О значеніи русской революціи.
58) Къ рабочему народу. *Сочиненія Толстого.* 1906. Изданіе Битнера. Вып. 1. Стран. 49—73.
59) *Л. Н. Толстой.* Великій грѣхъ. 1905. Изданіе Посредника. Стран. 40—41.
60) *Л. Н. Толстой.* Приближеніе конца. 1906. Книгоиздательство „Обновленіе".
61) *Л. Н. Толстой.* Письмо къ китайцу. 1906. Изданіе Посредника.
62) *Тамъ же.* Стран. 10.
63) О значеніи русской революціи.
64) *Тамъ же.*
65) О значеніи русской революціи. Стран. 83.
66) Что такое искусство? Стран. 211—19.
67) *Guyau.* L'irréligion de l'avenir. 14 édition. 1909. Стран. 94—96.
68) Ср. *Häser.* Geschichte christlicher Krankenpflege u. Pflegerschaften.

1857. *Laurent.* Etudes sur l'histoire de l'humanité. IV. Le christianisme. 1863 Стран. 191—216. *Uhlhorn.* Die christliche Liebesthätigkeit im Mittelalter. 1884. Стран. 216—50. *Harnack.* Das Mönchthum, seine Ideale u. seine Geschichte. 4 изд. 1895. *Кудрявцевъ.* Исторія православныхъ монастырей въ сѣверо-восточной Россіи со временъ преп. Сергія Радонежскаго. 1881. *Суворовъ.* Христіанская благотворительность въ языческой римской имперіи. 1889. *Никольскій.* Кирилло-Бѣлозерскій монастырь. I. 1897.

69) *Harnack.* Lehrbuch der Dogmengeschichte. I. 4 изд. 1909. Стран. 456—58.

70) *Bloch.* Vom Tode 1909. I. Стран. 104—20 и 198—213.

71) Ср. въ особенности „Капиталъ" *Маркса,* „Die Lage der arbeitenden Classe in England" *Энгельса,* „Tableau de l'état physique et moral des ouvriers employés dans les manufactures" *Виллерме,* а также „Le nouveau monde industriel et sociétaire" *Фурье* (стран. 362—426 въ изданіи 1870 года), „Organisation du travail" *Луи-Блана,* „Хлѣбъ и воля" *Кропоткина.*

72) По даннымъ 1900 года.

73) Съ бытомъ работниковъ въ Соединенныхъ Штатахъ и Австраліи можно всесторонне ознакомиться по слѣдующимъ сочиненіямъ: *Levasseur.* L'ouvrier américain. 2 vol. 1898. *Mosely.* Des conditions de la vie économique et sociale de l'ouvrier aux Etats-Unis. 1904. *Shadwell.* Industrial Efficiency. 1906. *Sombart.* Warum giebt es in den Vereinigten Staaten keinen Socialismus? 1906. *Clark.* Labor conditions in Australia. *Bulletin of the Bureau of Labor* in Washington. *Schachner.* Australien. 1909.

74) *Dehn.* Weltwirthschaftliche Neubildungen. 2 Aufl. 1904. Стран. 227 и дал.

75) *Спенсеръ.* Основанія соціологіи. 1898. II. Стран. 627—35. *Wallon.* Histoire de l'esclavage dans l'antiquité. 3 vol. 1879.

76) Ср. *Taine.* Les origines de la France contemporaine I томъ и *Stourm.* Les finances de l'ancien régime et de la révolution. 2 vol. 1885.

77) *Biedermann.* Deutschland's trübste Zeit oder der dreissigjährige Krieg in seinen Folgen für das deutsche Kulturleben. 1863.

78) По даннымъ для начала 1908 года, въ Германіи были 27,382 артели; онѣ имѣли больше $4^1/_4$ милліоновъ членовъ. Больше половины артелей служили интересамъ сельскаго хозяйства. *Вѣстникъ кооперациіи.* 1909. II. Стран. 177. Ср. также: *Sombart.* Die deutsche Volkswirthschaft im neunzehnten Jahrhundert. 1909. Стран. 369—73. *Чупровъ.* Мелкое земледѣліе и его основныя нужды. 1907. Стран. 77 — 96. *Тотоміанцъ.* Сельско-хозяйственная кооперація. 1908.

79) *Nitschke.* Einkommen u. Vermögen in Preussen. 1902.

80) *Howard.* Gartenstädte in Sicht. 1907.

81) *Mayr.* Moralstatistik. I. 1909. Стран. 180.

82) Труды комиссіи по вопросу объ алкоголизмѣ. IX. 1908. Стр. 1177.

83) Ср. *Levasseur.* La France. II. 1890. *Sombart.* Die deutsche Volkswirthschaft. Стран. 350—424. *May.* Die Wirthschaft in Vergangenheit, Gegenwart u. Zukunft. 1901.

84) Незначительность числа этихъ рабочихъ обнаруживается изъ такого сопоставленія. По даннымъ для Россіи за 1900 годъ, на фабрикахъ, которыя перерабатываютъ волокнистыя вещества, было занято около 576.000 работниковъ. Изъ нихъ неполныя 32.000 работали на фабрикахъ шелковыхъ издѣлій; вся же остальная масса была пріурочена къ фабрикамъ хлопчатобумажныхъ, льняныхъ, шерстяныхъ издѣлій и смѣшанныхъ тканей, т. е. къ заведеніямъ, которыя производятъ предметы необходимости. *Ежегодникъ Россіи.* 1908. Стран. 156.

85) *Bücher.* Die Entstehung der Volkswirthschaft. 1898. Der Niedergang des Handwerks.

86) См. поименованныя сочиненія *Levasseur'a*, *Sombart'a*, *May'a*.

87) Въ Германіи, по даннымъ за 1900 годъ, для этой цѣли служилъ 21% всей площади земли, въ Австріи, за 1906,—25,2%, въ Венгріи—21,4%, во Франціи—до 20%. См. *Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich.* 1909. *Keletie.* The Statesman's Yearbook. 1909.

88) За 10-лѣтіе 1895—904 годовъ ежегодное душевое потребленіе безводнаго спирта составляло 13,16 литровъ въ Бельгіи, 11,35 въ Даніи и 9,63 въ Германіи. А число осужденныхъ по приговорамъ всѣхъ судовъ составляло, за 1904 годъ, 61 въ Бельгіи, 130 въ Даніи, 124 въ Германіи. См. Алкоголизмъ и борьба съ нимъ. 1909. Стран. 35—37.

89) Ср. сочиненія о Японіи Chamberlain'a, Things Japanese, Дюмолара, Японія, Weulersse, Le Japon d'aujour-d'hui и другихъ.

90) Романъ *Синклэра* «Метрополисъ» укрѣпляетъ читателей въ убѣжденіи, что современные богачи окружаютъ себя еще большею роскошью, нежели богатые люди прошлаго.

91) Помощь голоднымъ. *Сочиненія.* 1903. XII.

92) *Исаевъ.* Міровое хозяйство. 1910. Стран. 231—35.

93) *Bloch.* Vom Tode. II. Стран. 65—68 и 73—74.

94) *Новое Время.* 1910. 25 апрѣля. Есть основаніе думать, что это сообщеніе исходитъ отъ Мэкензи Уоллеса, который могъ довольно близко знать Эдуарда VII.

95) *Bloch. Тамъ-же.* I. Стран. 20.

96) За 5-лѣтіе 1903 - 907 годовъ на 1 члена германскихъ кассъ для больныхъ приходилось отъ 7,02 (въ 1903) до 8 дней (въ 1907 году) такихъ болѣзней, въ теченіе которыхъ выдаются пособія. Въ 1907 году общее число членовъ достигло 12.138.966. *Vierteljahrshefte zur Statistik des Deutschen Reichs.* 1909. I. Стран. 30.

97) *Семевскій.* Крестьянскій вопросъ въ Россіи. 1888. I. Стран. 252—81. II. Стран. 529—70.

98) Въ концѣ апрѣля и началѣ мая 1910 года кіевская судебная палата разбирала дѣло 21 крестьянина Городненскаго уѣзда Черниговской губерніи. Подсудимые обвинялись въ томъ, что убили нѣсколько человѣкъ, которые слыли за опасныхъ погромщиковъ. Крестьяне не вмѣшивались, пока эти люди громили помѣщичьи усадьбы; расправа была произведена

только тогда, когда распространились слухи, что предстоитъ разгромъ и многихъ крестьянскихъ дворовъ. «Кошмарное дѣло». *Рѣчь*. 1910. 118. Я считаю типическимъ такое отношеніе сельскаго люда къ преступникамъ.

99) Что такое искусство? Стран. 118—32. Что такое религія и въ чемъ сущность ея? Стран. 226.

100) Превозносятъ сказанное Толстымъ противъ смертной казни. При этомъ забываютъ, что отъ временъ Беккаріа противники смертной казни подарили разнымъ отдѣламъ литературы много блестящихъ страницъ. Таковыхъ не мало и въ сочиненіяхъ, почти забытыхъ. Ср., напримѣръ, La potence въ Lettres sur l'Angleterre *Л. Блана* (т. I. 1866).

101) Что такое религія? Стран. 223.

КОНЕЦЪ.